

ФИЛИПП ГОЛИКОВ

**ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА
РАЗВЕДУПРА**

ИЮЛЬ 1940 ГОДА – ИЮНЬ 1941 ГОДА

100 лет ГРУ: дела и люди

Филипп Голиков

**Записки начальника Разведупра.
Июль 1940 года – июнь 1941 года**

«Алисторус»

2018

УДК 355/359
ББК 63.3

Голиков Ф. И.

Записки начальника Разведупра. Июль 1940 года – июнь 1941 года
/ Ф. И. Голиков — «Алисторус», 2018 — (100 лет ГРУ: дела и
люди)

ISBN 978-5-907024-60-1

В июле 1940 года Сталин назначил начальником советской военной разведки бывшего командующего 6-й армии Филиппа Голикова. В самые критически важные месяцы накануне Великой Отечественной войны этот человек руководил Разведупром Генштаба Красной Армии. Что именно он докладывал руководству СССР о планах Германии? Как он оценивал деятельность своих подчиненных? И какие важные и секретные поручения Вождя выполнял осенью 1941 года? Об этом и многом другом Филипп Голиков рассказал в своих «записках», которые много лет хранились в спецхране.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-907024-60-1

© Голиков Ф. И., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

От составителей	5
Филипп Иванович Голиков: жертва обстоятельств или виновник трагедии 1941 года?	7
Воспоминания	37
Материалы военной разведки	131
Приложения	225
Именной комментарий	231
Список сокращений	243

Филипп Голиков

Записки начальника Разведупра. Июль 1940 года – июнь 1941 года

От составителей

В апреле 1964 г. Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии в 1940–1941 гг., обратился в ЦК КПСС с предложением подготовить к изданию доступную широкому кругу читателей книгу о деятельности советской военной разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны. При написании данной книги маршал Голиков собирался использовать не только свои личные воспоминания, но и документы военной разведки, будучи убежден, что это можно сделать, отнюдь не раскрывая того, что не должно быть раскрыто. В то же время бывший начальник Разведывательного управления Генштаба Красной армии хотел, чтобы советские люди узнали о том, чем занималась военная разведка, «что имела и что дала политическому и военному руководству нашей страны перед нападением гитлеровской Германии»¹.

Надеясь дать в книге объективную оценку деятельности советской военной разведки, исключив тем самым многочисленные догадки и домыслы по данному вопросу, маршал Ф. И. Голиков сумел проделать большую подготовительную работу – выявил писательский актив из числа крупных, опытных и знающих военных разведчиков, разработал проект плана книги, наметил состав авторского коллектива. Вместе с тем, для того чтобы практически приступить к подготовке задуманного издания, требовались принципиальное согласие ЦК КПСС и содействие со стороны ГРУ.

Однако, к сожалению, в середине 1960-х гг. инициатива Ф. И. Голикова подготовить на основе архивных материалов книгу о деятельности советской военной разведки не была поддержана руководством КПСС и Министерства обороны СССР. Весной 1965 г. идеологический отдел ЦК КПСС согласился с мнением начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота генерала армии А. А. Епишева о нецелесообразности выпуска каких-либо открытых изданий по истории советской военной разведки на том основании, что данные о ее деятельности «в допустимых для широких кругов читателей содержатся в шестом томе “Истории Великой Отечественной войны”», о чем и было сообщено маршалу Голикову².

В дальнейшем Ф. И. Голиков неоднократно обращался в различные инстанции с просьбами дать разрешение рассказать в открытой печати о результатах работы военной разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны, поскольку считал, что в военно-исторической литературе этот вопрос, как правило, старательно обходится, хотя советские разведчики того времени внесли огромный вклад в дело обороны страны. И тем не менее ни одна попытка маршала не увенчалась успехом: при жизни ему удалось опубликовать только две книги мемуаров – о своем участии в Гражданской войне в России и в Московской битве.

Вместе с тем Ф. И. Голиков не оставил намерения поделиться с читателями воспоминаниями о своей деятельности на ответственном посту начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Так со временем появилась рукопись мемуаров, хронологически охватывающая период с июля 1940 г. по октябрь 1941 г., когда Ф. И. Голиков

¹ Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 16.

² Подробнее об этом см.: Исторический архив. 2008. № 3. С. 95–96.

возглавлял советскую военную разведку. Рукопись не была издана при жизни маршала, но она сохранилась в семейном архиве и теперь, в год 100-летия со дня образования Регистрационного управления Полевого штаба РВСР, выходит в свет под названием «Записки начальника Разведупра. Июль 1940 – июнь 1941 года».

Основу книги составили воспоминания Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова о его деятельности накануне и в начале Великой Отечественной войны, а также тематическая подборка архивных документов (в качестве второй, самостоятельной, части издания), включающая в себя документы советской военной разведки за 1940–1941 гг.³ и дневниковые записи начальника Разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова о пребывании советской военной миссии в Англии и США в июле – сентябре 1941 г.⁴ Кроме того, в издание включены аналитическая статья кандидата исторических наук О. В. Каримова о работе советской военной разведки под руководством Ф. И. Голикова, приложения, именной комментарий, содержащий краткие биографические сведения о советских разведчиках, список сокращений и иллюстративный материал.

Составители выражают сердечную благодарность и признательность семье маршала Ф. И. Голикова, и в первую очередь его внучке – Вере Олеговне Шелястиной, которая бережно сохранила творческое наследие своего деда и поддержала инициативу подготовки к изданию подобной книги. Слова благодарности составители адресуют также главному специалисту РГВА И. С. Месяц, оказавшей большую помощь в археографической обработке документов.

Книга маршала Ф. И. Голикова, издание которой приурочено к 100-летию создания советской военной разведки, рассчитана на самый широкий круг читателей, и прежде всего на тех, кто интересуется историей нашего Отечества.

³ Во второй части книги публикуются рассекреченные документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), при этом даты рассекречивания документов ЦАМО РФ указываются в подстрочных примечаниях.

⁴ Записная книжка Ф. И. Голикова, так же как и рукопись его воспоминаний, сохранилась в семейном архиве.

Филипп Иванович Голиков: жертва обстоятельств или виновник трагедии 1941 года?

Внезапность нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, несмотря на обилие научной и публицистической литературы, всегда привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей, простых читателей. Зачастую это связано с желанием найти главного виновника в трагедии 1941 г. Так уж сложилось, что обычно на эту роль выдвигают трех человек – генерального секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина, народного комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности Л. П. Берия и начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова.

Кроме того, ряд зарубежных исследователей, в частности немецкий историк Й. Хоффман, возлагает ответственность на бывшего наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова и его преемника С. К. Тимошенко, а также на начальника Генерального штаба Красной армии Г. К. Жукова. Основным же виновником называется начальник РУ ГШ КА Ф. И. Голиков, «который интерпретировал поступающую разведывательную информацию таким образом, чтобы она соответствовала взглядам Сталина относительно намерений Гитлера, считавшего, что тот до завершения борьбы с Великобританией не рискнет на открытие второго фронта против Советского Союза»⁵. Вместе с тем исследование Й. Хоффмана появилось достаточно давно и, естественно, не учитывало того, что когда-нибудь будет рассекречено огромное количество архивных документов военной разведки, что позволит посмотреть на данную проблему с другого ракурса. К сожалению, лишь немногие историки вступились в защиту бывшего начальника советской военной разведки Ф. И. Голикова. Среди них – доктор исторических наук, профессор В. А. Сахаров; доктор исторических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации В. И. Лота и доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Д. В. Гаврилов⁶.

Первым в нашей стране официальным обвинителем И. В. Сталина в трагедии начала Великой Отечественной войны стал Н. С. Хрущев, выступивший 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании делегатов XX съезда КПСС со своим знаменитым докладом «О культе личности и его последствиях». Позволим себе привести обширную цитату из этого выступления: «...Еще 3 апреля 1941 г. Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. [...] Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля, и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода, с тем чтобы-де не спровоцировать начало военных действий. Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками (выделено мной. – *О.К.*).

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 г. военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: «Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы

⁵ Нацистская Германия против Советского Союза: Планирование войны / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М., 2015. С. 34.

⁶ Сахаров В. Крушение мифа (Если бы Сталин поверил Зорге...) // Молодая гвардия. 1991. № 10. С. 232–238; Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005; Гаврилов Д. В. «Проявил себя как крупный военачальник» // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 33–39.

готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...» В своем донесении от 22 мая 1941 г. помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что "...наступление немецких войск назначено якобы на 15.06, а возможно, начнется и в первых числах июня..." В телеграмме нашего посольства из Лондона от 18 июня 1941 г. докладывалось: "Что касается текущего момента, то Криппс твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии и СССР, – и притом не позже середины июня. По словам Криппса, на сегодня немцы сконцентрировали на советских границах (включая воздушные силы и вспомогательные силы частей) 147 дивизий...". Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения»⁷.

Другим виновным был объявлен Л. П. Берия. В докладе «О культуре личности и его последствиях» его имя напрямую с событиями 1941 г. не связывалось, однако в исторической литературе периода 1950–1960-х гг. это было отражено. Например, таким образом: «В деле поддержания повышенной боевой готовности войск приграничных округов пагубную роль сыграла вражеская деятельность Берия»⁸.

Во время выступления Н. С. Хрущева в зале в качестве делегата XX съезда присутствовал и генерал-полковник Ф. И. Голиков, который, как и все остальные, слышал обвинения в адрес бывшего Верховного Главнокомандующего. Мы никогда не узнаем, что думал Голиков в этот момент, но можем предположить, что обвинения в адрес И. В. Сталина не могли не затронуть бывшего начальника советской военной разведки. Однако в этот раз «буря» пронеслась мимо: его фамилия в докладе не упоминалась.

В мае 1956 г. командующий отдельной механизированной армией генерал-полковник Ф. И. Голиков получил повышение и был назначен начальником Военной академии бронетанковых войск, а через полтора года – начальником Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. В 1959 г. Ф. И. Голиков получил звание генерала армии, а в 1961 г. стал Маршалом Советского Союза. Все это подтверждает тот факт, что при первом секретаре ЦК КПСС Н. С. Хрущеве никто претензий к Голикову не предъявлял. Вместе с тем, когда в 1962 г. маршал Голиков был переведен в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, он начал постепенно сдавать позиции и отходить на второй план. Окончательно Ф. И. Голиков утратил влияние в 1966 г., когда был выведен из состава ЦК КПСС. Незадолго до этого как раз и появилась новая точка зрения на виновников в тяжелых поражениях Красной армии в начале Великой Отечественной войны.

Стоит немного подробнее рассказать о герое данной статьи.

Филипп Иванович Голиков родился 3 (16) июля (по другим сведениям, 16 (29) июля) 1900 г. в деревне Борисово Зырянской волости Камышловского уезда Пермской губернии (ныне это Зырянский сельсовет Катайского района Курганской области). Отец Филиппа Голикова был военным, затем – сельским фельдшером, мать – крестьянка. Филипп окончил три класса сельской школы в 1911 г. и семь классов уездной гимназии в г. Камышлове Пермской губернии в 1918 г. В апреле 1918 г. вступил в РКП(б), а в мае того же года – в Рабоче-крестьянскую Красную армию. В октябре 1918 г. стал полковым корреспондентом дивизионной, а затем армейской газеты. В январе 1919 г. откомандирован на двухмесячные военно-агитаторские курсы в Петрограде. С марта 1919 г. был агитатором в полковой пулеметной команде 10-го Московского стрелкового полка Особой бригады 3-й армии Восточного фронта. В июле 1919 г. стал секретарем политотдела бригады, а в августе – инструктором-организатором политотдела

⁷ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 146–147.

⁸ Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года): Военно-исторический очерк. М., 1962. С. 45.

51-й стрелковой дивизии того же фронта. С сентября 1919 г. – работник Екатеринбургского военного комиссариата, с мая 1921 г. – начальник политотдела 217-й стрелковой бригады, с июня 1922 г. – начальник отделения политотдела Приуральского военного округа, с октября 1923 г. – начальник отдела политуправления Западно-Сибирского военного округа.

Последующие годы выдались такими же беспокойными и щедрыми на перемену мест. Ф. И. Голиков то преподавал в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева в Ленинграде, то сам учился: в 1929 г. окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, в 1931 г. сдал экстерном экзамены за военную школу. Помимо этого, занимал ответственные посты начальника агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского и Приволжского военных округов.

С ноября 1930 г. – военный комиссар, начальник политотдела и командир 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии. В 1933 г. заочно окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. При этом бывший политработник хорошо характеризовался уже и как строевой командир: «Будучи очень способным командиром с большим кругозором, с пытливым и не допускающим шаблона умом, с твердым и решительным характером, т. Голиков, несмотря на большие трудности, сумел стать грамотным командиром полка и вывести свой полк на первое место в ПриВО»⁹. С октября 1933 г. – командир 61-й стрелковой дивизии Приволжского военного округа. С сентября 1936 г. – командир 8-й отдельной механизированной бригады, а с июля 1937 г. – командир 45-го механизированного корпуса Киевского военного округа. С января 1938 г. – член военного совета Белорусского военного округа.

Будучи членом военного совета БВО, комкор Ф. И. Голиков принимал участие в работе аттестационных комиссий для назначений высшего командного состава округа. В 10-м издании (1990 г.) мемуаров Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» есть рассказ о том, как прошла беседа Ф. И. Голикова с комдивом Жуковым перед назначением последнего на должность командира 3-го кавалерийского корпуса. В процессе разговора собеседники перешли на повышенные тона в связи с тем, что были затронуты некоторые репрессированные лица, близко знакомые Жукову: комдив Д. Ф. Сердич (расстрелян 28 июля 1938 г.), комкор Е. И. Ковтюх (расстрелян 29 июля 1938 г.), комкор И. С. Кутяков (расстрелян 28 июля 1938 г.), комкор И. Д. Косоков (расстрелян 1 августа 1938 г.), комдив К. К. Рокоссовский (находился под арестом с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г.). Г. К. Жуков якобы заявил, что «по-прежнему считает их большими патриотами и честнейшими коммунистами»¹⁰.

Трудно сказать, говорил или не говорил эти слова комдив Жуков – подтвердить это можно, лишь проверив протокольную стенографическую запись, если она сохранилась в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, в фонде Белорусского военного округа или политических органов. (Возможно, кого-то из исследователей это заинтересует.) Тем не менее, согласно воспоминаниям Г. К. Жукова, назревающий конфликт погасил комкор В. М. Мулин, заявивший, что в донесении комиссара 3-го кавалерийского корпуса Н. А. Юнга, на которое опирался в разговоре Ф. И. Голиков, много необъективного¹¹.

Жуков, конечно, был назначен командиром корпуса, но эту историю не забыл. В 1964 г. он писал Н. С. Хрущеву и А. И. Микояну: «В 1937–1938 гг. меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член военного совета Белорусского военного округа Ф. И. Голиков (ныне маршал) и начальник ПУ РККА Мехлис, проводивший чистку командно-политического состава Белорусского ВО»¹². Сейчас неважно, заступался ли Жуков за репрессированных военачаль-

⁹ Цит. по: Алексеев М. «Верный вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939–1941 годы. М., 2017. С. 644.

¹⁰ Алексеев М. Указ. соч. С. 645.

¹¹ Там же. С. 645.

¹² Цит. по: Алексеев М. Указ. соч. С. 645.

ников или нет, важно, что если бы Голиков пытался «ошелмовать» Жукова, то легко мог бы использовать его слова в защиту «врагов народа». Однако этого не случилось.

Ф. И. Голиков был не согласен с обвинениями Жукова в свой адрес. Еще в 1944 г. он писал И. В. Сталину об одном из разговоров с будущим маршалом Победы: «Жуков считал и считает меня виновником попытки подвергнуть его партийным и служебным репрессиям. Я немедленно опроверг это мнение, указав, что, наоборот, я занимал обратную как раз позицию и что благодаря моему запрещению его большое партийное дело не было поднято»¹³. На наш взгляд, этим словам можно верить, и вот почему: с момента конфликта, якобы произошедшего в 1938 г., прошло не так много времени, поэтому его материалы должны были еще сохраниться и при любой проверке комиссия легко могла бы их получить и установить истину.

Но и сам Ф. И. Голиков в конце 1930-х гг. находился под угрозой ареста. Со слов его дочери – Нины Филипповны Голиковой – его «постигла участь многих наших выдающихся полководцев – в 1938 г. он был уволен из Красной армии»¹⁴, однако вскоре восстановлен в РККА. С ноября 1938 г. – уже командующий Винницкой армейской группой войск, с сентября 1939 г. – командующий 6-й армией, с которой участвовал в Польском походе РККА.

11 июля 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков был назначен начальником 5-го Управления Красной армии (но, в отличие от И. И. Проскурова, прежнего начальника управления, заместителем наркома обороны не стал). 26 июля 1940 г. 5-е Управление было переименовано в Разведывательное управление Генштаба. Так Ф. И. Голиков стал начальником Разведуправления – заместителем начальника Генерального штаба Красной армии¹⁵. Генерал Голиков впервые оказался не просто в центральном аппарате Народного комиссариата обороны, а в весьма специфическом его подразделении, служба в котором должна была предусматривать либо наличие специальной подготовки, либо опыт работы в разведке (или в революционном подполье). Ни того, ни другого у Голикова не было. Но это не смутило тех, кто назначил его руководить Разведывательным управлением Генштаба Красной армии, тем более что Ф. И. Голиков сменил И. И. Проскурова, который в октябре 1936 г. – накануне командировки в Испанию – был еще старшим лейтенантом, а в июне 1940 г. уже генерал-лейтенантом авиации¹⁶.

Вот что писал по поводу своего назначения сам Голиков: «Летом 1940-го я был назначен начальником центрального органа военной разведки – Разведывательного управления Наркомата обороны. Произошло это в июле месяце едва ли не в день моего сорокалетия. Полученный из Москвы приказ был столь же категоричным, сколь неожиданным для меня. Я командовал 6-й армией в городе Львове. Оставлять любимое дело не хотелось, тем более менять строевую работу на любую другую я не собирался, а жить в Москве вообще не помышлял. [...] О новом назначении со мной никто не беседовал, но приказ был получен и, вполне понятно, беспрекословно выполнен».

Заместителями генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова стали генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов (в разведку пришел 22 июня 1940 г. с должности помощника начальника Автобронетанкового управления Красной армии) и генерал-майор И. Г. Рубин (в разведку пришел в июле 1940 г. с должности командира 8-го стрелкового корпуса). Заместителем по политической части – начальником отдела политической пропаганды – стал бригадный комиссар

¹³ Там же. С. 645.

¹⁴ Интервью А. Гороховского в газете «ФАКТЫ» (Москва – Киев) от 19 июня 2002 г. См.: <http://fakty.ua/90307-buducshij-marshal-filipp-golikov-vozglavyavshij-v-nachale-sorokovyh-godov-glavnoe-razvedyvatelnoe-upravlenie-krasnoj-armii-prinimal-rody-u-svoej-zheny-kogda-ona-rozhala-shestogo-rebenka>. Однако материалами личного дела 1960–1970-х гг. это не подтверждается. (Примеч. О.К.)

¹⁵ Каримов О. В., Могильников В. А. «Это были профессионалы с сильной волей, богатым жизненным опытом и неистребимым желанием служить Отечеству» // Военно-исторический журнал. 2003. № 1. С. 58–63.

¹⁶ Из Москвы – в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.: В 2 т. / Сост. В. А. Арцыбашев, О. В. Каримов, И. Н. Волощенко. М., 2016. Т. 2. С. 139–140, 355.

И. И. Ильичев (в разведку пришел в мае 1938 г. после окончания Военно-политической академии им. В. И. Ленина).

Напомним, что Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии занималось агентурной разведкой за рубежом и руководило деятельностью разведывательных отделов штабов Киевского, Западного, Прибалтийского особого, Одесского, Ленинградского и других военных округов. Организацией зарубежной агентурной разведки занимались специалисты европейского, балканско-восточного, американского и дальневосточного отделов. Они осуществляли руководство работой более чем сотни зарубежных резидентур РУ ГШ КА, действовавших в 32 странах. Общая численность центрального аппарата советской военной разведки составляла 759 человек. Ее резидентуры действовали в Афганистане, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Италии, Иране, Ираке, Китае, Корее, Маньчжурии, Польше, Румынии, США, Швеции, Швейцарии, Франции, Чехословакии, Югославии, Японии и ряде других стран¹⁷.

В составе штабов перечисленных выше пяти военных округов на северо-западном, западном и юго-западном направлениях было пять агентурных отделений разведывательных отделов и тридцать приграничных разведывательных пунктов. Их агентурная сеть насчитывала около 850 разведчиков и агентов, действовавших в приграничных с Советским Союзом государствах¹⁸.

Таким образом, на территории некоторых стран находилось по две-три и более резидентур, которые добывали сведения военного, военно-политического, военно-экономического и военно-технического характера, крайне необходимые для укрепления обороноспособности СССР и развития отечественной оборонной и гражданской промышленности.

Однако деятельность органов НКВД по выявлению истинных и мнимых врагов народа отразилась и на военной разведке. Как докладывал генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров, за 1937–1940 гг. работниками внутренних органов было арестовано свыше 200 человек из агентурной сети Разведывательного управления, отчислено из частей центрального подчинения 365 человек. В органы военной разведки пришло свыше 326 новых сотрудников, большинство из которых не имели соответствующей подготовки¹⁹. «...Они были абсолютно не подготовлены решать задачи, поставленные перед разведкой. В Центральном Комитете партии считали, что в разведке, как, впрочем, и повсюду, самое главное – пролетарское происхождение, все остальное может быть легко восполнено. Такие мелочи, как понимание государственной политики, уровень культуры, военная подготовка, знание иностранных языков, значения не имели», – вспоминал генерал-майор в отставке В. А. Никольский²⁰.

Один за другим были репрессированы начальники Разведуправления РККА: армейский комиссар 2-го ранга Я. К. Берзин, комкор С. П. Урицкий, старший майор госбезопасности С. Г. Гендин, комдив А. Г. Орлов. Практически полностью сменился состав заместителей и помощников начальника управления: были репрессированы корпусной комиссар А. Х. Аргузов, полковой комиссар А. Л. Абрамов-Миров, старший майор госбезопасности М. К. Александровский, корпусной комиссар Л. Н. Захаров-Мейер, комдив А. М. Никонов и многие другие опытные разведчики.

Из-за репрессий сотрудников советской военной разведки возможности большинства добывающих резидентур РУ ГШ КА по выполнению заданий командования были серьезно ограничены. Это нашло свое отражение в Акте о приеме Народного комиссариата обороны СССР Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко от Маршала Советского Союза

¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 96–97.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Колпакиди А. И. Энциклопедия военной разведки России. М., 2004. С. 78.

²⁰ Никольский В. Аквариум-2. М., 1999. С. 29.

К. Е. Ворошилова. В этом документе, который датируется 7 мая 1940 г., отмечалось следующее: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Работа Разведуправления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведуправления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту принятия Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены»²¹.

Филипп Иванович Голиков после назначения на новую должность заметно активизировал работу по укреплению зарубежных аппаратов советской военной разведки, от которых напрямую зависели количество и качество добываемых разведывательных сведений.

В то же время назначение генерала Голикова вызвало далеко не однозначную реакцию у ряда сотрудников Разведуправления. При этом они не всегда были объективны – здесь, скорее всего, срабатывал корпоративный «дух» и замкнутость разведывательного сообщества. Так, М. И. Полякова, сама относительно недавно пришедшая в разведку (в 1932 г.), но, правда, имевшая за плечами одногодичную нелегальную командировку в Швейцарию (в 1936–1937 гг.), охарактеризовала Ф. И. Голикова следующим образом: «Это был неплохой вояка, но совершенно не понимающий специфики нашей работы. Сталина он очень боялся. Работать стало трудно. Мнение Сталина для начальника разведки значило больше, чем донесения собственной агентуры. Когда Кегель (наш человек в немецком посольстве в Москве) за несколько часов до войны в очередной раз подтвердил точную дату нападения немцев, Голиков собственной рукой написал на этом донесении: “Видимо, дезинформация...”»²².

Насколько М. И. Полякова была права и объективна в своих оценках? Разве она обладала всей полнотой информации, которая проходила через начальника РУ ГШ КА? Нет. Она занималась только своим важным, но достаточно узким участком работы, будучи старшим помощником начальника одного из отделений одного (выделено мной. – *О.К.*) из отделов РУ ГШ КА, отвечавшего за организацию разведки в нескольких европейских странах. Рассуждать в послевоенное время о том, что сделал и что не сделал начальник Разведупра накануне войны, достаточно легко и безопасно...

Любопытно также, что предыдущего начальника Разведуправления М. И. Полякова характеризовала несколько по-иному: «Проскуров – человек еще молодой, прошедший Испанию, не имевший понятия о нашей работе, но умный, способный и серьезно относившийся к делу, старавшийся изучить и освоить его... Проскуров быстро входил в курс дела, становился талантливым руководителем»²³.

По приведенным цитатам видно, что отношение Поляковой к Проскурову гораздо более лояльное, чем к Голикову, хотя уровень военного образования у генерала Голикова был выше и позволял осуществлять руководство Разведывательным управлением, невзирая на его специфику. Другое дело, что Голиков с высоты своего опыта был, вероятно, и гораздо жестче с подчиненными, что могло вызвать естественную неприязнь. Проскуров же подвергся репрессиям, и это также добавило сочувственных ноток в характеристику, данную ему М. И. Поляковой.

Другой бывший сотрудник Разведуправления, в описываемый период подполковник, В. А. Новобранец в 1950–1960-е гг. писал: «Близко соприкасаясь по работе, почти ежедневно бывая на докладе, я изучал нового начальника Разведупра. И у меня сложилось тогда о нем определенное мнение. [...] На лице всегда дежурная улыбка, и не знаешь – то ли потому, что хорошо доложил, то ли потому, что доложил плохо. Я не заметил у него проявлений опреде-

²¹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 97.

²² Цит. по: Колпакиди А. И. Указ. соч. С. 78.

²³ Цит. по: Алексеев М. Указ. соч. С. 620.

ленного своего мнения. Давая указания, он говорил: “Сделайте так или можно так...” Уходя, я так и не знал, как же сделать. Если я делал по своей инициативе или по его указанию, но неудачно, он всегда подчеркивал: “Я вам таких указаний не давал” или “Вы неправильно меня поняли”. За такое руководство мы его не уважали. Поступал он так, потому что просто не знал, какие дать указания. Он часто ходил на доклад к Сталину, после чего вызывал меня и ориентировал в том, как думает “хозяин”, и очень боялся, чтобы наша информация не разошлась с мнением Сталина»²⁴. По тексту мемуаров Новобранца хорошо видно, что они достаточно тенденциозны, едки, злы, и их детальному разбору необходимо посвятить отдельную работу²⁵.

К послевоенным воспоминаниям Василия Андреевича Новобранца, впервые опубликованным в 1990 г., можно было бы отнестись как к объективному изложению событий, если бы он сам к моменту прихода Голикова в РУ был опытным разведчиком или аналитиком. Однако в разведку В. А. Новобранец пришел лишь в апреле 1940 г., то есть на три (!) месяца раньше Ф. И. Голикова²⁶. Поменяв несколько военно-учетных специальностей, волею судеб оказавшись в достаточно молодом возрасте на одном курсе Военной академии им. М. В. Фрунзе с будущими Маршалами Советского Союза И. Х. Баграмяном и И. С. Коневым, генералом армии А. С. Жадовым, маршалом бронетанковых войск П. С. Рыбалко, генерал-лейтенантом А. Г. Самохиным и позднее вновь на одном курсе с И. Х. Баграмяном уже в Академии Генерального штаба, В. А. Новобранец после Великой Отечественной войны, очевидно, ощутил себя недооцененным и ущемленным в своем профессиональном росте. Отсюда, скорее всего, и критика практически всех и вся.

Объективный читатель обратит внимание, что в мемуарах Новобранца почти все его начальники, за редким исключением (с ними подполковник был, как говорится, «на дружеской ноге» или на «ты»), были сплошь недоумками, которые не прислушивались к его «компетентному» мнению. Вот и Ф. И. Голиков попал в число таких «недальновидных» начальников. В особенности ему досталось за пресловутую разведывательную сводку № 8 (декабрь 1940 г.), посвященную подготовке Германии к войне.

К этому мы вернемся чуть позже, а сейчас отметим: с учетом того, что с середины 1930-х гг. Германия воспринималась как основной противник Советского Союза на Западе, добытию сведений о ней и ее вооруженных силах уделялось огромное внимание.

Еще летом 1937 г. военный атташе при полпредстве СССР в Германии комбриг А. Г. Орлов предупреждал, что пока позиция немецкого генерального штаба²⁷ является для Гитлера сдерживающим фактором, но в будущем эта позиция может измениться, поскольку «полная готовность армии предполагается к осени 1938 г., а всего плана подготовки страны к войне – к 1940 г. В дальнейшем следует ожидать с началом войны активной обороны на Западе и основного удара на Восток, главным образом в юго-восточном направлении и по прибалтам»²⁸. Однако к моменту прихода Ф. И. Голикова в разведку бывший советский военный атташе в Германии, а позднее исполняющий обязанности начальника РУ РККА комдив А. Г. Орлов уже полгода как был расстрелян.

В условиях начавшейся Второй мировой войны основной задачей Разведуправления Генштаба Красной армии являлось добывание упреждающих сведений об угрозах, которые могли

²⁴ Новобранец В. А. «Я предупреждал о войне Сталина»: Записки военного разведчика. М., 2009. С. 72–73.

²⁵ В конце апреля – начале мая 2009 г. большую статью под названием «Кто вы, полковник Новобранец?» с критикой данных мемуаров опубликовал в четырех номерах газеты «Красная Звезда» некто В. Булатов. В той же газете в июне – июле того же года ему оппонировал сын В. А. Новобранца – А. В. Новобранец – в статье «Сын за отца». (Примеч. О.К.)

²⁶ В Разведуправлении В. А. Новобранец был заместителем начальника информационного отдела по Востоку (с августа 1940 г.), и.о. начальника того же отдела (с ноября 1940 г.). В мае 1941 г. Новобранца назначили начальником РО штаба 6-й армии. (Примеч. О.К.)

²⁷ А. Г. Орлов имел в виду генеральный штаб сухопутных войск. (Примеч. О.К.)

²⁸ Владимиров О. В. «Принадлежал к числу тех патриотов, о которых остаются лишь краткие биографические сведения в справочной литературе» // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 17.

исходить от Германии и ее союзников. За период с 1 июня 1940 г. по 22 июня 1941 г. в РУ ГШ КА от руководителей зарубежных резидентур советской военной разведки поступило около 270 донесений, в которых было отражено нарастание угрозы войны со стороны гитлеровской Германии. Из этих 270 донесений 129 были доложены высшему политическому и военному руководству страны²⁹. В указанный период Разведывательным управлением как раз и руководил генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, который, по мнению М. И. Поляковой и В. А. Новобранца, докладывал И. В. Сталину лишь то, что тому хотелось услышать.

Кроме того, именно Голиков обратил внимание руководства Наркомата обороны на то, что не разведка виновата в ряде прошлых неудач Красной армии, а отсутствие интереса у командосостава к документам разведки. В одной из докладных записок начальник Разведупра отмечал: «Командно-начальствующий состав в своей практической работе не использует информационный материал по опыту современных войн и недостаточно изучает организацию, тактику и технику иностранных армий. Изучение опыта войн будет тем более плодотворным, когда командно-начальствующий состав ЦУ НКО будет изучать справочно-информационную литературу, издаваемую Разведупром (Разведсводки по Западу и Востоку, справочники по иностранным армиям)»³⁰. За подобный демарш в июле 1940 г. был переведен на другое место службы начальник 5-го Управления Красной армии – заместитель наркома обороны СССР генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров. Справедливость требует сказать, что Ф. И. Голиков проинформировал не наркома обороны или начальника Генерального штаба напрямую, а начальника Управления делами НКО СССР, который отвечал за доведение до органов военного управления приказов, директив и других документов.

Начальник РУ ГШ КА направлял высшему политическому руководству страны специальные сообщения (далее – спецсообщения) по конкретным военным и военно-политическим вопросам, донесения отдельных резидентов (доклады или шифртелеграммы), разведывательные сводки и сводки по военно-технической информации. Как установил доктор исторических наук В. И. Лота, информационные сообщения советской военной разведки направлялись по двум спискам. В 1940 г. в первый список входили: И. В. Сталин, В. М. Молотов (председатель СНК СССР и нарком иностранных дел СССР), Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (нарком обороны СССР) и генерал армии К. А. Мерецков (начальник Генерального штаба Красной армии). С февраля по июль 1941 г. вместо Мерецкова в первый список был включен новый начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков. Во второй (расширенный) список входили: И. В. Сталин, В. М. Молотов, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов (заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР), С. К. Тимошенко, генеральный комиссар государственной безопасности Л. П. Берия (нарком внутренних дел СССР), адмирал Н. Г. Кузнецов (нарком ВМФ СССР), А. С. Щербаков (первый секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б)), А. А. Жданов (первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)), Г. К. Жуков. Иногда во второй список включались Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников (с августа 1940 г. заместитель наркома обороны СССР) и Маршал Советского Союза С. М. Буденный (первый заместитель наркома обороны СССР).

Однако, по нашему мнению, такое однозначное разделение военного и политического руководства СССР на два списка неверно. Списков должно быть больше, поскольку в расчете рассылки документов можно увидеть фамилии таких государственных и военных деятелей, как А. И. Микоян (заместитель председателя СНК СССР), Маршал Советского Союза Г. И. Кулик (заместитель наркома обороны СССР), армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис (заме-

²⁹ Подсчитано доктором исторических наук В. И. Лотой. См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 98.

³⁰ Подробнее см. документ № 8 во второй части данной книги.

стител ь наркома обороны СССР и начальник Главного политического управления Красной армии, а с сентября 1940 г. – заместитель председателя СНК СССР), армейский комиссар 1-го ранга Е. А. Щаденко (член Главного военного совета Красной армии), генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин (начальник Оперативного управления Генштаба Красной армии), генерал-лейтенант И. В. Смородинов (заместитель начальника Генштаба Красной армии), генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич (генерал-инспектор ВВС Красной армии), генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов (начальник Главного управления ВВС Красной армии, а в феврале – апреле 1941 г. еще и заместитель наркома обороны СССР по авиации), армейский комиссар 2-го ранга А. И. Запорожец (начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии), генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев (первый заместитель, а с апреля 1941 г. – начальник Главного управления ВВС Красной армии) и др.

В фундаментальной 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», вышедшей в свет в 2012–2015 гг., приведено условное разделение документов, раскрывавших подготовку Германии к нападению на Советский Союз, на три группы. К первой группе отнесены донесения о предварительной подготовке Германии к войне (июнь – декабрь 1940 г.), в которых содержалась информация об укреплении блока профашистских государств, принятии Гитлером решения о войне против СССР, перебросках германских войск с Запада на Восток, ограничении советско-германских торгово-экономических связей.

Во второй половине 1940 г. зарубежные резидентуры в Берлине, Будапеште, Бухаресте, Варшаве, Женеве, Софии и Токио более 25 раз сообщали в Центр о том, что военно-политическое руководство Германии изменило отношение к СССР. На основе донесений резидентов, поступивших в РУ ГШ КА, было подготовлено пять специальных сообщений и восемь разведывательных сводок³¹. Однако количество спецсообщений в 6-м томе «Истории Великой Отечественной войны» указано неточно: только за период с 28 сентября по 30 декабря 1940 г. их насчитывается не менее 10 (спецсообщения от 28 сентября, 18 и 30 октября, два – от 4 ноября, 5, 9 и 22 ноября, 10, 14 и 30 декабря 1940 г.)³².

В Разведуправление Генштаба Красной армии с различной степенью регулярности поступала информация от таких сотрудников разведки и агентов, как Курт и Маргарита Велкиш (псевдонимы «АБЦ» и «ЛЦЛ»), И. Венцель («Герман»), капитан К. Л. Ефремов («Паскаль»), Р. Зорге («Рамзай»), Г. Кегель («ХВЦ»), У. Кучински («Соня»), полковник Н. Г. Ляхтеров («Марс»), Ш. Радо («Дора»), полковник Н. Д. Скорняков («Метеор»), Л. Треппер («Отто»), генерал-майор В. И. Тупиков («Арнольд»), Р. фон Шелиа («Ариец»), И. Штебе («Альта»), а также от других разведчиков, действовавших в Англии, Бельгии, Болгарии, Румынии, Франции, Швеции и Японии.

Сообщения о нарастании угрозы войны со стороны фашистской Германии и ее потенциальных союзников подвергались тщательному анализу для выявления дезинформационных материалов. В частности, этой работой занимался и подполковник В. А. Новобранец. Вот что по этому поводу он написал в своих мемуарах: «...Поступающая информация из-за рубежа накапливалась на определенных направлениях. Ее нужно было критически оценить, сопоставить с имеющимися данными, отсеять недостоверные факты и вскрыть возможную дезинформацию (“дезу”). [...] Мне пришлось начать работу с “азов”. Целыми днями до позднего вечера просиживал я в управлении, присматривался к людям и изучал технику работы. [...] Они (товарищи по работе. – *О.К.*) хорошо знали свое дело, но, как это часто случается, у них установились некие шаблоны и традиции, мешавшие гибкости информационной работы. Я, будучи свежим человеком, довольно быстро отметил некоторые недостатки этой работы. Все сведения находились в распыленном состоянии по отдельным вопросам. Не было сводных документов,

³¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 98–99.

³² См. документы № 11, 16, 18, 20–23, 26–29 во второй части данной книги.

отвечающих, например, на такие вопросы: сколько дивизий может выставить против нас та или иная страна, как они могут быть вооружены, в какой группировке и на каких направлениях развернуты»³³.

Лишь после глубокого анализа добытого материала и на его основе сотрудники информационного отдела РУ готовили соответствующие разведывательные сводки и спецсообщения. Так, 29 августа 1940 г. было подготовлено специальное сообщение «Состав и группировка немецких войск в Восточной Пруссии и на территории Польши на 25 августа 1940 г.»³⁴. В нем отмечалось, что «всего свыше 70 дивизий, то есть 1/3 сухопутных войск германской армии, сосредоточено на Востоке против СССР, из них до 50 дивизий, все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке»³⁵.

Добытые зарубежными резидентурами разведывательные сведения направлялись в Генеральный штаб и использовались для оценки сил вероятных противников СССР на Западе и Востоке. Так, 18 сентября 1940 г. нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал армии К. А. Мерецков представили И. В. Сталину и В. М. Молотову докладную записку «Об основах развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940 и 1941 гг.». В ней указывалось, что основным, наиболее сильным противником СССР является Германия, имеющая развернутыми до 205–226 пехотных дивизий (в том числе до 8 моторизованных), 15–17 танковых дивизий, а всего – до 243 дивизий, 10 000 танков и от 14 200 до 15 000 самолетов.

Ход военных действий в Западной Европе позволял Германии перебросить большую часть сил к границам СССР. Сообщалось, что всего против СССР Германия может развернуть 173 пехотные дивизии, 10 000 танков и 13 000 самолетов; Румыния – 30 пехотных дивизий, 250 танков, 1100 самолетов; Венгрия – 15 пехотных дивизий, 300 танков, 600 самолетов; Финляндия – 15 пехотных дивизий, 400 самолетов. Всего: 233 пехотные дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов³⁶.

Вместе с тем в докладной записке от 18 сентября 1940 г. отмечалось, что Генеральный штаб Красной армии не располагал к этому времени документальными данными, отражающими оперативные планы вероятных противников как на Западе, так и на Востоке. Это был серьезный недостаток, явившийся следствием репрессий.

Позднее в деле добывания важных сведений о гитлеровских планах в отношении СССР наиболее существенных успехов достигла И. Штебе. Так, 29 сентября 1940 г. ее информация со ссылкой на источник «Ариец» (Р. фон Шелиа) поступила в Центр: «Гитлер намерен весной разрешить все вопросы на Востоке военными действиями»³⁷.

2 октября 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков подписал очередную разведывательную сводку «О переброске германских войск на Восток, их составе и группировке в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши на 25 сентября 1940 г.» и направил ее И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. П. Берия, Н. Г. Кузнецову, Н. Ф. Ватутину и Т. Ф. Корнееву. Сводка явилась логическим продолжением спецсообщения от 29 августа 1940 г. и показывала динамику роста численности немецких войск на приграничной с СССР территории: «На 25 сентября в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши установлено – 70 пех[отных] дивизий, 5 моторизованных дивизий, 7–8 танковых дивизий и 19 кав[алерийских]

³³ Новобранец В. Указ. соч. С. 63.

³⁴ В данной книге не публикуется. (Примеч. О.К.)

³⁵ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 99.

³⁶ 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 237–238.

³⁷ Там же. С. 274.

полков, что в сравнении с августом дает увеличение на 8 пех[отных] дивизий, 2 моторизованные дивизии (выделено мной. – *О.К.*)»³⁸.

11 октября 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков был впервые принят И. В. Сталиным для доклада. Встреча происходила с глазу на глаз и длилась 40 минут – с 21:45 до 22:25³⁹. К сожалению, сейчас невозможно сказать, что именно Ф. И. Голиков мог докладывать, почему состоялась эта встреча, что экстраординарного он сообщил советскому лидеру. Можно только предположить, что это был доклад, подготовленный на основе упомянутой выше разведывательной сводки, или доклад, основанный на информации источника в германском посольстве в Москве об экономических отношениях Германии и Советского Союза⁴⁰. Как теперь стало известно, этим источником был Герхард Кегель («ХВЦ»).

После того как Голиков вышел, к Сталину одновременно, в 22:30, зашли: Жданов, Андреев, Маленков, Молотов. С небольшим опозданием – Микоян, Булганин, Вознесенский. Позднее, в 23:05, прибыл Берия. Все перечисленные вышли от Сталина в 00:50. Сеем предположить, что первые полчаса в кабинете советского лидера обсуждалась информация, полученная по линии военной разведки, а после этого был заслушан доклад наркома внутренних дел, подготовленный на основе сведений, добытых внешней разведкой.

Где же здесь боязнь Сталина, которая якобы была присуща Голикову?

Тем не менее В. А. Новобранец в своих мемуарах продолжает утверждать: «О положении дел на наших границах я регулярно докладывал генералу Голикову. Он внимательно меня выслушивал, но первое время своего мнения не высказывал. Я объяснял это тем, что он в разведке человек новый (пишет более «опытный» разведчик. – *О.К.*) и не успел еще во всем разобраться. Правда, однажды он проявил особый интерес к группировке немецких войск в Румынии. Мы называли ее тогда “группой Бласковица”. Наличие ее в Румынии также красноречиво свидетельствовало о намерениях Германии»⁴¹.

Очевидно, автор мемуаров имел в виду одно из следующих спецсообщений РУ ГШ КА:

– «О перевозках и сосредоточении германских войск на Балканах» от 30 октября 1940 г.;

– «Ход сосредоточения германских войск в Румынии» от 5 ноября 1940 г.;

– «О перебросках немецких войск на Балканы и возможном выступлении Германии против Греции» от 9 ноября 1940 г.;

– «О новых перегруппировках немецких войск на Балканах» от 10 декабря 1940 г.⁴²

Все эти спецсообщения были разосланы с разным расчетом рассылки, но Сталин, Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Берия, Кузнецов, Кулик, Шапошников, Щаденко, Буденный, Мерецков, Рычагов, Ватутин, Виноградов, Смородинов, Корнеев и Запорожец свои экземпляры получили, что опровергает, таким образом, обвинения В. А. Новобранца.

Осенью 1940 г. советская военная разведка установила и доложила, что Германия осуществляет скрытые перевозки своих войск в Чехословакию, Польшу и Восточную Пруссию. При этом «военнослужащие были переодеты в гражданскую одежду, а военные грузы маскировались под сельскохозяйственные»⁴³.

В ноябре 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков трижды находился на докладе у И. В. Сталина:

³⁸ Подробнее см. документ № 12 во второй части данной книги.

³⁹ 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 282.

⁴⁰ Об этом подробнее см. документ № 14 во второй части данной книги.

⁴¹ Новобранец В. Указ соч. С. 80.

⁴² См. документы № 18, 22, 23, 27 во второй части данной книги.

⁴³ Новобранец В. Указ соч. С. 76.

20 ноября – с 23:40 до 00:15 (докладывал вместе с Герасимовым⁴⁴), на этом докладе присутствовал только В. М. Молотов. Там, вероятно, обсуждалось агентурное сообщение о задачах германской делегации на хозяйственных переговорах между СССР и Германией⁴⁵.

22 ноября – с 19:45 до 20:45, на этом докладе присутствовали Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Микоян, Берия, Мерецков и Серкин.

25 ноября – совместно с Тимошенко и Мерецковым с 19:30 до 20:35⁴⁶.

Во время двух последних посещений, вероятно, обсуждались переброски немецких войск на Балканы и в Румынию для возможного вторжения в Грецию, а также сосредоточение на границе с Грецией болгарских войск⁴⁷.

По подсчетам В. И. Лоты, подготовленные в течение 1940 г. восемь разведывательных сводок по Западу содержали в общей сложности 186 статей, освещавших положение в европейских странах. Из них государствам гитлеровского блока было посвящено 125 статей: Германии – 56; Италии – 22; Румынии – 16; Финляндии – 18; Венгрии, Словакии и Болгарии – 13. Из 56 статей по Германии: 12 освещали боевой состав германских войск, их группировку и численность; 3 – боевые действия немецких войск в Европе; 2 – военно-стратегические планы Германии; 2 – мобилизационные мероприятия; 4 – инженерную подготовку театра военных действий и строительство укрепрайонов, 12 – состояние военно-воздушных сил; 1 – состояние военно-морских сил; 6 – экономику Германии; 1 – политическую пропаганду в немецких войсках; 3 – боевую подготовку войск; 2 – военную технику вермахта; 1 – положение в оккупированных странах⁴⁸ и 7 – по другим вопросам.

Ни одна из упомянутых выше сводок не получила такой известности, как разведсводка № 8. Это произошло благодаря мемуарам В. А. Новобранца, в которых их автор описывает себя борцом с «лакированием действительности», а Голикова – перестраховщиком, боящимся собственной тени. Ранее мы уже давали характеристику воспоминаниям Новобранца, поэтому к приведенным ниже цитатам необходимо отнестись с определенной долей скепсиса.

В своих мемуарах В. А. Новобранец, в частности, описал ситуацию, когда он в ноябре-декабре 1940 г. подготовил некую «мобзаписку», в которой «для молниеносной войны мы определяли количество дивизий (противника. – *О.К.*) около 220, для длительной – 230. И приложили карту-схему, на которой были показаны существующие группировки немецких войск на наших границах и возможные варианты направления их действий. [...] Начальник Разведупра долго с видимым интересом рассматривал схему. Наши мнения с ним во многом разошлись. Он считал, что на первом этапе войны главный удар будет нанесен по Украине в направлении Киева, а на схеме главный удар показан, исходя из группировки, – на Москву. Просмотрев “записку” и схему, Голиков сказал: “Ваши соображения верны, но это только ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ! (выделено в тексте мемуаров. – *О.К.*). Реально этих группировок нет”. [...] Генерал молча взял мою “мобзаписку”, положил в сейф и сказал: “Можете идти, вы свободны”. Много позже, уже после войны, мне стало известно, что эта “мобзаписка” пролежала у него без движения до самого начала войны. [...]”⁴⁹ После этого между мною, вернее, между информотделом и генералом Голиковым установились весьма странные отношения. На каж-

⁴⁴ Очевидно, с полковником А. В. Герасимовым, бывшим помощником советского военного атташе в Германии (декабрь 1934 – июль 1940), с июля 1940 г. – начальником отдела внешних сношений РУ Генштаба Красной армии. (Примеч. *О.К.*)

⁴⁵ См. документ № 19 во второй части данной книги. На документе имеется помета И. В. Сталина: «Мой архив». (Примеч. *О.К.*)

⁴⁶ 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 331.

⁴⁷ См. документы № 23–26 во второй части данной книги.

⁴⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 101.

⁴⁹ Откуда В. А. Новобранец мог узнать об этом? Кто из бывших сотрудников информационного отдела, допустим вскрывавших сейф Ф. И. Голикова после отъезда последнего в Лондон, сообщил бы об этом офицеру, по-бывавшему в немецком плену, пусть и прошедшему проверку? На наш взгляд, это голословные утверждения, имеющие целью усилить эффект обвинений в адрес Ф. И. Голикова. (Примеч. *О.К.*)

дом докладе генерал “срезал” у меня по несколько дивизий, снимая их с учета, как пешки с шахматной доски. Никакие мои возражения на него не действовали. Мне стало неприятно ходить к нему на доклад. Для докладов я стал посылать начальника немецкого отделения полковника Гусева. Они старые сослуживцы, и я полагал, что Гусеву удастся убедить Голикова в реальности немецких дивизий, в реальности непрерывно нарастающей угрозы»⁵⁰.

Однако дивизии были «срезаны» и у Гусева. Это очень не понравилось подполковнику Новобранцу, и он с возмущением пришел к генералу Голикову выразить свое недовольство. «Я не согласен с вашей практикой “срезать” количество дивизий, которые мы указываем. Уже подошло время выпускать очередную сводку по Германии, а я не могу ее выпускать в искаженном виде», – заявил В. А. Новобранец⁵¹. На эту тираду Ф. И. Голиков, достав из сейфа лист бумаги, ответил: «Вот действительное положение на наших границах. Здесь показано 35–40 дивизий, а у вас сто десять. [...] Это дал нам югославский атташе полковник Путник. Эти же данные подтвердил и наш агент из немецкого посольства в Москве (очевидно, Г. Кегель. – О.К.). Этим же данным верит и наш “хозяин” [...]. Поэтому не будем спорить, выпускайте сводку по этим данным»⁵².

В свою очередь, Новобранец заявил Голикову, что без проверки этих данных не может выпускать разведывательную сводку, и попросил схему для внимательного изучения в отделе. Как пишет далее Новобранец, при изучении схемы Путника «для всех нас стало ясно, что перед нами обыкновенная немецкая “деза”. [...] Не знаю, был ли полковник Путник немецким агентом, но совершенно очевидно, что он подсунил нам немецкую дезинформацию. Мы подозревали, что наш агент из немецкого посольства тоже явный дезинформатор»⁵³. По мнению подполковника, сначала дезинформация попадала в агентурную сеть НКВД, затем через наркома внутренних дел Берия докладывалась Сталину, а оттуда уже навязывалась Разведывательному управлению Генштаба⁵⁴.

Как пишет далее В. А. Новобранец, «подходило время выпускать сводку по Германии, а у нас еще продолжались долгие и мучительные дискуссии о том, сколько же немецких дивизий на наших границах и куда Гитлер нацеливает удар – на Англию или СССР?»⁵⁵. Согласно утверждениям автора, он не мог отправить в войска и органы военного управления неверные данные и решил отправить сводку без ведома начальника Разведупра, т. е. нелегально отпечатать тираж и начать рассылку сводки в войска. Лишь потом с сигнальным экземпляром Новобранец прибыл к генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову для утверждения сводки. Вот как это описано в мемуарах:

«Я стою молча и внимательно изучаю его лицо. Сначала увидел на нем удивление, потом недоумение и, наконец... грозу! [...]

– Вы что-о? Вы хотите спровоцировать нас на войну с Германией? [...] Я не утверждаю эту сводку! Запрещаю ее рассылать в войска! Приказываю уничтожить весь тираж!

Спокойным ровным голосом говорю:

– Товарищ генерал, это невозможно сделать. Сводка уже в войсках. [...]

– Ка-ак? Вы... вы отправили сводку без моего разрешения?

– Да, товарищ генерал, отправил. Я считаю это дело серьезным, всякое промедление в данном случае – преступление. [...] Я начальник информационного отдела. Я подписываю сводку и отвечаю за нее головой. Положение на западной границе весьма серьезное, и молчать

⁵⁰ Новобранец В. Указ. соч. С. 82–83.

⁵¹ Там же. С. 84.

⁵² Там же. С. 84.

⁵³ Там же. С. 84.

⁵⁴ Новобранец В. Указ. соч. С. 85.

⁵⁵ Там же. С. 89.

об этом нельзя. А так как наши взгляды на положение дел разошлись, прошу вас устроить мне личный доклад начальнику Генштаба. Если же вы это мне не устроите, буду искать другие пути. [...]

– Хорошо, товарищ подполковник, я устрою вам личный доклад начальнику Генерального штаба! – в тоне голоса слышалась скрытая угроза. – Можете идти. Вы свободны»⁵⁶.

Насколько правдива эта история? Нет ничего особенного в том, что исполняющий обязанности начальника информационного отдела подполковник В. А. Новобранец подписал саму сводку (выделено мной. – *О.К.*). Для генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова не составило бы никаких проблем отозвать сводку обратно для уничтожения – такая практика существует для утративших свою актуальность документов. Удостовериться же в том, кто прав, а кто нет, можно лишь в том случае, если удастся найти сопроводительное письмо к данной разведсводке и установить, кто (выделено мной. – *О.К.*) подписал его. Если В. А. Новобранец, то история правдива, если сопроводительное письмо подписал Ф. И. Голиков, то мемуарист лжет. Надеемся, что кто-нибудь из исследователей разберется в этом вопросе.

Как далее вспоминает Новобранец, после разговора с начальником Разведупра он приступил к подготовке очередного спецсообщения в адрес высшего военного и политического руководства с приложением разведсводки № 8, основная мысль которой была такова: «Установлено увеличение германских войск против наших западных границ. Это требует к себе серьезного внимания, так как общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ»⁵⁷.

То, как командование Красной армии учитывало данные разведки и опыт ведения боевых действий в ходе Второй мировой войны, можно увидеть на следующем примере. В декабре 1940 г. в Москве состоялось Сопровождение руководящего состава Красной армии, а в январе 1941 г. были организованы две оперативно-стратегические игры на картах. Эти мероприятия сыграли важную роль в повышении уровня подготовки высшего командного состава Красной армии в области тактики, оперативного искусства, военной стратегии, наступательных и оборонительных действий всех родов войск. Уже после Великой Отечественной войны о своем участии в Сопровождении руководящего состава Красной армии маршал Ф. И. Голиков писал так: «На нем (т. е. на совещании. – *О.К.*) мне была предоставлена возможность двукратного выступления. В первом из них, основном, мною от имени ГРУ участники совещания были обстоятельно ознакомлены с тем, как велось немецкое генеральное наступление [...] против объединенных сил Франции, Англии, Бельгии и Голландии в мае 1940 г. в отношении состава и характеристики немецких сил, их сосредоточения, группировки и размаха операции; были приведены точные данные о плотности сил и средств немцев и на всем тысячекилометровом фронте наступления, и на сходящихся направлениях, и в двухсоткилометровой полосе главного удара. При этом было доложено, что “между Намюром и Седаном плотность была доведена от 2,5 до 3 км на пехотную дивизию”, а также что в этой 200-километровой полосе немецко-фашистским главнокомандованием были сосредоточены четыре полевые армии в составе шестидесяти пехотных дивизий и три танковые группы (армии) под командованием Гудериана, Гота, Клейста, а также главные силы авиации»⁵⁸.

А вот что вспоминал о данном совещании Маршал Советского Союза А. И. Еременко: «На рассмотрение этих вопросов было затрачено четыре дня – с 25 по 29 декабря. По первому докладу развернулись весьма острые прения. [...] Было высказано много ценных и правильных соображений, некоторые положения доклада подверглись критике. Так, генерал-полков-

⁵⁶ Там же. С. 93–94.

⁵⁷ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 101.

⁵⁸ Голиков Ф. И. Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР / Публикаторы В. А. Арцыбашев, А. П. Сербряков // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 6–7.

ник Г. М. Штерн [...] критиковал соображения Жукова о сроках ввода в прорыв танковых корпусов и некоторые другие мысли докладчика (Г. К. Жукова. – *О.К.*). [...] Особенно интересным было выступление генерал-лейтенанта Порфирия Логвиновича Романенко, командира 1-го механизированного корпуса. В его выступлении содержались обоснованные критические замечания в адрес докладчика. [...] Он сказал следующее: «Я позволю себе высказать сомнения относительно трактовки тов. Жуковым характера и движущих сил современной наступательной операции. Я считаю, что эта трактовка была бы правильной для периода 1932–1934 гг., ибо она отражает тогдашний уровень военной мысли, основанный на сравнительно слабом насыщении войск техникой. Но с того времени многое изменилось. Опыт, имеющийся на Западе, подвергся анализу в докладе, но выводы из этого, на мой взгляд, сделаны неверные. [...] Решающим фактором в успехе германских операций на Западе явилась механизированная армейская группа Рейхенау. Это подвижное объединение [...] разрезало фронт французской и бельгийской армий (между Намюром и Седаном. – *О.К.*) и в дальнейшем завершило окружение группы армий союзников, действовавших в Бельгии. Оно в конечном итоге и сыграло решающую роль в окончательном разгроме Франции. [...] Немцы, располагая значительно меньшим количеством танков, нежели мы, поняли, что ударная сила в современной войне складывается из механизированных, танковых и авиационных соединений, и собрали все свои танки и мотодивизионы в оперативные объединения, массировали их и возложили на них осуществление самостоятельных решающих операций. Они добились, таким образом, серьезных успехов. Я считаю, что необходимо в связи с этим поставить и разрешить вопрос о создании ударной армии в составе трех-четырех механизированных корпусов, двух-трех авиакорпусов, одной-двух авиадесантных дивизий, девяти – двенадцати артополков». [...]

П. Л. Романенко критиковал Жукова и по ряду других вопросов. [...] Как и предполагал Порфирий Логвинович, оппонентов у него нашлось немало. Против смелого массирования механизированных войск выступил Ф. И. Голиков (выделено мной. – *О.К.*) и др. В действительности предложения генерала Романенко были очень дельны и своевременны, хотя и не во всем бесспорны. [...] Это подтвердилось в ходе Великой Отечественной войны и вынудило нас в трудных условиях создавать подвижные танковые армии. Характерно, что ни Жуков, отказавшийся от заключительного слова, ни нарком обороны маршал С. К. Тимошенко ни слова не сказали о предложении Романенко. Это значило, что те, кто стоял во главе вооруженных сил, не поняли до конца коренных изменений в методах вооруженной борьбы, происходивших в это время»⁵⁹, то есть не учитывали опыт европейской войны.

В конце декабря 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, как и обещал, организовал доклад подполковника В. А. Новобранца начальнику Генерального штаба генералу армии К. А. Мерецкову и заместителю начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майору А. М. Василевскому. Голиков позвонил Новобранцу около двух часов ночи (благо все в это время еще работали) и сообщил, что подполковника ждет начальник Генерального штаба. Весь доклад занял около часа.

Согласно воспоминаниям В. А. Новобранца, в заключение генерал армии К. А. Мерецков спросил его: «Когда, по вашему мнению, можно ожидать перехода немцев в наступление? «Немцы, – отвечаю, – боятся наших весенних дорог, распутицы. Как только подсохнут дороги, в конце мая – начале июня можно ждать удара»⁶⁰.

«Да, пожалуй, вы правы. – Мерецков и Василевский начали накоротке обмениваться между собой мыслями, прикидывать необходимое время для развертывания армии и приведения страны в боевую готовность. [...]

⁵⁹ Еременко А. И. В начале войны. М., 1965. С. 36–38.

⁶⁰ Новобранец В. Указ. соч. С. 97. (Удивительная прозорливость – еще даже «Альта» не передала свою информацию «Метеору» о подписании плана «Барбаросса», а подполковник Новобранец уже знал сроки начала войны. (Причем. *О.К.*))

– Да, времени у нас в обрез, – сказал Мерецков. – Надо немедленно будить Тимошенко, принимать решения и докладывать Сталину.

– Товарищ генерал! – обрадованный удачным исходом доклада воскликнул я. – Если вы думаете изложить ему этот доклад, то он у него будет через два часа. Я направил ему такой же доклад фельдъегерской связью. В шесть часов утра он его получит, а два часа погоды не сделают и ничего не изменят.

– Ах так! Вы уже направили ему доклад?

– Да, конечно. И не только ему. Доклад и сводки посланы Сталину, Ворошилову, Маленкову, Берия и другим, – начал перечислять⁶¹.

– Значит, к утру все будут знать о положении дел на границе?

– Конечно.

– Очень хорошо! Спасибо! – Мерецков пожал мне руку. – Вы свободны. Идите отдыхайте.

Из Генштаба я не шел, а летел на крыльях. Вот хорошо, думаю, не все такие твердолобые, как Голиков, есть в Генштабе светлые головы. [...] Сегодня утром, думаю, Мерецков и Василевский доложат Тимошенко, а затем Сталину о положении дел на границе. Будет, конечно, созвано экстренное заседание Политбюро и будут приняты важные решения о скрытой мобилизации, о развертывании армии и перестройке промышленности. [...]

Через несколько дней после моего доклада сняли с должности начальника Генштаба Мерецкова⁶². [...] Новый начальник Генштаба повел совершенно отчетливую и твердую линию “мирного сосуществования” с фашистами и дружбы с ними в духе доклада Молотова. Он начал борьбу с “provokatorami” и “panikerami войны”. Эта борьба коснулась и моего отдела»⁶³.

В начале января 1941 г., когда многие участники Совещания руководящего состава Красной армии разъехались по местам службы, нарком обороны организовал две оперативно-стратегических игры на картах, по окончании которых был проведен их разбор. Для этого все участники игр были вызваны к И. В. Сталину.

Начальник Генерального штаба К. А. Мерецков приступил было к разбору, но Сталин перебил генерала и стал задавать вопросы. Как вспоминал впоследствии сам К. А. Мерецков, «суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н. Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С. К. Тимошенко меня не поддержал. Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал: “Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!” Возражений, естественно, не последовало. Доволен был и я. Пять месяцев тому назад И. В. Сталин при назначении моем на тот же пост обещал заменить меня, когда найдет подходящую кандидатуру. И вот он сдержал обещание. Я возвратился на должность заместителя наркома обороны и опять погрузился в вопросы боевой подготовки войск»⁶⁴.

⁶¹ По тексту мемуаров В. А. Новобранца трудно понять, о каком именно спецсообщении он говорит. Дата доклада начальнику Генерального штаба указана расплывчато: почти месяц (если ориентироваться на уход К. А. Мерецкова с должности в середине января 1941 г.). Ни в одном из выявленных декабрьских спецсообщений нет сведений о наличии разведывательной сводки № 8 в качестве приложения, и отсутствуют какие-либо сведения о сроках немецкого нападения. (Примеч. О.К.)

⁶² Если верить мемуарам В. А. Новобранца, это произошло потому, что генерал армии К. А. Мерецков отстаивал точку зрения подполковника из военной разведки. (Примеч. О.К.)

⁶³ Новобранец В. Указ. соч. С. 97–99.

⁶⁴ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1984. С. 196.

Обозначив, что приход Г. К. Жукова в Генштаб ознаменовался крутой расправой со всеми «паникерами» и «провокаторами войны», В. А. Новобранец в своих мемуарах утверждает, что он, несмотря на это, продолжал действовать вопреки мнению и указаниям начальника военной разведки и нового начальника Генерального штаба. Например, решил довести в войска для изучения ими боевого опыта официальный отчет о франко-германской войне, предварительно рассекретив, размножив и разослав его⁶⁵.

Вместе с тем, как пишет Новобранец, «расправа коснулась и разведки. Начали вызывать из-за рубежа всех “провинившихся”. Из Берлина вызвали помощника военного атташе по авиации полковника Скорнякова, дали ему основательную “нахлобучку”. Отозвали и другого помощника военного атташе по бронетанковому делу, полковника Бажанова. Тоже дали нахлобучку и демобилизовали. От нервного потрясения Бажанов умер»⁶⁶.

В целом же резидентуры РУ ГШ КА, действовавшие в европейских государствах, продолжали своевременно выявлять переброски германских войск с Западного театра военных действий на Восток и информировать о них Центр. Командование РУ Генштаба Красной армии в лице генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова сразу же докладывало об этом военному и политическому руководству СССР. Это видно по составу второй группы документов советской военной разведки, к которым относятся сообщения, поступившие в период с января по апрель 1941 г. В них отражена непосредственная подготовка Германии к войне против Советского Союза, а именно: деятельность государственных структур, оборудование театра военных действий, создание ударных группировок и стратегических резервов.

Помимо нелегальных резидентур, в получении всех этих данных участвовали и кадровые офицеры: в Берлине – генерал-майор В. И. Тупиков («Арнольд»), полковник Н. Д. Скорняков («Метеор»), капитан Н. М. Зайцев («Бине») и «Кремень»⁶⁷; в Париже – генерал-майор И. А. Суслопаров («Маро») и «Рато»; в Будапеште – полковник Н. Г. Ляхтеров («Марс»); в Бухаресте – полковник Г. М. Еремин («Ещенко»), М. С. Шаров («Корф») и «Дантон»; в Софии – полковник Л. А. Середа («Зевс»), «Боевой» и «Коста»; в Белграде – генерал-майор А. Г. Самохин («Софокл»); в Праге – полковник А. В. Яковлев («Савва»); в Стокгольме – полковник Н. И. Никитушев («Акасто»); в Лондоне – генерал-майор И. А. Скляр («Брион»); в Финляндии – полковник И. В. Смирнов («Оствальд»); в Токио – подполковник К. П. Сонин («Илья»). Ценные сведения поступали в Центр и от таких источников, как К. Велкиш («АБЦ»), И. Венцель («Герман»), Ш. Радо («Дора»), Л. Треппер («Отто»)⁶⁸ и многих других.

Важные разведывательные сведения добывались в Берлине. Так, 29 декабря 1940 г. полковник Н. Д. Скорняков телеграммой доложил в РУ ГШ КА: «“Альта” сообщила, что “Ариец” от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений»⁶⁹. У этой телеграммы имеется достаточно оригинальная рассылка, которая суще-

⁶⁵ Здесь В. А. Новобранец некорректен: для рассекречивания необходимо было приказом начальника РУ ГШ КА создать комиссию, которая, изучив упомянутый отчет, подготовила бы доклад об отсутствии сведений, составляющих государственную (военную) тайну, и утвердила бы у начальника Разведуправления акт о рассекречивании. Иначе представители органов НКВД арестовали бы подполковника Новобранца прямо в кабинете, в лучшем случае обвинив в разглашении военной тайны по халатности. (Примеч. О.К.)

⁶⁶ Новобранец В. Указ. соч. С. 102–103. (Здесь В. А. Новобранец ошибся. Полковник И. Г. Бажанов (1898–1942) был секретарем, а затем помощником военного атташе при посольстве СССР в Германии до июня 1941 г., в сентябре 1941 г. он стал преподавателем Военной академии механизации и моторизации Красной армии им. И. В. Сталина. (См.: Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 / Алексеев М.А, Колпакиди А. И., Кочик В.Я. М., 2012. С. 79). (Примеч. О.К.))

⁶⁷ Имена сотрудников советской военной разведки под псевдонимами «Боевой», «Дантон», «Коста», «Кремень», «Рато» здесь не раскрываются. (Примеч. О.К.)

⁶⁸ Псевдонимы проверены по книгам: Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005; Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ. Дела и люди. М.; СПб., 2003. (Примеч. О.К.)

⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537. (Рассекречено 28.04.1989)

ственно отличается от рассылки спецсообщений: «экз. № 1 – адрес; № 2 – т. Панфилову; № 3 – т. Дубинину; № 4 – т. Тимошенко; № 5 – т. Мерецкову; № 6–7 – т. Сталину; № 8 – т. Молотову».

На документе сохранилась резолюция Ф. И. Голикова: «НО-1. Потребовать более внятного освещения вопроса; затем приказать проверить. Первое сообщение телеграфом получить от “Метеора” дней через 5 и дать мне. 30.XII. Голиков». Затем чуть выше он дописал: «НО-9. Дать копию наркому и НГШ». Заместитель начальника РУ ГШ КА генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов дал указания: «НО-1. 1) Кто это высокоинформированные круги? Надо уточнить. 2) Кому конкретно отдан приказ? А. Панфилов»⁷⁰.

По приведенным выше цитатам видно, что изначально сотрудники шифровального отдела разослали шифртелеграмму только руководству РУ ГШ КА. Голиков же распорядился ознакомить с ней руководство Наркомата обороны, а затем и страны. Тем самым, вопреки утверждениям В. А. Новобранца о «твердолобости» Голикова, начальник Разведупра эту коротенькую телеграмму, приведенную здесь целиком, довел до высших должностных лиц и дал указания на дальнейшее уточнение сведений. Кстати, подписи самого подполковника Новобранца на этом экземпляре документа нет. Но, возможно, она есть на копии генерал-майора Н. И. Дубинина – начальника информационного отдела.

Таким образом, несмотря на то, что директива № 21 о подготовке нападения на СССР (так называемый «план Барбаросса») была подготовлена лишь в девяти экземплярах и предназначалась только для высшего командования вооруженных сил Германии, советская военная разведка уже через 11 дней после подписания Гитлером узнала ее основное содержание.

В следующей телеграмме от 4 января 1941 г. «Метеор» подтвердил информацию «Альты», переданную прошлым сообщением. Он проинформировал, что «подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на Востоке»⁷¹.

А вот как в своих мемуарах (которые имеют интересную особенность – появление все новых и новых дополнений с каждым новым изданием) работу разведки под руководством Ф. И. Голикова оценивал маршал Г. К. Жуков: «Что мы знали тогда о вооруженных силах Германии, сосредоточенных против Советского Союза? По данным Разведывательного управления Генштаба, возглавлявшегося генералом Ф. И. Голиковым, дополнительные переброски немецких войск в Восточную Пруссию, Польшу и Румынию начались с конца января 1941 г. Разведка считала, что за февраль и март группировка войск противника увеличилась на девять дивизий: против Прибалтийского округа – на три пехотные дивизии; против Западного округа – на две пехотные дивизии и одну танковую; против Киевского округа – на одну пехотную дивизию и три танковых полка. Информация, которая исходила от генерала Ф. И. Голикова, немедленно докладывалась нами И. В. Сталину. Однако я не знаю, что из разведывательных сведений докладывалось И. В. Сталину генералом Ф. И. Голиковым лично, минуя наркома обороны и начальника Генштаба, а такие доклады делались неоднократно. Одно лишь могу сказать: И. В. Сталин знал значительно больше, чем военное руководство. Но даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, он мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было, и он, переоценив свои возможности, шел дальше по ложному пути»⁷².

Естественно, что Г. К. Жуков упоминает только о тех перебросках немецких войск, которые происходили при нем как начальнике Генерального штаба. О том, что в течение всей осени и зимы 1940 г. РУ ГШ КА практически ежемесячно по несколько раз докладывало о сосредо-

⁷⁰ Военная разведка России. 200 лет. М., 2012. С. 547.

⁷¹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 6–7. (Рассекречено 28.04.1989)

⁷² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 2010. Т.1. С. 272.

точении немецких войск на территории Румынии и бывшей Польши⁷³ руководству Наркомата обороны и руководству государства, в том числе и И. В. Сталину, он не упоминает ни слова.

Известный отечественный историк, доктор исторических наук М. И. Мельтюхов, в свою очередь, изучил хранящуюся в РГВА рукопись мемуаров Г. К. Жукова, и оказалось, что в ней вместо приведенного выше написано следующее: «Я не знаю, что давала Сталину разведка, находившаяся не в руках Генштаба, но разведка, которую возглавлял перед войной генерал Голиков Ф. И., не смогла вскрыть мероприятий, которые в глубокой тайне отрабатывались в штабах немецких войск по плану войны. Разведка не сумела проникнуть в тайники, где планировались цели и задачи немецких войск в войне с Советским Союзом. Обо всем этом мы узнали только после войны, читая трофейные документы. [...] Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвигании войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим»⁷⁴. При этом не только Жуков, но и Василевский свидетельствовали, что не знали ни о сроках нападения немцев, ни даже о том, может ли состояться это нападение вообще!⁷⁵

31 января 1941 г. Гитлер одобрил секретную директиву Главного командования сухопутных войск (ОКХ) по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск вермахта. В ней отмечалось, что «операция должна быть проведена таким образом, чтобы посредством глубокого вклинения танковых войск была уничтожена вся масса русских войск, находящихся в Западной России. При этом необходимо предотвратить возможность отступления боеспособных русских войск в обширные внутренние районы страны»⁷⁶.

Краткое содержание этой директивы стало известно «Альте», и 28 февраля 1941 г. она доложила: «Сформированы три группы армий, а именно: под командованием маршала Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. Группа армий “Кенигсберг” должна наступать в направлении Петербург, группа армий “Варшава” – в направлении Москва, группа армий “Позен” – в направлении Киев. Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая. Запланирован, по всей видимости, охватывающий удар в районе Пинска силами 120 немецких дивизий. Подготовительные мероприятия, например, привели к тому, что говорящие по-русски офицеры и унтер-офицеры распределены по штабам. Кроме того, уже строятся бронепоезда с шириной колеи, как в России. [...] [Гитлер] намерен разделить российского колосса на 20–30 различных государств, не заботясь о сохранении всех экономических связей внутри страны, чтобы... вызвать там недовольство на долгие времена»⁷⁷. В конце донесения И. Штебе отметила, что информация получена «Арийцем» от человека из окружения Геринга и подтверждается общением с другими немецкими военными.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский (в 1941 г. заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба) вспоминал, что с получением сведений об активизации в феврале 1941 г. перебросок немецких войск к советским границам «Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 г. оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных сил для отражения нападения врага с Запада. План предусматривал, что военные действия начнутся с отражения ударов нападающего врага, что удары эти сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войсковые, и особенно

⁷³ См. документы № 10, 12, 13, 16, 18, 22, 27, 29, 30 во второй части данной книги.

⁷⁴ Цит. по: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2008. С. 242.

⁷⁵ Там же. С. 242.

⁷⁶ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 102.

⁷⁷ Там же. С. 102.

танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным городам. [...] Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками [...]. К началу вражеского наступления предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что отобилизование и сосредоточение войск будет произведено заблаговременно»⁷⁸.

С января 1941 г. в Германии находился новый советский военный атташе генерал-майор В. И. Тупиков. К концу марта он подготовил и представил в РУ ГШ КА «Доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировке по состоянию на 15.03.1941» объемом более 100 страниц с приложением 30 схем организации боевых частей германской армии, общей схемы группировки войск германской армии, схемы группировки военно-воздушных сил Германии, схемы организации немецкого армейского корпуса, сводных таблиц боевого состава артиллерийских частей вермахта и т. д.⁷⁹

В конце апреля 1941 г. Тупиков подготовил для Центра доклад «О группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941». В нем советский военный атташе сообщил, что война с Германией для нашей страны – «вопрос сроков, и сроков не столь отдаленных». В подтверждение этого Тупиков сообщил о развернувшейся в Третьем рейхе открытой антисоветской пропагандистской кампании.

Советский военный атташе акцентировал внимание своего руководства на том, что «группировка германской армии с осени 1940 г. неизменно смещается на Восток. Сейчас на Востоке (Восточная Пруссия, Польша, Румыния) – до 118–120 дивизий... качественное состояние вооруженных сил по признакам политико-моральным, обученности и оснащенности сейчас пребывает в зените, и рассчитывать, что оно продержится на этом уровне долгое время, у руководителей рейха нет оснований, так как уже теперь чувствуется, что малейшие осложнения, намекающие на возможную затяжку войны, вызывают острую нервозность среди широких слоев населения»⁸⁰. К докладу генерала Тупикова прилагалась графическая «Схема возможных вариантов действий Германии против СССР», отражавшая несколько возможных направлений главных ударов германских войск в случае начала войны против СССР. В выводной части В. И. Тупиков писал: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения возможно более короткие и, безусловно, в пределах текущего года»⁸¹.

Следующей по значимости информацией, поступившей в Центр, были сведения, полученные советским военным атташе в Бухаресте (Румыния) полковником Г. М. Ереминым («Ещенко»). Основным его информатором был агент Курт Велкиш («АБЦ»), являвшийся пресс-секретарем германского посольства в столице Румынии. Велкиш имел доступ к закрытым материалам министерства иностранных дел Германии. В период с января по июнь 1941 г. от «АБЦ» были получены несколько обширных сообщений о подготовке Германии к войне против СССР. Несколько донесений от этого источника генерал-лейтенант Ф. И. Голиков направил непосредственно И. В. Сталину.

24 марта 1941 г. полковник Г. М. Еремин проинформировал Москву о том, что «при встрече Антонеску с Герингом в Вене обсуждался вопрос о роли Румынии в предстоящей войне Германии с СССР... Геринг... дал ему ряд указаний по согласованию плана мобилиза-

⁷⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 105–106.

⁷⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 102.

⁸⁰ Там же. С. 103.

⁸¹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 103.

ции румынской армии с планом мобилизации германской армии, который является планом войны Германии против СССР... Война должна начаться в мае»⁸².

26 марта 1941 г. «Ещенко» передал информацию о беседе «АБЦ» с советником германского посольства в Бухаресте Гофманом. Последний рассказал, что «имел разговор с государственным министром Михаилом Антонеску». По сведениям Гофмана, глава «национального легионерского правительства» маршал И. Антонеску еще в январе 1941 г. был посвящен Гитлером в план войны Германии против СССР, и на эту же тему состоялся детальный разговор при встрече Антонеску с Герингом в Вене⁸³.

Количество поступавших из всех европейских государств сведений о нарастании угрозы войны с Германией увеличивалось с каждым месяцем. Так, 5 марта 1941 г. Ф. И. Голиков подписал специальное сообщение, в котором говорилось: «В министерствах Берлина... убеждены в предстоящей войне против СССР. Сроком нападения считается 1 мая 1941 г. В последнее время в связи с событиями в Югославии срок начала войны отнесен на 15 июня»⁸⁴.

Более того, советской военной разведкой были отмечены изменения в торговых отношениях между СССР и Германией. В частности, резиденту в Праге полковнику А. В. Яковлеву стало известно, что, «по данным работников министерства торговли Германии, 20 марта отдано секретное распоряжение приостановить выполнение заказов для СССР промышленными предприятиями Протектората. Атташе югославского торгового агентства Церович показывал марки “Украинской Народной Республики”, подготовленные немцами. В Кракове генерал Войцеховский формирует славянский антибольшевистский полк»⁸⁵.

Таким образом, обвинения В. А. Новобранца в адрес начальника Разведуправления генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова в необъективных докладах руководству не подтверждаются фактами и документами. В те годы, когда отставной полковник писал свои мемуары, он, вероятно, и подумать не мог, что разведывательные сводки и спецсообщения РУ ГШ КА когда-то будут рассекречены и их опубликуют. Расчет рассылки этих документов является важнейшим свидетельством правоты Филиппа Ивановича Голикова.

20 марта 1941 г. начальник Разведуправления Генштаба Красной армии подписал доклад «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР», который содержал 16 пунктов и 2 вывода⁸⁶. При этом в нескольких пунктах доклада отмечалось, что главной задачей Германии является достижение победы над Англией, и лишь в седьмом пункте говорилось, что «Гитлер намерен весной 1941 г. разрешить вопрос на Востоке». В докладе также указывалось, что подготовка Германии к войне против СССР началась еще до визита В. М. Молотова в Берлин (ноябрь 1940 г.), но была приостановлена, так как «немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке». В докладе было упомянуто и о том, что «в Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь СССР». Кроме того, в докладе были изложены вероятные варианты военных действий Германии против Советского Союза. Из них только третий заслуживал особого внимания. Фактически он повторял содержание донесения «Альты» от 28 февраля 1941 г. Сообщив имевшиеся в РУ ГШ КА сведения, Ф. И. Голиков в своем докладе пришел к следующим выводам:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против

⁸² Там же. С. 103.

⁸³ Там же. С. 104.

⁸⁴ Там же. С. 104.

⁸⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 104.

⁸⁶ Этот доклад публикуется во второй части данной книги. См. документ № 34.

СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»⁸⁷.

Именно за первый вывод (о том, что наиболее вероятным сроком начала действий против СССР будет момент после победы Германии над Англией или после заключения между ними мирного договора) Ф. И. Голикову и «достаётся». Данный вывод является отражением дезинформационных мероприятий, проводившихся немцами: германское командование пыталось убедить руководство СССР и Красной армии в том, что главное – это победа над Англией. Второй вывод также заслуживает сожаления. Тем не менее сама текстовая часть доклада содержала немало ценных сведений о возрастании угрозы военной агрессии против СССР.

В 1965 г. историк В. А. Анфилов встретился с Ф. И. Голиковым и попросил его прокомментировать выводы в упомянутом докладе. «По словам Голикова, – вспоминал историк, – он лично был не очень уверен в правильности своих выводов относительно того, что Гитлер не рискнет начать войну против СССР, не покончив с Англией. Но, так как они соответствовали точке зрения Сталина, доложить сомнения побоялся...»⁸⁸. Голиков не счел нужным заверять Анфилова в том, что он, как начальник Разведупра, приложил все усилия для переубеждения Сталина, и не стал сваливать на того всю ответственность.

Доклад от 20 марта 1941 г. был направлен наркому обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову, а кроме того, доложен в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. И как уже после войны признавал сам Ф. И. Голиков, этот доклад содержал выявленные советской военной разведкой варианты «стратегических планов наступления Германии на Советский Союз. В число их (вариантов. – О.К.) входил своим существом и план “Барбаросса”. При этом мы заявили, что из всех сообщаемых вариантов главным считаем именно его»⁸⁹.

Однако в 1990-е гг. тот же В. А. Анфилов писал, что, когда во время беседы с Г. К. Жуковым (в 1965 г.) он показал ему доклад Голикова⁹⁰, маршал заявил, что видит этот документ впервые, так как начальник Разведупра «не подчинялся мне и докладывал непосредственно Сталину, а иногда и Тимошенко. Но об этом документе он, по-видимому, наркома не информировал, потому что тот делился со мной основными сведениями разведки, полученными от Голикова»⁹¹.

Вместе с тем, несмотря на то что маршал Г. К. Жуков негативно относился к Ф. И. Голикову и частенько говорил о том, что он не был знаком со многими документами военной разведки (что опровергается архивными материалами), он вынужден был признать (и это есть в его мемуарах), что в упомянутом выше докладе «излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана “Барбаросса”, а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана. В докладе говорилось: “Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие: Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 г.:...для наступления на СССР [...]»

⁸⁷ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М., 2008. С. 568–571.

⁸⁸ Рубцов Ю. Командная работа для меня – призвание // Военно-промышленный курьер. 2005. 13 июля.

⁸⁹ Голиков Ф. И. Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР / Публикаторы В. А. Арцыбашев, А. П. Серебряков // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 8.

⁹⁰ Откуда В. А. Анфилов мог взять этот доклад, чтобы привезти его Г. К. Жукову? Документ был рассекречен лишь 19 июля 1995 г. Поэтому вполне возможно, что историк использовал этот доклад для своих публикаций сразу же после его рассекречивания и ознакомления с ним. (Примеч. О.К.)

⁹¹ Цит. по: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 226.

создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта – в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая»⁹².

В то же время Г. К. Жуков начинает сам себе противоречить, когда пишет следующее: «Могло ли руководство Наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР – непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было трудно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали. (Отчего же они запаздывали, если Ф. И. Голиков докладывал особо важные шифротелеграммы руководству Наркомата сразу после их получения? – *О.К.*) [...] К сожалению, даже из имевшихся сообщений не всегда делались правильные выводы, которые могли бы определенно и авторитетно ориентировать высшее руководство». [...] С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план “Барбаросса”, направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность. При этом ссылаются на известных советских разведчиков – Рихарда Зорге, а также многих других лиц из Швейцарии, Англии и ряда других стран, которые якобы сообщили эти сведения. Однако будто бы наше политическое и военное руководство не только не вникло в суть этих сообщений, но и отвергло их. Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали»⁹³.

В апреле 1941 г. в Центр продолжали поступать многочисленные сведения о сосредоточении германских войск на советской границе. По состоянию «на 4 апреля 1941 г. общее увеличение немецких войск от Балтийского моря до Словакии, по данным генерала Ф. И. Голикова, составляло 5 пехотных и 6 танковых дивизий. Всего против СССР находилось 72–73 дивизии. К этому количеству следует добавить немецкие войска, расположенные в Румынии, в количестве 9 пехотных и одной моторизованной дивизии»⁹⁴.

16 апреля 1941 г. РУ ГШ КА подготовило очередное спецсообщение – «О перебросках немецких войск в погранполосе СССР». В нем говорилось: «С 1 по 15 апреля с.г. из глубины Германии, из западных районов Восточной Пруссии и генерал-губернаторства германские войска совершают переброски по железным дорогам, автоколоннами и походным порядком в приграничную полосу с СССР. Основными районами сосредоточения являются: Восточная Пруссия, район Варшавы и район южнее Люблин. За 15 дней апреля германские войска на восточной границе увеличились на три пехотные и две механизированные дивизии, 17 тыс. вооруженных украинцев-националистов и на один полк парашютистов. Общее количество немецких дивизий всех типов в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве доведено до 78 (без немецких войск в Молдавии). [...] С 12 апреля запрещен проезд гражданских лиц по железной дороге на территории генерал-губернаторства. Многими источниками подтверждается эвакуация семей военнослужащих немецкой армии из Варшавы и районов восточнее Варшавы вглубь Германии»⁹⁵.

26 апреля 1941 г. начальник советской военной разведки направил высшему военному и политическому руководству СССР специальное сообщение «О распределении вооруженных

⁹² Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 293.

⁹³ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 293, 295.

⁹⁴ Там же. С. 272–273.

⁹⁵ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 104.

сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 25 апреля 1941 г.», в котором обращалось внимание на то, что «массовые переброски немецких войск из глубинных районов Германии и оккупированных стран Западной Европы продолжаются непрерывно. Основные потоки перебросок следуют в двух направлениях: к нашей западной границе и на Балканы»⁹⁶.

30 апреля 1941 г. командование Разведуправления Генштаба Красной армии направило руководству СССР специальное сообщение «О подготовке Германии к войне против СССР»⁹⁷.

Возвращаясь к условному делению документов разведки на группы, следует сказать, что к третьей группе отнесены донесения резидентов советской военной разведки, присланные в Центр в мае – июне 1941 г. В этот период РУ ГШ КА неоднократно докладывало руководству СССР о нарастании военной угрозы со стороны Германии.

Как свидетельствует бывший начальник Генерального штаба Красной армии Г. К. Жуков, по состоянию «на 5 мая 1941 г., по докладу генерала Ф. И. Голикова, количество немецких войск против СССР достигло 103–107 дивизий, включая 6 дивизий, расположенных в районе Данцига и Познани, и 5 дивизий в Финляндии. Из этого количества дивизий находилось: в Восточной Пруссии – 23–24 дивизии; в Польше против Западного округа – 29 дивизий; в Польше против Киевского округа – 31–34 дивизии; в Румынии и Венгрии – 14–15 дивизий. [...] Из числа войск венгерской армии до четырех корпусов находилось в районе Закарпатской Украины, значительная часть румынских войск располагалась в Карпатах. В Финляндии высадки производились в порту Або, где с 10 по 29 апреля было высажено до 22 тысяч немецких солдат, которые в дальнейшем следовали в район Рованиemi и далее на Киркенес. Генерал Ф. И. Голиков считал возможным в ближайшее время дополнительное усиление немецких войск за счет высвободившихся сил в Югославии»⁹⁸. Таким образом, весной 1941 г. в Москве знали, что германское военное руководство свои главные силы сосредоточивает на всем протяжении от Балтийского до Черного моря.

Резидент РУ ГШ КА в Софии полковник Л. А. Середа 14 мая 1941 г. телеграфировал в Центр: «В первых числах мая в Солуне состоялась встреча царя с Браухичем, обсуждались вопросы о поведении Болгарии в случае возникновения военного конфликта между Германией и СССР, о мероприятиях по укреплению Черноморского побережья и о помощи Финляндии. По первому вопросу подробности неизвестны. По второму вопросу мероприятия начнут проводиться в конце мая»⁹⁹.

19 мая 1941 г. источник «Коста» сообщил из Софии, что «в настоящее время Германия сосредоточила в Польше 120 дивизий, а к концу июня на советской границе будут 200 дивизий. В начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины»¹⁰⁰.

Тогда же из Швейцарии Ш. Радо доносил: «По сообщению швейцарского военного атташе в Берлине от 5 мая, сведения о предполагаемом походе немцев на Украину происходят из самых достоверных немецких кругов и отвечают действительности»¹⁰¹.

27 мая 1941 г. из Софии сообщил информатор «Боевой»: «Германские войска, артиллерия и амуниция непрерывно переправляются из Болгарии в Румынию через мост и фарибот у Русе, через мост у Никополя и на барже около Видина. Войска идут к советской границе»¹⁰².

Таким образом, объем тревожных сообщений, поступавших отовсюду, возрастал. В большинстве донесений просматривались явные признаки подготовки Германии к войне про-

⁹⁶ Подробнее см. документ № 40 во второй части данной книги.

⁹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

⁹⁸ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 273.

⁹⁹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 105–106.

¹⁰⁰ Там же. С. 106.

¹⁰¹ Там же. С. 106.

¹⁰² Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 106.

тив СССР. В мае 1941 г. Разведывательному управлению стало известно, что немецкие власти запретили движение пассажирских поездов в районах сосредоточения своих войск вдоль советской границы, а также начали создавать склады, формировать дополнительные пункты медицинской помощи, отзывать своих специалистов из других государств, ускорили строительство сооружений военного назначения, приняли меры по усилению системы противовоздушной обороны восточных районов Германии.

Тогда же советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков представил доклад о составе группировки немецких войск на советской границе и доложил вероятный план их вторжения в СССР. По мнению Тупикова, три группы армий должны были нанести удар из Восточной Пруссии в направлении Вильно, Витебск и далее на Москву и вспомогательный удар во взаимодействии с финской армией – на Ленинград. Группа армий в районе Люблин, Краков должна была нанести удар в направлении на Ровно, Коростень, Конотоп с целью окружения совместно с восточнопрусской группировкой частей Красной армии. Одна-две группы армий с территории Венгрии и Румынии совместно с армиями этих стран должны были нанести удар в направлении на Харьков. С выходом в район Днепропетровска одна группа армий должна была развить наступление на Кавказ. Разгром Красной армии и выход на меридиан Москвы предполагалось осуществить за 1–1,5 месяца¹⁰³. 9 мая 1941 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков распорядился ознакомить с этим докладом наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова.

Своевременная информация, доложенная руководству НКО СССР, позволила провести ряд превентивных мер: «С середины мая 1941 г. по директивам Генерального штаба началось выдвижение ряда армий – всего до 28 дивизий – из внутренних округов в приграничные, положив тем самым начало к выполнению плана сосредоточения и развертывания советских войск на западных границах. В мае – начале июня 1941 г. на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тыс. человек, и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов. [...] По железной дороге на рубеж рек Западная Двина и Днепр были переброшены 19-я, 21-я и 22-я армии из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов, 25-й стрелковый корпус из Харьковского военного округа, а также 16-я армия из Забайкальского военного округа на Украину, в состав Киевского особого военного округа. 27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня – вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. [...] 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах. Однако полностью провести в жизнь и завершить намеченные мобилизационные и организационные мероприятия не удалось»¹⁰⁴.

К июню 1941 г. Германия довела численность своих вооруженных сил до 8,5 млн человек, увеличив их с 1940 г. на 3,55 млн, доведя их, таким образом, до 214 дивизий. Из них на 1 июня 1941 г., по данным РУ ГШ КА, для войны против СССР предназначалось около 120 дивизий. «Наиболее массовые перевозки войск на Восток гитлеровское командование начало проводить с 25 мая 1941 г. К этому времени железные дороги немцами были переведены на график максимального движения. Всего с 25 мая до середины июня было переброшено ближе к границам Советского Союза 47 немецких дивизий, из них 28 танковых и моторизованных»¹⁰⁵.

В последней перед войной разведывательной сводке РУ ГШ КА, получившей порядковый № 5, приведены сведения о распределении немецких войск по состоянию на 1 июня 1941 г.

¹⁰³ Кондрашов В. В. Знать все о противнике. М., 2010. С. 75–76.

¹⁰⁴ Василевский А. М. Указ. соч. С. 106–107.

¹⁰⁵ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 273–274.

Общая численность германских войск определялась в 286–296 дивизий, из них: моторизованных – 20–25, танковых – 22, горнострелковых – 15, парашютных – 4–5, авиадесантных – 4–5, дивизий СС – 18. Также отмечалось продолжение сосредоточения германских войск в приграничной с СССР полосе, массовая переброска частей из центральных районов Германии и оккупированных европейских стран¹⁰⁶.

Генерал-лейтенант Ф. И. Голиков докладывал руководству Наркомата обороны СССР, что «общее количество германских войск на нашей западной границе с Германией и Румынией (включая Молдавию и Добруджу) на 1 июня 1941 г. достигает 120–122 дивизии, в том числе 14 танковых и 13 моторизованных»¹⁰⁷. К 22 июня 1941 г., как установила военная разведка, на советской границе сосредоточилась германская группировка, в состав которой входили 191 дивизия и бригада, в том числе 146 немецких, а остальные представляли вооруженные силы Румынии, Венгрии и Финляндии. В реальности же на нашей границе сосредоточилось 226 дивизий и бригад, в том числе 153 пехотных, 15 танковых и 14 моторизованных дивизий. Немецкую группировку на нашей границе удалось вскрыть достаточно точно, однако общая численность соединений германской армии была завышена на 60–70 дивизий. Завышенными оказались сведения о количестве в вооруженных силах Германии боевых самолетов (в 2,5 раза) и танков (в 3 раза)¹⁰⁸.

Таким образом, несмотря на активную работу германской пропагандистской машины, действия по оперативной маскировке и дезинформационные мероприятия германских политических лидеров и командования вермахта, Разведуправление Генштаба Красной армии под руководством генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова смогло добыть достоверные сведения, которые свидетельствовали о целенаправленной подготовке Третьего рейха к войне против Советского Союза.

Ярчайшим свидетельством этого является «Перечень донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь – июнь 1941 г.)»¹⁰⁹. Этот перечень был составлен в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны и включал в себя 56 донесений военной разведки о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Из них 37 донесений были доложены И. В. Сталину, В. М. Молотову, руководству Наркомата обороны и другим высшим должностным лицам¹¹⁰. В. И. Лота составил примерный список донесений, которые входили в состав «Перечня...» и содержали сведения о предполагаемых сроках нападения Германии на СССР¹¹¹. Мы же представим более подробный список этих донесений:

- 29 декабря 1940 г. сообщение из Берлина от «Альты» через «Метеора» – война начнется в марте 1941 г.¹¹²;
- 31 декабря 1940 г. из Бухареста от «Ещенко» – «война начнется еще до весны» 1941 г.¹¹³;
- 22 февраля 1941 г. из Белграда – «война начнется в июне 1941 г.»¹¹⁴;
- 28 февраля 1941 г. из Берлина от «Альты» – «предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая»¹¹⁵;

¹⁰⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

¹⁰⁷ Там же. С. 107.

¹⁰⁸ Там же. С. 107.

¹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87–98. (Рассекречено 26.04.2004)

¹¹⁰ Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 29.

¹¹¹ Лота В. И. Указ. соч. С. 56.

¹¹² ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537. (Рассекречено 28.04.1989)

¹¹³ Там же. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 1–2. (Рассекречено 04.06.2003)

¹¹⁴ Лота В. И. Указ. соч. С. 56.

¹¹⁵ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7279. Д. 4. Л. 30–31. (Рассекречено 04.06.2003)

- 5 марта 1941 г. спецсообщение – «сроком нападения считается 1 мая 1941 г. В последнее время в связи с событиями в Югославии срок начала войны отнесен на 15 июня»¹¹⁶;
- 9 марта 1941 г. из Берлина – «осуществление планов намечено на апрель-май 1941 г.»¹¹⁷;
- 15 марта 1941 г. из Бухареста от «Корфа» через «Ещенко» – «войну следует ожидать через три месяца»¹¹⁸;
- 19 марта 1941 г. из Берлина – «нападение планируется между 15 мая и 15 июня 1941 г.»¹¹⁹;
- 24 марта 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «война с СССР должна начаться в мае» 1941 г.¹²⁰;
- 25 марта 1941 г. из Бухареста от «АБЦ» через «Ещенко» – «война начнется в мае» 1941 г.¹²¹;
- 20 апреля 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «от 15 мая до начала июня 1941 г. [...] Нападение на СССР в мае месяце – имеющимися [...] данными пока не подтверждается»¹²²;
- 21 апреля 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «война между Германией и СССР возникнет очень скоро, может быть даже в половине мая» 1941 г.¹²³;
- 23 апреля 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «Гитлер сказал: [...] Начиная в мае, мы закончим войну в июле»¹²⁴;
- 4 мая 1941 г. из Бухареста от «АБЦ» через «Ещенко» – «предусматривалась дата 15 мая, но, в связи с Югославией, срок перенесен на середину июня 1941 г.»¹²⁵;
- 5 мая 1941 г. из Берлина от «Арнольда» – «немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР»¹²⁶;
- 7 мая 1941 г. из немецкого посольства в Москве от «ХВЦ» – «Верховное командование отдало приказ закончить подготовку театра войны и сосредоточение войск на Востоке ко 2 июня 1941 г.»¹²⁷;
- 8 мая 1941 г. из Софии от «Зевса» – «Германия готовится начать военные действия против СССР летом 1941 г., до сбора урожая. Через 2 месяца должны начаться инциденты на советско-польской границе»¹²⁸;
- 11 мая 1941 г. из Бухареста – «военные операции начнутся против СССР в середине июня»¹²⁹;
- 13 мая 1941 г. из Берлина от «Кремня» – «15 мая 1941 г. в 5 часов 00 минут Гитлер нападет на СССР»¹³⁰;

¹¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 104.

¹¹⁷ Лота В. И. Указ. соч. С. 52.

¹¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 407–408. (Рассекречено 28.04.1989)

¹¹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

¹²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 452–455. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²¹ Там же. Л. 458–465. (Рассекречено 04.06.2003)

¹²² Там же. Л. 606–609. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²³ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 717. (Рассекречено 04.06.2003)

¹²⁴ Там же. Л. 629–631. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²⁵ Там же. Л. 737–740. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²⁶ Там же. Д. 3. Л. 492–493. (Рассекречено 04.01.2003)

¹²⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108.

¹²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 762–763. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²⁹ Лота В. И. Указ. соч. С. 53.

¹³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 556. (Рассекречено 04.06.2003)

- 19 мая 1941 г. из Софии от «Косты» – «в начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины»¹³¹;
- 21 мая 1941 г. из Токио от «Рамзая» – «война между Германией и СССР может начаться в конце мая»¹³²;
- 22 мая 1941 г. из Берлина от «Кремня» – «нападение ожидается 15 июня 1941 г.»¹³³;
- 27 мая 1941 г. из Берлина от «Арнольда» – «выступление намечено на 8 июня 1941 г.»¹³⁴;
- 1 июня 1941 г. из Токио от «Рамзая» – «ожидание начала германо-советской войны около 15 июня»¹³⁵;
- 5 июня 1941 г. из Будапешта от «Марса» – «начало наступления на СССР Германией намечено между 10–20 июня»¹³⁶;
- 7 июня 1941 г. из Бухареста от «Дантона» – «война с СССР начнется между 15–20 июня 1941 г.»¹³⁷;
- 11 июня 1941 г. из Бухареста от «Дантона» – война начнется «не позднее 15 июня – 20 июня»¹³⁸;
- 16 июня 1941 г. из Берлина от «Арнольда» – «нападение назначено на 22–25 июня 1941 г.»¹³⁹;
- 20 июня 1941 г. из Софии от «Косты» – «военное столкновение ожидается 21 или 22 июня»¹⁴⁰;
- 20 июня 1941 г. из Токио – «война между Германией и СССР неизбежна»¹⁴¹;
- 21 июня 1941 г. из немецкого посольства в Москве от «ХВЦ» – «война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов»¹⁴²;
- 22 июня 1941 г. в 3 часа 00 минут из Бухареста от «Дантона» – «26–27 июня должны открыться военные действия»¹⁴³;
- 22 июня 1941 г. из Берлина без подписи – «Гроза»¹⁴⁴.

Таким образом, перед начальником советской военной разведки стояла сложнейшая задача по выявлению дезинформационных сообщений, исходивших от противника, и установлению истинных сроков нападения Германии на СССР. Поэтому на каждой из упомянутых выше телеграмм имелась виза генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова, который указывал начальникам агентурного и информационного отделов, как, по его мнению, нужно использовать ту или иную телеграмму – перепроверить полученные данные, доложить непосредственно руководству страны и Наркомата обороны, включить в спецсообщение или разведсводку.

Важнейшее место в упомянутом выше «Перечне...» занимают сообщения от источника «Х» (так сокращенно обозначен «ХВЦ» – Герхард Кегель, сотрудник германского посольства в Москве). Он сумел передать более 100 сообщений, 20 из которых были доложены высшему

¹³¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 106.

¹³² ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 381. (Рассекречено 28.04.1989)

¹³³ Там же. Оп. 24119. Д. 3. Л. 606. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 635. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁵ Там же. Оп. 24127. Д. 2. Л. 424. (Рассекречено 28.04.1989)

¹³⁶ Там же. Оп. 24119. Д. 4. Л. 485. (Рассекречено 07.02.2012)

¹³⁷ Там же. Д. 2. Л. 30. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁸ Там же. Л. 46–47. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁹ Там же. Д. 3. Л. 735. (Рассекречено 04.06.2003)

¹⁴⁰ Там же. Д. 2. Л. 83. (Рассекречено 28.04.1989)

¹⁴¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

¹⁴² Там же. С. 108.

¹⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 2. Л. 101. (Рассекречено 07.02.2012)

¹⁴⁴ Там же. Д. 3. Л. 796. (Рассекречено 04.06.2003)

руководству (они же включены в «Перечень...»)¹⁴⁵. Только в июне 1941 г. с Г. Кегелем было проведено девять встреч. На основе переданных им сведений 19 июня 1941 г. в Центре было подготовлено специальное сообщение «О признаках вероятного нападения Германии на СССР в ближайшее время»¹⁴⁶. 20 июня 1941 г. РУ ГШ КА направило руководству СССР донесение «О признаках неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшие дни»¹⁴⁷.

Утром 21 июня 1941 г. Г. Кегель вызвал советского разведчика на встречу и сообщил, что посол Германии «получил телеграмму из министерства иностранных дел в Берлине [о том, что] война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов». Вторая встреча состоялась в тот же день в 19:00. Источник сообщил, что еще утром германский посол Ф.В. фон дер Шуленбург получил указание «уничтожить все секретные документы» и приказал «всем сотрудникам посольства до утра 22 июня упаковать все свои вещи и сдать их в посольство, живущим вне посольства переехать на территорию миссии». В завершение разговора немецкий антифашист сказал: «Все считают, что наступающей ночью начнется война»¹⁴⁸.

После этой встречи было подготовлено срочное донесение «О признаках нападения Германии на СССР в ночь с 21.06 на 22.06». По указанию генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова офицер специальной связи в 20:00 21 июня 1941 г. срочно доставил конверт с надписью «Только адресату. Сотрудникам аппарата не вскрывать» И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко¹⁴⁹.

Сведения о предстоящем 22 июня 1941 г. нападении поступали не только из посольства Германии в СССР, но и от советского военного атташе во Франции генерал-майора артиллерии И. А. Сулопарова, который предупреждал о том, что, «по достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 г.»¹⁵⁰. Это донесение было доложено руководству СССР. По словам бывшего начальника ГРУ ГШ генерала армии П. И. Ивашутина, на бланке донесения сохранилась резолюция И. В. Сталина, отражавшая умонастроения вождя в тот момент: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его»¹⁵¹.

К 22 июня 1941 г. РУ ГШ КА, во главе которого находился генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, смогло обеспечить руководство Наркомата обороны и Генерального штаба следующими документами: схемой возможных районов сосредоточения германских войск на территории Финляндии и использования группировки в Норвегии в случае войны против СССР; сведениями об общих мобилизационных возможностях и вероятном распределении германских сил по театрам военных действий; схемой вероятных операционных направлений и возможного сосредоточения и развертывания войск вермахта на Восточном фронте; схемой группировки германских войск на 20 июня 1941 г.; картой группировки и дислокации германской и румынской армий на 22 июня 1941 г.¹⁵²

Отсюда можно сделать вывод о том, что предпринятые руководством германского вермахта усилия по дезинформации и оперативной маскировке переброски войск к советским границам не смогли полностью скрыть подготовку Германии к войне против СССР.

¹⁴⁵ Напомним, что В. А. Новобранец в своих воспоминаниях писал, что «мы подозревали, что наш агент из немецкого посольства [...] явный дезинформатор» (Новобранец В. Указ. соч. С. 84). Естественно, В. А. Новобранец не знал, кто именно являлся советским разведчиком в германском посольстве, а мемуары Г. Кегеля, изданные на немецком языке в 1983 г., а на русском – в 1987 г., он, конечно, прочитать не успел, поскольку умер в 1984 г. (Примеч. О.К.)

¹⁴⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108.

¹⁴⁷ Там же. С. 108.

¹⁴⁸ Там же. С. 108.

¹⁴⁹ Там же. С. 108.

¹⁵⁰ Ивашутин П. И. Докладывала точно (Воспоминания о минувшей войне) // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.

¹⁵¹ Там же. С. 57.

¹⁵² Кондрашов В. В. Указ соч. С. 98–99.

В первые дни Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Ф. И. Голиков не был, вопреки распространенному мнению, снят с поста начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии¹⁵³. Оставаясь в прежней должности, он был направлен в Великобританию и США для проведения переговоров о военных поставках для СССР и открытии второго фронта. Никакое другое должностное лицо Наркомата обороны отправлено быть не могло: ни у кого в должностных обязанностях не были предусмотрены взаимоотношения с зарубежными военными деятелями. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что И. В. Сталин и другие высшие руководители государства и Наркомата обороны не считали Ф. И. Голикова виновным в трагедии 1941 г., хотя в это же время многие советские генералы были не только сняты со своих должностей, но и репрессированы.

После возвращения из зарубежной командировки генерал Ф. И. Голиков командовал армиями и фронтами на полях сражений Великой Отечественной войны, занимал ответственные посты в центральном аппарате НКО СССР и даже вновь, правда совсем недолго (с 16 по 22 октября 1942 г.), был начальником советской военной разведки¹⁵⁴.

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Ф. И. Голиков, возглавляя в 1940–1941 гг. Разведуправление Генштаба Красной армии, своевременно информировал политическое и военное руководство СССР о надвигающейся войне и претензий к нему высказано не было.

*О. В. Каримов,
кандидат исторических наук*

¹⁵³ Это подтверждает и тот факт, что в сентябре 1941 г. Ф. И. Голиков подписал спецсообщение РУ ГШ КА «О подготовке немцами воздушно-десантной операции против Крыма». См. документ № 55 во второй части данной книги. (Примеч. О.К.)

¹⁵⁴ Каримов О. В., Могильников В. А. Указ. соч. С. 63.

Воспоминания

В разведке

Летом 1940-го я был назначен начальником центрального органа военной разведки – Разведывательного управления Наркомата обороны. Произошло это в июле месяце, едва ли не в день моего сорокалетия. Полученный из Москвы приказ был столь же категоричным, сколь неожиданным для меня. Я командовал 6-й армией в городе Львове.

Оставлять любимое дело не очень хотелось, тем более менять строевую работу на любую другую я не собирался, а жить в Москве вообще не помышлял. Работой в 6-й армии был очень увлечен. Ведь со дня воссоединения в сентябре 1939 года западных областей Украины с Советским Союзом не прошло и года, и лето 1940-го было очень «горячим»: приближение военной опасности для нашей Родины чувствовалось все сильнее, и все мы были целиком захвачены повышением боевой готовности своих войск и строительством оборонительных укреплений на нашей новой границе в районе Равы-Русской, по правому берегу реки Сан, у Перемышля и еще южнее в предгорьях Карпат. Все в армии понимали, что мы строим их против гитлеровской Германии.

О новом назначении со мной никто не беседовал, но приказ был получен и, вполне понятно, беспрекословно выполнен.

Смущало и очень беспокоило сознание того, что я не имел специальной разведывательной подготовки. Конечно, как всякий общевойсковой командир и политработник, я владел знаниями и навыками в организации и ведении разведки боевыми подразделениями, частями и соединениями. Моим максимумом здесь были мотомеханизированный корпус и общевойсковая армия.

В области же разведки стратегического масштаба меня просветила Военная академия имени М. В. Фрунзе и еще – некоторые произведения периода мировой войны 1914–1918 годов. Произведения эти были полезны, но многое в них было явно надуманным и преувеличенным, а бесчестность, жажда наживы, шантаж, интриги, подкуп, коварство и т. п. ловко рядились в одежды патриотизма, идейности, благородства, бескорыстной романтики и мрачной таинственности.

Заранее скажу, что все эти наносные представления у меня быстро рассеялись по приходе в Разведупр. Рассеялись перед лицом реальной действительности: я увидел жизнь и труд большого коллектива, здорового, активного, дружного, идейно, политически целеустремленного, работающего уверенно и буквально не покладая рук: днем и ночью, в будни и в праздники. Работа велась на базе новейших достижений научно-технической мысли того времени.

К числу вопросов, которыми сразу потребовалось заняться, относился вопрос о подчиненности Разведывательного управления и его контактах с другими организациями. Возник он вполне закономерно и, кажется, по инициативе комиссии, назначенной наркомом обороны для передачи мне дел моим предшественником – генералом И. И. Проскуровым, Героем Советского Союза. Возглавлял комиссию заместитель наркома Е. А. Щаденко.

Разведывательное управление до июля 1940 года не входило в систему Генерального штаба Красной армии, оно напрямую подчинялось народному комиссару обороны. Однако все говорило за то, что работать Разведупру вне Генштаба, без подчинения начальнику Генерального штаба, без его повседневного руководства, без систематической оценки им материалов разведки нельзя. Необходимость организационного включения Разведупра в Генштаб с пря-

мым подчинением его начальнику я подтвердил сразу и без малейших колебаний. Соответствующее решение высших органов состоялось в июле же¹⁵⁵.

Вопрос о подчинении Разведупра на этом не кончался. Дело обстояло сложнее, так как прямые личные контакты начальника РУ с наркомом обороны периодически оказывались необходимыми, конечно, не в обход начальника Генерального штаба, более того – с его ведома и с докладом ему о результатах посещения наркома. К последнему доводилось и приходилось непосредственно обращаться по разным вопросам военного свойства, например при назначении на разведывательную работу крупных работников из войск. Иногда он сам вызывал меня для участия во встрече с тем или иным официальным военным представителем иностранного государства. Такие случаи имели место, например, при беседах с генералом Кестрингом, военным атташе Германии, при беседе с одним из высокопоставленных японских генералов.

С моей точки зрения, прямые контакты наркома с начальником РУ были вызваны самим характером деятельности Разведывательного управления, его задачами и требованиями к нему, особенно в международных военно-политических условиях того времени. Ничего, кроме пользы делу, от этого не было, тем более что С. К. Тимошенко, тогдашний нарком обороны, уделял разведке большое внимание и был очень отзывчив на нужды Разведупра. При этом Тимошенко никогда не подменял начальника Генерального штаба, не обезличивал его.

С давнего времени установилась практика и система, по которым Разведывательное управление свои важнейшие данные, например из ежедневно поступавших телеграфных донесений из-за границы, обязано было представлять напрямую руководителям высших военных, партийных и государственных инстанций, начиная с генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина. Всегда это делалось и в отношении наркома обороны, и в отношении начальника Генерального штаба. Хочется подчеркнуть, что все оперативные работники Разведупра относились к этому с полным пониманием и с большой ответственностью. Знаю, что к информации нашей военной разведки И. В. Сталин относился с вниманием, интересом, следил за ее содержанием и качеством.

Широкий круг задач, обязанностей и нужд военной разведки не раз приводил меня не только к начальнику Генштаба и наркому обороны, но, с их ведома, и к руководителям союзных наркоматов, например к А. И. Микояну, А. Г. Звереву. Хороший контакт был у нашего РУ с Наркоматом иностранных дел. Раза два-три мне доводилось беседовать с Георгием Димитровым.

Гораздо слабее была связь между различными видами советской разведки, как в смысле оперативного взаимодействия, так и по линии обмена информацией. Органа, контактирующего их деятельность, не существовало. Собственных намерений и усилий к установлению таких связей стороны проявляли очень мало, а что касается меня, то я не знал, как к этому вопросу подходить и что тут можно сделать. Отвлекаясь немного, хочу сказать, что в ходе Великой Отечественной войны был период, когда я, видимо по решению ГКО и Ставки ВГК, некоторое время руководил Объединенным совещанием начальников разведывательных управлений всех видов советской разведки. Наша задача состояла в том, чтобы выявить и оценить возможности сопротивления фашистской Германии на этапе, близком к завершению Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Помнится, мы провели несколько обсуждений и представили высшему политическому и военному руководству СССР результаты нашего всестороннего анализа. Польза от такой контактной работы и совместных обсуждений была несомненной для каждой участвующей орга-

¹⁵⁵ Разведывательное управление РККА непосредственно подчинялось наркому обороны СССР с 1934 г. В мае – июне 1939 г. оно было реорганизовано в 5-е Управление РККА, а в конце июля 1940 г. вошло в состав Генерального штаба Красной армии. (Примеч. сост.)

низации. При этом ни с одной стороны не было проявлено ни малейшего посягательства на секреты и прерогативы какого-либо вида разведки.

Бывать в период работы в разведке у И. В. Сталина и лично докладывать ему мне не приходилось. Вызывать меня к себе сам он, как видно, не видел необходимости. К тому же о деятельности Разведупра он всегда мог узнать у наркома обороны, особенно же у начальника Генерального штаба. Проситься самому к нему на прием мне и в голову не приходило, и вообще это казалось слишком нескромным, если не еще хуже¹⁵⁶.

Большое внимание Разведупру всегда уделял Центральный комитет ВКП(б), особенно в деле подбора и укрепления кадров военной разведки. А нужда в работниках все время возрастала, так как задачи разведки усложнились и их становилось больше. Забота о кадрах давала плодотворные результаты.

В рядах Разведупра трудились высокоподготовленные в специальном, стойкие в морально-политическом отношении, преданные советской Родине и принципам пролетарского интернационализма кадры.

Назову для примера несколько лиц, о делах которых известно из нашей печати. Это Рихард Зорге, Ильзе Штебе – «Альта», Курт¹⁵⁷, Лев Маневич, Вольфганг «Ариец»¹⁵⁸, коллектив «Красной капеллы».

О том, какие герои и мастера действовали в органах агентурной фронтовой разведки, дают представление такие люди, как Аня Морозова (вспомните кинофильм «Вызываем огонь на себя!») и Елизавета Вологодская (кинофильм «Майор “Вихрь”»). А сколько разведчиков, рассказать о ком еще не настало время!

В самом центральном аппарате РУ было очень много таких людей, которые работали в нем долгие, долгие годы – пятилетия и даже десятилетия. Придя в РУ молодыми, они отдали целиком себя внешне малозаметному, но исключительно трудному, важному и благородному делу советской военной разведки. Некоторые из них отдали за это свою жизнь.

Сохранение сложившихся кадров, пополнение их свежими силами и общее сплочение коллектива военной разведки для решения стоящих перед Разведупром вопросов нами рассматривалась как важнейшая задача нашей работы.

Важно было сразу вселить в умы людей понимание того, что их положение устойчиво по всем линиям – и в легальных, и в нелегальных условиях. К примеру, скажу о случае с Зорге, когда ему потребовалась экстренная помощь крупной суммой денег. Немедленно принятая, эта мера полностью себя оправдала.

Сильная партийная организация Разведупра и его политический отдел, немало лет возглавлявшийся И. И. Ильичевым, эффективно помогли создать очень дружную атмосферу и в работе, и во взаимоотношениях, и в настроении людей. Не вспомню ни одного человека, который бы заявил о нежелании работать в РУ, но знаю и отлично помню работников, кто продолжает работать в этой области до сих пор. Многие в самый трудный период Великой Отечественной войны были взяты на фронт на общекорпусную, штабную, специальную работу, а также в разведку, в партизанские отряды и т. д.

Из числа взятых в войска работников РУ армиями командовали В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко и К. С. Колганов. М. А. Пуркаев прошел путь командующего армией и фронтом. В. И. Тупиков был назначен начальником штаба фронта, Н. С. Дронов – начальником штаба армии. Некоторые были командирами корпусов, в частности А. П. Панфилов, и командирами дивизий, например В. А. Герасимов и Х.-У. Дж. Мамсуров.

¹⁵⁶ Накануне Великой Отечественной войны Ф. И. Голиков был на приеме у И. В. Сталина пять раз: в 1940 г. – 11 октября, 20, 22 и 25 ноября; в 1941 г. – 11 апреля. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 595. (Примеч. сост.)

¹⁵⁷ По-видимому, здесь идет речь о К. Шульце. (Примеч. сост.)

¹⁵⁸ Очевидно, речь идет о Р. фон Шелиа. (Примеч. сост.)

Многих война застала на постах начальников разведывательных отделов штабов военных округов. Одни из них возглавляли службу разведки в штабах фронтов, другие – в штабах армий. В абсолютном большинстве они с честью оправдали свое назначение. Для примера назову начальников разведывательных отделов штабов фронтов П. П. Евстигнеева, М. А. Мильштейна, А. С. Рогова, В. М. Капалкина, А. И. Сафронова, Т. Ф. Корнеева, а из числа начальников разведки армий – А. Г. Колесова, Н. А. Филатова, С. А. Фомина.

События и уроки Второй мировой войны, относящиеся к действиям агрессоров и «мюнхенцев»¹⁵⁹ в 1939–1940 годах, а тем более нарастание военной угрозы Советскому Союзу, потребовали привлечения в ряды стратегической разведки большого количества новых работников со свежим военным опытом, с высшим общевоинским и специальным образованием. И такие люди пришли – командиры общевоинских соединений, артиллеристы, танкисты, авиаторы, инженеры, химики, связисты. В центральный аппарат Разведупра были назначены командиры корпусов И. Г. Рубин и К. С. Колганов, командир дивизии Н. С. Дронов, командир танковой бригады А. П. Панфилов¹⁶⁰. На должности военных атташе пошли: в Англию – танкист, полковник И. А. Скляр, в США – командир артполка полковник И. М. Сараев, во Францию – генерал-майор артиллерии И. А. Сулопаров.

С ходу начать практическую работу в Разведупре для меня было, конечно, очень сложно, и тут нужно отметить роль упомянутой приемно-сдаточной комиссии. Работала она долго, кропотливо, придирчиво и немало отрывала людей от текущих дел, но при этом работала добросовестно и старательно. Во многом благодаря ей я смог быстрее сориентироваться в обстановке. Мне было также указано на некоторые слабости в работе как центрального аппарата, так и периферийных органов разведки.

Первостепенным в многообразной деятельности Разведупра был вопрос, что в обстановке 1940 года для него являлось главным. На чем и на ком сосредоточить основное внимание, приложить основные усилия, направить основные средства.

В целом коллектив Разведупра правильно понимал обстановку последних восьми – десяти лет и настойчиво вскрывал замыслы и действия, направленные против Советского государства.

Январь 1933 года, приход Гитлера к власти. Вскоре – выход Германии из Лиги наций¹⁶¹. В том же году Гитлер получает от правительств Англии и Франции равное право на вооружение. Потом интервенция агрессоров в Абиссинии, за ней – в Испании.

Вслед за этим, в 1936 году, создание блока «Ось Берлин – Рим», «Антикоминтерновский пакт» Германии, Японии, Италии и фашистской Испании¹⁶². Потом открытый захват Гитлером Рейнской области, Австрии¹⁶³.

В мае 1939 года между Германией и Италией был официально заключен военно-политический союз, затем в сферу влияния гитлеровской Германии были вовлечены Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия Маннергейма. В апреле 1939 года фашистская Италия захватила Албанию.

¹⁵⁹ Здесь имеются в виду участники международной конференции, которая состоялась в Мюнхене 29–30 сентября 1938 г. (Примеч. сост.)

¹⁶⁰ Н. С. Дронов был командиром 81-й стрелковой дивизии в январе – июле 1938 г., А. П. Панфилов командовал танковой бригадой во время боевых действий у озера Хасан. (Примеч. сост.)

¹⁶¹ Гитлеровская Германия вышла из Лиги наций 19 октября 1933 г. (Примеч. сост.)

¹⁶² Антикоминтерновский пакт («Соглашение о совместной обороне против Коммунистического интернационала») заключили 25 ноября 1936 г. Германия и Япония. Италия к этому пакту присоединилась 6 ноября 1937 г., а Испания – 7 апреля 1939 г. (Примеч. сост.)

¹⁶³ Рейнская демилитаризованная зона была оккупирована германскими войсками 7 марта 1936 г. Аншлюс Австрии (то есть включение этого независимого государства в состав Третьего рейха) состоялся 12–13 марта 1938 г. (Примеч. сост.)

Настойчиво развертывала агрессивные действия против СССР милитаристская Япония: в 1938 году она совершила вооруженное нападение у озера Хасан, в 1939-м развязала наступательные операции в районе реки Халхин-Гол.

Как же перед лицом непрерывных и становившихся все более грозными фактов агрессии вели себя правительства сильнейших капиталистических держав Запада – Великобритании, Франции, США?

Ответить на этот вопрос без всякого риска ошибиться или перегнуть можно так: лишь бы не помешать агрессорам, лишь бы не спугнуть их, как бы помочь им удобнее для себя и незаметнее для других.

Теперь по этому вопросу появилось немало публикаций, основанных на множестве рассекреченных за последние 20–25 лет документов держав – участниц Второй мировой войны. Стали явными тайные планы заправил буржуазного Запада, их маневры и уловки против стараний Советского Союза по организации коллективной безопасности миролюбивых государств. Нам явно грозила опасность войны по меньшей мере на два фронта: на западе со стороны гитлеровской Германии и на востоке со стороны милитаристской Японии. Не исключался и третий фронт – со стороны Турции и Ирана, где рука и влияние гитлеровской Германии день ото дня чувствовались все сильнее, особенно после захвата Греции, Албании, Югославии и ввода гитлеровских войск в Болгарию и Румынию.

Май 1940 года ознаменовался переносом военных усилий гитлеровской Германии против Франции, Англии, Бельгии и Голландии. Разгром Франции, капитуляция голландской и бельгийской армий, позор Англии у Дюнкерка поставили перед советской военной разведкой ряд новых, причем острых и срочных задач.

Что предпримет Гитлер теперь? Каковы его планы на завтра? Куда направятся мощные силы вермахта дальше? Какими будут их действия по отношению к Советскому Союзу? Это были вопросы военно-политического и, я бы сказал, внешнеполитического характера. Наше Разведывательное управление, насколько мне довелось его знать, никогда не замыкалось в рамки профессиональных вопросов. Проблемы внешней политики страны были и его проблемами.

Вот и на том этапе «германский вопрос» теснейшим образом был связан с «английским» – с намерениями Гитлера относительно Англии и наоборот. Не мог не встать перед нами и вопрос об отношении США к действиям Германии. Тем более что на всю деятельность и особенно на подход американского правительства к военно-политическим делам крайне отрицательно влияли изоляционисты. То же надо сказать о Балканских государствах, Ближнем Востоке и Турции, где вмешательство гитлеровской Германии и рост ее воздействия на положение этих стран непрерывно усиливались. О Японии, как военном и идейном союзнике гитлеровской Германии, уже говорилось.

К чести коллектива Разведывательного управления ответ на поставленный вопрос – кто для Советского Союза является первоочередным и главным врагом – был единодушным: гитлеровская Германия! И как вывод: главные усилия должны быть сосредоточены на планах войны Гитлера против СССР. На решении этой задачи мы концентрировали усилия всех звеньев нашей военной разведки, использовали все каналы работы в каждой стране, где имели свои позиции. Разведупр располагал довольно значительной, надежной и умелой сетью нелегалов во многих странах. Немалыми были по тем временам возможности его легального аппарата в лице военных атташе и сотрудников советских посольств.

Многое открывалось и систематическим изучением иностранной прессы, разного рода непериодических изданий, например научных трудов, справочников. И еще – общественными контактами. Нельзя, однако, и преувеличивать значение всего перечисленного.

Возможности нашей агентуры – нелегалов из числа граждан своих стран – не были большими, особенно в добывании нужных нам официальных документов руководящих инстанций высшего военного командования.

Очень много поступало сведений далеко не из первоисточника, а из вторых, третьих рук или из чего-то прочитанного, услышанного, кем-то рассказанного.

Все это предъявляло исключительно высокие требования к аналитической и информационной работе Разведупра.

Можно с уверенностью сказать, что его информационный аппарат, возглавляемый генералом Л. В. Оняновым и полковником Г. П. Пугачевым, отличался высокой квалификацией, пытливостью, живым реагированием на текущие события, отсутствием шаблона и нетерпимостью к стандартному подходу при оценке обстановки. Не в меньшей степени эти свойства отнормировались и к руководителям агентурных отделов, добывавших нужные знания. Оценка поступавших данных была делом далеко не легким и уж во всяком случае не таким, как это кое-кому казалось тогда и особенно по окончании войны. Причем суть состояла не в том, что материалов было мало. Наоборот, их было очень много, и разных, толстых и тонких, больших докладов и кратких телеграмм, печатных текстов и фотографий. К нам шло все то, что с точки зрения наших низовых корреспондентов казалось заслуживающим внимания: достоверное и недостоверное, проверенное и непроверенное, слухи и предположения, домыслы и вымыслы. Причем во всем этом нередко одно противоречило другому, многое, зачастую не всегда важное, неоднократно повторялось, а другое, порой существенное, исчезало из поля зрения или видоизменялось. Во всем этом не было ничего удивительного.

Одно объяснялось весьма скромным служебным или общественным положением какой-то части наших нелегальных сотрудников с вытекающими отсюда ограниченными возможностями для их работы. Другое – обилием наших друзей из числа самого простого трудового люда без малейшей профессиональной разведывательной подготовки, старавшихся нас настроить, о чем-то предупредить. А разве мало интересного можно было услышать от словоохотливых туристов, вездесущих и «всезнающих» газетчиков, от неосторожных на слова служащих, в том числе военных и полицейских?

Было и третье объяснение, причем очень серьезное. Это дезинформация, преднамеренное распускание определенными высшими инстанциями вражеского лагеря нужных им слухов, по возможности хорошо продуманных и спланированных.

Нагромождение всех и всяких данных шло не из одной какой-то страны или из двух-трех, а со всех концов земного шара, из всех или почти из всех государств мира. Хорошо помню, насколько трудной, ответственной, а порой и острой была наша задача по оценке поступающих данных, по отсеву не заслуживающего внимания, по отбору заслуживающего внимания и по указанию на то, что является достоверным, что требует дополнительной проверки, а что является дезинформацией. Причем эта квалификационная работа была необходима и для указаний «вниз», и для докладов «вверх». В очень многих случаях вопросы этого рода не могли решить ни работники информации, ни работники агентурных отделов, ни те и другие вместе. Требовалось прямое участие, а часто и решение самого начальника Разведупра сразу же или после совместного обсуждения с работниками соответствующих отделов и с кем-то из заместителей, чаще всего с И. И. Ильичевым и А. П. Панфиловым, а также с К. С. Колгановым.

Казалось бы, чего проще – разослать в высшие политические и военные инстанции телеграфные донесения из-за границы. Но они поступали ежедневно во множестве, и совесть говорила: нельзя же загромождать, отбирай действительно важное для конкретной инстанции. Когда же возникала мысль «послать – не послать», мы говорили себе: лучше послать. Пожалуй, такие мысли чаще всего возникали о данных внешнеполитического, точнее, дипломатического характера. При этом думалось: наверно, это уже известно без нас (по линии Наркомата ино-

странных дел). И тем не менее я не помню случая, когда бы нам «сверху» сказали: «Это не надо», или «Такой материал не присылайте», или «Это уже известно».

По периоду своей работы в РУ не помню ни одного случая, когда бы наше донесение подвергалось критике, опротестованию, а тем более отмене со стороны инстанций, которым Разведупр подчинялся и которые обязаны были им руководить, или со стороны командующих, штабов и военных советов округов и фронтов.

Но вот вопрос, стоящий перед каждым разведчиком, особенно перед руководителем разведки: о доверии и достоверности. Речь идет о доверии к своим работникам, легалам и нелегалам, и о достоверности поступающих к нам в Разведывательное управление данных. Несмотря на родство слов, совершенное различие между этими понятиями очевидно.

В ходе своей практической работы я видел, что этот вопрос оказывался актуальным не только для меня, начинающего в разведке, но и для моих сотоварищей, профессиональных разведчиков с большим опытом работы.

Твердо заявляю: мы, руководители Разведупра, доверяли своей агентуре, ценили ее, дорожили ею. Да и как же можно было вести дело иначе? Ведь мы его строили на достойных людях, на тех, кто шел к нам не из низменных расчетов, а из благородных побуждений идейного и морально-политического порядка. Они чувствовали наше к ним отношение и платили нам тем же: доверием и твердой надеждой, что в случае беды не будут оставлены нами на произвол судьбы.

Короче говоря, в получаемом материале нужно было разбираться претщательнейшим образом. И в сообщениях самых надежных и доверенных наших людей могли быть и достоверные, и недостоверные данные, правда могла соседствовать с правдоподобием, реальные факты – с домыслом и вымыслом. Максимум усилий надлежало уделить проверке и перепроверке, сопоставлениям и сравнениям, привлечению вспомогательной информации, причем порою поступившей откуда-то со стороны.

При всем этом работники разведки, в том числе Разведупра, всегда помнили, что они работают не для себя, что их данные нужны и высшим органам, и Вооруженным силам. И нужны вовремя. Поговорка «Дорого яичко ко Христову дню» здесь особенно уместна. Время было решающим фактором.

Мы никогда не уклонялись от представления добываемых нами данных и представляли их в документах разнообразных видов. При этом свою роль не сводили к передаточной роли, к пересылке или отсылке документов, а выражали свое мнение, свое к ним отношение. И выражали, беря на себя ответственность, причем не шаблонно или формально. Мы говорили: «По достоверным данным», «По данным, заслуживающим доверия» или то-то «заслуживает внимания». Нередко писалось, что данные требуют проверки, и это вполне понятно, так как принцип «Доверяй, но проверяй» в делах разведки не менее, а, скорее всего, более обязателен, чем в любом другом деле. Тем более надо было проверять, когда что-то в полученных данных вызывало сомнение.

Сомнение, недоверие возникали нередко и по крупным вопросам политического и военного характера. Иногда, в зависимости от обстоятельств, мы в своих докладах и материалах в высшие инстанции называли действительное имя нашего источника.

Как-то раз, спустя уже более четверти века после начала Великой Отечественной войны, мне пришлось услышать сетования одного военного историка на то, что в Разведупре якобы не придавалось должного значения достоверным сообщениям замечательных военных разведчиков. Тогда достаточно спросить: на основании каких же сообщений мы докладывали высшему политическому и военному руководству страны данные по острейшим вопросам предвоенных лет? Чьим сведениям мы придавали «должное значение», если не своих источников? На основании чего брали на себя ответственность перед советским правительством, ЦК ВКП(б) и высшим военным командованием?

Не на основании же потоков газетной информации, различного рода слухов, догадок, домыслов (хотя кое-что полезное содержалось и в них!).

А каким горячим было то время и на какие вопросы нужно было отвечать!

Победив в «странной войне» коалицию западных государств, Гитлер с лета 1940 года приступил к претворению в жизнь своих дальнейших планов. В сентябре 1940-го в Берлине был официально подписан пакт «Ось Рим – Берлин – Токио». В октябре того же года войска Муссолини вторглись в Грецию. В декабре Гитлер подписал план «Барбаросса», то есть план «Восточного похода», войны против Советского Союза. Весна 1941 года: оккупация гитлеровскими войсками Болгарии, вторжение больших масс немецко-фашистских войск в Югославию, оккупация немцами и итальянцами Греции.

И по всем этим событиям основой сведений военной разведки и наших донесений высшим инстанциям являлись достоверные, заслуживающие внимания сообщения наших славных разведчиков. Причем то обстоятельство, что эти сведения не сразу оказывались исчерпывающими или нуждались в дополнительной проверке, не играло решающей роли, не задерживало нас. Мы не допускали перестраховки и боязни ответственности, не оттягивали представление своих докладов руководству ВКП(б), советскому правительству и высшему военному командованию. В самом сжатом виде приведу примеры.

Мы считали очень важным поскорее ознакомить высшие звенья советского военного командования с тем, как гитлеровские вооруженные силы в мае – июне 1940 года осуществляли генеральное наступление на Западном фронте против объединенных сил Франции, Англии, Бельгии и Голландии. В декабре 1940 года с освещением этого вопроса я выступил на широком и представительном совещании руководящего командного и политического состава в Москве. В основном говорилось о так называемой июньской «битве за Францию»¹⁶⁴. Было сказано об участвовавших в наступлении немецко-фашистских силах, их сосредоточении, группировке и размахе операции. Были приведены данные о боевых плотностях в живой силе и технике на всем тысячекилометровом фронте от швейцарской границы до устья Соммы. Отдельно – на сходящихся направлениях и особенно в двухсоткилометровой полосе главного удара. Достижимая степень концентрации сил и средств на решающих направлениях подчеркивалась сообщением о том, что между Намюром и Седаном, то есть в полосе группы армий «А», у немцев в среднем одна пехотная дивизия получала полосу атаки, составлявшую всего два с половиной – три километра. Всего же в полосе главного удара гитлеровцы ввели в дело четыре полевые армии с общим количеством в 65 пехотных дивизий и не менее девяти танковых дивизий, а также главные силы авиации.

Приведенные в выступлении данные давали много простора для размышлений, анализа и собственных выкладок всем нашим операторам, нашим высшим штабам, начиная с Генерального и его начальника, командующим военными округами и другим военным инстанциям.

Не помню точно когда, но, кажется, вскоре после этого всеармейского совещания мне представилась возможность выступить на Главном военном совете с сообщением о развитии вооруженных сил гитлеровской Германии. Заседание проходило в особняке Наркомата обороны по соседству с Генеральным штабом. Среди участников были некоторые члены Политбюро ЦК ВКП(б), и выступление перед таким составом для меня было первым в жизни.

Особое внимание старался обратить на ускоренное развитие и значительное количество состоявших на вооружении вермахта бронетанковых сил, зенитных и противотанковых средств, артиллерии на механической тяге и авиации. Помнится, этот доклад был встречен с самым живым и глубоким интересом всех участников заседания, и я ушел удовлетворенный проявленным к нашему вопросу деловым вниманием и подходом.

¹⁶⁴ Речь идет о втором этапе Французской кампании вермахта, получившем кодовое наименование «Рот» и длившемся с 5 по 22 июня 1940 г. (Примеч. сост.)

Положение на Балканах в связи с агрессивной политикой Италии и Германии не могло не беспокоить советское правительство и, естественно, составляло предмет больших забот нашего Разведывательного управления.

Захватив в 1939 году Албанию, Италия во главе с Муссолини усиленно готовилась к следующей грабительской акции – против Греции. Гитлеровская Германия к 1940 году многое «успела» в укреплении своего экономического, политического и военного положения в Румынии, Болгарии, а также в Венгрии. Все больше усиливался ее нажим на Югославию, вмешательство во внутренние дела Югославии при помощи крупных сил прогитлеровской пятой колонны.

Несомненно, рост гитлеровского влияния встречал в этих странах растущее сопротивление истинно патриотических и просоветских сил, но их возможности в условиях обстановки того времени были недостаточными.

У советской военной разведки были сильные позиции во всех Балканских государствах, поэтому она достаточно хорошо знала истинное положение в каждом из них. Вторжение в Грецию, Югославию, оккупация немецкими войсками Румынии и Болгарии советскую сторону не захватили врасплох. Очень быстро были выявлены численность, состав и группировка войск агрессора.

Постоянное знание истинной группировки немецко-фашистских вооруженных сил, особенно против Советского Союза, являлось одной из важнейших задач Разведупра. Непростой задачей это было. Войска постоянно передвигались с одного театра военных действий на другой, причем на огромном пространстве от Нарвика (северная Норвегия) до Египта и от Балтийского моря до Эгейского. Наряду с этим одна за другой проводились крупные мобилизации и формировались новые общевойсковые соединения, части авиации, части специального назначения, организация Тодта и т. д.

Могут без обиняков утверждать, что военная разведка с этой своей задачей справилась успешно и своевременно.

Уже в ноябре 1940 года мы доносили (вплоть до штабов военных округов), что с осени этого года было «установлено увеличение германских войск против наших западных границ». При этом подчеркивалось, что «это требует к себе серьезного внимания, так как общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ»¹⁶⁵.

На 15 ноября 1940 года в результате проведенных за год мобилизаций и оргмероприятий состав германской армии достиг уже 229–242 дивизий, в том числе 15–17 танковых и 8–10 моторизованных¹⁶⁶.

Из этой общей массы от 112 до 120 дивизий (включая 15–16 танковых и моторизованных) находились на востоке – на нашей границе, на территории Восточной Пруссии, Польши, Словакии, Венгрии, Румынии, Прикарпатской Украины¹⁶⁷.

Точные указания на то, сколько, каких и где дивизий находится, уже давали полную возможность определить, что центр тяжести в группировке вооруженных сил гитлеровской Германии на ноябрь 1940 года переместился с запада на восток.

Как свидетельствует упомянутая разведывательная сводка № 8, собственно на Западном фронте на 15 ноября вермахт имел: 38 дивизий (из них 2 танковые) в районе Брест, Шербур, Кале, Роттердам и восточнее, 10–11 дивизий в Норвегии, 6–8 дивизий на швейцарской границе и 12–14 дивизий стояли вдоль западного морского побережья Франции вплоть до стыка с Испанией. Итого: 66–71 дивизия вместо тех 124 дивизий (в том числе 12 танковых), с кото-

¹⁶⁵ Разведывательная сводка № 8, пункт «Изменения в стратегическом развертывании германской армии».

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

рыми 5 июня 1940 года сухопутные силы гитлеровской Германии начали, а к 22 июня 1940 года закончили победой свой второй и последний этап операции во Франции¹⁶⁸.

Большие мобилизационные мероприятия и новые формирования, активно продолжавшиеся в Германии и с началом 1941 года, дали нам основание доложить, что к апрелю 1941 года вооруженные силы Германии насчитывали уже «до 10 миллионов человек»¹⁶⁹. Если в феврале 1941 года мы предполагали, что «в результате этих мероприятий количество дивизий германской армии к весне 1941 года может быть доведено до 250–260 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных»¹⁷⁰, то к 1 июня 1941 года мы докладывали об этом уже утвердительно. В разведсводке № 5 говорилось, что на 1 июня 1941 года наземные вооруженные силы Германии имеют 286–296 дивизий, в том числе 20–22 танковых, 20–25 моторизованных, 4–5 парашотно-десантных, 4–5 авиадесантных, 15 горных и 16 дивизий СС.

Интересно сравнить сведения о количестве сосредоточенных против СССР германских дивизий к июню 1941 года по тогдашним сведениям нашего Разведупра и сегодняшним данным. Вот книга Издательства политической литературы «Армия Советская», тираж 100 тысяч. На 155–156 страницах читаем: «К весне 1941 года германская армия имела 214 дивизий, в том числе 21 танковую и 14 моторизованных... И вот из этих 214 испытанных, обстрелянных дивизий 153, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных, было направлено на восток, к границам Советского Союза».

Что же доносило по этому поводу наше Разведывательное управление почти 30 лет тому назад? В той же разведсводке № 5 оно утверждало, что по состоянию на 1 июня 1941 года гитлеровское командование против Советского Союза уже имело сосредоточенными вдоль наших западных границ (считая Финляндию и Румынию) около 130–131 немецких дивизий с глубиной их расположения в 400 километров (то есть вплоть до района Данциг, Познань, Торн, Эльбинг). При этом в том же документе мы указывали, что «германское командование продолжает (подчеркнуто мной. – Ф.Г.) сосредоточение войск к пограничной полосе с СССР, производя массовые переброски частей из глубины Германии, оккупированных стран Западной Европы и Балкан». А в глубине Германии, как мы утверждали в этом же документе, главное военное командование гитлеровской Германии на 1 июня имело в своем общестратегическом резерве 44–48 дивизий. И уж во всяком разе минимум половина из них была предназначена против СССР.

Таким образом, общий состав сил гитлеровской Германии, развернутых и предназначенных для начала действий против Красной армии, на 1 июня 1941 года составлял не менее 150–155 немецких дивизий. Как совершенно очевидно, в этот подсчет не включено количество наземных дивизий и отдельных бригад тогдашних гитлеровских союзников – Румынии, Венгрии и Финляндии. Их численность нам была известна точно, как верно говорится в упомянутой книге «Армия Советская» на стр. 156, «в общей сложности против Красной армии стояло в полной готовности 190 дивизий...»

Точность наших данных – результат исключительной добросовестности военных разведчиков на местах и специальных проверок получаемых сведений работниками Разведупра.

Кроме выявления всей массы немецких войск в общестратегическом плане, по тому, как их группировки были нацелены для действий против СССР по операционным направлениям, удалось определить и состав этих группировок.

Не лишне хотя бы на трех примерах показать, сколь тщательным и квалифицированным был контроль и наших друзей, и наших сотрудников над немецкими войсками на территории

¹⁶⁸ Данные о 124 дивизиях (в т. ч. 12 танковых) см.: Вторая мировая война. М., 1958. С. 86. (Примеч. Ф. И. Голикова.)

¹⁶⁹ Из разведывательной сводки № 3, апрель 1941 г.

¹⁷⁰ Разведывательная сводка № 1, февраль 1941 г.

Польши, Восточной Пруссии и Словакии в период подготовки гитлеровцев к вторжению в нашу страну.

Пример первый. Из общей численности в 105–107 дивизий, к 1 июня уже находившихся здесь, были точно зафиксированы места расположения штабов семи армий, двадцати двух корпусов и семидесяти пяти дивизий. Номера дивизий и армий были установлены в подавляющем большинстве, а номера корпусных управлений – наполовину.

Пример второй. Уже к концу 1940 года в поле нашего зрения попали факты и маршруты оперативно-стратегических рекогносцировок представителей верховного командования на территории Польши по планам военных действий против СССР. Из нашего документа – разведывательной сводки № 1 за 1941 год – можно узнать, что фельдмаршалы Браухич и Лист в ходе такой поездки посетили города Варшаву, Радом, Люблин, Сувалки, Остроленку, Холм, Томашев и Санок (это совсем недалеко от Львова!), а генерал-полковник Кюхлер с тем же фельдмаршалом Листом побывал в местечке Гибы Сувалкского района.

Пример третий. Для апреля 1941 года характерен усиленный подвоз немецким войскам, сосредоточивавшимся против СССР, средств материально-технического обеспечения. И наша сводка № 3 за апрель сообщает о том, как из глубины Германии шел поток грузов с боеприпасами, горючим и смазочными материалами.

Хотелось бы подчеркнуть, что наши возможности в разведке вооруженных сил Германии были не только на периферии гитлеровского рейха, скажем на территории Польши, Румынии, Болгарии, Словакии и т. д. Нет! Прежде всего – в самой Германии, начиная от пограничной зоны и вплоть до Берлина.

Я уже говорил, что мы опирались на помощь большого числа добровольных помощников из трудовых слоев населения как самой Германии, так и оккупированных ее армией стран. Это были простые, бескорыстные и честные люди, которые независимо от партийной принадлежности, вероисповедания, социального положения бесстрашно встали в ряды движения Сопротивления и сделали их многомиллионной силой. «Кто же были они, эти люди?» – задает вопрос, например, газета «Известия» в статье «Бессмертие павших». И справедливо отвечает: «Ученые и рабочие, артисты и инженеры, военнослужащие и врачи. Бывший министр социал-демократического правительства Пруссии в годы Веймара Адольф Гримме, человек, далекий от коммунизма, писал уже в наши дни об этих антифашистах: “Это была лучшая кровь Германии, подлинная ее элита, элита и по своим личным качествам, и по политическим талантам, и по дальновидности, и по истинно национальному самосознанию”»¹⁷¹.

Приведу пример. «Красная капелла» – под таким кодовым названием значилась в секретных нацистских документах подпольная антифашистская организация Шульце-Бойзена – Харнака. Она составила одну из самых ярких и славных страниц в истории антифашистской борьбы в Германии. Ее боевые группы к середине 1942 года насчитывали свыше двухсот человек. Некоторым участникам организации удалось устроиться на работу в те или иные нацистские учреждения. Это давало им возможность своевременно узнавать о планах гитлеровского руководства и использовать полученную информацию в целях антифашистской пропаганды. Так, Шульце-Бойзен приводил в своих листовках секретные сведения, которые добывал, работая в главном штабе ВВС. Его жена Либертас информировала подпольщиков о деятельности министерства пропаганды, где состояла внештатной сотрудницей. Гюнтер Вайзенборн¹⁷² устроился редактором последних известий берлинского радио, Мильдред Харнак – преподавательницей Берлинского университета. Арвид Харнак благодаря своему высокому посту в министерстве экономики получал важные материалы, касающиеся вопросов военного производства. В

¹⁷¹ Колосов Л., Петров Н. Бессмертие павших // Известия. 1969. 7 октября.

¹⁷² Речь идет о немецком писателе-антифашисте, участнике движения Сопротивления Г. Вайзенборне. (Примеч. сост.)

руки подпольщиков попадало все больше доказательств подготовки нападения гитлеровской Германии на Советский Союз¹⁷³.

Именно потому, что мы опирались на таких благородных и самоотверженных людей, у нас не было провалов, а имелась реальная возможность следить за состоянием германской экономики, иметь основные данные о военно-воздушных силах, бронетанковых войсках, о развитии всех видов артиллерии, о широком размахе военно-инженерной подготовки Восточного театра военных действий Германии против СССР.

Кстати сказать, строительство дорог, укрепленных районов и полос заграждения воензированной организацией Тодта с наступлением 1941 года особенно усилилось. Вопросы германской экономики в наших разведывательных сводках только за один 1940 год освещались шесть раз.

Естественно желание сопоставить эти данные нашего Разведупра с тем, что написано в книге генерала гитлеровского вермахта Курта Типпельскирха «История Второй мировой войны»: «К 22 июня, дню начала наступления, в районах стратегического развертывания было сосредоточено: 81 пехотная дивизия, 1 кавалерийская дивизия, 17 танковых, 15 моторизованных, 9 полицейских и охранных дивизий. В качестве резервов главного командования на подходе находились еще 22 пехотные, 2 танковые, 2 моторизованные дивизии и 1 полицейская дивизия»¹⁷⁴. Итого: 150 дивизий.

По этому же вопросу приведу цитату из книги коллектива военных историков «Вторая мировая война 1939–1945 гг.»: «Немецко-фашистские войска (с учетом резерва главного командования, не считая пяти немецких дивизий, находившихся в Финляндии, а также войск союзников) были расположены по направлениям, границы которых указаны выше¹⁷⁵. На главном направлении, в центре фронта, располагались 62 дивизии и две бригады, или около 43 %, на южном участке фронта – 54 дивизии, или до 36 %, и на северном участке фронта – 31 дивизия, или 21 %»¹⁷⁶. Итого: 152 немецкие дивизии (с пятью, располагавшимися в Финляндии).

Наконец, официальным свидетельством по данному вопросу является сказанное в книге «50 лет Вооруженных сил СССР»: «Для нападения на Советский Союз выделялось 153 дивизии, в том числе 33 танковые и моторизованные...»¹⁷⁷.

Не вызывает сомнения, что Генеральный штаб Красной армии знал данные Разведупра о германской армии, изучал их и учитывал в своих оперативных разработках. В подтверждение сошлюсь на некоторые источники. Вот что говорится в книге «Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»: «Генеральный штаб Советской армии имел достаточно полные сведения о наращивании сил противника у наших западных границ. Согласно разведывательным сводкам, на 1 февраля 1941 г. Германия имела у наших западных границ 66 дивизий, на 20 апреля их было уже 84–89, а на 1 июня – 120–122, в том числе 14 танковых и 13 моторизованных (Разведсводка РУ ГШ по Западу № 5 от 15 июня 1941 г.). Кроме того, считалось, что против СССР развернуто до 16 дивизий и 7 бригад румын, а также до 16 дивизий и 3 бригады финнов. Более скудными были данные о численности и группировке авиации противника»¹⁷⁸.

Совершенно очевидно, что здесь не приняты во внимание немецкие дивизии, развернутые на 1 июня 1941 года на наших границах с территорией Румынии и Финляндии.

¹⁷³ Подробнее см.: Лавров А. Они сражались с фашизмом // Правда. 1969. 8 октября.

¹⁷⁴ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 169.

¹⁷⁵ Об этом см.: Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1958. С. 140–142. (Примеч. сост.)

¹⁷⁶ Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1958. С. 143.

¹⁷⁷ 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 249.

¹⁷⁸ 78 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 159.

В той же книге на стр. 99 силы Германии на 15 мая 1941 года оценивались следующим образом: всего около 284 дивизий, из них танковых – 22, моторизованных – 20. По состоянию на это же число у нашей границы считались сосредоточенными 120 дивизий (в том числе танковых – 13, моторизованных – 12).

Здесь же указывалось, что всего Германия для войны против СССР может выставить до 180 дивизий (в том числе танковых – 19, моторизованных – 15), а с учетом войск Финляндии (до 20 пехотных дивизий), Венгрии (до 15 пехотных дивизий) и Румынии (до 25 пехотных дивизий) против СССР может быть развернуто до 240 дивизий.

В капитальном труде «50 лет Вооруженных сил СССР» на стр. 250–251 приводятся важные данные о мероприятиях Наркоматов обороны и Военно-морского флота по ускоренному повышению боеспособности Вооруженных сил. Так, «весной 1941 года Генеральным штабом совместно со штабами военных округов и флотов был разработан план обороны государственной границы 1941 года.

В феврале 1941 года правительством был утвержден план мобилизации Вооруженных сил, соответственно которому в округах и войсковых штабах в течение мая – июня был проведен ряд мобилизационных мероприятий. В начале июня проводится учебный сбор, по которому в воинские части вызываются 755 тыс. человек приписного состава и 38,5 тыс. направляются в укрепленные районы приграничных округов.

Учитывая дальнейшее нарастание угрозы войны, по указанию советского правительства, Генеральный штаб в мае – июне 1941 года начал передислокацию ряда дивизий и корпусов приграничных округов ближе к границе; командование приграничных округов получает указание немедленно приступить к строительству фронтовых командных пунктов и форсировать строительство укрепленных районов. Во второй половине мая – начале июня начинается выдвижение на запад войск из внутренних военных округов.

14–19 июня командование приграничных округов получает указания вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты, а 19 июня – приказ о маскировке аэродромов, воинских частей и военных объектов. Флоты и флотилии получили указания повысить боевую готовность и усилить корабельные дозоры.

Таким образом, учитывая сведения о приготовлениях Германии к нападению на СССР, поступавшие из различных источников в Москву, и данные военной разведки о сосредоточении большого количества войск противника у наших западных границ, советское правительство и военное командование в первой половине 1941 года провели целый ряд крупных мероприятий, которые имели важное значение для повышения боевой готовности наших Вооруженных сил. Но многих мероприятий к началу войны завершить не удалось».

Несомненно, заслуживает большого внимания непосредственное свидетельство крупного участника событий предвоенных дней – Маршала Советского Союза М. В. Захарова, до войны начальника штаба Одесского военного округа. Вот что он пишет в своей книге «Накануне великих испытаний»: «С апреля 1941 г. в приграничных районах появились вполне определенные признаки осложнения обстановки. Из разведывательных сводок Разведывательного управления Генерального штаба командованию округом было известно о непрерывном увеличении количества немецких войск в Польше за счет переброски их из Франции и о появлении соединений немецко-фашистских войск на территории Румынии...»¹⁷⁹.

Не сомневаюсь, что это же мог написать или подтвердить каждый начальник штаба всех наших военных округов от Баренцева до Черного моря.

Это тем более несомненно, что все штабы наших приграничных округов имели сильную фронтовую разведку как в пограничной полосе, так и на глубину в несколько сот километров.

¹⁷⁹ Захаров М. В. Накануне великих испытаний. М., 1968. С. 154.

А о том, какой была обстановка в пограничной полосе, достаточно ясно говорят строки I тома «Истории Великой Отечественной войны»: «Из разных источников (от органов советской разведки, пограничной службы, от дипломатических представительств, многочисленных зарубежных друзей Советского Союза, в особенности из Польши, Румынии, Чехословакии, Финляндии, Венгрии, а также из самой Германии) поступали неопровержимые данные, свидетельствовавшие о крайне опасном положении, создавшемся у границ СССР в результате действий гитлеровской Германии»¹⁸⁰.

Теперь, спустя много лет, когда вся многогранная деятельность разведки того времени многократно и тщательно проверена и перепроверена жизнью, временем, документами, свидетельствами очевидцев, специальными комиссиями, действительными и мнимыми историками, можно с непоколебимой уверенностью сказать, что наша военная разведка с честью и достоинством выполнила стоявшие перед ней задачи. И никто и никогда не сумеет умалить ее заслуги или опровергнуть значение ее работы в деле общей победы над врагом. В этом состоит величайший подвиг советской военной разведки, который навсегда войдет славной страницей в историю наших Вооруженных сил.

В исторической литературе можно встретить противоречивые и часто искаженные суждения о роли нашей военной разведки перед Великой Отечественной войной. Иногда даже, намеренно или ненамеренно, руководителям военной разведки приписывают действия, каких на самом деле не было и не могло быть. В частности, что наша военная разведка будто бы давала И. В. Сталину неправильную информацию о готовящемся нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, что не докладывала всех данных Генеральному штабу, так как подчинялась лично Сталину. Все это является вымыслом. В действительности же дело обстояло так.

Во-первых, военная разведка сумела своевременно вскрыть и доложить политическому и военному руководству страны истинные планы и замыслы врага, установить его конкретные намерения. В сложной, резко меняющейся обстановке военная разведка, несмотря на один раз допущенную серьезную ошибку в выводе¹⁸¹, не дала противнику себя запутать в хитросплетенные сети дезинформации, а последовательно, шаг за шагом и всегда своевременно докладывала руководству о подлинных планах врага, его главных усилиях. В этом отношении венцом деятельности нашей военной разведки надо считать своевременное раскрытие содержания плана «Барбаросса» и его главных элементов.

Во-вторых, нашей военной разведке удалось установить и раскрыть не только планы врага и его намерения, но и сроки их осуществления, несмотря на неоднократные их переносы. Венцом деятельности разведки в этом отношении является своевременное установление возможных сроков нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, сроки осуществления того же плана «Барбаросса».

В-третьих, советская военная разведка с поразительной для разведки точностью своевременно и полно вскрыла общий состав и группировку вооруженных сил гитлеровской Германии перед нападением, ее дислокацию и нумерацию основных соединений.

В-четвертых, с началом войны, несмотря на колоссальные организационные и технические трудности и потери, наша военная разведка сумела быстро перестроиться на военный лад, резко усилить ее оперативное звено, правильно нацелить все остальные звенья на решение главных задач и успешно обеспечивать разведывательными данными политическое и военное руководство в новых условиях.

Таковы факты, которые неопровержимо и убедительно доказываются многочисленными архивными документами и свидетельствами очевидцев. Конечно, я далек от мысли приписы-

¹⁸⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. М., 1960. Т. I. С. 403.

¹⁸¹ 81 Очевидно, имеется в виду вывод, сделанный в докладе Ф. И. Голикова в НКО СССР от 20 марта 1941 г. См. документ № 34. (Примеч. сост.)

вать себе какие-то заслуги. Все, что говорилось о разведке выше – результат работы не одного какого-либо лица и даже не группы лиц, пусть наделенных нечеловеческими разведывательными способностями. Это результат работы огромного коллектива как в центре, так и за рубежом, как легалов, так и нелегалов, имена многих из которых все еще остаются неизвестными. И конечно, это результат деятельности не одной военной разведки, а всех разведывательных служб Советского государства в целом. Наконец, надо иметь в виду, что основы успеха разведки были заложены задолго до 1940-х годов, еще на заре создания советской военной разведывательной службы.

На посту начальника военной разведки мне довелось проработать немногим более года. Отрезок времени в моей многолетней трудовой жизни, как и в жизни любого человека, совсем недолгий. Но его значение, конечно, не может быть измерено одним лишь временем. Работу на посту начальника Разведывательного управления я расцениваю как один из самых важных этапов всей моей жизни. Это объясняется прежде всего тем, что мне доверили возглавить военную разведывательную службу в самый сложный и, пожалуй, наиболее критический момент ее деятельности – накануне Великой Отечественной войны. Именно в этот период наша военная разведка держала государственный экзамен.

С самого начала своей службы в разведке и до конца первой своей обязанностью я считал заботу о кадрах, в особенности о нелегальных разведывательных кадрах. Я хорошо представлял, какой бесценный клад для нашей страны составляют преданные и всесторонне подготовленные кадры советских разведчиков, и делал все, чтобы создать этим людям все условия для уверенности в успешной работе, чтобы сохранить их.

И все же разведка несла неизбежные потери, потому что вела непрерывную войну, а вести войну без потерь невозможно. Гибли, к сожалению, замечательные люди, в том числе такие, как Рихард Зорге. Кстати говоря, Зорге был арестован 18 октября 1941 года, тогда как я с непосредственной работы в РУ ушел в первых числах июля того же года.

Не могу не подчеркнуть тот факт, что за время моей службы в разведке почти не было отсева и текучести разведывательных кадров. Коллективу управления была присуща деловая обстановка. Строгая требовательность и высокая принципиальность сочетались с товарищеским, чутким отношением друг к другу. Именно в этот период были присвоены воинские звания ряду работников РУ. Уже в первые дни войны многие наши разведчики, по ходатайству командования РУ и фронтов, были отмечены высокими правительственными наградами.

И хотя с того времени, как я ушел с поста начальника Разведывательного управления, прошло почти тридцать лет и я работал на этом посту недолго, у меня все еще сохраняются теплые дружеские отношения со многими товарищами, кто работал в одно время со мной. И мы вспоминаем о той нашей совместной работе, как о самом дорогом и незабываемом.

Работа в разведке оставила глубокий, неизгладимый след в моей жизни.

В роли дипломата

Прошло две недели со дня вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. На фронте шли ожесточенные, кровопролитные бои. Советские воины, проявляя чудеса стойкости, отваги и мужества, грудью отстаивали каждую пядь родной земли.

В эти тревожные дни советское правительство поручило своей военной миссии выехать в Англию для ведения переговоров по вопросу поставок в СССР военных материалов и оказания другой необходимой помощи. Вместе с автором этих строк, занимавшим тогда пост начальника Разведывательного управления – заместителя начальника Генерального штаба Красной армии, в далекий путь направились контр-адмирал Н. М. Харламов, полковник Г. П. Пугачев, полковник В. М. Драгун, майор А. Ф. Сизов и военный инженер 3-го ранга П. И. Баранов. Позднее в Лондоне к нам присоединились советский военный атташе полковник И. А. Скля-

ров и его помощник майор Б. Ф. Швецов. В ту трудную пору, когда Красная армия вынуждена была отступать под ударами агрессора, очень не хотелось покидать Родину! К тому же полученное задание было несвойственно всему моему жизненному опыту. Следует также учесть, что никто из нас за границей еще не был.

В период кратковременной подготовки миссии у меня были встречи с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым, начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым¹⁸², наркомом обороны С. К. Тимошенко и наркомом внешней торговли А. И. Микояном.

Все эти беседы оказались полезными, ведь миссия не могла действовать без активного участия в ее работе советских заграничных органов: посольств, консульств, торговых представительств, военных атташе.

Незадолго до отъезда меня принял председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. Беседа продолжалась около двух часов. В ходе ее мне были даны указания ЦК ВКП(б) и советского правительства о задачах и характере работы миссии в Англии. Речь шла о том, какие именно виды вооружения и материалов следовало включить в нашу заявку во время бесед с представителями высших английских правительственных и военных кругов, что нам особенно необходимо и с какой срочностью.

Исходя из первоочередных потребностей фронта, было решено конкретно поставить вопрос о приобретении зенитных орудий калибра 20, 25 или 27 мм, противотанковых орудий, 12,7-мм пулеметов и 7,62-мм винтовок. Вместе с тем мы испытывали потребность в самолетах, особенно бомбардировщиках, в авиационных бомбах, а также в броне, горючем и некоторых других стратегических материалах.

Важное место в беседе занял вопрос о размерах и характере английской помощи Советскому Союзу в целом в войне против общего врага – гитлеровской Германии. Суть позиции советского правительства, как она была изложена руководству советской военной миссии, заключалась в том, чтобы обратиться к правительству Великобритании, как союзнику по антигитлеровской коалиции, с предложением открыть военные действия против Германии в Европе, а также оказать помощь СССР военными материалами.

Конкретно нам было поручено поставить вопрос перед английским правительством о последовательном осуществлении следующих операций:

Операция № 1 – создание общего с англичанами фронта на Севере (в Арктике). На этот фронт англичане могли бы направить военно-морские и военно-воздушные силы, а Советский Союз – военно-морской флот, авиацию и несколько дивизий сухопутных войск. Советское правительство считало целесообразным занятие союзниками в ближайшее время островов Шпицберген и Медвежий, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и Англией, а также Соединенными Штатами Америки.

Операция № 2 – высадка значительного контингента английских войск на севере Франции. При обсуждении этого пункта И. В. Сталин от имени советского правительства поручил нам передать правительству Англии благодарность за действия английской авиации, наносящей бомбовые удары по гитлеровской Германии. Но этого, сказал он, мало. Советские люди хотели бы со стороны Великобритании осуществления «французской операции», т. е. высадки английских войск на французской территории, если не сейчас, то хотя бы через месяц. Операция на Севере, о которой речь шла выше, это лишь крайний минимум, который к тому же нужно осуществить как можно быстрее. Советский народ, повторил И. В. Сталин, хотел бы большей помощи, чем та, которую получает он сейчас; а если они, т. е. союзники, не могут сделать большего, то какая же это помощь?

¹⁸² Заместитель наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников был вновь назначен начальником Генерального штаба Красной армии 29 июля 1941 г. (Примеч. сост.)

Операция № 3 – боевые действия английских войск на Балканах. Но по срокам проведения и привлекаемым силам этой операции должно быть отведено второстепенное место по сравнению с боевыми действиями на Западе.

Эта точка зрения советского правительства по вопросу о втором фронте в Европе нашла свое отражение в обращении председателя Совета народных комиссаров СССР к премьер-министру Великобритании 18 июля 1941 года. В этом обращении говорилось: «Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии»¹⁸³.

Заканчивая беседу, И. В. Сталин просил от имени советского правительства и всего советского народа передать западным союзникам, что мы будем драться до конца, что немецко-фашистским захватчикам все равно нас не сломить. Однако, подчеркнул он, Красной армии нужна реальная помощь со стороны союзников, – помощь прежде всего открытием военных действий против Германии на Западе, а также военными материалами.

В соответствии с общим характером и конкретным содержанием поставленных задач военная миссия должна была сама определить методы своей деятельности, учитывая обстановку на месте. Все говорило за то, что миссия, будучи военной, в то же время неизбежно выйдет за свои узковедомственные рамки.

6 июля 1941 года на самолете «Дуглас» советская военная миссия вылетела из Москвы. Это произошло во второй половине дня. В поездке нас сопровождал английский вице-маршал А. Кольер. В 9 часов вечера мы прибыли на аэродром Ягодник, расположенный в 25 километрах от Архангельска, где нас встретил начальник штаба Архангельского военного округа комбриг Д. Я. Григорьев.

Мы были приняты на корабле «Красная Звезда». Поужинав и немного отдохнув, ночью отправились в дальнейший путь на английских летающих лодках «Каталина». Полет продолжался около двадцати часов, и 7 июля вечером мы произвели посадку в английском гидропорту Инвергордон (Шотландия). Поздно вечером того же дня поездом выехали в Глазго, куда приехали на следующий день утром. До отъезда в Лондон у нас оставалось всего лишь два часа, чтобы бегло осмотреть центр Глазго – одного из крупнейших городов Шотландии, известного высокоразвитой промышленностью, прежде всего машиностроением. В 10 часов утра по местному времени наша группа направилась дальше и вечером 8 июля прибыла в столицу Великобритании.

На лондонском вокзале Юстон советскую военную миссию встречали посол Советского Союза в Великобритании И. М. Майский, сотрудники посольства, а также официальные представители английского генерального штаба, главного морского штаба и главного штаба военно-воздушных сил. Среди встречающих, в частности, были заместитель начальника имперского генерального штаба генерал-лейтенант Г. Паунелл, заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Т. Филиппс и заместитель начальника главного штаба ВВС вице-маршал авиации Н. Боттомли.

Надо сказать, что встреча советской военной миссии в Лондоне была теплой и сердечной. В этом проявилось огромное уважение простых англичан к советским людям, которые вели мужественную, кровопролитную борьбу против гитлеровских полчищ, не щадя сил и самой жизни отстаивали социалистическую Родину от иноземных захватчиков.

¹⁸³ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: 2 т. М., 1957. Т. 1. С.11.

Я очень хорошо помню эту встречу, как будто все происходило только вчера. Это не было каким-то организованным митингом. На привокзальной площади собралась громадная толпа людей, пришедших сюда по собственной воле. Усилия полицейских, пытавшихся заглушить силу народного энтузиазма, не увенчались успехом. Сотни людей с пением «Интернационала» и красными транспарантами в руках устремились на перрон. Из толпы слышались возгласы: «Welcome» («Добро пожаловать»).

Корреспондент американской газеты «Дейли уоркер» так описывал эту встречу: «Собравшиеся на вокзале кричали: “Да здравствует единство британского и советского народов!” Женщины прорвали цепь полицейских и окружили членов советской военной миссии... Демонстранты начали петь “Мы – красная кавалерия...” и салютовали сжатыми кулаками... Когда члены миссии стали отъезжать, встречающие провозглашали лозунги: “Да здравствует единство британского и советского народов!”, “Долой Гитлера!” “Да здравствуют Советы!”»¹⁸⁴.

8 июля 1941 года, в день нашего прибытия в Лондон, премьер-министр Великобритании У. Черчилль в личном послании И. В. Сталину писал: «Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласования будущих планов». «Мы сделаем все, чтобы помочь вам». Правда, тут же следовала оговорка: «Поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы»¹⁸⁵.

Приезд советской военной миссии в Лондон довольно широко отмечался английской печатью. В своем большинстве газеты делали это в благожелательном для Советского Союза тоне. «Советская миссия прибыла в то время, когда сила и упорство сопротивления, которые оказывают русские немцам, признается во всех частях мира, включая и Германию», – писалось в одной из них. «Русский солдат воюет с такой же стойкостью, как и двадцать пять лет назад, но сейчас он воюет с большим искусством и инициативой, он значительно лучше вооружен и более глубоко понимает, за что сражается», – отмечали другие. Да, в эти часы мы воочию убедились, что Советский Союз не одинок в своей борьбе с гитлеризмом.

Но было и другое. Как только мы прибыли в Англию, нам бросилось в глаза, что английская общественность, в том числе и близкие к правительству круги, была крайне скудно осведомлена о событиях на советско-германском фронте. Английская печать, кроме официальных сообщений Совинформбюро, почти не публиковала никаких других материалов о Советском Союзе, о единстве, готовности и решимости советского народа драться с фашистскими захватчиками до полной победы. Хуже того, в некоторых газетах можно было встретить сообщения, в которых грубо искажалось действительное положение на советско-германском фронте, преувеличивались успехи вермахта и неудачи Красной армии.

В газетах много было ненужной трескотни, шумихи, сенсационных сообщений, в том числе и в связи с прибытием и деятельностью в Англии советской военной миссии. В печати высказывались самые различные предположения и домыслы о задачах и характере ее работы и переговорах с английскими представителями. Так, одна из лондонских газет 10 июля 1941 года писала, что важнейшей помощью Англии Советскому Союзу будет отправка истребителей (как один из основных пунктов, который входит в программу работы советской миссии), но при этом, писала газета, ожидаются трудности с доставкой. В тот же день другая – вечерняя газета – поторопилась сообщить читателям, что военные материалы будто бы уже находятся на пути из Англии в СССР. Министерство экономической войны, писала газета, якобы уже заявило о заключении соглашения с Советским Союзом о посылке большого количества военных материалов. Все это было, конечно, очень далеко от действительности. Некоторые английские газеты не удержались и от соблазна дать персональные характеристики лицам из состава

¹⁸⁴ Дейли уоркер. 1941. 9 июля.

¹⁸⁵ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 9.

советской военной миссии, не останавливаясь при этом перед домыслами и прямой фальсификацией.

Утром 9 июля советская военная миссия направилась в министерство иностранных дел Англии, где советский посол И. М. Майский представил нас министру иностранных дел Великобритании Э. Идену. Перед нами был высокий, статный мужчина, один из лидеров консервативной партии, ставший известным английским государственным деятелем и дипломатом. Вместе с ним были А. Кадоган – постоянный заместитель министра иностранных дел и Р. Батлер – ответственный сотрудник министерства. Прием проходил в торжественной обстановке.

После того как миссия была официально представлена, состоялось совещание. Оно продолжалось около часа. В совещании участвовали с нашей стороны – посол И. М. Майский, контр-адмирал Н. М. Харламов и я. Английская сторона была представлена Э. Иденом и А. Кадоганом.

В самом начале совещания я от имени правительства СССР заявил о твердой решимости советского народа вести освободительную войну против фашистской Германии, подчеркнул, что гитлеровским захватчикам не сломить волю советских людей к достижению победы над врагом. Было заметно, что это заявление произвело большое впечатление на Э. Идена, – он сказал, что немедленно поставит о нем в известность премьер-министра Великобритании. Между прочим, Иден сказал Майскому, что не исключена возможность приема советской военной миссии У. Черчиллем. Но эта встреча, к сожалению, не состоялась по независящим от нас причинам.

Далее я подчеркнул необходимость максимального наращивания участия Англии в борьбе против фашистской Германии и оказания ею помощи Красной армии; что эта помощь на данном этапе войны, на наш взгляд, должна была бы выразиться прежде всего в незамедлительном проведении совместных боевых действий Англии и СССР на севере Европы, в районе Арктики. Мы также хотим, чтобы английская авиация существенно усилила мощь своих бомбовых ударов по военным объектам гитлеровской Германии, в том числе и в Берлине. Кроме того, хотелось бы получить от англичан необходимую помощь материальными и техническими средствами ведения войны. Но самое главное и основное, чего ждут советские люди от союзников, – это открытие второго фронта в Европе путем высадки значительного контингента английских войск на севере Франции. Последнее создало бы значительные трудности для фашистской Германии и заметно облегчило бы положение Советского Союза и его армии.

В этом состояла суть точки зрения Советского Союза по вопросу английской помощи, изложенная нами официально представителям правительства Великобритании. Иден в целом довольно сочувственно отнесся к высказанным ему предложениям и пожеланиям. Так, по крайней мере, можно было судить по его словам. Вместе с тем, сославшись на свою некомпетентность в военных вопросах, он высказался за то, чтобы мы обсудили эти вопросы с начальниками главных штабов английских вооруженных сил. Если же появятся какие-то трудности и препятствия, то следует вновь обратиться к нему. Со своей стороны Иден обещал сделать все, что в его силах и возможностях, чтобы ничто не помешало успешному решению этих важных вопросов. Что же касается открытия второго фронта в Европе, то высадка английских войск во Франции потребует известного времени на подготовку. Ситуация для осуществления подобной операции, по мнению Идена, еще не созрела. Он лишь обещал передать содержание беседы премьер-министру. А нам посоветовал встретиться с руководителями военных ведомств.

Встреча с Э. Иденом в основном оставила благоприятное впечатление у сотрудников миссии. Он проявил значительный интерес к событиям на советско-германском фронте, а также к предстоящей работе советской военной миссии и предложил, чтобы мы, когда потребуется, не стесняясь, обращались к нему. Складывалось впечатление, что в реализации интересовавших нас вопросов можно было рассчитывать на поддержку с его стороны.

В 11 часов 30 минут советская миссия в полном составе была принята военным министром Генри Моргенсоном. Прием прошел сугубо формально и практически ничего не дал. К тому же бросались в глаза политические антипатии и нежелание военного министра Англии видеть Красную армию своим боевым союзником.

Сразу после обеда мы встретились одновременно со всеми тремя начальниками главных штабов английских вооруженных сил: генерального штаба – генералом Дж. Диллом, военно-воздушных сил – вице-маршалом авиации Ч. Порталом и начальником штаба военно-морских сил – адмиралом Д. Паундом. Мы явились к ним с намерением прямо и искренне обсудить наши вопросы. Эта важная беседа с самого начала была достаточно острой, напряженной и, с моей точки зрения, весьма характерной. Сказать, что поведение наших партнеров на протяжении всей беседы было подчеркнуто формальным – значит сказать очень мало. Дело обстояло значительно хуже: чувствовалось полнейшее отсутствие у них всякого желания пойти навстречу нашим предложениям. Вел заседание генерал Дж. Дилл, по возрасту намного старше меня. Он мало говорил, старался быть ровным. Порою, чтобы смягчить остроту создавшегося положения, слегка улыбался, произносил примиряющие слова, делал успокоительные жесты. С одной стороны, он стремился, как старый военный служака, проявить какую-то близость к нам, а с другой – обнаруживал заведомую неблагожелательность к нашим предложениям. Временами он это выказывал краткой репликой, как бы давая мне понять: «Молодо-зелено!» Адмирал Д. Паунд то и дело срывался, вскипал, выражал нетерпение, правда, удерживался в рамках приличия. Внутренняя неприязнь к советским людям – вот что сквозило в поведении Паунда. Было похоже, что ему отводилась роль первой скрипки в ходе совещания. Вице-маршал авиации Ч. Портал особой активности не проявлял.

Когда вспоминаешь об этом совещании и вдумываешься в позицию и поведение английских военных руководителей, то приходишь к выводу, что их отношение к советским предложениям было заведомо отрицательным. Они не верили в успех борьбы Красной армии. Английское военное руководство, как теперь широко известно, в то время уже имело согласованные с США планы и не намеревалось вносить в них коррективы, несмотря на то что с вступлением Советского Союза в войну положение коренным образом изменилось. Главное в этих планах состояло в том, чтобы сдержать наступление вермахта за пределами Европы, поскольку после переноса основных военных действий на советско-германский фронт угроза вторжения на Британские острова отпала на длительное время. Поэтому к вопросу о сотрудничестве английских вооруженных сил с Красной армией английские военные руководители подходили прежде всего с позиции того, насколько это соответствовало выполнению их замыслов.

К исходу столь напряженного дня состоялось еще одно полуторачасовое совещание с заместителями начальников штабов. В его работе с английской стороны приняли участие генерал-лейтенант Паунелл, вице-адмирал Филиппс и вице-маршал авиации Боттомли. Присутствовали также оперативные работники английских штабов. Здесь атмосфера была достаточно деловой.

В большей своей части это совещание было посвящено практическому обсуждению вопросов, связанных с проведением совместных боевых действий английских и советских войск на Севере: на морских коммуникациях, а также в районах островов Шпицберген, Медвежий и Мурманска. Мы поставили вопрос о том, чтобы в этой операции английская сторона участвовала своей авиацией и военно-морскими силами. Конкретно речь шла о выделении англичанами 200–300 самолетов и 10 военно-морских кораблей, преимущественно подводных лодок. Советский Союз в этой операции, как уже отмечалось, должен был участвовать совместными силами авиации, военно-морского флота и сухопутных войск.

Примечательно, что в ходе совещания англичане со всем соглашались, высказывали полное удовлетворение разъяснениями, которые мы давали, мотивами и ответами на поставленные вопросы, выражали свою готовность помочь... Но дальше разговоров дело не шло. Больше

того, тут же выяснилось, что камнем преткновения в практическом осуществлении операции на Севере является вопрос о горючем. Уже тогда мы почувствовали, что данный вопрос может послужить причиной срыва или, по крайней мере, затяжки проведения операции. Советское правительство предвидело такой поворот событий и уполномочило нас заявить, что, несмотря на всю остроту положения с горючим в стране, в интересах быстрейшего проведения операции на Севере мы готовы помочь англичанам и горючим.

Во время беседы с англичанами мы придерживались доброжелательной линии, шли навстречу их просьбам. По поручению советского правительства военная миссия заявила английской стороне о нашей готовности сообщать данные об авиации противника, показать советские новые самолеты и дать возможность полетать на них, передать две радиостанции, а также предоставить возможность в подходящее время посетить наш фронт. К этому времени в Москве уже находилось 27 английских военных работников. Кстати говоря, их было в несколько раз больше, чем нас в советской военной миссии. Далее мы выразили готовность удовлетворить пожелания англичан и в вопросе о разрешении перелетов на советскую территорию английских дальних бомбардировщиков.

На совещании в первую очередь мы, естественно, поставили вопрос о высадке английских десантных войск в Северной Франции. Наши партнеры данное предложение обошли молчанием. Мы также высказались за значительное усиление налетов английской авиации на Германию. С этим английские представители в принципе согласились. В заключение совещания советская миссия вручила заместителям начальников штабов списки заказов на необходимые для СССР военные материалы.

Словом, последняя встреча этого дня вызвала у нас чувство некоторого удовлетворения – первый день в английской столице прошел все-таки не даром.

10 июля, в 10 часов 30 минут, посол И. М. Майский представил советскую военную миссию морскому министру Англии А. Александру. Это был видный представитель лейбористской партии и бизнесмен – владелец акций судостроительных компаний. Беседа с ним проходила в дружественной атмосфере, однако была далека от практических вопросов, связанных с работой советской военной миссии. Поэтому мы договорились встретиться дополнительно.

Вслед за этим мы были приняты министром авиации А. Синклером. В разговоре с ним затрагивался вопрос о воздушных бомбардировках Германии. Что касается других проблем, то Синклер ограничился приглашением обращаться к нему, когда это будет необходимо по ходу работы нашей миссии.

Вечером начальник имперского генерального штаба генерал Дж. Дилл устроил в гостинице «Ритц» коктейль в честь советской военной миссии. С советской стороны на вечере присутствовали посол И. М. Майский, сотрудники нашего посольства в Лондоне, а также военная миссия в полном составе. С английской стороны было много военных, в том числе генералов, занимавших видные посты в английской армии.

Позднее нам стало известно, что на вечере произошел важный и весьма примечательный разговор между И. М. Майским и начальником имперского генерального штаба Диллом по вопросу открытия второго фронта в Европе. Советский посол указал на назревшую необходимость высадки английского десанта на территории Франции. Стараясь уйти от этой темы, Дилл, как это тогда было принято в правящих кругах Англии, ссылаясь на трудности осуществления такой операции: большое количество немецких дивизий, расположенных во Франции, перебазирование туда с советско-германского фронта фашистской авиации и т. д. Понимая, однако, что невозможно отрицать целесообразность высадки английских войск на континенте, он пытался свести разговор к тому, что для этой операции, пожалуй, могло бы хватить трех-четырех английских дивизий. Так представлял себе один из ведущих английских военных руководителей масштабы предстоящего открытия второго фронта в Европе. И это в то время,

когда Красная армия, приняв основной удар гитлеровской военной машины, отвлекала на себя сотни немецко-фашистских дивизий.

На следующий день посол И. М. Майский, контр-адмирал Н. М. Харламов и я снова нанесли визит морскому министру Александру. С английской стороны присутствовал заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Филиппс (с ним накануне поздно вечером встречался Н. М. Харламов). На этот раз основным предметом беседы было обсуждение практических вопросов, относящихся к проведению совместных боевых действий на Севере, в районе Мурманска.

Руководители военно-морского флота Англии, всячески подчеркивая свое дружественное отношение к Советскому Союзу, говорили о своей готовности участвовать в операции. Они, в частности, утверждали, что необходимые для нее боевые корабли уже находятся в определенном месте и задержки с их стороны не будет. Начальником морской экспедиции назначили молодого адмирала Вайна, с которым мы вскоре познакомимся. Это был опытный моряк, не избалованный легкой жизнью, настоящий военный труженик. Командиром эсминца он отличился в морском бою и был произведен в контр-адмиралы. Без обиняков Вайн заявил нам, что от него требуется определить состав сил, доложить об этом английскому адмиралтейству и, в случае согласия последнего, возглавить операцию. Однако эти намерения англичане так и не провели в жизнь.

Поздно вечером состоялось собрание советской колонии в Лондоне. Я выступал с докладом о положении дел на советско-германском фронте. Надо было видеть, с каким неослабным вниманием слушали товарищи рассказ о героической борьбе Красной армии, как горячо и единодушно разделяли уверенность всего советского народа в победе над сильным и коварным врагом, посягнувшим на честь и независимость социалистической Родины.

На следующий день, 12 июля, я вместе с полковником В. М. Драгуном отправился в Москву для доклада советскому правительству о первых результатах работы военной миссии.

В середине дня мы выехали на аэродром, откуда самолетом вылетали в Глазго. 13 июля поднялись в воздух в гидропорту Клайд, неподалеку от Глазго, а поздно вечером взяли курс на Архангельск. Перелет был сложным, в районе Мурманска наш самолет попал в полосу сплошного тумана. Но 14 июля в 15 часов по местному времени мы вполне благополучно приземлились на знакомом уже аэродроме Ягодник. С рассветом следующего дня полетели дальше и в 8 часов утра 15 июля были уже в Москве.

Тем временем работа советской военной миссии в Англии продолжалась под руководством контр-адмирала Н. М. Харламова. В тот день, когда мы прилетели в Москву, в Лондоне состоялась встреча нашего посла и членов военной миссии с представителями английской печати. На этой встрече присутствовали И. М. Майский, контр-адмирал Н. М. Харламов и полковник Г. П. Пугачев. Они ответили на вопросы о положении на советско-германском фронте. Их рассказы о мужестве, непоколебимости и отваге советских людей, их твердой уверенности в победоносном исходе борьбы были тепло встречены подавляющим большинством журналистов. Эта встреча в какой-то мере способствовала более объективному освещению в английской печати обстановки на советско-германском фронте.

С этой точки зрения несомненный интерес представляла также встреча советской военной миссии с английской общественностью на завтраке в советском посольстве 16 июля 1941 года, который был дан в честь А. Александра – морского министра Англии. Когда советский посол, открывая прием, сказал, что в числе гостей находится военная миссия СССР, в зале раздались дружные аплодисменты. С ответным словом выступил Александр. Он, в частности, сказал о том решительном отпоре, какой дают гитлеровским полчищам советский народ и его армия. Эти слова английского министра были встречены присутствующими с большим одобрением. Не было никакого сомнения в том, что своей героической борьбой советские люди завоевывали все большие и большие симпатии английской общественности.

Вместе с тем результаты нашего первого визита в Англию были более чем скромными. Лишь 20 июля английское адмиралтейство направило в Советский Союз минный заградитель «Адвенчур», погрузив на него глубинные бомбы, магнитные мины, парашюты, зажигательные пластины и некоторые другие военные материалы.

В эти тревожные, очень тяжелые для советской страны дни от военной миссии в Лондоне продолжали поступать в Москву сообщения о том, что с поставками вооружения и других военных материалов Советскому Союзу дело идет очень туго, практическое решение вопросов наталкивается на всякого рода рогатки и препятствия, чинимые англичанами.

Советский посол в Англии И. М. Майский и оставшиеся в Лондоне члены военной миссии постоянно подчеркивали на встречах с представителями английского правительства, что обстановка в ходе Второй мировой войны после 22 июня 1941 года в корне изменилась. Вступление в войну Советского Союза усилило ее освободительный, антифашистский характер. В борьбе с фашистской агрессией складывалась могучая антигитлеровская коалиция. Теперь у Англии имеется верный и могучий союзник на Востоке, который принял на себя основной удар гитлеровской военной машины, а это во многом облегчает положение самой Англии. В сложившихся условиях Англия имеет все для того, чтобы переходить от оборонительной к наступательной стратегии, непрерывно наращивать силу своих ударов по гитлеровской Германии.

По мнению советских людей, это должно было бы выразиться прежде всего в открытии второго фронта в Европе. Высадка английских дивизий во Франции значительно ослабила бы наступательную мощь немецких армий на Востоке. Кроме того, сложившаяся обстановка, интересы борьбы с общим врагом настоятельно требовали более действенной и ощутимой помощи Англии своему сражающемуся союзнику боевыми самолетами, зенитными орудиями и другими военными материалами.

И тем не менее в июле 1941 года ни одна просьба о выделении зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов не была удовлетворена, причем англичане свой отказ мотивировали тем, что у них самих якобы не хватает этих видов оружия. Не предоставили они и самолетов. По всем другим пунктам советской заявки они либо тянули, либо шли навстречу с большим скрипом и ограничениями.

В правящих английских кругах все явственнее проявлялось стремление уклониться от военных поставок Советскому Союзу. Так, когда советская миссия решительно потребовала конкретных дел, министр авиации Синклер и начальник штаба военно-воздушных сил Портал открыто заявили, чтобы «Советы» не рассчитывали на предоставление им Англией значительного количества своих самолетов.

Какие только мотивы не выдвигались, чтобы увести вопрос из области практических решений в сторону бесконечных обсуждений и дискуссий! Один из главных аргументов английской стороны состоял в том, что производственные возможности Англии крайне ограничены и что военное производство едва-едва удовлетворяет потребности самой английской армии, разбросанной по многим районам земного шара. Поэтому, советовали нам англичане, надо обратиться к Соединенным Штатам Америки, которые могут дать больше боевой техники, в том числе и самолетов.

Спору нет, в этом аргументе содержался резон. Несмотря на то что Англия уже почти два года вела войну, ее военное производство к середине 1941 года не достигло уровня, какого требовала военная обстановка. Это вызывало беспокойство английской общественности. Так, газета «Манчестер гардиан» в отчете о заседании палаты общин писала: «Соглашаясь с тем, что военное производство развернуто в больших масштабах, ораторы, выступавшие вчера в палате общин, были далеки от положительной оценки нынешнего положения. Выпуск танков задерживается беспрерывными изменениями конструкций; рабочие обескуражены тем, что им нечего делать, что им “платят за то, что они бьют баклуши”, неразбериха и недостаток четких

решений – вот некоторые из представленных обвинений. Выдвинуто требование – ввести пост министра производства и включить его в состав кабинета»¹⁸⁶.

Все это так. Пробелы в военном производстве, конечно, имелись. Но английское правительство должно было исходить из реальной обстановки и учитывать, что от исхода битвы на советско-германском фронте зависит и судьба самой Англии. Поэтому именно туда должны быть направлены усилия, в том числе посылкой оружия и других военных материалов. И правильно писала та же «Манчестер гардиан» о том, что русские «...ведут смертельную борьбу с врагом... им нужна немедленная помощь, а не красивые обещания. Всякая задержка может оказаться для них критической, и они считают, что в Англии имеет место опасная тенденция неправильной оценки создавшегося положения»¹⁸⁷.

Руководителями британской авиации настойчиво высказывалась мысль, что, прежде чем решать вопрос о выделении Советскому Союзу самолетов, представителям Англии и СССР необходимо изучить производственные возможности той и другой стороны. Лишь проделав эту предварительную работу, перейти затем к практическому решению вопросов по координации экономических возможностей союзных государств. Позднее, в частности на Московском совещании представителей трех держав в октябре 1941 года¹⁸⁸, это было сделано. Но в июле 1941 года, когда оголтелые немецко-фашистские полчища рвались к жизненным центрам Советской страны, требовались не теоретические подсчеты и дипломатические обсуждения, а неотложная, безотлагательная практическая помощь Красной армии.

Чтобы затормозить предоставление Советскому Союзу самолетов, англичане на полном серьезе выдвигали и такой довод. Допустим, говорили они, Англия предоставит СССР какое-то количество самолетов. В этом случае пришлось бы создавать специальное хозяйство для их обслуживания, а это из-за малого количества самолетов невыгодно для самих русских.

Правда, в результате настойчивости, проявленной советской стороной, британское правительство в конце июля 1941 года приняло решение передать СССР 200 самолетов-истребителей «Томагавк» из числа тех, что были получены англичанами от Соединенных Штатов. 140 из этих самолетов находились в Англии, 60 – в США. Мы настаивали, чтобы английское правительство передало в распоряжение Советского Союза 700 истребителей «Томагавк», находящихся в то время в Каире. Англичане на это не соглашались, ссылаясь на малочисленность своей авиации на Ближнем Востоке. Правда, министерство авиации Англии запланировало послать на Север во второй половине августа две эскадрильи «Харрикейнов», каждая по 18 самолетов, с задачей осуществления взаимодействия с советскими летчиками в районе Мурманска.

Июль и весь август 1941 года советская военная миссия в Лондоне, возглавляемая контр-адмиралом Н. М. Харламовым, продолжала настойчиво добиваться усиления ударов английской авиации по военным объектам Германии. Это было тем более необходимо, что масштабы английских бомбардировок фашистской Германии были незначительны. Так, в первой половине июля 1941 года за ночь вылетало в среднем не более 146 самолетов. Лишь 7 июля в налете на Германию участвовало до 300 английских бомбардировщиков. При этом нередко налеты английской авиации не достигали цели либо направлялись не на те объекты, которые требовалось уничтожить в первую очередь. В результате германские военные заводы, выпускавшие самолеты и танки, после этих налетов продолжали работать на полную мощь. Железнодорожные узлы, мосты и другие важные объекты сохранялись целыми и невредимыми – «зеленая

¹⁸⁶ Манчестер гардиан. 1941. 10 июля.

¹⁸⁷ 87 Манчестер гардиан. 1941. 5 сентября.

¹⁸⁸ 88 Здесь имеется в виду конференция представителей Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, которая состоялась в Москве 29 сентября – 1 октября 1941 г. На этой конференции обсуждались вопросы поставок в СССР вооружения, промышленного оборудования и продовольствия, а также встречных советских поставок сырья в США и Великобританию. (Примеч. сост.)

улица» немецким войскам и вооружению, потоком направляющимся на Восточный фронт, оставалась открытой.

Представители английских военно-воздушных сил, на словах соглашаясь с советской точкой зрения, обещали усилить бомбардировку военных объектов Германии. И тут же, стремясь уйти от вопроса об открытии второго фронта и усилении материальной помощи Советскому Союзу, представляли дело так, что, мол, в интересах самого же Советского Союза, чтобы англичане всю свою энергию сосредоточили на проведении налетов английской авиации на Германию. Это слишком откровенно походило на стремление любым путем уйти от оказания реальной помощи СССР в его жестокой и суровой борьбе против немецко-фашистских оккупантов.

15 июля я доложил советскому правительству о первых результатах работы миссии в Англии. Нам были поставлены дополнительные задачи в связи с предстоящим выездом военной миссии в Соединенные Штаты Америки. Помимо основных вопросов о материальных поставках и о помощи США Советскому Союзу в целом необходимо было выяснить отношение американского правительства к идее создания так называемого «Комитета трех», возможности и условия предоставления СССР займа-кредита, а также вопросы о транспортах и маршрутах доставки приобретаемых грузов и ряд других моментов¹⁸⁹.

17 июля меня принял И. В. Сталин. Во время беседы речь шла в первую очередь о вопросах военно-политического характера, а также о приобретении в США вооружения и стратегических материалов. Важное значение придавалось займу у США, надобность в котором могла возникнуть. Рассматривались проблемы доставки из США в Советский Союз заказанных материалов и вооружения. Было решено настаивать на выделении танкеров для перевозки авиационного бензина и морских транспортов – для всего остального. Надо было подумать и о способах переброски американских истребителей. Не исключался маршрут через Аляску и Алеутские острова.

Вновь в Лондоне по пути в США

Политическая обстановка в Соединенных Штатах в то время была довольно сложной. Сказывались влияние изоляционистов, консерватизм высших военных кругов, активность реакционных и «собственных» фашиствующих кругов, а также националистические настроения среди натурализованных немцев и итальянцев, жаждавших победы Гитлера и Муссолини.

В Москве стало известно, что в связи с предстоящей поездкой советской военной миссии в Вашингтон заместитель государственного секретаря США С. Уэллес сделал официальное заявление советскому послу в Вашингтоне К. А. Уманскому, что правительство Соединенных Штатов Америки будет радо приветствовать генерала Ф. Голикова и всю военную миссию, что считает ее весьма своевременной и окажет ей необходимое содействие.

При обсуждении вопроса о предстоящей поездке было признано целесообразным, чтобы я направился в Соединенные Штаты Америки через Лондон, где принял бы участие в переговорах личного представителя президента США Гарри Гопкинса с британским правительством. По заявлению С. Уэллеса, одной из основных целей визита Гопкинса, прибывшего на несколько дней в Лондон, был вопрос о заказах Советского Союза Соединенным Штатам Америки. Затем наша миссия должна была направиться в Соединенные Штаты Америки через Монреаль (Канада).

Итак, во второй половине дня 18 июля мы снова вылетели в Англию. В состав миссии, направлявшейся в США, входили: генерал-майор инженерно-технической службы А. К. Репин,

¹⁸⁹ Данный Комитет, состоящий из представителей СССР, Великобритании и США, должен был координировать совместное использование ресурсов в ходе войны против держав Оси. (Примеч. сост.)

работавший в то время в Наркомате авиационной промышленности, Л. Л. Райков, специалист по зенитным пулеметам и противотанковым орудиям, и П. И. Барабанщиков – инженер-конструктор по снарядам.

Маршрут был знаком – через аэродром Ягодник под Архангельском. Ранним утром следующего дня с этого аэродрома мы поднялись в воздух на английской летающей лодке. До выхода из Белого моря нас должны были сопровождать три бомбардировщика «СБ» и три истребителя «И-153».

Помню, с нами произошел неприятный и опасный инцидент. В момент, когда истребители сопровождения повернули обратно, внезапно произошло столкновение нашего самолета с одним из этих истребителей.

Из-за возникших повреждений нам пришлось возвращаться на аэродром Ягодник. Как оказалось, в результате столкновения с истребителем у нашего самолета был поврежден левый мотор, сломана мачта антенны, пробиты руль управления и обшивка элерона. Правое крыло также получило вмятины. Ясно, что дело могло закончиться гораздо хуже. Летающая лодка нуждалась в срочном ремонте, тогда как дорог был каждый час. Положение усугублялось довольно странным отношением к происшествию со стороны англичан – экипажа летающей лодки и сопровождавших нас полковника Берда и переводчика Крейтона. Дело было не только в том, что сами англичане не очень-то спешили с устранением повреждений, но и в том, что они довольно-таки бестактно отвергли помощь советских авиационных специалистов в ремонте лодки. Здесь, как видно, проявилось их недоверие к советским летчикам и авиационным механикам, недооценка способностей и технических знаний «русских». С этим, кстати говоря, нам пришлось позднее столкнуться в Англии и США, а пока волей-неволей надо было ждать «технической помощи» из Англии, вернее – рассчитывать на прибытие оттуда другой летающей лодки.

Наконец, к исходу 21 июля этот самолет прибыл. Несмотря на мое категорическое требование вылететь не позднее чем через 9–10 часов (время, вполне достаточное на подготовку самолета), командир лодки Уилл вкупе с Бердом и Крейтоном заявили о возможности вылета не ранее, чем через сутки, т. е. к исходу 22 июля.

Высвободившееся таким образом время заполнил текущими делами. По аппарату ВЧ поговорил с сотрудником Генерального штаба А. П. Панфиловым об общем положении на фронте, рассказал ему о том, как проходит наш полет. Сообщения, переданные Панфиловым, особенно с Ленинградского фронта¹⁹⁰, в целом были ободряющими. Но обстановка в районе Смоленска продолжала оставаться тяжелой: шли напряженные бои с превосходящими силами противника. Особо тягостное чувство вызвало известие о том, что вечером 21 июля немецко-фашистские самолеты предприняли попытку бомбить Москву¹⁹¹.

В этот день в Архангельске у меня состоялись интересные и весьма полезные встречи. Я побеседовал с известным полярным летчиком И. П. Мазуруком, начальником штаба Архангельского военного округа комбригом Д. Я. Григорьевым и авиационным командиром, полковником Б. И. Плешивцевым об обеспеченности аэродромами северного побережья страны. В ходе этих бесед на месте дал советы и указания, в первую очередь по вопросам рассредоточения, маскировки и инженерного оборудования стоянок военной авиации, складов горючего и боеприпасов, подготовки полевого командного пункта штаба округа, тренировки гарнизона города Архангельска к действиям по отражению налетов вражеской авиации и ударов с моря, а также по подготовке системы запасных аэродромов на побережье.

¹⁹⁰ Скорее всего, здесь имеется в виду Северный фронт, созданный 24 июня 1941 г. на базе управления и войск ЛВО. Ленинградский фронт был образован 27 августа 1941 г. путем разделения Северного фронта на два фронта – Карельский и Ленинградский. (Примеч. сост.)

¹⁹¹ Речь идет о первом массированном налете немецкой авиации на столицу СССР, который был совершен в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. и продолжался пять часов (с 22:25 до 3:25). (Примеч. сост.)

Наконец, после вынужденной задержки, 22 июля, снова в сопровождении трех истребителей и трех бомбардировщиков мы поднялись в воздух на летающей лодке. В полдень следующего дня, теперь уже без происшествий, прилетели в гидропорт Инвергордон. Здесь нас встретил контр-адмирал Стюарт, возглавлявший морские силы этого района, и другие официальные лица. Стюарту, как старшему воинскому начальнику, в этом районе были подчинены наземные войска и военно-воздушные силы.

После переезда на стационарный аэродром и завтрака в самолете «Фламинго» (как нам сказали, это был самолет, на котором летал король) мы вылетели в Лондон.

В этот наш приезд англичане особенно активно интересовались результатом налета немецкой авиации на Москву. И снова нам пришлось столкнуться с дезинформацией и исключительно превратным, а порой недоброжелательным информированием общественности английской прессой о действительном положении дел на советско-германском фронте. Так, контр-адмирал Стюарт сообщил нам, что по передачам берлинского радио немцы уже овладели Смоленском.

Бросалось в глаза, что в Инвергордоне, как, впрочем, и во многих других местах, которые мы проезжали, англичане живут совершенно мирной жизнью, как видно, не особенно думая об опасности воздушных налетов. Аэродром в Инвергордоне, например, был забит самолетами, размещенными без всякой маскировки и других мер предосторожности.

Во второй половине дня 23 июля мы приземлились на аэродроме в Лондоне. Здесь нас встретили советник посольства СССР в Англии П. А. Новиков, контр-адмирал Н. М. Харламов, военный атташе, полковник И. А. Складов, полковник Г. П. Пугачев, секретарь военной миссии П. И. Баранов и другие товарищи.

Спустя два часа после приземления вместе с посланцем И. М. Майским и Н. М. Харламовым мы направились к министру иностранных дел Э. Идену, с тем чтобы: 1) вновь и еще жестче, чем в первый раз, поставить вопрос о необходимости эффективных боевых действий англичан против гитлеровцев, а также о реальной технической и боевой помощи Советскому Союзу; 2) внести ясность в отношении фактического начала англичанами боевых действий против немцев; 3) в целом добиться улучшения контакта советской миссии с правительственными органами и учреждениями Англии. Требовалось также обговорить ряд вопросов, касающихся работы советской военной миссии в США с целью обеспечить положительное к ней отношение.

Эта встреча с Э. Иденом продолжалась два часа. В ходе ее был приглашен начальник английского главного морского штаба адмирал Паунд. Англичане активно интересовались положением на советско-германском фронте, им были даны подробные разъяснения. При этом я, как и несколько дней назад во время нашей первой беседы с Иденом, особо подчеркнул, что Красная армия ведет упорную, мужественную борьбу, что мощь ее ударов по агрессору непрерывно нарастает и что победа будет за нами. Но советский народ хотел бы получить от своих западных союзников реальную помощь как совместными боевыми действиями против общего врага, так и путем снабжения СССР необходимыми военными материалами. Паунд промолчал, а Иден, как и во время предыдущей встречи, заговорил о своем полном сочувствии Советскому Союзу, о готовности англичан оказать ему всю возможную помощь. Но характерно, что, как только мы начинали касаться конкретных вопросов, у него сразу появлялись разного рода отговорки и ссылки на неблагоприятные условия и т. п.

Так, в ответ на вопрос о быстрейшем развертывании боевых операций на Севере представители британского правительства говорили о согласии англичан занять Шпицберген и остров Медвежий, для чего со дня на день туда должны были выйти английские суда, но тут же оговаривали необходимость уточнения «некоторых деталей» боевых действий на Севере. Далее англичане высказывали готовность «изучить», если мы предложим, конкретный план совместных боевых действий на севере Норвегии, но тут же торопливо добавляли, что высадка морского десанта в этом районе может окончиться провалом, если он не будет надежно обеспе-

чен авиацией. Англичане уверяли нас в готовности их авиации в самые ближайшие дни начать бомбардировки Берлина, но сразу же оговаривались, что первые воздушные налеты, «видимо», не будут носить крупного масштаба и не смогут поэтому нанести серьезного ущерба немцам.

Несмотря на весьма благоприятное заявление, сделанное премьер-министром Великобритании У. Черчиллем в мой первый приезд в Англию, на пути нашей миссии встретились серьезные препятствия и осложнения. Они сразу насторожили нас и вызвали сомнение в реальности стремления правящих кругов Великобритании помочь Советскому Союзу. Хуже того, эти препятствия порождали сомнение в эффективности и быстроте достижения успеха советской военной миссией. Нам, конечно, очень хотелось, чтобы работа в США была более удачной и результативной, чем в Англии, чтобы мы встретили там гораздо большее понимание неотложных нужд советского фронта, чтобы было как можно меньше проволочек и волокиты. Фронт ждал реальной помощи, а не слов и заверений.

Поэтому во время беседы с Иденом я сообщил ему о предстоящей поездке советской военной миссии в Соединенные Штаты Америки и просил оказать нам содействие в получении возможности как можно быстрее отправиться в путь. Иден обещал это срочно организовать. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее. Так, в министерстве иностранных дел Англии заявили, что не смогут обеспечить нам перелет через океан раньше 28 июля. Но в конце концов помог случай, и мы с А. К. Репиным смогли вылететь в США вечером 24 июля, а остальные двое наших спутников, Л. Л. Райков и П. И. Барабанщиков, вылетели на четыре дня позже. А дело было так.

День 24 июля ушел у нас на ознакомление с практическими результатами работы миссии за период с 12 по 23 июля. В общем, достигнуто было далеко не то, что нужно, во всяком случае, реальные результаты расходились с официальными заверениями и обещаниями англичан.

В этот же день предполагались встречи нашей миссии с Э. Иденом, Г. Гопкинсом и министром авиации Синклером по вопросам военно-технической помощи Советскому Союзу, а также коктейль у начальника штаба военно-воздушных сил. Но эти встречи так и не состоялись: ближе к вечеру без всякого предупреждения нам сообщили, что через пятнадцать-двадцать минут мне и Репину нужно быть на городском аэродроме для перелета в пункт отправки в США. На самолете, летящем в Америку, в наше распоряжение выделялось два места.

Наспех собравшись, мы с А. К. Репиным вылетели из Лондона на аэродром Прествик в Северной Шотландии. Здесь нас встречал командир подразделения истребителей, несущих боевое дежурство, или, как его называли, начальник местной «воздушной стражи».

Весь вечер ушел на подготовку к дальнейшему перелету. После ужина мы слушали радиосообщения. Советские войска продолжали вести бои на прежних участках и направлениях. За последние дни существенных изменений на фронтах не произошло.

Англичане, с которыми нам доводилось встречаться, продолжали выражать свое удивление и восхищение самоотверженной борьбой Красной армии против немецких захватчиков, не скупившись на высказывание ей добрых пожеланий, но о своем конкретном участии в этой борьбе ничего не говорили, кроме самых общих слов. Между прочим, переводчиком к нам был приставлен некто Коттам, колеблющийся, по его словам, «между лейбористами и коммунистами». По служебному положению Коттам – офицер военно-воздушных сил; фактически же он был разведчиком.

Как только мы покинули Лондон, я полностью сосредоточился на предстоявшей работе в Соединенных Штатах. В моем блокноте появилась такая запись: «1. Рузвельт, Гопкинс, Моргантау, Икес, Джонс, Нокс, ген[ерал] Макдауэлл, ген[ерал] Бернс, Гендерсон, Ачесон, Кэртис. 2. Хэлл, Уэллес, Бэрли, морское министерство, военный департамент, штаб армии».

В первом списке были перечислены американские государственные деятели, на взаимопонимание которых мы могли надеяться в ходе переговоров.

В процессе деятельности миссии в США мне пришлось в эти наметки внести поправки: вычеркнуть из первого списка Джонса, Нокса и Бернса. Что касается переноса кого-либо из списка № 2 в список № 1, то, по-видимому, это можно было сделать лишь в отношении Хэлла. В итоге состав лиц, на положительное отношение которых к советской военной миссии можно было рассчитывать (список № 1), при столкновении с реальной действительностью сильно сократился. Зато расширился круг лиц и учреждений, в чьей объективности и понимании общих интересов борьбы с гитлеровской Германией и милитаристской Японией у нас уверенности не было.

Утром 25 июля с аэродрома Прествик на американском четырехмоторном бомбардировщике мы отправились в полет через Атлантический океан. Вооружение с самолета было снято. На его борту находилось двенадцать пассажиров, считая и нас. В основном это были американские летчики и авиаспециалисты, занимавшиеся перегонем американских бомбардировщиков в Англию. Они совершали в среднем по 3–4 рейса в месяц за очень высокую плату.

Перелет без пересадки до Монреаля был очень утомительным: длился около 17 часов и проходил на высотах от трех до пяти тысяч метров. Во время перелета я находился в заднем отсеке, расположенном в хвосте самолета. Там можно было лежа смотреть в иллюминатор и пользоваться свежим воздухом.

Последнее было очень важно, так как во время полета ощущался недостаток кислорода, особенно при совершении резких движений. В то время как несколько человек из числа англичан и американцев «сосали» кислород, мы с Репиным и не подумали прибегнуть к этому вспомогательному средству.

Ближе к вечеру показался остров Ньюфаундленд. По своим размерам он настолько велик, что по воздуху мы пересекали его почти полтора часа. Когда смотришь на землю с высоты нескольких тысяч метров, открывается поразительная картина. Вероятно, не менее чем на три четверти Ньюфаундленд покрыт мелкими озерами, болотами и ручьями, и лишь одна четвертая часть его территории представляет собой сушу. Было видно, что она почти необитаема, большей частью покрыта лесами, кустарниками и галькой. В общем, остров Ньюфаундленд выглядит еще более сурово, чем наш Кольский полуостров.

От Атлантического побережья до Монреаля в течение четырех часов мы летели над Канадой. В значительной своей части эта страна, особенно ее северо-восток, представляет собой местность, очень похожую на наш архангельский север или сибирскую тайгу. Однако, как видно, населения в этих районах мало, природные богатства использовались слабо. Даже с самолета можно было видеть огромные незаселенные пространства, неосвоенную таежную местность. Сохнут и гибнут на корню, гниют в воде по рекам и озерам массивы строевого леса. Поселений мало, лишь изредка попадались отдельные хижины.

В те минуты мне припомнились слова английского вице-маршала Кольера, с которым мы летели из Москвы в Архангельск еще в первый рейс. Глядя на лесные богатства советского Севера, он жаловался на бедность Англии и говорил: «Отдать бы все это Англии!» Что тут сказалось: жадность к чужому добру или незнание своих собственных ресурсов? Наверное, и то, и другое¹⁹².

В общем, тогдашнее впечатление было таково, что север Канады – это территория неосвоенная и слабозаселенная, трудовое население которой большей частью влачит убогое существование.

Южная часть страны представляет собой некоторый сколок с северной Англии. Пахотная земля здесь изобилует камнями, которые даже в сложенном виде занимают значительную часть полезной площади. Участки обработанной земли поражают своей малой площадью. Когда смотришь с самолета, все кажется чистым, культурным, и хочется заглянуть внутрь акку-

¹⁹² В 1941 г. Канада была доминионом в составе Британской империи. (Примеч. сост.)

ратных фермерских домиков. Хотя по одним лишь ничтожным земельным площадям в этой большой неосвоенной стране уже можно судить, как тяжела здесь жизнь и быт простых людей.

На аэродроме в Монреале нас никто не встречал, даже не было переводчика. Много времени ушло на ожидание в гостинице. Пришлось переменить три номера: предложенное нам с самого начала помещение на третьем этаже оказалось кем-то занято, а номер на четвертом этаже был слишком мал для двоих.

Наконец, нам прислали переводчика из русско-еврейского ресторана с претенциозным названием «Самовар». Сначала появился некий Король, затем русский белогвардеец Лифанов. Бывший есаул с Дона, он нашел применение своим способностям в роли официанта в одном из канадских ресторанов. Вслед за переводчиком прибыли два офицера, представляющие начальника гарнизона. В общем, к 23 часам все уладилось и стало на свои места. Но пришлось отражать натиск корреспондентов, которые бесцеремонно врываются к нам в номер. Вспомнилось предостережение тов. Сталина относительно атак журналистов и фотокорреспондентов и его указание «не афишироваться». В дополнение ко всему из-за оплошности финансовых работников у нас не оказалось канадских денег. Пришлось взять займы, чтобы расплатиться за ужин и ночлег в гостинице.

Соединенные Штаты Америки – первые контакты

Рано утром 26 июля на самолете «Дуглас» мы вылетели в Нью-Йорк. На монреальском аэродроме нас провожал командующий войсками 4-го района бригадный генерал Д. Панет. В 9 часов 40 минут по местному времени прибыли в Нью-Йорк. Здесь нас встретили посол Советского Союза в США К. А. Уманский, военный атташе посольства полковник И. М. Сараев, генеральный консул В. А. Федюшин.

Хотя о приезде советской военной миссии в США открыто не сообщалось, это несколько не помешало журналистам и фотографам узнать о нем. И они, конечно, были тут как тут, расспрашивали и снимали. Мы сочли целесообразным официальное заявления представителям прессы не делать и сослались на то, что о задачах советской военной миссии представителям прессы будет объявлено заместителем государственного секретаря США Уэллесом. В заявлении госдепартамента, опубликованном в тот же день, отмечалось, что советская миссия прибыла в США для исследования и координации возможностей военных закупок в США.

Справедливости ради следует сказать, что дружелюбность и внимание к нам со стороны официальных представителей принимавшей нас страны внешне были проявлены. Достаточно сказать, что мы с А. К. Репиным прилетели в Вашингтон в 13 часов 30 минут и уже через полчаса вместе с послом К. А. Уманским нас принял Уэллес. Сразу после этого приема мы уже были у начальника штаба армии США генерала Дж. Маршалла.

Вполне естественно, что перед встречей с Уэллесом мы чувствовали себя напряженно. Такому состоянию, видимо, способствовало и то, что, по сравнению с Иденом, Уэллес производил впечатление человека, пожалуй, более сухого и скрытного.

В начале беседы мы приветствовали Уэллеса. Он ответил в дружественной форме, пообещав содействие в решении стоящих перед нами задач. После этого мною по поручению советского правительства было сделано заявление о желательности скорейшей американской помощи.

Уэллес, на которого это заявление, как нам показалось, произвело впечатление, обещал срочно доложить о нем президенту Ф. Рузвельту. Но, когда мы повели речь о конкретных пунктах поставки нам вооружения, Уэллес ограничился фразой, что письменный ответ правительства США по этим пунктам будет сообщен послу Уманскому и доставлен на совещание с генералом Бернсом и Ачесоном, которое должно состояться утром следующего дня.

При этом Уэллес сообщил, что будут удовлетворены лишь такие статьи нашей заявки, как отпуск 115 тысяч тонн авиабензина и других нефтепродуктов, считая и то количество, которое было раньше утверждено правительством США, а также 2 тысяч тонн толуола. Нам было также сказано, что американское правительство согласно «частично» удовлетворить нашу заявку на зенитные орудия (но при этом Уэллес уклонился от конкретных цифр), а также готово выделить 2 танкера для перевозки военных грузов.

Кроме того, в самых общих словах он повторил то, что было сообщено нашему послу раньше: о готовности предоставить Советскому Союзу некоторое количество истребителей «П-40» и бомбардировщиков «Локхид-Гудзон». Характерно, что при этом он снова не только не назвал цифр, но даже не обещал, что они будут названы нам в ближайшие дни. Мы все же просили сообщить нам конкретные данные, но ответ был лишь самым общим. Уэллес на словах соглашался с тем, что дело не терпит, что вопросы эти неотложные, что время – это решающий фактор, заверял, что правительство США сделает все, что от него зависит, но дальше этих заверений не пошел.

В ходе беседы Уэллес заявил, что Рузвельта в Вашингтоне нет и что по возвращении президент намерен принять руководителя советской военной миссии вместе с послом Уманским. Он сообщил также, что вскоре в Москву вылетит личный представитель президента Г. Гопкинс, который, видимо, будет вести общеполитические переговоры с руководителями советского правительства и поднимет вопрос о согласовании английских и советских военных заказов в Соединенных Штатах Америки.

Известный американский публицист Р. Шервуд, близкий к Ф. Рузвельту и Г. Гопкинсу человек, в своей книге «Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца» рассказывает о том, что Гопкинс будто бы имел поручение передать И. В. Сталину послание от имени президента США. В этом послании, в частности, будто бы говорилось: «...Правительство Соединенных Штатов окажет всю возможную помощь в получении вооружения, снаряжения и других видов снабжения, необходимых для удовлетворения самых неотложных нужд и которые могут быть доставлены для реального использования в вашей стране в ближайшие два месяца. Мы быстро урегулируем детали этих вопросов с находящейся сейчас в Вашингтоне миссией, возглавляемой генералом Голиковым»¹⁹³. Между тем относительно этого послания в советских архивах не обнаружено никаких сведений, которые подтверждали бы, что оно в какой бы то ни было форме было передано И. В. Сталину или вообще поступило в Советский Союз.

Мы выразили Уэллесу удовлетворение по поводу его сообщений о намерении Ф. Рузвельта принять нас и о предстоящей поездке личного представителя президента в Москву. Затем я сказал Уэллесу, что наша миссия привезла новые пожелания советского правительства относительно поставок материалов. Уэллес порекомендовал не передавать ему этот документ до тех пор, пока мы не узнаем ответа американского правительства по нашей заявке, которая была представлена ранее. Тут же Уэллес сказал нам о возможности расширения номенклатуры этой заявки. По словам Уэллеса, это объяснялось тем, что если по некоторым предметам правительство США может удовлетворить нашу заявку только в небольших дозах (по причине ограниченности своих производственных возможностей), то по некоторым другим объектам помощь может быть осуществлена более широко.

В заключение беседы я снова подчеркнул необходимость скорейшего, внеочередного рассмотрения советских заявок. Уэллес, как и в начале беседы, ответил заверениями, что все меры для этого будут приняты, а неполадки устранены.

Между прочим, он сообщил нам как бы с сожалением, что по сведениям, полученным правительством США, во Владивостоке образовалась транспортная пробка, которая мешает быстрому прохождению американских грузов в СССР. Я ответил Уэллесу, что эти сведения не

¹⁹³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 518.

соответствуют действительности и что можно быть уверенными, что срочные грузы из США, важные для нужд фронта, без задержки будут доставлены к месту назначения.

Общее впечатление от беседы с ответственным представителем правительства США было противоречивым. С одной стороны – обнадеживающие заверения и тут же предупреждения о том, что реализация наших запросов произойдет не скоро и лишь частично, что рассматриваться будут старые пожелания, а не новые. При этом разговор ограничивался только обсуждением вопроса о материальных поставках. Никакие другие проблемы не затрагивались. А между тем Уэллес в это время представлял государственный департамент США, так как Хэлла тогда в Вашингтоне не было.

Пресса живо откликнулась на приезд советской военной миссии. Крупнейшие столичные и многие провинциальные газеты напечатали на видных местах информационные сообщения и фотографии, освещающие встречу миссии с Уэллесом.

Как уже говорилось, сразу же после встречи с Уэллесом нас принял начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. Беседа с ним состоялась в его рабочем кабинете и продолжалась около часа. В ней с американской стороны участвовали полковник Ф. Феймонвилл как представитель военного ведомства США при нашей миссии и ряд офицеров разведки. С советской стороны, кроме посла и меня, был военный атташе полковник И. М. Сараев. Обратило на себя внимание, что американские офицеры и генералы, включая и Дж. Маршалла, были в гражданской одежде. В отличие от Англии мы в США также все ходили в гражданских костюмах.

В начале беседы я повторил генералу Маршаллу порученное мне советским правительством заявление, которое я только перед этим изложил Уэллесу, о необходимости американской помощи Советскому Союзу. Маршалл, державшийся очень сухо и сдержанно, ответил, что, по его мнению, правительство США сделает все от него зависящее, чтобы способствовать разгрому гитлеровской Германии, оно понимает решающее значение в этом русско-германского фронта и будет нам содействовать; оно «даст то, что уже есть, но не может дать того, чего еще нет», хотя перспектива производства американской военной промышленности в дальнейшем будет улучшаться. Начальник штаба армии США довольно откровенно намекнул на отсталость американской армии и отставание военного производства в США. При этом он резко подчеркивал трудности удовлетворения военных запросов СССР и указывал, что делать это придется за счет насущнейших нужд американской армии.

Мы пытались убедить Дж. Маршалла, что замысел фашистской Германии в том и состоит, чтобы бить наши страны поодиночке: в первую очередь разгромить Советский Союз, а затем настанет черед Англии и других стран. Вот почему необходимо объединить усилия всех свободолюбивых народов для отпора агрессору и оказать быструю и серьезную помощь Красной армии, ведущей сейчас один на один жестокую борьбу с врагом. Маршалл согласился со мной, но тут же стал жаловаться, что американцы в большинстве своем не понимают этой столь очевидной истины, которую он, Маршалл, безуспешно стремится развивать в конгрессе, пытаясь доказать целесообразность предоставления правительству США права оставлять военнослужащих на службе в армии сверх установленного срока.

Маршалл действительно имел все основания сказать так о позиции американского конгресса. Влиятельные конгрессмены из числа изоляционистов вели ожесточенную борьбу против антинацистских мероприятий правительства Рузвельта. Так было при решении ряда важных вопросов: об отмене эмбарго на вывоз вооружения за пределы США, о ленд-лизе, о внесении изменений в закон о нейтралитете. Насколько трудным было тогда положение Рузвельта как президента, показывают результаты голосования в палате представителей зако-

нопроекта о продлении срока воинской повинности (сверх одного года). Он был принят, пишет Р. Шервуд, «опасно малым большинством всего в один голос»¹⁹⁴.

Но вернемся к встрече с Маршаллом.

Включившись в беседу, К. А. Уманский напомнил ему, что президент США Рузвельт не раз заявлял о том, что советская оборона в ходе общей борьбы против фашизма имеет особо важное значение. И в связи с этим заслуживает соответствующей помощи, тем более что некоторые заявки Англии, в частности по поставкам истребителей, удовлетворены на длительное время вперед. Тогда же Рузвельт высказал и предложение о создании «Комитета трех». Развивая свою мысль, Уманский подчеркнул, что не полумеры, а лишь смелый, кардинальный пересмотр программы поставок вооружений в пользу Красной армии, ведущей борьбу на решающем фронте, может создать условия для успешного решения практических вопросов в духе заявлений Рузвельта. И в конечном счете это будет способствовать достижению победы над нашим общим врагом. Заявки Советского Союза, подчеркнул он, не должны втискиваться в старую программу, составленную еще до 22 июня 1941 года, необходимо принципиально иное, с учетом сложившейся обстановки, распределение союзных ресурсов. Маршалл опять-таки формально выразил согласие и стремление помочь, но от конкретного рассмотрения вопроса уклонился.

В то же время американский генерал живо интересовался первыми уроками советско-германской войны, особенно в области борьбы с танковыми соединениями противника в глубине обороны. Как нам тогда показалось, он с большим интересом отнесся к нашим ответам и нашей информации по этим вопросам. Эта часть беседы несколько улучшила общий тон и атмосферу нашей встречи с одним из наиболее авторитетных руководителей американского военного ведомства и была воспринята как начало сотрудничества армий обеих стран и более полного обмена информацией по военным вопросам. Одним словом, разговор получился оживленным и интересным, хотя и не принес ожидаемых результатов. Закончилась беседа вполне корректно, и мы расстались с американцами с чувством установленного контакта. Что касается впечатления о Дж. Маршалле, то по сравнению с Диллом, начальником генерального штаба английской армии, оно было явно в пользу Маршалла.

В этот же день у нас состоялась беседа с прибывшим в советское посольство полковником Феймонвиллом. С нашей стороны, кроме меня и К. А. Уманского, в беседе принимали участие К. И. Лукашев и П. С. Сельдяков, работавшие в Амторге¹⁹⁵. Феймонвилл сообщил, что с поставками Советскому Союзу самолетов дело обстоит скверно. Имеются затруднения и препятствия не только производственного, но и политического характера. По его словам, английские правительственные органы выразили категорическое несогласие в ответ на просьбу правительства США уступить Советскому Союзу часть английских заказов на самолеты, поставляемые США. Весьма показательно, что при этом Феймонвилл не скрывал от нас того, что определенное препятствие на пути реализации советской заявки исходит и от Уэллеса. Таким образом, линия поведения англичан выяснилась. Она была для нас неприемлемой. Нереалистичную позицию занимали и деятели США, ставившие свои решения в зависимость от ответов английских руководителей.

В ходе дальнейшей беседы с Феймонвиллом мы попытались выяснить возможности удовлетворения некоторых пунктов нашей расширенной заявки, как то: артиллерийские орудия различных калибров, боеприпасы и т. д. Как можно было судить по первым беседам, у нас устанавливался неплохой деловой контакт с Феймонвиллом, хотя в последующем пришлось несколько изменить мнение об этом человеке.

¹⁹⁴ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 578.

¹⁹⁵ Амторг – акционерное общество, созданное в Соединенных Штатах Америки в 1924 г. для содействия развитию торговли между СССР и США. (Примеч. сост.)

Вечером в посольстве состоялся товарищеский обед, на котором с краткими речами выступили К. А. Уманский и я. Посол говорил о дальнейшей работе советской военной миссии, обратив внимание на трудности, с которыми нам придется столкнуться. Смысл моего небольшого выступления заключался в том, что, хотя Советский Союз по всем данным мог бы получить необходимую помощь в США, до сих пор еще ничего не решено, не получено и не отправлено туда, где сейчас идут тяжелейшие кровопролитные бои. Затем состоялось краткое внутреннее совещание сотрудников миссии, на котором обсуждались вопросы о транспортах, необходимых для перевозок, а также наиболее безопасных и удобных маршрутах доставки в Советский Союз средств авиации, об организации связи и т. д.

Следующий день – воскресенье – мы решили провести на даче советского посольства. Путь туда пролегал через Балтимор. Это большой промышленный город, довольно мрачный, перенаселенный. На улицах грязь, мало зелени, нет элементарных условий для отдыха жителей. Далее мы миновали город Аннаполис, в котором расположено известное в США военно-морское училище, или, как его здесь называют, «Академия».

Погода благоприятствовала нашему кратковременному отдыху. Мы неплохо провели время с товарищами из состава посольских работников, искупались в морском заливе, немного поиграли в волейбол. Впереди предстояли новые ответственные встречи, нелегкие разговоры и, как видно, немалые трудности в решении поставленных перед миссией задач.

Тактика проволочек в действии

В понедельник с утра мы отправились на совещание к помощнику государственного секретаря Ачесону. В этом совещании приняли участие генерал Бернс, полковник Феймонвилл и группа ответственных сотрудников государственного департамента. С нашей стороны – К. А. Уманский, А. К. Репин, два сотрудника из Амторга, а также автор этих строк.

Совещание было посвящено главным образом рассмотрению ответа правительства США на запросы Советского Союза. В самом начале мы получили от Ачесона письменный ответ США на наш первый запрос. Уже при беглом ознакомлении с этим документом было очевидно, что этот ответ и в малой мере не может удовлетворить нас. И самое главное – американцы фактически не прореагировали на наши новые пожелания. Нам почти ничего не давали из вооружения. Что касается просьб по линии Амторга, то и они выполнялись далеко не в том размере, в каком это было необходимо, хотя некоторый шаг вперед и был сделан.

Говоря о вооружении, Ачесон подчеркнул, что вопрос о поставках самолетов «находится в руках Уэллеса», от которого мы позднее и должны получить ответ. Не дали и зенитных орудий нужных малых калибров. Вместо этого предложили начать переговоры о возможности приобретения зенитных орудий более крупных калибров.

Собственно говоря, в те дни американцы пообещали лишь 2 тысячи тонн толуола, из которых половину (по договоренности с Англией) надо было получить у канадцев в Галифаксе. Нам также решили продать 115 тысяч тонн высокооктанового авиационного горючего и других нефтепродуктов. Кроме того, обещали помочь в отправке в нашу страну двух танкеров. По существу, это было не больше того, о чем миссии сообщил при первой встрече Уэллес.

По линии Амторга разрешалось закупить молибден, парафиновый воск, электролитный свинец, стальные бензобаки, трубы и некоторые другие материалы. Кроме того, освобожден был ранее реквизируемый груз кожи и шерсти на сумму около миллиона долларов.

В ответе, который был вручен нам Ачесоном, содержалось также разрешение на приобретение оборудования одного из автошинных заводов, трех крекингowych и стабилизационных заводов, одного завода для производства высокооктанового бензина, двух бензиновых абсорбционных заводов, одной инсталляции для производства высоких сортов смазочных масел. Но все это обуславливалось жесткими ограничениями. Так, до 1 октября соглашались отгрузить

материалов всего лишь на 4 млн долларов. Госдепартамент хотя и обещал проследить за предоставлением нам необходимого приоритета в изготовлении оборудования, но с многозначительной оговоркой, а именно – с учетом возможных непредвиденных чрезвычайных нужд американского правительства и других стран, которым американское правительство помогает против агрессии. В американском ответе указывалось, что отгрузка будет осуществляться только при учете имеющегося в наличии тоннажа. Что касается спецификации оборудования, которое Советский Союз намеревается заказывать в США, то она должна строго соответствовать стандартам, действующим в американской промышленности.

Соглашаясь на предоставление некоторого оборудования и материалов, правительство США в то же время никак не прореагировало на наш запрос об отпуске нам алюминиевого прокатного стана, установки для производства толуола, двух каталитических заводов, водородного завода. Не коснулось оно и других пунктов заявки.

Мы получили положительный ответ на просьбу о размещении заказов на станки, молоты, прессы на сумму 32 млн долларов. Но весьма характерно, что предпочтение отдавалось отправке оборудования по ранее размещенным советским заказам до 1 октября 1941 года лишь на сумму около 5 млн долларов и на такую же сумму – на изготовление оборудования в течение года. Что касается другого оборудования на сумму более чем в 20 млн долларов, то его поставки растягивались более чем на годичный срок.

В этом нетрудно было видеть стремление Ачесона и в целом правительственных кругов США путем ссылок на «объективные» причины, в том числе на состояние американской станкостроительной промышленности, растянуть на несколько лет сроки поставок материалов, необходимых Советскому Союзу.

Как выяснилось несколько позднее, госдепартамент даже не располагал конкретными списками станков и машин, намеченных к отгрузке в СССР осенью 1941 года. Нам было предложено самим составить список станков и машин, которые необходимо поставить в срочном порядке. Делая это, мы абсолютно не имели уверенности в том, что сможем в ближайшие 2–3 месяца получить хотя бы минимум машин и станков, в которых так остро нуждалась в то время наша авиационная промышленность.

Американцы согласились на размещение по линии Амторга заказов на сумму около 13 млн долларов, из них менее трети должно быть отправлено в течение ближайших двух месяцев. В общей сложности до октября 1941 года предусматривалось отгрузить товаров, не являющихся вооружением, на 25 млн долларов, а всего размещалось заказов на сумму около 70 млн долларов.

Таков был ответ американского правительства на заявки Советского Союза по вооружению и оборудованию. Его требовалось внимательно изучить и доложить о нем советскому правительству. Об этом мы сразу же сказали Ачесону, хотя нам уже было совершенно ясно, что то, что обещают американцы, ни в коей мере не отвечает потребностям, вытекающим из насущнейших нужд советско-германского фронта. Однако, и это самое главное, мы, по существу, не получили никакого ответа на заявку по вооружению, хотя прошло уже более месяца, как она была вручена правительственным органам США.

Дело, видимо, заключалось в том, что некоторые деятели из руководящих кругов США, оказывавшие заметное влияние на политику американского правительства, не хотели уяснить ту непреложную истину, что отныне судьба всего прогрессивного человечества решалась на советско-германском фронте, где советский народ, принявший на себя удар основных сил фашизма, вел титаническую борьбу, выдерживая сверхчеловеческое напряжение. И что в силу этого необходим самый решительный пересмотр планов поставок американского вооружения странам, подвергшимся нападению фашизма и оказывавшим ему сопротивление, планов, которые были разработаны администрацией Рузвельта еще до вероломного нападения Германии на Советский Союз. Руководствоваться в новой обстановке старыми планами – значило, по сути

дела, способствовать Гитлеру наносить ущерб интересам народов, ставших жертвой фашистской агрессии, всем антифашистским силам.

В этот же день в советском посольстве состоялась встреча с председателем так называемого «Британского совета снабжения в США» А. Первисом, который являлся фактическим руководителем всех английских закупок в США. Встреча проводилась по инициативе англичан. С английской стороны в ней участвовал финансовый советник Пинсент, с советской – те же товарищи, что и в беседе с Ачесоном. Помнится, Первис говорил о том, как трудно и медленно шло вначале дело английских закупок в США, как далека еще промышленность США от нужд военного времени и как легко и в больших количествах могла бы она удовлетворить наши общие нужды в борьбе с агрессией, если бы была своевременно отмобилизована и переведена на военные рельсы. Нужно заметить, что и Рузвельт во время нашей встречи, состоявшейся позднее, вынужден был сказать нам об отставании военного производства США и о том, что на его развертывание потребуется еще год. Первис советовал «русским коллегам не давать американцам возможности оправдываться и ссылаться на англичан при затяжках в решении вопросов о поставках».

Вот уже более полутора лет, говорил Первис, работа английского аппарата закупок в США постоянно наталкивается на громадные трудности, встречает возрастающее сопротивление руководящих лиц штаба американской армии. С мнением советских специалистов совпала его мысль о том, что, несмотря на военное время, гражданские нужды самих США удовлетворяются в прежнем полном масштабе и до сих пор не видно кардинальной перестройки американской экономики на военный лад. А если бы эта перестройка была проведена, если бы по-настоящему были использованы имеющиеся производственные возможности, можно было бы сразу и без особых затруднений решить проблему поставки оборудования для военных предприятий Англии и Советского Союза. Первис собирался поставить данный вопрос перед президентом США и рассчитывал на наше понимание и поддержку.

Руководитель британских закупок дал понять, что правительство Англии проявляет особый интерес к тому, не закупает ли Советский Союз одно и то же сырье и в Соединенных Штатах Америки, и в Англии. Англичане, видимо, предполагали, что мы собираемся одновременно приобретать некоторые виды и там, и там, и опасались, что в их числе будут и такие материалы, которые они сами покупают в США.

Довольно энергично Первис высказался за идею создания «Комитета трех». Подчеркнул при этом необходимость добиваться как можно более тесного контакта между представителями закупочных органов Советского Союза и Англии в США, что будет способствовать успеху в достижении общих целей. Вместе с тем он много внимания уделил обоснованию распространенной среди англичан мысли о том, что американские самолеты, особенно бомбардировщики, поставляемые Англии из США, сразу вступают в боевые действия и этим якобы быстро приносят большую пользу общему делу разгрома Германии. Если же американские самолеты будут поставляться Советскому Союзу, то уйма времени уйдет на их доставку и освоение летно-техническим составом советских ВВС. Так что, внушал нам Первис, польза от поставки американских самолетов в СССР будет ничтожной. Судя по всему, эта версия настойчиво подсовывалась англичанами и американцам.

Мы вынуждены были решительно возразить против этой «мотивировки», придуманной противниками военных поставок Советскому Союзу. Знания и опыт советских летчиков были известны. С высокой эффективностью они использовали американскую технику в борьбе против люфтваффе. А трудности доставки самолетов явно преувеличивались. На этом наша встреча закончилась. Она оставила у всех нас неприятный осадок из-за стремления Первиса хитрить с нами, да еще в расчете на успех. Он пытался создать впечатление, будто пришел к нам с добрыми намерениями – предупредить о трудностях, договориться об общих акциях и т. д. На деле же он хотел ограничить свободу действий нашей миссии. Стало ясно, что англий-

ские органы в США нам не помогут. Более того, Черчилль, Бивербрук и высшие английские военные руководители противодействовали усилиям Рузвельта, Гопкинса и Гарримана найти более или менее согласованное с англичанами решение об объеме поставок военных материалов для Советского Союза, их номенклатуре, способах и сроках доставки. Англичане же хотели взять в свои руки поставки в СССР не только из Англии, но и из США. При этом следует учитывать, что первоочередное внимание английское правительство и военные руководители Великобритании обращали на снабжение своих войск на Среднем Востоке, куда и шла львиная доля поставок из США по ленд-лизу. Что же тогда могло перепадать Советскому Союзу?

Кроме того, надо помнить о том, что по всем крупным вопросам о поставках Советскому Союзу руководящие органы США предварительно договаривались с английским правительством, конечно, не в ущерб Великобритании. Так было в дни пребывания Бивербрука в Вашингтоне и Гопкинса в Лондоне (июль 1941 года), так обстояло дело во время встречи Рузвельта с Черчиллем в августе 1941 года, так произошло и перед совещанием в Москве по ленд-лизу в конце сентября 1941 года. Да разве только в этих случаях?

После беседы с Первисом Уманский и я посетили английского посла в США лорда Э. Галифакса по его просьбе и имели с ним беседу. В ней участвовали сотрудники английской военной миссии, а также военно-воздушный атташе, маршал авиации Харрис. По просьбе англичан я сделал обзор военных действий на советско-германском фронте. Затем перешли к обсуждению проблемы англо-американской помощи Красной армии. Разговор был длительный и в целом протекал в атмосфере взаимопонимания, но и здесь англичане, более других Харрис, развивали ту же мысль, что и Первис. Мол, на доставку бомбардировщиков из Соединенных Штатов Америки в Советский Союз уйдет слишком много времени, и в силу этого, говорил Харрис, поставки эти не оправданы. Так, на переправку самолетов по маршруту Гренландия – Исландия – Архангельск, а затем на их освоение потребуется по крайней мере месяца два, а если доставлять машины через Владивосток, то и все четыре. Короче говоря, Харрис вообще не поддерживал идею доставки в Советский Союз по воздуху американских самолетов, особенно истребителей.

Мы ответили английскому маршалу авиации столь же решительно, как и Первису. При этом оперировали английскими же данными, взятыми из опыта воздушных налетов фашистской авиации на Англию, а также Балканской кампании.

Из бесед с Первисом и Галифаксом у нас сложилось мнение, что представители английских военно-политических кругов, находившиеся в США, сильно беспокоились, как бы советские заявки на поставки вооружения из США, особенно самолетов, не нанесли ущерба английским закупкам. Имелись все основания предполагать, что англичане войдут в тесный контакт с теми официальными лицами США, которые стремятся любыми путями мешать материально-технической помощи Советскому Союзу. Вскоре мы убедились в правоте своих предположений.

Все это говорило за то, что необходимо добиваться личного приема советской военной миссии президентом Рузвельтом. Назрела настоятельная необходимость ускорения решения вопроса о создании «Комитета трех» и согласования всех шагов союзников по антигитлеровской коалиции – Советского Союза, Англии и США, в том числе и в области закупок вооружения и стратегических материалов.

Еще раньше, когда шла речь о предоставлении СССР возможности получить в США самолеты некоторых типов, мы выразили желание поближе ознакомиться с ними. Ответ получили положительный – А. К. Репин в сопровождении майора Овчинникова и полковника Феймонвилла вылетел на военно-воздушную базу Митчелл Филд, расположенную в окрестностях Нью-Йорка, для осмотра истребителя «П-40».

29 июля совершенно неожиданно к нам явился Феймонвилл. Оказалось, что Рузвельт, только что прибывший в Вашингтон, поручил ему проверить, насколько обоснованы дошед-

шие до него слухи, будто бы во Владивостоке образовалась большая транспортная пробка, нарушившая доставку военных грузов в СССР. Во избежание впредь таких непредвиденных затруднений Советскому Союзу, по мнению президента, в срочном порядке потребуются американские эксперты по вопросам транспорта и складского хозяйства. Феймонвилл должен был также выяснить у нас, правда ли, что мы против привлечения к этому делу иностранных специалистов, находящихся на военной службе.

Мы разъяснили Феймонвиллу, что все это выдумка, пущенная в ход явно в провокационных целях. Никакой «пробки» ни во Владивостоке, ни в других советских портах нет. В зарубежных специалистах мы не нуждались и не нуждаемся не потому, что они военнослужащие, а потому, что советский транспорт, несмотря на трудности военного времени, работает четко и слаженно.

Нам было ясно, что подобная «утка» могла вылететь лишь из источника, далекого от симпатии к Советскому Союзу. В свою очередь, американская военная разведка подхватила этот нелепый вымысел и сочинила версию для доклада президенту. В ней, как в зеркале, нашли свое отражение высокомерие по отношению к советским людям и их организаторскому таланту вообще и неправильное, предвзятое мнение, будто советский народ не способен что-либо сделать самостоятельно без приглашения «варягов» извне и т. д.

Понятно, шумиха о нежелании советского правительства допустить в СССР американских военных специалистов была затеяна с целью дезинформации общественного мнения в США и предоставления полной свободы действий тем руководящим деятелям, кто явно стремился сам решать, что поставлять в СССР, в каких размерах, каком ассортименте и в какие сроки.

Вместе с тем слишком уж бросалось в глаза стремление некоторых правительственных кругов и военного департамента США использовать момент и направить в Советский Союз как можно больше своих военных наблюдателей и контролеров. Об этом, в частности, свидетельствовала и история, связанная с поездкой на советско-германский фронт военного атташе американского посольства в Москве майора Итона в качестве наблюдателя. Шумиха вокруг этого раздувалась не без участия таких высокопоставленных лиц, как исполнявший обязанности государственного секретаря Уэллес и военный министр Стимсон.

Представители американских военных кругов использовали буквально каждый повод, чтобы вновь и вновь высказать нам свое мнение о необходимости этой поездки. Они всякий раз назойливо заговаривали о посылке американских военных наблюдателей в Советский Союз. Из неофициальных источников нам было известно, что тогдашний посол США в Москве Штейнгардт имел прямое поручение от своего правительства настаивать перед советским правительством на допуске американских военных наблюдателей в советское Приморье и Забайкалье. На совещании в Пентагоне в августе 1941 года генерал Гюнтер, занимавший в то время ответственный пост заместителя начальника штаба армии США, специально выдвинул вопрос об Итоне.

Даже в общем-то благоприятно настроенный к СССР министр внутренних дел США Г. Икес, беседуя с нами (о чем речь пойдет ниже), и тот довольно прозрачно намекал, что деятели из военного департамента, которые ставят нашей миссии рогатки, использовали отказ принять американских военных наблюдателей как доказательство советского нежелания сотрудничать с США в военной области. И каждый раз в качестве контрпримера приводилась Англия, которая, дескать, допустила десятки американских военных специалистов и наблюдателей. И это, мол, не приносит ей никакого ущерба. При этом Икес подчеркнул, что кое-кто из руководящих деятелей США отсутствие непосредственной (т. е. из американского источника) информации с советско-германского фронта использует для широкой пропаганды той информации, которую подбрасывает гитлеровская агентура в США. Не надо было обладать большим соображением, чтобы представить себе, что это были за сведения!

Но вернемся к Феймонвиллу. Он сказал нам, что между английским и американским правительствами достигнута следующая договоренность: из общего числа истребителей «П-40», которые Англия получает в США, англичане переуступают СССР 200 самолетов. Однако тут же выяснилось, что эти истребители разбросаны по разным, далеко отстоящим друг от друга районам: в США, Англии и Египте. Кроме того, американцы поставляют эти самолеты без пушек и пулеметов, вооружение на них должны устанавливать англичане.

Это решение западных союзников не могло нас устроить. Во-первых, столь незначительное количество самолетов ни в коей мере не шло в сравнение с потребностями советско-германского фронта. Во-вторых, самолеты, предназначавшиеся для участия в боевых действиях в самое ближайшее время, поставлялись без вооружения и необходимого оснащения. И в-третьих, зачем надо было отправлять их из США морем в Англию или Египет? Почему с нами по этому вопросу даже не посоветовались?

Подчеркнув свою готовность приступить к деловому обсуждению вопроса о маршрутах доставки истребителей по воздуху, мы высказали Феймонвиллу неудовлетворенность как их количеством, так и отсутствием на них вооружения, из-за чего эти самолеты не могут быть сразу использованы по прямому назначению.

Американцы обещали нам не только истребители, но и бомбардировщики типа «Локхид-Гудзон». Мы напомнили Феймонвиллу об этом. Его ответ сразу как-то даже не укладывался в сознании. Оказывается, английский маршал авиации Харрис сказал американцам, что, по его мнению, бомбардировщик «Локхид-Гудзон» не подходит для Советского Союза, поэтому вопрос о нем был снят.

Снова и снова союзники проявили стремление решать вопросы поставок без нас и за нас, и мы выразили самый решительный протест. Этот возмутительный факт с новой силой говорил о необходимости создания координационного органа трех держав – «Комитета трех».

В тот же день после обеда состоялась новая встреча с заместителем государственного секретаря США Уэллесом. Мы передали ему наши уточненные заявки на вооружение и горючее. В ответ последовали обычные фразы: «Очень рад вас видеть», «Не позднее чем через час начнется рассмотрение заявок», «Сделаем все возможное» и т. п. При этом он сказал: «Моя задача заполнить ваше время так, чтобы вы целиком могли быть заняты своими задачами». Трудно сказать, что именно хотел выразить этой двусмыслицей высокопоставленный американский дипломат. Потом Уэллес сообщил, что 30 июля нас, вероятно, примет президент. У него, видимо, в числе других вопросов речь пойдет и о создании «Комитета трех», призванного координировать усилия трех государств в области обеспечения нужд фронтов вооружением и другими военными материалами.

В беседе с Уэллесом мы не преминули коснуться вопроса о самолетах. Этот вопрос нас не мог не волновать. К сожалению, Уэллес лишь сослался на предстоящую встречу с президентом. И снова он стал говорить о необходимости изучения и согласования наших заявок с учетом потребности как Советского Союза, так и Англии. А для этого необходимы скоординированные действия по линии «Комитета трех». С этим нельзя было не согласиться. Но настояживала высказанная Уэллесом мысль, что правительство США не в состоянии просто так, механически передать Англии все те материалы, которые англичане захотят по своему желанию направить Красной армии. Это говорило об определенных настроениях в американских правящих кругах, а также о существующих формально-правовых ограничениях.

Мы обратили внимание Уэллеса на то, что в полученном через Ачесона ответе на нашу промышленную заявку нет положительного решения по целому ряду важных пунктов. Например, по оборудованию для двух крекинговых заводов и некоторых других предприятий, имеющих важное значение для укрепления оборонной мощи СССР. Уэллес пообещал вернуться к этим вопросам, заметив при этом, что речь идет о таком оборудовании, изготовление которого в США и пуск в эксплуатацию в Советском Союзе потребуют много времени. Мы же, по

его мнению, должны сосредоточить свое внимание на тех материалах, которые нужны фронту сейчас, в ближайшее время. И в этом вновь проявилась недооценка американцами советских темпов монтажа оборудования, ввозимого из-за рубежа, особенно темпов, приумноженных в военное время. Мы прямо об этом сказали Уэллсу и попросили направлять нам не только те материалы, которые необходимы фронту сейчас, но и те, что понадобятся в перспективе с учетом всевозрастающих масштабов вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Дело за нами не станет, подчеркивали мы, только бы быстро поставлялось оборудование.

Днем 30 июля состоялась очередная малорезультативная встреча с Феймонвиллом. В ней участвовали К. А. Уманский, А. К. Репин и я.

После этого мы отправились в управление промышленного производства, где намечалось считывание и сопоставление заявок Советского Союза и Англии. Нас в первую очередь интересовали вопросы, по которым мы пытались договориться. Кстати сказать, английские представители (главным был советник по финансовым вопросам, фамилию его не помню) проявили неуважение к совещанию: они опоздали на 35 минут. В управлении нас никто не встретил. Сначала мы искали место проведения совещания по этажам и коридорам, потом стояли в ожидании в общем канцелярском зале. Наконец, нас приняли в комнате, где работали несколько машинисток. Естественно, мы с А. К. Репиным были возмущены столь элементарной нераспорядительностью и плохой, явно не американской организацией дела и ушли, не дождавшись окончания этого, с позволения сказать, заседания.

Вскоре мы узнали, что прием советской военной миссии президентом США назначен на 31 июля. Накануне поздно вечером состоялся не совсем приятный разговор между мною и К. А. Уманским. Посол упрекал А. К. Репина за его слишком резкое реагирование на волокиту американских чиновников и ответственных лиц в решении вопросов, связанных с поставками, на проволоочки, прикрываемые дипломатической болтовней. В этом отношении я был солидарен с А. К. Репиным и счел возможным посоветовать К. А. Уманскому шире привлекать сотрудников советского посольства к более активной и плодотворной работе по вопросам, связанным с выполнением задач военной миссии.

Но при этом я хочу особо сказать, что у нас – сотрудников советской военной миссии – установился с товарищами из посольства самый тесный и деловой контакт. Буквально на каждом шагу мы ощущали поддержку со стороны посла К. А. Уманского. Не забудется, сколь решителен и принципиален он был в проведении вопросов, связанных с материальными поставками Советскому Союзу. Деятельную и весьма эффективную помощь советская военная миссия получала от А. А. Громыко, в то время советника нашего посольства в Вашингтоне. Тесная деловая связь у нас была и с отделом печати. Все это имело для миссии неоценимое значение, и я всегда с чувством самой сердечной признательности вспоминаю замечательный, отзывчивый коллектив советского посольства в США.

Это было тем более ценно для нас и потому, что в те дни на нашем пути действительно возникало много трудностей. Посол и я вынуждены были докладывать советскому правительству о тех невероятных сложностях и препятствиях, с которыми столкнулась военная миссия в ходе переговоров с официальными представителями правительственных органов США.

Без преодоления этих трудностей, докладывали мы, нельзя рассчитывать на успешное решение вопросов материальных поставок и военной помощи Советскому Союзу. А эти вопросы решались поистине черепашими темпами. Американцы совершенно не считались с фактором времени, постоянно ссылаясь на англичан. Они, мол, тоже испытывают затруднения военного времени.

В самом деле. Прошло уже более месяца, как американцы получили нашу заявку на необходимое вооружение. А что мы имели в ответ? В зенитных орудиях нужных нам калибров нам вообще отказали. Велись длительные общие разговоры об авиации, но ничего конкретного не

говорилось о том, сколько истребителей и бомбардировщиков мы получим, какими путями они будут доставляться в СССР, как будет обстоять дело с их вооружением и боеприпасами.

Что касается нашей заявки на промышленное оборудование, то ответ, полученный нами, был неконкретен и вообще неудовлетворителен. Мы знали, что некоторые американские фирмы, в частности такие, как «Райт» и «РСА», готовы были на основе договоренностей оказать нам техническое содействие по вопросам моторостроения и связи. Однако положительное решение этого вопроса затягивалось из-за противодействия американской администрации. Или другой пример. Вопрос о выделении нам некоторого количества нефтеналивных судов как будто был уже решен, но о том, какие именно суда будут предоставлены, мы не имели сведений. Такая же картина сложилась и в отношении толуола: мы знали, что можем его закупить, но не имели понятия, кто именно должен был поставить это взрывчатое вещество.

Практическое решение всех этих вопросов непрестанно наталкивалось на скрытое сопротивление или прямое противодействие, исходившее в первую очередь от военного и государственного департаментов. Аппарат генерала Бернса, призванный проводить в жизнь закон о передаче в аренду или займы вооружения (по ленд-лизу), проявлял полную инертность. Буквально на каждом шагу нам ставили палки в колеса, практическое решение вопросов подменялось бесконечными словопрениями, проволочками, разного рода бюрократическими препонами. Во всем этом нельзя было не видеть плохо скрытую неприязнь некоторых влиятельных лиц США к Советскому Союзу.

Было и другое не менее важное обстоятельство. В то время произносилось немало речей о необходимости согласования усилий союзников в деле материальных поставок; немалые надежды возлагались на предстоящую работу «Комитета трех». Но практически мало что делалось в направлении координации совместных усилий и ресурсов. Ни американцы, ни англичане не высказывали ни малейшего намерения информировать нас о том, что именно США поставляют Англии, каковы заказы англичан у американцев, каковы планы США в этом отношении. А это как раз те вопросы, без которых нельзя было вести речь о согласованности действий.

Между тем производство вооружения и его распределение в США и Англии шло в прежнем ритме. Все планировалось так же, как и до нападения Германии на СССР. Никаких намеков на то, что планы производства вооружения, особенно авиации, будут как-то изменены с учетом возникновения основного фронта борьбы с Гитлером на Востоке. Ни о каком усилении помощи Красной армии не шло и речи. Было ясно одно – никакого пересмотра производственных планов США в пользу Советского Союза не предвидится, а все наши заявки американцы намереваются втиснуть в старые рамки. А это означало, что нам дадут крохи!

Что дело обстояло именно так, подтверждали и события последних дней. Не случайно нам «спихивались» устаревшие бомбардировщики, а новые машины шли в Англию. Истребители «P-40» направлялись Советскому Союзу без вооружения. До сих пор не было конкретно установлено, какое количество самолетов будет поставлено Советскому Союзу в ближайшие 2–3 месяца. Нежелание правительственных органов США и Англии пойти навстречу советской стороне в деле координации общих усилий, критически проанализировать и радикально перестроить свои старые производственные планы – все это не только затрудняло работу советской военной миссии в США, но и вообще ставило под вопрос материальные поставки Советскому Союзу в самые трудные для него первые месяцы Великой Отечественной войны.

Больше того, очень ярко проявилось стремление некоторых влиятельных лиц из правительственных органов США и Англии обсуждать и решать вопросы, касающиеся военных поставок в Советский Союз, без советских представителей. За нашей спиной решалось не только, что именно нам нужно, но и каковы наилучшие маршруты и способы доставки этих предметов и материалов в Советский Союз и т. д.

Англичане и американцы непрерывно обменивались взаимными соображениями о поставках США англичанам. Эти сведения держались втайне от советских представителей.

Они сообщали друг другу о советских заказах в Англии и США, тогда как мы были лишены возможности лично осматривать те предметы вооружения, на которые сделали им заявки. За все это время А. К. Репина допустили лишь к истребителю «П-40».

В официальных американских органах, имевших влияние на ход поставок, засели люди, которыми руководило главное – политическая неприязнь к Советскому Союзу. По этой причине затягивалось решение вопросов фрахтовки тоннажа для доставки в СССР военных материалов. Центральный военный аппарат США через буржуазную прессу вел активную пропаганду успехов гитлеровской Германии, пытался опорочить профессиональные умения советских офицеров и генералов, умалить героизм советских воинов, всеми способами стараясь саботировать выполнение советских заказов. Нам были известны факты, когда военный департамент накладывал «вето» на материалы, к поставке которых в Советский Союз имелись все возможности.

Все это было очень серьезно. Успешное решение задач нашей миссии было немислимо без преодоления этих трудностей. Мы считали, что в интересах общего дела президент Рузвельт должен призвать к порядку те элементы своей администрации, которые саботировали дело помощи Советскому Союзу, приструнить военный аппарат, дать указания о радикальных изменениях производственных планов и предоставить всю широту полномочий Гопкинсу в Москве. Докладывая обстановку и свои соображения советскому правительству, мы полагали, что все это может пригодиться во время бесед с личным представителем президента США Г. Гопкинсом, который в сопровождении бригадного генерала Мак Нарнея и лейтенанта Д. Алисона 28 июля прибыл в Москву. В тот же день он был принят И. В. Сталиным. Личного представителя Рузвельта сопровождал посол США Штейнгардт. На следующий день И. В. Сталин имел вторую беседу с Гопкинсом. Беседа продолжалась два часа. Из Москвы Гопкинс вылетел в Лондон.

Но вернемся к работе нашей миссии в США. Утром 31 июля в военном департаменте состоялась полуторачасовая беседа с военным министром Г. Стимсоном. С нашей стороны были посол К. А. Уманский, А. К. Репин, военный атташе И. М. Сараев и автор этих строк. Американцы, кроме министра, были представлены его заместителем МакКлоем, генералом Майлсом, возглавлявшим американскую разведку, а также полковником Феймонвиллом, капитаном Кристелом и еще кем-то.

Перед нами предстал 72-летний старик, как видно сильно чувствовавший груз своего возраста. Это и был Стимсон. Беседу с нами министр начал с замечания, что надо считать «недоразумением» слух, будто он не хочет видеть у себя генерала Голикова, и что, наоборот, он стремился к этому с первого же дня пребывания советской военной миссии в Вашингтоне. Мне оставалось ответить, что до меня этот слух в такой форме не доходил.

Нам бросилось в глаза, что на стене в кабинете военного министра США висела карта Европы с явно ошибочным обозначением линии советско-германского фронта – на всем его протяжении от полуострова Рыбачий до Черного моря. Судя по этой карте, многие советские города, в том числе Мурманск, Петрозаводск, были уже заняты немецко-фашистскими оккупантами и враг вплотную подошел к Ленинграду. На центральном направлении гитлеровцы находились на ближних подступах к Вязьме. Все это не соответствовало истинному положению войск воюющих сторон. В таком обозначении линии фронта, как видно, проявлялось лицо американской разведки с ее ярко выраженной ориентировкой на геббельсовскую пропаганду и все той же неприязнью по отношению к советскому народу и его Вооруженным силам.

Вообще, надо сказать, что в американских официальных кругах в то время господствовало мнение, что русским не устоять под ударами гитлеровской военной машины. Один из авторитетнейших государственных деятелей США того времени Э. Стеттиниус свидетельствует: «В день 22 июля 1941 года как в военных кругах, так и вне их многие не верили, что сопротивление Советского Союза может быть продолжительным. Я вспоминаю много дискус-

сий, участники которых говорили, что война в России закончится к 1 августа. Те, кто придерживался этой точки зрения, считали, что все оружие, которое мы пошлем, вероятно, попадет в руки Гитлера. Единство советского народа и сила Советской армии недооценивались в те дни не только в Берлине, но также и в Вашингтоне и Лондоне»¹⁹⁶.

Поэтому мы считали своим долгом в беседах с министром и другими американскими деятелями разбивать домыслы тех, кто ждал поражения СССР и победы Гитлера. Так мы поступали и в Лондоне, и в Вашингтоне. Это чувствовали наши собеседники. Тот же Стеттиниус, описывая встречу членов советской военной миссии с начальником штаба американской армии генералом Маршаллом, в которой он принимал участие, писал: «Оба генерала (А. К. Репин и я. – Ф.Г.) подчеркивали необходимость быстрых действий, но они были абсолютно уверены в том, что Красная армия не будет разгромлена летом и, более того, что у нее хватит сил для захвата инициативы с началом зимы. Это были смелые слова в дни, когда Красная армия откатывалась назад по Украине и Белоруссии»¹⁹⁷.

В том же духе мы собирались вести разговор и с военным министром США Г. Стимсоном. Как только мы вошли в его кабинет, сразу же завязалась беседа о ходе военных операций на советско-германском фронте и тактических уроках нынешней войны. В задаваемых министром вопросах чувствовался особенно большой интерес американских военных руководителей к проблеме борьбы с танками и партизанскому движению. В частности, нас спрашивали, верно ли, что мы специально готовили воинские части для партизанской борьбы, интересовались вопросами руководства партизанским движением со стороны центра, о кадрах партизан и т. д.

Ответив в пределах допустимого на эти вопросы, мы постарались перевести беседу на оказание практической помощи Красной армии. В ответ слышали лишь знакомые общие фразы и длинные тирады об историческом различии между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, об отсутствии у последних необходимой армии и должного военного производства. Стимсон не преминул с плохо прикрытым намеком бросить упрек в адрес тех, кто считает возможным «найти в Америке все, что только душа пожелает, будто в этом обетованном краю все дается легко, делается из воздуха» и т. д. и т. п.

Подтверждая готовность оказать Советскому Союзу определенную материальную помощь, военный министр тем не менее очень много ссылаясь на «объективные» причины, которые, дескать, мешают оказать эту помощь в ближайшее время и в значительных размерах. Он долго распространялся об отставании в строительстве американской армии. Это в известной степени объяснялось тем, говорил он, что в силу исторических условий США сложились как морская держава, и поэтому главное внимание уделялось строительству морского флота. Американцы, продолжал Стимсон, с большим интересом следят за событиями на советско-германском фронте, однако информацию получают из вторых рук. Тем самым он довольно прозрачно намекнул на необходимость поездки Итона в действующие советские войска.

Со своей стороны мы старались доказать Стимсону, что решение вопроса о поставках военных материалов из США в СССР зачастую упирается не в производственные трудности американцев и объективные причины, а зависит от субъективного отношения к делу отдельных американских деятелей. При этом мы сослались на пример с фирмами «Райт» и «РСА». Эти фирмы готовы идти нам навстречу в некоторых вопросах технического содействия, а государственный и военный департаменты не только не поддерживают эту готовность, но всячески препятствуют решению вопроса.

Вспоминая о приеме миссии военным министром США Стимсоном, хочу подчеркнуть, что с внешней стороны прием прошел в дружеской атмосфере. Стимсон даже просил не сето-

¹⁹⁶ Стеттиниус Э. Р. Ленд-лиз – оружие для победы. Нью-Йорк, 1944. С. 110.

¹⁹⁷ Стеттиниус Э. Р. Указ. соч. С. 112.

вать на то, что не смог раньше принять А. К. Репина и меня. Конечно, каких-то ощутимых результатов эта встреча не принесла. Но мы надеялись, что беседа с военным министром поможет несколько улучшить наши деловые отношения с аппаратом военного департамента США. Мы использовали ее для того, чтобы еще раз подчеркнуть нашу решимость настаивать на удовлетворении советских заявок на военные материалы.

Поможет ли президент?

Приему советской военной миссии президентом США Франклином Рузвельтом мы придавали большое значение. Авторитет президента мог и должен был сыграть очень важную роль в организации общей борьбы с фашизмом. Мы понимали, что Рузвельт – представитель американской буржуазии. Но он выражал взгляды наиболее дальновидных и реалистически мыслящих представителей своего класса. Американский президент возглавлял всю администрацию США, был главнокомандующим всеми вооруженными силами, руководил политической партией, стоящей у власти. Все это следовало учитывать.

Встреча с президентом состоялась 31 июля 1941 года. На приеме присутствовали посол К. А. Уманский, А. К. Репин и я. С американской стороны был «офицер связи» (а на самом деле – разведки) капитан Кристел, занимавшийся делами Советского Союза, а к концу беседы пришел генерал Уотсон, адъютант президента. Ожидалось также участие в беседе Уэллеса, но он, к нашему удовольствию, почему-то не появился.

Накануне этого дня Уэллес разговаривал по телефону с Уманским. Руководитель госдепартамента беспокоился, не пожалуемся ли мы президенту на неудовлетворительный ход работы с советской военной миссией. Уманский сказал ему, что мы это непременно сделаем. Уэллес просил иметь в виду, что в разговоре с нами Рузвельт может затронуть вопрос о «транспортной пробке» во Владивостокском порту и о целесообразности посылки американских специалистов-транспортников в Советский Союз. Мы приняли к сведению эту информацию.

За давностью лет отдельные подробности нашей встречи с президентом стерлись в памяти. Но все же попытаюсь восстановить ее ход. В приемной президента мы ждали не более 20 минут, прежде чем нас пригласили в кабинет. Мы сразу же почувствовали благожелательное отношение президента Соединенных Штатов Америки к представителям Советского государства. Ф. Рузвельт держался просто, непринужденно, был внимателен к каждому из участников беседы. Перед встречей генерал Уотсон нас предупредил, что на прием отведено 15 минут. Но, когда они истекали, президент не проявил никакой торопливости и в нашем присутствии ни разу не взглянул на часы. И беседа вышла за пределы отведенного ей по протоколу времени. Началась она, как помню, в 12 часов 35 минут, а закончилась только через 45 минут. В целом атмосфера встречи с президентом выгодно отличалась от обстановки тех бесед, которые до того нам пришлось вести с американскими представителями, – слишком много в них было нервозности и натянутости.

Взаимно обменявшись приветствиями, мы приступили к деловому обсуждению вопросов. Тон президента как-то сразу расположил нас к откровенному разговору. Прежде всего, я сделал официальное заявление по поручению советского правительства. Потом подробно охарактеризовал положение дел в связи с пребыванием советской военной миссии в США.

Ф. Рузвельт внимательно меня выслушал. Отметив важное значение вооруженной борьбы, развернувшейся в Европе, и ту роль, которую в ней играет Советский Союз, он как бы мимоходом спросил, каково настроение сотрудников советской военной миссии, все ли идет так, как надо.

Включившись в разговор, посол К. А. Уманский ответил, что члены советской военной миссии Ф. И. Голиков и А. К. Репин находятся «в скверном настроении». Это нетрудно понять, так как вопросы решаются крайне медленно либо не решаются вовсе, а практическое дело

подменяется бесконечными совещаниями. Многие инстанции, вместо того чтобы принимать решения, сваливают дело друг на друга. Все это отрицательно сказывается на работе советской военной миссии, тогда как на миссию возложены ответственные и неотложные задачи.

Подтвердив все сказанное Уманским, я со своей стороны подчеркнул, что на советско-германском фронте сейчас идут кровопролитнейшие бои, что этот фронт приобрел ныне решающее значение. Поэтому всякое промедление с решением вопросов, связанных с материальной помощью Советскому Союзу, повлечет за собой нежелательные последствия. Советская военная миссия надеется, что президент учтет эти обстоятельства и, как главнокомандующий американскими вооруженными силами, примет соответствующие меры.

В ответ на это Ф. Рузвельт шутливо сказал, что ему самому надоели бесконечные и бесполезные совещания, которые нередко подменяют дело. Переходя к конкретным пунктам нашей заявки, он сообщил, что уже принято решение о выделении Советскому Союзу 200 истребителей «П-40», причем только четвертая часть из них находится в США, а остальные в Англии. Собственно говоря, это были те же данные, которые нам ранее передал Феймонвилл. От Феймонвилла мы также знали, что эти истребители не оснащены вооружением. Поэтому мы спросили президента о возможности установки на них вооружения. Ответ Рузвельта был весьма уклончив. На некоторых самолетах как будто бы есть вооружение, сказал он, но нет боеприпасов; во всяком случае, это надо дополнительно выяснить. Когда зашел разговор о боеприпасах, Ф. Рузвельт подчеркнул, что американцы испытывают острый недостаток в них. Однако пообещал помочь нам боеприпасами и вообще ускорить решение вопроса о предоставлении Советскому Союзу определенного количества вооруженных и снаряженных самолетов.

Затем Ф. Рузвельт по собственной инициативе перешел к вопросу о маршрутах доставки самолетов в Советский Союз. Он заявил, что если переправлять самолеты в СССР через Дальний Восток, то целесообразно перебрасывать их сразу непосредственно из США, а не через Англию, как намечалось ранее. По его мнению, об этом можно было бы договориться с англичанами и это, несомненно, ускорило бы дело. Нельзя было не согласиться с такой постановкой вопроса.

Рузвельт поинтересовался, имеются ли у нас на Дальнем Востоке и в Сибири хорошие аэродромы. Дело в том, сказал он, что у истребителя «П-40» ограниченный запас горючего и ему приходится делать частые посадки для дозаправки. К тому же на недостаточно хорошо оборудованных аэродромах при посадке он нередко капотирует.

Мы пояснили, что аэродромная сеть в восточных районах нашей страны достаточно развита и находится в таком состоянии, что способна принять американские самолеты. Кроме того, довольно быстро могут быть усовершенствованы существующие и построены новые взлетно-посадочные полосы. За этим дело не станет – были бы самолеты. Рузвельт, разумеется, знал, что многие американские авиационные специалисты не поддерживали идею перегона самолетов на советско-германский фронт через Дальний Восток и Сибирь. Они считали, что использование этого маршрута повлечет за собой слишком много потерь, а главное – советские специалисты не смогут быстро освоить американскую технику; неизбежно пройдет много времени, прежде чем эти самолеты смогут принести пользу на фронте. Видимо, поэтому Рузвельт предложил переправлять американские самолеты морем во Владивосток и Николаевск-на-Амуре и оставлять их на Дальнем Востоке, не перегоняя далее на Запад. Вместо них на фронт посылать самолеты из состава советских ВВС на Дальнем Востоке.

Резон в этом предложении был. Однако это уже было дело советского командования, как наиболее целесообразно использовать наличную авиацию. Тем более что это, несомненно, предусматривалось планами советского военного руководства. Но мы вынуждены были обратить внимание Рузвельта на то, что в США явно недооцениваются возможности и способности советских летно-технических кадров. Можно не сомневаться в том, подчеркнули мы, что

советские летчики, инженеры и техники быстро освоят американские самолеты и доставят их благополучно на фронт. С их стороны задержки не будет, присылайте только самолеты!

Помнится, А. К. Репин, активно участвовавший в разговоре, очень уместно заметил, что помощь Красной армии американскими военными материалами имеет не только материальное, но и морально-политическое значение. На немцев, вне всякого сомнения, произведет психологическое воздействие этот факт, когда они узнают, что советские авиаторы ведут боевые действия против них на американских самолетах.

Итак, вопрос с поставкой первой партии американских истребителей более или менее прояснился, хотя мы еще не знали, как будет обстоять дело с их вооружением и боеприпасами. Но четкого представления о возможности приобретения бомбардировщиков у нас еще не было, и я сказал об этом президенту; пока, продолжал я, американские представители высказались лишь о возможности поставки нам бомбардировщиков типа «Локхид-Гудзон». А у США есть более современные машины, чем эта, на которой мы с Репиным перелетели океан. Рузвельт согласился, что «Гудзон» не наилучший тип бомбардировщика, но ничего определенного не пообещал.

Я сказал президенту, что я не дипломат, поэтому хотел бы высказаться о положении дел с поставками в СССР с военной прямотой. Рузвельт снова в шуточной манере ответил, что он тоже не дипломат, да и время сейчас не подходящее для дипломатии. Тем более это обязывает меня говорить без обиняков, заметил я. Выход из положения мы видим в том, чтобы президент лично вмешался в ход материальных поставок Советскому Союзу. Бесконечные совещания, словопрения и оттяжки ни на один шаг не продвинули дело.

Мы откровенно рассказали президенту о неудовлетворительном ходе переговоров с советской военной миссией, о неопределенности создавшегося положения, беспрепятственном сваливании сотрудниками госдепартамента и военного ведомства друг на друга ответственности за решение вопросов, выискивании ими всяких сомнений, «объективных» причин и отрицательных мотивов. Мы были глубоко убеждены, что конец волоките может положить лишь сам президент.

Президент США Ф. Рузвельт выразил восхищение Красной армией, ее героической борьбой с бронированными полчищами агрессора. Он согласился, что ускорение темпов помощи Красной армии не только желательно, но и необходимо. При этом Ф. Рузвельт подчеркнул, что особенно важно отправить материалы в ближайшие два-три месяца, т. е. до 1 октября. По его мнению, это будет решающий период в ходе советско-германской войны. (К сожалению, это обещание оказалось в полном противоречии с действительностью, так как даже организацию первого совместного совещания с советскими руководителями для обсуждения плана поставок на ближайшие месяцы правящие круги США и Англии затянули до самого конца сентября.)

Подобно другим государственным деятелям США, с которыми нам приходилось до этого встречаться, Ф. Рузвельт стал объяснять причины, которые мешают Америке активно участвовать в общей борьбе с фашизмом и оказывать СССР такую помощь, какую хотелось бы. Он ссылаясь на то, что США в военном отношении отстали, военное производство только налаживается и лишь спустя несколько месяцев круто пойдет вверх и это создаст более благоприятные, чем сейчас, возможности для оказания Советскому Союзу материальной помощи. Кроме того, говорил президент, США помогают также Англии, Китаю, Голландской Индии. Все это надо иметь в виду.

Да, это, конечно, так, заметил К. А. Уманский. Но нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что после нападения немецко-фашистских захватчиков на Советский Союз решающее значение не только в Европе, но и для судеб всего человечества приобрел советско-германский фронт. И нельзя рассматривать планы производства и снабжения без учета данного конкретного исторического обстоятельства. Надо коренным образом все пересмотреть с учетом новой обстановки, а не втискивать советские заявки в старые наметки, не ограничиваться

теми крохами, которые достаются Советскому Союзу. У союзников должна быть согласованность во всем. Между тем многие вопросы, связанные со снабжением СССР, англичане и американцы решают без участия советских представителей, а порой просто за их спиной. «Комитет трех» никак не может раскататься и начать работу, англичане тянут с назначением своего представителя в комитет. Все это не может не беспокоить советскую сторону.

Франклин Рузвельт согласился с тем, что надо ускорить начало работы «Комитета трех», и сказал, что американцев в этом комитете будет представлять Г. Гопкинс, который сейчас находится в Москве. В отсутствие Гопкинса его будет замещать генерал Бернс.

Далее Ф. Рузвельт действительно, как и предупреждал нас Уэллес, заговорил о том, что, как ему стало известно, американские военные грузы оседают во Владивостоке, а транспорты задерживаются, создавая «пробку». Дело, как видно, упирается в отсутствие в Советском Союзе специалистов-транспортников. Поэтому, идя навстречу Советскому Союзу, США могли бы направить туда своих специалистов. Он назвал одного из них, фамилии его сейчас уже не помню.

Нам снова, на этот раз самому президенту, пришлось разъяснять, что «транспортная пробка» на Дальнем Востоке вымышлена. Советский железнодорожный транспорт с успехом выполняет возложенные на него задачи. Нет оснований сомневаться в том, что любые грузы, особенно военные, будут доставлены в действующую армию по Транссибирской магистрали в самые минимальные сроки. Поэтому посольство и военная миссия просят правительство США помочь нам вооружением и военными материалами, в том числе и через дальневосточные порты; максимально сосредоточить на этом свое внимание. Наш ответ удовлетворил Ф. Рузвельта, и он больше не возвращался к этому.

Закончив с пресловутой «транспортной пробкой», мы перешли к обсуждению последней советской заявки на вооружение. Поскольку Уэллес не успел ознакомить с ней президента (хотя заявка была передана в госдепартамент два дня назад), пришлось здесь же в кабинете рассматривать ее по пунктам. В ходе обсуждения Рузвельт составлял список, в котором помечалось, что могло быть нам предоставлено. По окончании обсуждения он этот список передал своему адъютанту. На этом, собственно, и закончился прием президентом США Ф. Рузвельтом советской военной миссии. Расстались мы с ним по-дружески. Едва ли будет ошибкой сказать, что для Рузвельта разговор с нами был трудным. Ведь все, что мы ему рассказали о поведении ответственных сотрудников госдепартаментов, военного ведомства и других американских органов, далеко не соответствовало линии самого Рузвельта как президента и главнокомандующего. К тому же в ряде важных вопросов президента просто дезориентировали. Поэтому мы порою замечали неловкость его положения и явно извинительный тон. К чести Рузвельта следует отнести его стремление обсуждать сложные вопросы лояльно и искать пути к наиболее целесообразному их решению.

Вспоминаю, когда мы вышли из кабинета президента, капитан Кристел бросил по-английски Уманскому: «Русские так настойчивы в своих просьбах и предложениях, что это скорее похоже на нажим на президента, вежливый, тактичный, вполне дипломатичный, но все же нажим». Что же, может быть, это и так. Но интересы сражавшейся героической Красной армии, переживавшей тяжелые дни и недели, интересы вызволения народов Европы от фашистского рабства обязывали нас и за рубежом говорить со всей ясностью и жесткостью.

Советские люди верили, что американский народ и лично президент Ф. Рузвельт искренне желают помочь им. Однако обстановка в то время была такова, что требовалась более эффективная помощь. Это относилось и к поставкам оружия и необходимых военных материалов, и к предоставлению транспортов (в том числе морского тоннажа), и к разработке и освоению наиболее безопасных и действенных маршрутов и способов доставки материалов в Советский Союз.

Каков же был общий итог встречи? Безусловно, появилась надежда на то, что личное вмешательство президента продвинет переговоры вперед, меньше станет неясностей и неопределенностей. В этом духе я и высказался, прощаясь с президентом.

Конкретные же итоги ее состояли в том, что мы получили подтверждение о предоставлении Советскому Союзу 200 самолетов «П-40». По списку, который при нас составлял Рузвельт, до 1 октября нам могли быть предоставлены 7,62- и 12,8-мм пулеметы, а также полуавтоматические винтовки Гаранда. Выяснилась возможность выделения противотанковых орудий и авиационных бомб. Однако мы получили категорический отказ в поставке в ближайшие два месяца зенитных орудий и боеприпасов, в которых так остро нуждался фронт. Это было отложено на более поздние сроки.

И все же не было полной гарантии в том, что мы получим обещанное. Слишком много было ориентировочного, предположительного, настораживали обещания выяснить тот или иной вопрос. Да к тому же буквально через два часа после встречи с президентом Феймонвилл передал сотруднику советского посольства Сельдякову, что полученные нами цифры выделяемых самолетов весьма сомнительны и нереальны. Вообще, подчеркнул американский полковник, советское посольство питает излишний оптимизм в вопросах поставок, в «Белом доме придерживаются другой линии».

И все же встреча с Рузвельтом оставила у нас благоприятное впечатление и вселила надежды. Упомянувшийся ранее Стеттиниус писал по этому вопросу: «Прибытие советской военной миссии положило действительное начало программе военной помощи Советскому Союзу. Генералы Голиков и Репин встретились и разговаривали с президентом, а также с другими представителями правительства. Рузвельт вскоре после этого рассмотрел вопрос на заседании кабинета, обратив внимание на тот факт, что прошло почти шесть недель с начала войны на русском фронте, но практически ничего из нужных России материалов не отправлено»¹⁹⁸.

Дружественный и деловой прием у Ф. Рузвельта, безусловно, способствовал некоторому улучшению нашего настроения в связи с появившейся надеждой на какую-то реальную помощь. Впечатление о президенте Соединенных Штатов у всех нас сложилось в общем положительное, но все же не такое, как мы ожидали по его общеизвестным характеристикам. В общении Ф. Рузвельт был, конечно, проще и доступнее своих министров, с которыми нам довелось встречаться. Но вместе с тем в его поведении чувствовались нотки показного – как в подчеркнутом внимании к нам, так и в проявлении повышенного участия в нашем деле, а также в самом подходе к решению волновавших нас вопросов. Рузвельт, без сомнения, был крупный политик и дипломат, хотя в начале беседы и ответил мне, что он «тоже не дипломат».

Франклин Рузвельт – выдающийся государственный деятель, немало сделавший для укрепления отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Уже сам факт, что он первым из руководящих американских деятелей выступил за установление дипломатических отношений между США и Советской страной, говорит о том, как далеко вперед смотрел он, насколько реалистически подходил к оценке роли на мировой арене молодого Советского государства. Многие люди как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах хорошо помнят то время, когда между нашими странами складывались добрые отношения, особенно в суровые годы Второй мировой войны, когда мы вместе, бок о бок сражались против общего врага – гитлеровской Германии.

Прием советской военной миссии президентом США летом сурового 1941 года нашел широкий отклик в американской прессе. Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Сегодня президент Рузвельт обсуждал с советским послом Уманским и русской военной миссией, находящейся в США, сложившуюся военную обстановку и американскую помощь Советскому Союзу.

¹⁹⁸ Стеттиниус Э Р. Указ. соч. С. 113.

Глава миссии генерал-лейтенант Филипп Голиков, который является заместителем начальника Генерального штаба Советской армии, и его помощник, инженер-генерал Александр Репин, были одеты в форму алого, голубого и защитного цветов с советским серпом и молотом, обрамленным золотыми листьями на фуражках...

Генерал Голиков после официальных переговоров сказал, что было «очень легко обсуждать военные вопросы с вами, президент». «Чувствуется, – добавил он, – что президент Рузвельт очень хорошо знаком со всем комплексом проблем; что он – главнокомандующий не только по праву конституции, но и по своим знаниям, своему глубокому пониманию международной политической обстановки»¹⁹⁹.

Советская военная миссия, сообщила газета, каждый день обсуждает в государственном департаменте вопросы размещения заказов в США. В этом смысле миссия выполняет те же функции, что и миссия Гарри Гопкинса в Москве.

Конечно, в этих газетных сообщениях имеется много фактических неточностей, но общий смысл сказанного более или менее правилен.

В коридорах власти Вашингтона

Последний день июля месяца оказался весьма напряженным. Под вечер беседовал с Сельдяковым, потом с Пархоменко, а затем до трех часов ночи засиделся над телеграммами в Москву. Надо было запросить мнение компетентных инстанций о маршрутах доставки самолетов и о других военных материалах, которые мы могли бы приобрести, а также получить совет по винтовкам Гаранда и бомбардировщикам «Локхид-Гудзон».

А впереди предстояли новые и новые встречи и визиты к видным государственным деятелям США с целью использовать малейшую возможность, чтобы продвинуть вопросы поставок, приобрести необходимые материалы.

1 августа в 11 часов состоялся один из очередных визитов, на этот раз к министру финансов США Генри Моргентау. С нашей стороны кроме меня были К. А. Уманский и А. К. Репин. Это была очень интересная и содержательная беседа. Трудно было предположить, что один из крупнейших финансистов Соединенных Штатов Америки с таким пониманием отнесется к нашим вопросам. Конечно, нам было ясно, что отнюдь не симпатия к Советскому Союзу, его общественному и государственному строю руководила этим крупнейшим представителем американского капитала. В основе лежало, видимо, более глубокое, чем у некоторых других американских деятелей, понимание того, что в этот переломный исторический момент помощь, оказываемая советскому народу, ведущему напряженнейшую борьбу против фашизма, нужна не только СССР, но она жизненно важна и в интересах самих Соединенных Штатов Америки. Именно этот трезвый, реалистический подход и характеризовал Г. Моргентау как дальновидного политика.

Когда мы прибыли к Моргентау, он вышел из кабинета, чтобы встретить нас. Перед нами стоял высокий, уже немолодой человек, с большим лбом и заметной лысиной. Он пригласил нас в кабинет, и между нами завязалась оживленная беседа, длившаяся 30 минут. Разговор начался с шуток, Моргентау сказал о министрах финансов: «Эти люди, которых никто не любит, но было бы бедой для государства, если бы министр финансов оказался слишком популярен».

Как видно, Г. Моргентау вообще был не прочь пошутить: обращаясь ко мне, он заметил, что вот он, буржуазный министр, курит папиросы из одной коробки со мной, а советский посол отказывается взять у него и употребляет свои папиросы.

Перейдя к существу интересующих нас вопросов, Моргентау сразу же заявил, что мы можем рассчитывать на его полное содействие; он использует для этого все имеющиеся у него

¹⁹⁹ Нью-Йорк таймс. 1941. 1 августа.

возможности. Раньше эти вопросы, говорил он, были в его руках, а теперь их у него отняли. Но в Вашингтоне есть люди, на которых можно положиться. В их числе он назвал, в частности, О. Кокса, юридического советника в аппарате Бернса. «Кокс – мой человек, – сказал Моргентау. – У него сердце на правильном месте». Это означало, что Кокс, так же как и Моргентау, с сочувствием, а главное – с должным пониманием относится к советскому народу. Тут же при нас он в мягких тонах «пробрал» Кокса по телефону за то, что тот все еще не связался с советской военной миссией. Затем Моргентау назначил ему встречу на 14:30, а на 15:00 – совещание с Бернсом и его, Кокса, участием, которому он порекомендовал прийти «без приглашения».

Видимо, Кокс был как раз тем человеком, который мог помочь нам в проталкивании вопросов о поставках.

Мы сказали Моргентау, что работа миссии продвигается крайне медленно, вопросы с поставками никак не решаются. Больше того, приходится сталкиваться с фактами открытого или скрытого саботажа, исходящего преимущественно от работников военного ведомства. Вот, например, вчера нас хорошо принял президент США, который обещал полное содействие и назвал некоторые конкретные данные, касающиеся помощи Советскому Союзу вооружением и военными материалами. И тут же, как только мы вышли от президента, последовал звонок из военного министерства, поставивший под сомнение вопрос, одобренный Ф. Рузвельтом, о поставке Советскому Союзу самолетов «П-40». В таком деле, как военные поставки, да еще в момент решающих сражений не должно быть неопределенностей. Мы считаем, что указание президента следует выполнять с подлинно военной четкостью и организованностью.

Министр финансов согласился с нами. Трудности в деле поставок Советскому Союзу действительно имеются, и в ряде случаев со стороны работников военного департамента допускается прямой саботаж. И это не случайно. Мне запомнилось, что в ходе беседы Моргентау обратил наше внимание на деятельность тех кругов США, и прежде всего управления стратегической службы, ведавшего разведкой²⁰⁰, которые занимаются усиленной обработкой американской общественности, стремясь создать у нее отрицательное мнение о Советском Союзе. Моргентау сказал, что ведется «психическая атака» на президента, ему изо дня в день докладывают необъективные, искаженные сводки о положении на советско-германском фронте, основанные на гитлеровских источниках. В них умалчивается героическая борьба Красной армии и на первый план выдвигаются сведения о потерях и неудачах русских, т. е. подбирается материал пораженческого характера.

В то время подобные настроения были широко распространены среди руководящих деятелей США. Один из них (позже нам стало известно, что это был морской министр Нокс) даже заключил пари, что гитлеровцы будут в Ленинграде, Москве, Киеве и Одессе до 1 октября 1941 года. Односторонняя, тенденциозная и враждебная информация, разумеется, сказывалась и на настроении Ф. Рузвельта. Вчера, 31 июля, он сказал Моргентау: «Вести с русского фронта чертовски плохи».

С нашей стороны было бы неразумно не прислушаться к такого рода информации, исходящей от человека, несомненно, весьма осведомленного в том, что делается в правительственных сферах. В свете сказанного американским министром финансов прояснились многие факты, с которыми миссия сталкивалась во время своих переговоров в Вашингтоне. Стоило ли, в частности, удивляться тому, сколь неправильно была обозначена линия советско-германского фронта на карте, которую на днях мы видели в кабинете военного министра США Стимсона?

²⁰⁰ 11 июля 1941 г. в США была учреждена должность координатора информации, в обязанности которого входили осуществление сбора и анализа информации, важной для обеспечения национальной безопасности. 13 июня 1942 г. служба координатора информации была переименована в управление стратегических служб и переведена в распоряжение комитета начальников штабов США. Подробнее см.: Кондрашов В. В. Военные разведки во Второй мировой войне. М., 2014. С. 209–213. (Примеч. сост.)

Да, активная деятельность аппарата американской военной разведки по дезинформации американского общественного мнения не могла не сказываться отрицательно, когда ставился и обсуждался вопрос об оказании помощи Советскому Союзу. И прямой долг советской военной миссии – противопоставить этой недружественной по отношению к СССР деятельности правдивую, объективную информацию о положении на советско-германском фронте. Надо было показать, что советский народ и его героические Вооруженные силы, несмотря на невероятные трудности, не теряют уверенности в том, что гитлеровская военная машина будет разбита, что победа будет за ними. Необходимо было добиться, чтобы информация о положении на фронте поступала к Ф. Рузвельту из советских источников, а не из фашистских.

В заключение встречи Моргентау вновь обещал нам постоянное содействие по всем практическим вопросам, и у нас сложилось впечатление, что он действительно поможет. Кстати, он сообщил, что сегодня в час обедает у Рузвельта и, хотя президент может ему «дать по физиономии» за вмешательство не в свои дела, берется помочь нам «провернуть» некоторые вопросы. Расстались мы с ним самым дружественным образом. Моргентау сдержал свое обещание. На второй день после беседы с нами он был у Ф. Рузвельта и подтвердил то, что мы сами говорили президенту, а именно: дело с поставками военных материалов Советскому Союзу продвигается крайне медленно, определенные официальные лица чинят всякого рода препятствия и наносят ущерб общему делу. Моргентау просил Рузвельта принять решительные меры с целью оказания более эффективной помощи Советскому Союзу, подчеркнув ее значение не только для СССР, но и для самих США.

В тот же день состоялось очередное заседание американского правительства. Обычно оно проводилось один раз в неделю. На этом заседании в течение 45 минут обсуждался вопрос о поставках Советскому Союзу. Президент Ф. Рузвельт занял самую решительную позицию по данному вопросу. Характерно, что еще раньше, во время своего отъезда из Вашингтона, он требовал ежедневного доклада о ходе продажи материалов Советскому Союзу. Выступая на упомянутом заседании правительства, Ф. Рузвельт поставил ряд практических вопросов перед военным министром Стимсоном и исполняющим обязанности государственного секретаря Уэллесом. Он выразил крайнее недовольство теми правительственными органами, которые тормозили поставки материалов в СССР, резко осудил неправильную позицию отдельных официальных лиц. Рузвельт был настолько взволнован и возмущен, что даже несколько раз ударил по столу кулаком, заявив, что здесь не может быть места саботажу. Позже от одного из членов правительственного кабинета мы слышали, что за долгие годы работы с Рузвельтом он никогда не видел его таким рассерженным. Настолько, видно, был недоволен президент затяжками и проволочками в решении вопросов материальных поставок Советскому Союзу в дни решающих сражений с фашизмом.

Первого же августа под вечер состоялась встреча с «опорой» Уэллеса – генералом Джеймсом Бернсом. В отличие от беседы с Моргентау эта встреча оставила у нас самое неприятное впечатление. В ответ на наши справедливые замечания по поводу неудовлетворительного хода дел с поставками мы услышали бестактные и недоброжелательные заявления вроде того, что, мол: «Не ждите, что вам здесь откроют кран и все польется широкой струей». На это А. К. Репин резонно бросил реплику: «Пусть хотя бы капало!» Мы продолжали настаивать на желательности и необходимости выполнения конкретных статей нашей заявки. Ответы звучали примерно так: о самолетах – ответа еще нет, все зависит от военного департамента, о пулеметах калибра 12,7 мм – таких пулеметов нет; о противотанковых орудиях и авиабомбах – выясняется в военном министерстве; о винтовках Гаранда и возможности их осмотра – ответ сообщим и так далее в таком же духе. По ходу встречи проявлялась не совсем благовидная роль второй «опоры» Уэллеса – полковника Феймонвилла, с которым нам приходилось много встречаться. Расстались с Бернсом плохо – настроение у нас было изрядно испорчено.

Как только возвратились в советское посольство, туда явились два американских полковника – Макдональд и Гюнтер. Один из них был из военно-воздушных сил, второй – из разведуправления. По поручению генерала Маршалла они передали нам согласие правительственных органов США направить в СССР первую партию американских самолетов. Эта партия состояла из 28 истребителей и 10 средних бомбардировщиков с боеприпасами. Надо было позаботиться об их доставке к месту назначения.

Это уже конкретное дело, но мы не сомневались: оно рассчитано на то, чтобы проверить, а не сорвутся ли русские на нем? Не окажемся ли мы неповоротливыми, технически не готовыми? Не дискредитируем ли себя? Любая неудача сейчас была бы в интересах недоброжелательно настроенных к Советскому Союзу кругов, которые могли бы во много раз усилить пропаганду против оказания помощи Советскому Союзу. Вновь могут быть пущены в ход все излюбленные мотивы: и что самолеты целесообразнее поставлять в СССР через Англию, а не непосредственно из США, и что советские летно-технические кадры будто бы не в состоянии освоить сложную американскую технику и т. п. Ко всему прочему надвигалась осень, и затягивать сроки переброски самолетов было нельзя. Короче говоря, надо было торопиться сделать все, чтобы доставка первой партии самолетов прошла успешно, как говорится, без сучка без задоринки. Этот акт представлял собою не только чисто техническую проблему, но и приобретал большое политическое значение.

Наконец, из Англии прибыли остальные члены нашей миссии – П. И. Барабанщиков и Л. Л. Райков, которые не смогли вылететь в США вместе с нами. И в тот же день у нас произошло «чрезвычайное происшествие». Около 10 часов вечера из-за неисправности двери лифта упал в шахту А. К. Репин. Ему повезло: упал он все-таки с четвертого этажа на первый, а отделался лишь сильными ушибами и ссадинами. Спустя три-четыре дня после этого досадного происшествия Репин был уже в строю.

В тот же день вечером, впервые после прибытия в столицу Соединенных Штатов Америки, мне удалось побродить пешком по улицам города, посмотреть на Белый дом.

Как уже говорилось, немалую роль в дезинформации американского общественного мнения о положении на советско-германском фронте играло управление стратегической службы (УСС) США. В связи с этим назрела острая необходимость встретиться с руководством этого управления и высказать им нашу точку зрения по ряду вопросов. Мы и воспользовались приглашением, которое получили от одного из руководителей УСС генерала Майлса²⁰¹. 2 августа вместе с военным атташе, полковником И. М. Сараевым, и его помощником я поехал в это управление. Прежде всего, нам бросалась в глаза неорганизованность хозяев: хотя мы прибыли официально по приглашению руководителей ведомства и в точно назначенное время, к моменту нашего приезда на месте не оказалось ни самого генерала Майлса (находившегося в то время у генерала Маршалла), ни его заместителя полковника Гюнтера, с которым мы были уже знакомы. Потом они усиленно извинялись, но я не исключаю, что их опоздание было преднамеренным.

Руководителей американской разведки интересовал широкий круг проблем. Они пытались «подъехать» к нам и с такими вопросами: где – на каких именно направлениях – мы оказались застигнутыми врасплох, а где ожидали удара и сумели как следует встретить агрессора? Естественно, не было никакой необходимости в полной мере удовлетворять столь повышенное любопытство.

Нас же интересовало главное: когда наконец руководители американской разведки начнут давать президенту и другим официальным лицам правдивую информацию о положении дел на советско-германском фронте, когда же будет положен конец дезинформации и фальсификации фактов? Мы подчеркивали, что не требуется особых усилий понять, что подобная

²⁰¹ Генерал Ш. Майлс возглавлял американскую военную разведку. (Примеч. сост.)

практика наносит ущерб сотрудничеству США и СССР. Возразить было нечего. Полковник Гюнтер заверил, что отныне они обеспечат строго объективную информацию о военной обстановке в Восточной Европе с акцентом на проявление симпатии к Советскому Союзу. При этом он сделал весьма примечательное заявление, что отныне «они не будут заигрывать ни с одной из сторон».

«Комитет трех» и проблема военных поставок в СССР

2 августа приступил к работе «Комитет трех». На первом заседании Соединенные Штаты были представлены генералом Бернсом и полковником Феймонвиллом (последний – в качестве секретаря комитета), Англия – заместителем председателя правительственной миссии в США Моннэ и Советский Союз – послом К. А. Уманским. Начало работы Комитета не предвещало ничего утешительного. Представители Англии, ссылаясь на отсутствие директив премьер-министра У. Черчилля, отказались вести конкретные переговоры о том, чтобы уступить в пользу Советского Союза некоторую часть того вооружения, которое они получали из США. Они даже не захотели говорить о своих дальнейших намерениях в этом отношении. В ходе дальнейшего совещания проявилась также явная тенденция англичан увести «Комитет трех» от практического решения вопросов согласования и распределения возможностей и ресурсов трех стран в область бесплодных разговоров, иначе говоря, превратить его в чисто «совещательный» и, по возможности, бесполезный орган. Пришлось отложить очередное заседание до тех пор, пока представители Англии не получат указаний от своего правительства.

В тот же день у нас с К. А. Уманским состоялась двухчасовая беседа с Моннэ по вопросам английских закупок в США.

Открытие работы «Комитета трех» по времени совпало с обменом нотами между послом Советского Союза в США К. А. Уманским и исполняющим обязанности государственного секретаря США С. Уэллесом о продлении сроком на один год действовавшего между СССР и США торгового соглашения. Одновременно Уэллес вручил Уманскому ноту об экономическом содействии Советскому Союзу со стороны Соединенных Штатов Америки.

В этой ноте указывалось, что правительство США решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение, говорилось в ноте, продиктовано убеждением правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов.

Далее в ноте указывалось, что правительство США рассмотрит самым дружественным образом предложения, исходящие от правительства, учреждений и агентов Советского Союза, о размещении в Соединенных Штатах Америки заказов на товары и материалы, срочно необходимые для нужд государственной обороны Советского Союза, а также с целью содействия быстрому изготовлению и отгрузке этих товаров и материалов, предоставит этим заказам приоритет на основании принципов, которые применяет к заказам стран, борющихся против агрессии.

В ноте выражалась также готовность правительства США выдать неограниченные лицензии, разрешающие экспорт в Советский Союз широкой номенклатуры товаров и материалов, необходимых для укрепления обороны Советского Союза, а также готовность соответствующих американских властей благожелательно рассмотреть советские предложения об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для ускорения доставки в СССР товаров и материалов, необходимых для государственной обороны Советского Союза.

Это был, безусловно, важный и обнадеживающий шаг. Откликаясь на него, газета «Правда» в те дни писала: «Советский народ и советская общественность с бесспорным удовлетворением встретят сообщение о создании предпосылок для продолжения сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, – сотрудничества, основанного на общности интересов, соответствующих интересам государственной обороны обеих стран и направленных на уничтожение и разгром врага, угрожающего безопасности и свободе всех народов»²⁰².

Дело было за практической реализацией обязательств Соединенных Штатов Америки, открыто высказанных ими перед мировым общественным мнением. Но как раз тут-то и приходилось встречаться с многочисленными препятствиями и затруднениями, исходившими от крайне правых реакционных кругов администрации США. Все это отрицательно сказывалось на решении практических вопросов, стоявших перед советской военной миссией в США.

Мы по-прежнему считали, что правительство США, форсируя военное производство, должно внести серьезные коррективы в существовавшие планы и наметки в сторону значительного усиления помощи Советскому Союзу. В создавшихся условиях вопрос наращивания темпов американской военной промышленности приобретал первостепенное значение. Это тем более было необходимо, что военное производство США в то время резко отставало от потребностей вооруженной борьбы с фашизмом, и ощущался явный недостаток по ряду важных видов вооружения и боеприпасов.

В беседе с нами Ф. Рузвельт подчеркнул, что военная промышленность США только только начинает разворачиваться и на это потребуется еще год. Но надо иметь в виду и то, что многие крупные американские промышленники, руководствовавшиеся не интересами своей страны, а желанием нажиться за счет войны, встали в те напряженные месяцы на путь скрытого противодействия разворачиванию военного производства. Руководитель американских коммунистов У. Фостер, убедительно раскрывший в своей книге «Очерк политической истории Америки» суть политики крупного капитала, монополистов США во Второй мировой войне, писал, что империалисты «использовали войну для собственного обогащения за счет своей страны и ее союзников. Так, например, в начале войны они цинично отказывались переоборудовать свои предприятия для производства военных материалов, пока не добились, чтобы им были обеспечены баснословные прибыли. Капиталисты даже устроили своеобразную “итальянскую забастовку”²⁰³ и продолжали ее до тех пор, пока правительство не пошло на их ростовщические условия. На протяжении всей войны они применяли по отношению к американскому народу капиталистический принцип: для наживы все средства хороши...»²⁰⁴.

Но, несмотря на все рогатки и препятствия, чинимые американскими монополистами, имелись реальные возможности для того, чтобы военная промышленность США в ближайшие же месяцы значительно увеличила темпы выпуска вооружения и боеприпасов. И мы вправе были рассчитывать на то, чтобы должная доля этой продукции шла туда, где решались судьбы человечества, – на советско-германский фронт.

Следует подчеркнуть, что в те месяцы существовала и другая, не менее острая, а может быть и более важная, проблема – проблема английской доли в американских поставках вооружения. Дело в том, что значительная часть американской военной продукции шла в Англию, и, как я уже отмечал, англичане не высказывали желания поступиться какой-то частью своей доли поставок в пользу Советского Союза. Больше того, когда мы пытались достигнуть с ними дого-

²⁰² Правда. 1941. 6 августа.

²⁰³ «Итальянская забастовка» – форма протеста, которая впервые стала применяться в Италии в начале XX века и которая заключается в чрезвычайно строгом исполнении должностных обязанностей и правил. (Примеч. сост.)

²⁰⁴ Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953. С. 613.

воренности, они упорствовали, считая, что согласованное решение по этим вопросам должно быть достигнуто вначале в Лондоне, а затем уже предъявлено правительству США.

В то время нельзя было не учитывать и другие обстоятельства, имевшие принципиальное значение для практического решения вопросов, связанных с военными поставками в Советский Союз. Прежде всего, речь идет о том, что удовлетворение нашей заявки по вооружению, как уже отмечалось, наталкивалось на недоброжелательное отношение, политическую неприязнь к советскому народу и его армии со стороны реакционных элементов, открыто и скрытно действовавших в некоторых официальных американских и английских учреждениях. Были такие элементы и среди руководящих военных США и Англии.

Отвлекаясь от нити нашего повествования, вспомним, что когда в марте 1941 года в американском сенате обсуждался законопроект о ленд-лизе, то этот законопроект встретил самое ожесточенное сопротивление со стороны изоляционистов, больше всего боявшихся, что этот закон распространится и на оказание помощи Советскому Союзу.

Все это побудило посла К. А. Уманского и меня доложить советскому руководству о сложившейся ситуации. Помню, мы просили И. В. Сталина поставить вопрос перед У. Черчиллем о недопустимом отношении англичан к нашим заявкам и о необходимости внесения таких корректив в планы американских поставок в Англию, которые позволили бы увеличить долю Советского Союза. В первую очередь это касалось станков, самолетов, зенитных орудий и боеприпасов. Мы считали также необходимым, чтобы по этому вопросу были возложены соответствующие задачи на наших представителей в Лондоне – товарищей И. М. Майского и Н. М. Харламова.

Поскольку американцы и англичане все время ссылались на то, что они согласятся увеличить поставки в Советский Союз только при полной уверенности, что поставляемое ими непосредственно в СССР вооружение действительно быстро попадет на фронт и гораздо эффективнее будет использоваться в боевых действиях, чем если бы оно шло через Англию, мы просили свое правительство прислать нам конкретные данные о возможных маршрутах, сроках и способах доставки американского вооружения в Советский Союз. Мы уже убедились, что с американцами можно разговаривать, лишь имея в руках конкретные фактические материалы.

Трудный и напряженный день 2 августа закончился деловой беседой с представителями нашего Наркомата авиационной промышленности – инженерами Анисимовым и Перфильевым – об их работе и состоянии производства самолетов в США. Пообедали в этот день только после завершения всех дел, встреч и отправки донесения в Москву. Это было уже около 23 часов.

Ночь на 3 августа и воскресный день провели на даче советского посольства. Воспользовавшись хорошей погодой, отдохнули на пляже, покупались. Съездили в город Балтимор, смотрели антифашистский кинофильм «Под землей». Быстро пролетели несколько часов нашего пребывания в замечательном, дружном коллективе советских посольских работников. Мы встречали с их стороны самое теплое, душевное отношение.

На следующий день, 4 августа, из Москвы нам сообщили об изменении маршрута доставки в Советский Союз первой партии американских самолетов. Вначале предполагалось, что самолеты пойдут через Фэрбенкс (Аляска), а сейчас было принято решение направить их непосредственно на Архангельск. Недоброжелатели из военного министерства США факт изменения маршрута пытались использовать, чтобы лишний раз вставить нам палки в колеса. Они утверждали, что их план доставки самолетов по воздуху через Фэрбенкс лучше, к тому же они готовы его осуществить, а Советский Союз в последний момент утвердил новый маршрут и поставил американскую сторону в затруднительное положение.

Положение усугублялось тем, что некоторые американские газеты в погоне за сенсацией опубликовали «просочившиеся» к ним сведения об отправке первой партии самолетов

из США в Архангельск. Ребенку было ясно, что такое сообщение могло быть находкой для гитлеровцев.

В связи с этим в своем очередном докладе в Москву мы снова подчеркнули, какое важное, принципиальное значение имеет успешная переброска первой партии самолетов из Соединенных Штатов Америки в Советский Союз. В этот же день мы получили от американцев новые, измененные данные о поставке в Советский Союз первой партии вооружения и боеприпасов. В частности, количество истребителей было увеличено до 40, а бомбардировщиков – сокращено в два раза.

Утром того же дня вместе с Сараевым, Барабанщиковым и Райковым в сопровождении полковника Феймонвилла выехали на Абердинский полигон для осмотра образцов вооружения, предназначенного для Советского Союза. На полигоне пробыли почти весь день, до самого вечера. Принимал нас начальник полигона, бригадный генерал Рооз – пожилой человек лет под 60, маленького роста с длинным красным носом.

Поездка на полигон в целом оказалась полезной, хотя после осмотра мы забраковали почти все увиденное как устаревшее и не заслуживающее внимания. Помню, особенно плохое впечатление произвел на нас тяжелый двухбашенный танк – очень высокий, неуклюжий и громоздкий. На полигоне были проведены стрельбы из разных видов стрелкового и артиллерийского вооружения. Я стрелял из автомата-пистолета (типа нашего ППШ) и, кажется, из винтовки Гаранда.

Отношение к нам офицеров и сержантов, производивших показ техники, отличалось исключительной теплотой и дружелюбием. В честь советской военной миссии командование полигона устроило товарищеский обед; он прошел в хорошей атмосфере. Вообще, следует подчеркнуть, что мы часто ощущали на себе дружеское отношение и внимание как со стороны старших офицеров, так и особенно со стороны младших офицеров и рядового состава армии США и Англии. Это проявлялось в большом количестве задаваемых нам вопросов, в дружеских рукопожатиях, а часто – просто в располагающей улыбке или едва заметном кивке. Так было на Абердинском полигоне в США, на базе Прествик в Шотландии и во время наших перелетов на английских и американских самолетах – словом, всюду, где только появлялась советская военная миссия. Во всем этом были видны глубокое уважение и интерес к Советскому Союзу, нашему народу, который вел героическую борьбу против гитлеровской Германии.

Продолжение деловых встреч и контактов

Поздно вечером, почти в 12 часов ночи, зашел к послу К. А. Уманскому и встретил у него бывшего члена палаты представителей некоего Маверика. Судя по всему, перед нами был прожженный демагог, державшийся под «прощачка». Он обиженно сетовал на травлю в печати со стороны местной редакции. По его словам, сочувствовал Советскому Союзу и искренне хотел нам помочь.

Этот деятель давал различные советы типа того, как обращаться с руководящими лицами Соединенных Штатов Америки, чтобы склонить их к поддержке Советского Союза, а сам по ходу разговора пытался выпрашивать, сколько у Красной армии боевых самолетов и танков.

Закончив беседу с Мавериком, около трех часов ночи ушел к себе спать. Перед сном прослушал последние известия из Москвы о положении на фронте. Там шла напряженная борьба. Советские войска продолжали вести бои на смоленском, коростеньском, белоцерковском направлениях и на эстонском участке фронта. Советская авиация во взаимодействии с наземными войсками продолжала наносить удары по мотомехчастям, пехоте и артиллерии противника.

Еще вечером получил от А. П. Панфилова очередное сообщение о положении на фронте, а также ответы на ряд практических вопросов, которые нас интересовали. Он же известил меня и о том, что моя семья эвакуировалась из Москвы в Чебаркуль (Челябинская область).

Утром 5 августа участвовал в работе совещания по вопросу о маршрутах доставки самолетов в Советский Союз. Совещание проводили заместитель военного министра Локет и заместитель начальника штаба ВВС генерал Мур. В целом у меня сложилось впечатление о них как о весьма недоброжелательных к Советскому Союзу людях. Совещание проходило трудно: по целому ряду вопросов разговор шел в резких тонах. Мы по всем основным пунктам нашей заявки только и слышали либо прямой отказ, либо отговорку: «Не знаем».

В конце концов, пришли к выводу, что из партии в 200 самолетов-истребителей, предназначенных для отправки в Советский Союз, 60 машин с вооружением будут направлены непосредственно из США, а остальные – 140 – из Англии морем, причем большинство из них – без вооружения. Предполагалось направить еще 5 бомбардировщиков. Запасных частей к самолетам предоставлялось явно недостаточно.

Вечером посла К. А. Уманского посетил представитель американских деловых кругов – некто Лодвиг. Во время этой встречи присутствовал и я. В течение 12 лет Лодвиг был промышленником, но, как заявил он, ему это не понравилось. В последние два года он был владельцем двух летних школ, готовивших кадры для американских военно-воздушных сил. Являясь активным сторонником увеличения американских военных поставок Советскому Союзу, Лодвиг советовал нам как можно ярче и обстоятельнее раскрывать перед руководящими деятелями США весь накал борьбы на советско-германском фронте, подчеркивать всю ту опасность для других стран, в том числе и США, какая могла бы возникнуть в случае успеха или победы германского фашизма. В этих советах скрывалась его тревога за судьбу своей страны, симпатия к советским людям.

Действительно, к началу августа в деле расширения поставок достигнуто было крайне мало. Пока что ясны были лишь несколько конкретных позиций – 200 истребителей, 5 бомбардировщиков, некоторое количество тех или иных военных материалов. Все это можно было расценивать лишь как первые пробные поставки, не способные оказать какое-либо заметное влияние на ход боевых действий на советско-германском фронте.

Положение усугублялось тем, что почти не продвигалось дело с заключением кредитного соглашения. А вопрос о скорейшем оформлении такого соглашения для нас приобретал все большее значение. Уже в то время, получая первую партию американских самолетов, мы были вынуждены платить за них наличными деньгами.

Здесь уместно вспомнить, что Г. Гопкинс после беседы с И. В. Сталиным 30 июля 1941 года в Москве, отвечая на вопрос корреспондентов об оплате американских материалов, сказал, что в этом отношении, он уверен, не возникнет трудностей и не будет никаких задержек. На практике же дело обстояло не так просто, как представлял его Г. Гопкинс в Москве...

Больше того, имелось достаточно оснований ожидать, что американская сторона непременно условием кредитного соглашения выдвинет поставку в США ряда товаров из Советской страны как в военное время, так и после окончания войны. Еще тогда, когда наша Родина переживала тяжелые дни, некоторые американские официальные лица склонны были потребовать от нас сведений о том, какое количество хромовой руды, марганца и других стратегических материалов может быть поставлено из Советского Союза в США в послевоенное время.

День, как и обычно, завершился работой над телеграммами. Послал, в частности, запрос в Лондон контр-адмиралу Харламову в отношении 140 истребителей «П-40», которые должны быть направлены в Советский Союз из Англии. А перед этим смотрели в посольстве хроникальные кадры событий на советско-германском фронте, где положение продолжает оставаться тяжелым. После таких просмотров тяга на фронт становится просто неудержимой. Скорее бы туда, где советские войска, показывая чудеса героизма и стойкости, ценой огромных потерь

и лишений отстаивают родную землю. А тут еще крайняя неудовлетворенность мизерными результатами своей деятельности здесь, в Соединенных Штатах. Около 12 часов ночи с полковником Сараевым зашли в местную кинохронику (которая тут функционирует круглые сутки), смотрели, в частности, кадры, показывающие прибытие советской военной миссии в США.

6 августа были на совещании у личного помощника Ф. Рузвельта У. Коя. Президент возложил на него обязанность по контролю за выполнением всеми ведомствами правительственного решения об оказании материальной помощи Советскому Союзу. В совещании участвовали Кокс из аппарата генерала Бернса (в продвижении наших вопросов он оказался очень полезным человеком), Юнг – сын крупного финансиста Юнга, в качестве представителя отца, два члена морской комиссии (фамилий их уже не помню) и все тот же Феймонвилл. С нашей стороны в работе совещания принимали участие посол Уманский, я и Сельдяков. Совещание длилось около полутора часов.

С большим трудом нам удалось договориться о выделении одного-двух морских транс-портов с отправкой их из нью-йоркского порта. Высказывая упреки в адрес некоторых правительственных органов США по поводу неблагоприятного положения с удовлетворением нашей заявки, мы были уверены, что содержание нашей беседы сегодня же будет доложено Коем президенту Ф. Рузвельту. Попутно мы высказали свое удовлетворение той реальной помощью в движении наших вопросов, которую мы получали от Кокса.

Вслед за этим состоялась новая встреча с Лодвигом по вопросам, представляющим взаимный интерес. Беседа носила деловой характер и была полезной.

В тот же день был нанесен очень важный визит одному из наиболее влиятельных деятелей США – министру внутренних дел Г. Икесу. Этот человек принадлежал к числу тех дальновидных политиков, которые, исходя из интересов своей страны, трезво подходили к оценке событий, происходящих на международной арене. Принял он К. А. Уманского и меня весьма радушно.

Нефтяной диктатор (правительство США поручило ему координировать все вопросы, связанные со снабжением нефтепродуктами), он производил впечатление человека, который симпатизирует Советскому Союзу и искренне желает разгрома фашизма. Между прочим, Г. Икес сказал нам, что еще в 1936 году он был единственным в американском правительстве человеком, который требовал решительной помощи Испанской республике. «Если бы тогда прислушались к моему мнению, – заявил он, – войны сейчас, возможно, не было бы. Я предсказывал ее еще пять лет тому назад».

Разговор с Икесом было вести легко еще и потому, что он был в курсе многих вопросов, относящихся к сырьевым ресурсам. По его словам, производство нефтепродуктов в США в те дни сильно отставало от потребностей войны. К тому же нередко приходится встречаться с фактами обмана и очковтирательства со стороны управления промышленного производства при определении запасов нефти в США. В то же время просьбы Советского Союза по нефти очень велики. «Останусь голым, – заверил нас Г. Икес, – но помогу Советскому Союзу. Однако в полном объеме это сразу сделать не удастся».

По существу, Г. Икес дал положительные ответы на все наши нефтяные заказы и пообещал оказать содействие в отправке авиационного горючего на двух морских транспортах, которые предполагалось направить в Советский Союз в ближайшее время.

В беседе с нами Икес отметил, что нефтяные ресурсы в США разработаны недостаточно и, естественно, руководство армии и флота не заинтересовано делиться ими с Советским Союзом. Поэтому-то оно и ссылается на поставки горючего Англии. Все это создает определенные трудности в удовлетворении наших просьб, но трудности преодолимые. Расстались мы с Икесом вполне дружелюбно. Примечательно, что он тоже посоветовал подробнее информировать американцев о наших трудностях на фронте.

В конце дня мы передали Феймонвиллу просьбу организовать показательные стрельбы из тех видов оружия, которые предназначаются для Советского Союза, а также из тех образцов, которые представляют интерес для нужд советско-германского фронта.

На следующий день не планировалось никаких приемов и посещений, так что представилась возможность более внимательно ознакомиться с работой Амторга. Необходимость этого тем более была очевидной, что в работе Амторга, как нам пришлось убедиться, было много упущений, явно не хватало инициативы, оперативности и организованности. Даже Икес обратил наше внимание на то, что Амторг, потеряв целую неделю, так и не довел до конца дело с приобретением нефти; пришлось за амторговцев это делать заместителю Икеса – Девису.

В тот же день состоялись деловые беседы с рядом товарищей, в том числе со вторым секретарем посольства Новиковым. Вечером набросал проект очередного доклада в Москву о ходе работы военной миссии. Из Москвы получил технические инструкции по отправке в СССР истребителей «П-40» и бомбардировщиков «Б-25».

Одновременно передали администрации США просьбу о поставке СССР бронеплит, необходимых для производства танков. Принимая эту просьбу, помощник президента У. Кой подчеркнул, что США сами испытывают острый недостаток в бронеплитах, однако вопрос будет доложен президенту и все возможное будет сделано.

8 августа, в 11 часов 40 минут утра, К. А. Уманский и я нанесли деловой визит государственному секретарю США Корделлу Хэллу, который только что возвратился после двухмесячного лечения. Видел я его впервые. Перед нами был уже пожилой человек, выше среднего роста, совершенно седой, но подтянутый и подвижный.

Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, он не гнулся и не горбился, не высказывал никаких признаков болезни или переутомления. Правда, когда К. А. Уманский спросил его о состоянии здоровья, К. Хэлл ответил, что работает по шестнадцать часов в сутки, все делая сам, не передоверяя другим. И вот, в конце концов, надорвался, однако теперь отдохнул.

Прием был хорошим, К. Хэлл держался весьма тактично, любезно и внимательно. С его стороны не чувствовалось какого-либо стремления ускорить беседу и побыстрее освободиться от посетителей. Ничто не отвлекало нас от делового разговора: ни телефонные звонки, ни появление сотрудников госдепартамента. Хэлл – сплошное внимание. В его глазах были заметны зоркость и наблюдательность. Хэлл нам заявил, что с момента нападения фашистской Германии на Советский Союз он стоит за то, чтобы всемерно активизировать помощь СССР и радикально пересмотреть политику США в этом вопросе.

Мы сказали Хэллу, что итоги работы военной миссии в США за прошедшие две недели не могут вызывать особого удовлетворения. При этом сослались на мизерные, ни с чем не сопоставимые цифры отпускаемого СССР вооружения, указали на бесконечные безрезультатные совещания, на бюрократизм и волокиту, на отсутствие конкретности в практических делах, на неоперативность и хождение по замкнутому кругу, особенно недопустимые в военное время.

Выслушав нас, Хэлл заметил, что Рузвельт «уже дал взбучку» кому следует. От себя он также обещал нам содействие.

Обращаясь ко мне, Хэлл подчеркнуто заявил, что лично будет уделять двойное внимание нашему делу и сделает на своем посту столько же, сколько сделал бы я сам, занимая его пост, т. е. приложит максимум возможных усилий.

Конечно, эти, быть может слишком громкие, слова для нас были вполне понятны. К. Хэлл просил, чтобы мы ему поставляли факты, а он будет с ними «ходить через дорогу к самому президенту» (в то время госдепартамент находился напротив Белого дома). В настоящий момент, говорил он, его затрудняет отсутствие в Вашингтоне президента, но, как только Ф. Рузвельт возвратится, дело пойдет гораздо быстрее.

Вообще, следует сказать, что беседа с Хэллом протекала в дружественной атмосфере. Обнадеживающим в ней было то, что он не отрицал существующих препятствий в выполнении

задач нашей миссии и в то же время не ссылаясь на отставание американской военной промышленности, на поставки англичанам, не выискивал других причин и доводов с целью оправдать эти препятствия. Извиняясь за поздний прием военной миссии, он стремился показать, что понимает нас и готов всемерно помогать. Произносилось это не скороговоркой, а убежденно и подчеркнуто. Его суждения и обещания казались нам вполне искренними. В конце беседы Хэлл сказал: «Мы молимся о победе Советского Союза над Гитлером». И прибавил, что «всегда был против гитлеризма».

Ушли мы от Хэлла в общем морально удовлетворенными. Как видно, Хэлл хорошо понимал, какую опасность для США представлял германский фашизм.

Вспоминая сейчас о встрече с Корделлом Хэллом, хочу привести одно место из его речи на совместном заседании сената и палаты представителей США того времени. Он говорил: «На меня произвел глубокое впечатление русский народ и его эпический патриотизм. Люди, которые борются против безжалостной агрессии, проявляя полное презрение к смерти, как это делают мужчины и женщины Советского Союза, заслуживают восхищения и доброжелательного отношения со стороны народов всех стран».

Было бы неплохо, чтобы современные политические деятели США, разжигающие неприязнь к Советскому Союзу и выступающие против политики мирного сосуществования наших стран, повнимательнее вдумывались в уроки истории, получше изучали высказывания своих дальновидных соотечественников, особенно периода Второй мировой войны.

Изоляционизм или солидарность в борьбе с фашизмом?

В этот же день, будучи у К. А. Уманского, я познакомился с представителем ТАСС в Соединенных Штатах Америки Дюранти. На мой вопрос, что думает американский народ в связи с войной гитлеровской Германии против Советского Союза, Дюранти дал ответ, не дающий оснований для иллюзий в этом отношении. Как видно, влияние изоляционистских, лжепацифистских и лжепатриотических элементов на некоторые слои американского народа, в том числе и на определенную часть рабочего класса США, прежде всего его верхушку, было весьма значительным.

Как я уже отмечал, когда в марте 1941 года в американском сенате обсуждался проект закона о ленд-лизе, этот законопроект встретил самое ожесточенное сопротивление со стороны изоляционистов. Они больше всего не желали оказания помощи Советскому Союзу. Весьма ценное в данном отношении признание имеется у Р. Шервуда. «Именно этого (т. е. помощи Советскому Союзу. – *Ф.Г.*), – пишет Р. Шервуд, – изоляционисты боялись больше всего. Даже те из них, кто неохотно признавал, что Великобритания, может быть, заслуживает известной помощи, приходили в ужас при мысли, что американских налогоплательщиков могут заставить оплачивать поставки для Красной армии. По этому вопросу и шло решительное сражение (в сенате. – *Ф.Г.*), и некоторые из более робких друзей Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое исключало бы Советский Союз»²⁰⁵.

Наряду с сильным влиянием изоляционистов, на настроения известной части американцев, как видно, сказывались также уроки вильсоновской политики периода Первой мировой войны 1914–1918 годов, сомнения в том, что им лично дает участие во Второй мировой войне Соединенных Штатов Америки.

Но каким бы сильным ни было влияние изоляционистских элементов, нападение фашистской Германии на Советский Союз, последовавшее за разгромом Франции и других европейских стран, настолько всколыхнуло американское общественное мнение, а опасность фашизма настолько реально обозначилась, что оставаться безучастными к тому, что проис-

²⁰⁵ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 440.

ходило за пределами Американского континента, было уже нельзя. В Англии и в США все больше и больше раздавалось голосов за оказание помощи Советскому Союзу, высказывалась необходимость обуздания фашистских агрессоров. «Следует признать, – писала в те дни в редакционной статье “Таймс”, – огромную тяжесть бремени, которую несут наши русские союзники, защищая как себя, так и нас. Очень многое зависит от стойкости их обороны, и они должны получить в Англии и США всю возможную моральную и материальную помощь, в которой они нуждаются...»²⁰⁶.

Стоит попутно отметить, что примерно в то же время в статье «Русские остро нуждаются в помощи» английская газета «Манчестер гардиан» писала: «Русские ведут смертельную борьбу с врагом, они должны принимать быстрые решения, им нужна немедленная помощь, а не красивые обещания. Всякая задержка может оказаться для них критической...»

Народные массы, все прогрессивные силы США решительно выступили за оказание эффективной помощи Советскому Союзу. В авангарде этих сил находилась коммунистическая партия США. В первый же день нападения Германии на СССР компартия США выступила с обращением к народу, в котором разъясняла задачи антифашистской освободительной борьбы народов против Гитлера, призывала к возможно большей поддержке и тесному сотрудничеству с Советским Союзом в борьбе против фашизма. 28 июня 1941 года национальный комитет коммунистической партии Соединенных Штатов Америки призвал «к защите Америки путем представления неограниченной помощи Советскому Союзу, Великобритании и всем нациям, ведущим борьбу против фашизма, к самому тесному и неограниченному сотрудничеству США, Великобритании и Советского Союза с целью военного разгрома Гитлера».

Рабочий класс США в годы Второй мировой войны пошел на серьезные жертвы во имя общего дела – разгрома фашизма. Основные отряды американского пролетариата согласились на удлинение рабочего дня и рабочей недели, на отказ от забастовок, на создание специальных производственных комитетов, состоящих из представителей профсоюзов и предпринимателей и имеющих целью обеспечить всемерное расширение производства.

Характерно, что, в то время как в первые месяцы войны многие американские капиталисты в целях получения максимальных прибылей устраивали своего рода «итальянскую забастовку», широкие народные массы Америки во главе с компартией и прогрессивными профсоюзами решительно выступили за преодоление саботажа промышленников, начали так называемую «битву за производство». Это немало способствовало быстрому и значительному росту промышленности США в годы войны, успехам в деле организации военных отраслей.

Рабочие газеты США того времени пестрели сообщениями о готовности американских трудящихся выполнить свой интернациональный долг перед первой в мире Республикой Советов. Вот только несколько выдержек из газеты «Дейли уоркер» за 19–23 июля 1941 года.

«“Совет профсоюзов Большого Нью-Йорка” в четверг на своем очередном заседании в присутствии многих своих членов одобрил заявление, в котором он призывает правительство оказать неограниченную моральную, финансовую и материальную поддержку советскому, британскому и китайскому народу».

«Советское посольство заявило сегодня, что из многих частей Канады и США в посольство поступают письма и телеграммы от групп и отдельных граждан, в которых они выражают поддержку СССР в борьбе против Германии».

«В Торонто (Канада) состоялся пятитысячный митинг, участники которого потребовали оказания помощи СССР».

Немало передовых американцев находилось в рядах вооруженных сил США, принимая непосредственное участие в борьбе с гитлеризмом и японским милитаризмом. Среди них –

²⁰⁶ Таймс. 1941. 6 сентября.

американские коммунисты и комсомольцы. Многие из них проявили высокое мужество в боях со злейшим врагом человечества.

После беседы с Дюранти состоялась деловая встреча с Пеппером, сенатором от штата Флорида. Наш посол характеризовал его как человека, дружелюбно относившегося к Советскому Союзу. Недавно он выступил в конгрессе с резкой критикой в адрес определенных кругов военного департамента и штаба американской армии за их пораженческую пропаганду в отношении Советского Союза.

Сенатор Пеппер прибыл к нам с предложением, чтобы Советский Союз вложил деньги в его собственное детище – военный завод. В этом случае завод спустя шесть месяцев может начать выпускать для Красной армии по 20 самолетов в неделю, правда без моторов и сборки. Слишком мизерная цифра, особенно на фоне тех колоссальных масштабов войны, которую вела наша Родина.

По вопросу нашего займа в США необходимо было переговорить с министром торговли Д. Джонсом. Он же председатель займового комитета, миллионер. Вокруг личности Джонса была создана типичная для американской действительности легенда. Говорили, что свое дело он начал с продажи единственной свиньи, а потом, благодаря «прилежанию и трудолюбию», разбогател. К этому министру-миллионеру и направились мы с Уманским.

Мы увидели здоровенного детину, глубоко безразличного к нашим заботам и тревогам. Однако и он придерживался принятой тогда в США общей фразеологии о помощи Красной армии. Судя же по всему, Джонс ни больше ни меньше был хладнокровным истребителем людской «мелочи», «рыбешки» и всего, что не выдерживает финансового пресса подобных ему «акул» капиталистического мира. К тому же оригинал: все стены его служебного кабинета были заполнены карикатурами из газет на него же самого.

Мы заговорили о советском займе в США. Непременным условием решения этого вопроса Джонс сразу выдвинул немедленную реализацию отпускаемых средств и обеспечение со стороны Советского Союза поставок стратегического сырья в Соединенные Штаты.

В этот день слушали «Последние известия» из Москвы от 7 часов утра. Радио сообщало, что советские войска продолжали вести бои с противником на кексгольмском, смоленском, коростеньском, белоцерковском направлениях и на эстонском участке фронта. Советская авиация во взаимодействии с наземными войсками наносила удары по мотомехчастям и пехоте противника и атаковала вражескую авиацию на аэродромах. В течение 7 августа был уничтожен 21 немецкий самолет; вблизи Москвы советским истребителем был сбит немецкий самолет-разведчик, экипаж взят в плен.

После таких прослушиваний сообщений Советского информбюро, как и после недавнего просмотра кинохроники с советско-германского фронта, у меня неизменно обострялось чувство отрыва от Родины, усиливалось недовольство своим, как казалось, недостаточно продуктивным пребыванием здесь, в Вашингтоне, нахождением в стороне от главного, самого важного и решающего.

Двухнедельные итоги

Как раз сегодня, 9 августа, исполнилось ровно две недели пребывания советской военной миссии в США. Практические результаты двухнедельной работы миссии ничтожно малы. Ее деятельность начала приобретать затяжной характер. Сама она из боевого и чрезвычайного органа военного времени превращалась в один из постоянных органов советского представительства в США. Безусловно, эти две недели не прошли даром. Посылка советской военной миссии оказалась необходимой и полезной. Но вместе с тем мы прошли все инстанции, включая президента США Рузвельта, везде нажимали, доказывали, настаивали, аргументировали, но положение с военными поставками почти не изменилось.

Учитывая двухнедельный опыт, мы так оценивали обстановку: США могут продать все, что нам нужно, но на быструю их помощь рассчитывать не приходится. В ближайшее же время мы получим намного меньше, чем просим. Чтобы добиться полной ясности в этом вопросе, необходимо дождаться возвращения в Вашингтон Гопкинса, а также окончательно договориться с англичанами. Если же положение не изменится, то надо думать о новых шагах и мерах, включая вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания меня – нынешнего руководителя советской военной миссии в Соединенных Штатах Америки – здесь, в Вашингтоне.

Вчера составил, а сегодня окончательно отредактировал и согласовал с послом К. А. Уманским телеграмму товарищам Сталину, Молотову и маршалу Шапошникову. Основной ее смысл заключался в том, что я, как руководитель советской военной миссии, нуждаюсь в указаниях Центра о своей дальнейшей деятельности.

Отправив донесение в Москву, вылетели с послом в Нью-Йорк на совещание по вопросам работы Амторга. Разговор затянулся. Он продолжался около четырех часов.

После совещания состоялся обед, а затем – мое небольшое выступление перед сотрудниками Амторга и членами их семей о положении на советско-германском фронте. Надо было видеть, с каким неослабным вниманием слушали советские люди сообщения с фронта! Они горько переживали временные неудачи Красной армии на фронте, горячо радовались каждому ее успеху.

Поздно вечером поднялись на «Эмпайр стейт билдинг». Это высочайшее в мире здание, насчитывающее 102 этажа. Спустившись на землю с головокружительной высоты небоскреба, мы посетили кинотеатр «Радио-сити» в Рокфеллеровском центре, считавшийся лучшим в Соединенных Штатах Америки. После чего ужинали в гостинице «Уолдорф Астория». Неистово играл джаз, исполнялись легкомысленные песенки, многие посетители танцевали.

В ресторане нас узнали. Один из посетителей, чтобы удостовериться, спросил, правда ли, что мы из Советской России. При этом он добавил, что видел нас в кинохронике. Получив утвердительный ответ, посетители ресторана дружески заулыбались.

С ночлегом было довольно просто. Номера в гостинице предоставлялись без предъявления документов. Однако суть состояла в том, что задавалось лишь два традиционных «легких» вопроса: «К какому учреждению или организации вы имеете отношение?», «Есть ли у вас дипломатический документ?» Последний, контрольный, вопрос связан был с тем, что при наличии и предъявлении такого документа вам предоставлялась скидка за гостиницу в размере 15 процентов. Вел «переговоры» находившийся вместе с нами Андрей Андреевич Громько. На первый вопрос он ответил: «К русскому посольству», на второй – «Да, имеем» и предъявил свое удостоверение советника советского посольства в США.

Мне сейчас хотелось бы отметить, что занимаемый им тогда пост советника по экономическим вопросам был весьма значительным по тому авторитету, который Громько имел в госдепартаменте. С первого же дня пребывания военной миссии в США мы пользовались большой поддержкой и вниманием со стороны Андрея Андреевича Громько. Он специально прилетел в Монреаль, чтобы встретить там советскую военную миссию. И только наша задержка на неопределенный срок с вылетом из Лондона, произошедшая не по нашей вине, не позволила нам встретиться с ним еще в Канаде. Когда же миссия находилась в США, Андрей Андреевич часто встречался с нами и оказывал незаменимую помощь своими советами и рекомендациями. Он принимал активное участие в совещаниях у посла К. А. Уманского по работе Амторга, по отгрузке в СССР военных материалов и другим вопросам, связанным с деятельностью военной миссии.

На другой день встали рано. После завтрака отправились осматривать город. На автомашинах проехали 5-ю авеню, часть Бродвея, Уолл-стрит, были в районе китайского квартала, на набережной, проехали неподалеку от французского океанского парохода «Нормандия».

Видели гигантскую статую Свободы и большущее здание «новейшей» тюрьмы, построенной под небоскреб. В середине дня выехали обратно в Вашингтон.

Нью-Йорк – город интересный, но вместе с тем от него осталось очень тяжелое, гнетущее впечатление. Если его сравнивать, скажем, с Вашингтоном, Балтимором, Филадельфией и некоторыми другими городами США, то Нью-Йорк, несомненно, представляет собой наиболее типичный образец городского строительства, присущего современному капитализму. В архитектуре строений и планировке улиц ярко воплощен так называемый «американизм» с входящими в это понятие, с одной стороны, известными элементами технического совершенства в строительстве, а с другой, в социальном отношении, – наличием всего наиболее извращенного, давящего и гнетущего человека.

А. М. Горький, посетивший в 1906 году Нью-Йорк, дал ему очень верную и сильную характеристику, назвав его городом «Желтого Дьявола». Делясь впечатлениями о Нью-Йорке, он писал:

«Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, – в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

Улица – скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города – живые люди. Везде – над головой, под ногами и рядом с тобой – живет, грохочет, торжествуя победу, железо. Вызванное к жизни силою золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая звенья своей цепи»²⁰⁷.

Тридцать лет спустя советский писатель И. Ильф подтвердил горьковскую характеристику Нью-Йорка. «Город сам гремит и сверкает почище любой бури, – писал он в 1935 году. – Это мучительный город, он заставляет все время смотреть на себя, от этого города глаза болят»²⁰⁸.

Но помимо общего гнетущего впечатления нам резко бросилось в глаза, что подавляющее большинство выходящих в то тревожное время в этом городе газет и журналов было тенденциозно, а порой и враждебно настроено по отношению к Советскому Союзу.

Поездка на автомашине от Нью-Йорка до Вашингтона была длинной и утомительной. Она заняла у нас около девяти часов. Почти час мы блуждали по городу Балтимору. Из-за позднего времени отказались от заезда в Аннаполис. К тому же в дороге пришлось понервничать, так как наша автомашина, которую вел майор Овчинников, несколько раз попадала в довольно-таки рискованную и даже опасную ситуацию. Поздно вечером приехали в Вашингтон, и я отправился к И. М. Сараеву ужинать.

11 августа с утра были на приеме у морского министра Нокса. От нас были я, К. А. Уманский, помощник советского военно-морского атташе Скрягин. Американскую сторону представляли Нокс, его заместители Форрестол и Бард, адмирал Ингерсолл и капитан Кэрк, а также полковник Феймонвилл.

Нокс был настроен к Советскому Союзу явно недружелюбно, хотя и начал беседу с сообщения, что он, мол, «был в Советском Союзе» и вообще «друг Уманского». К нашему послу обращался без принятого в таких случаях «мистер», а подчеркнуто запросто, по фамилии. Однако это нисколько не меняло положения. Разговор с Ноксом, продолжавшийся около часа, был очень напряженным и неприятным.

Мы привели Ноксу многочисленные примеры того, как плохо обстояло дело с поставками военных материалов Советскому Союзу. И тут же услышали такое заявление морского

²⁰⁷ Горький об Америке. М., 1952. С. 16–17.

²⁰⁸ Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1961. Т. 4. С. 535.

министра США, которое не оставляло никаких сомнений, на чьей стороне его симпатии. Вмиг исчезло показное расположение морского министра. Следует удивляться не тому, начал он, что Советский Союз так мало получает военных материалов из США, а тому, что он вообще что-то получает! Соединенным Штатам давать нечего, самим не хватает, они, мол, уже «разделись донага» ради англичан. Просто удивительно, продолжал Нокс, что Советскому Союзу дали пять бомбардировщиков «Б-25».

Далее Нокс дал понять, что из военного производства в течение августа и сентября в Советский Союз из США ничего существенного поступать не будет. Что касается американского флота, то у него, Нокса, дескать, вообще ничего просить не следует, да и дать нечего. Если хотите получить что-либо, «советовал» он нам, настаивайте на том, чтобы отобрали у армии, а не у флота. Особенно тяжелой, по его словам, была транспортная проблема. Она-де и составляет главный вопрос.

Для нас не имело принципиального значения, за чей счет могут быть получены необходимые материалы для Красной армии – американской армии или флота. Мы вели деловой разговор с морским министром США и хорошо представляли себе, что американский военноморской флот является одним из главных потребителей военного производства США. И очень многое, конечно, зависело от позиции, которую займет министр. Без всякого ущерба для себя, в интересах борьбы с нацизмом он мог переуступить Советскому Союзу часть вооружения, в частности самолетов и зенитной артиллерии, так жизненно необходимых Красной армии и флоту в то время для борьбы против общего врага.

В ходе беседы я был вынужден поставить вопрос перед Ноксом так: не потому ли не выполняются указания президента, что в США достаточно сильны те элементы, которые принципиально против сотрудничества с Советским Союзом? Нокс покраснел, заерзал на стуле и ответил, что в определенной мере он не отрицает роли реакционных кругов США. Дальше этого он, конечно, не пошел и заключил: «Воля президента и есть воля правительства и народа США».

Итак, позиция Нокса явно отрицательная. Он ничем не хотел поступиться в пользу общего дела разгрома фашизма. Единственное, что он обещал – это вооружить зенитными пушками морские транспорты, отправляющиеся в Советский Союз. На этом и закончилась беседа с Ноксом. Никаких практических результатов она не дала – только резко обострила наши и его позиции и взаимоотношения.

Как нам стало известно позднее, министром, который заключил пари, что немцы к 1 сентября 1941 года овладеют Ленинградом, Москвой, Киевом и Одессой, был именно Нокс. Стоило ли удивляться, что беседа с этим человеком о помощи Красной армии не дала никаких практических результатов? Но можно сказать одно – морской министр явно просчитался.

После возвращения от Нокса у советского посла собрались сотрудники Амторга во главе с Лукашевым, работники военной миссии и другие товарищи. Состоялось деловое совещание по целому ряду текущих практических вопросов: исчисления потребных денег на заказы по лицензиям и о порядке приема представителей фирмы и ответов на их предложения. Обсуждался также вопрос об аппарате Амторга в Вашингтоне. После этого вечером смотрели кинофильм «Суворов», а затем до глубокой ночи работали с директором отдела Амторга Коровиным над техническими вопросами, связанными с поставкой первой партии американских истребителей в СССР.

Наступила пора подвести некоторые итоги всех наших визитов к наиболее влиятельным и высокопоставленным правительственным деятелям Соединенных Штатов Америки. Каковы же были результаты встреч и деловых бесед с точки зрения продвижения вопросов о поставках Советскому Союзу вооружения и материалов?

В целом положительно можно было оценить итоги визитов к президенту Рузвельту, государственному секретарю Хэллу, министру финансов Моргентау, министру внутренних дел

Икесу. Отрицательно оценивались позиции военного министра Стимсона и морского министра Нокса. Не дали ожидаемых результатов и беседы с заместителем государственного секретаря США Уэллесом. Мы встречались также с рядом других лиц, относившихся явно недоброжелательно к нуждам Советского Союза.

12 августа по радио были получены тревожные сообщения с Украины. Положение на фронте оставалось тяжелым и напряженным. Советские войска вели тяжелые бои с противником на сольцевском, смоленском, белоцерковском и уманском направлениях.

А здесь на каждом шагу трудности и неполадки с работой военной миссии. Слишком часто мы чувствовали настороженное, нередко плохо скрытое, а порою открыто неприязненное отношение к нам, представителям советского народа. Заместитель руководителя армейской разведки США Гюнтер при встречах всячески стремился подчеркнуть, что мы ему «не нравимся». А что касается руководителя советской военной миссии, то Гюнтер считал, что Голиков, дескать, недостаточно компетентен в обсуждаемых вопросах и к тому же слишком молод, ему всего 41 год. Так что у меня сложилось глубокое убеждение, что русскую секцию (или отдел) военной разведки Соединенных Штатов Америки возглавляли явные и скрытые профашисты, прогитлеровцы.

Основное, чему было уделено внимание на следующий день, – двухчасовая деловая беседа с Коем, Коксом и Феймонвиллом. И эта беседа снова ничего определенного не дала. Никто ничего не решил, все ждали возвращения Рузвельта, который о всем-де договорился с Черчиллем. Все же нам казалось, что отношение и Коя, и Кокса в целом можно было считать хорошим и обнадеживающим. Феймонвилл же вел себя так, что на его помощь трудно было рассчитывать.

14 августа получил ответ на телеграмму Центру от 9 августа. В ответе выражалось согласие с моими соображениями по ряду практических шагов дальнейшей деятельности военной миссии. Одновременно сообщалось, что Совет народных комиссаров выделил в мое распоряжение деньги для финансового обеспечения закупок.

В этот же день закончил и послал донесение в Москву о положении дел в Амторге. Накануне у меня состоялся разговор с ответственными работниками этой организации, в том числе заместителем Лукашева М. Гусевым.

Суть сделанных мною предложений по работе Амторга сводилась к тому, чтобы укрепить его деловую связь с посольством, побыстрее решить вопрос о лицензиях, приоритете и финансировании. На мой взгляд, Лукашеву целесообразно было войти в непосредственный контакт с руководителями американского правительства, укрепить представительство Амторга в Вашингтоне. Необходимо было также потребовать от руководителя Амторга большей оперативности и организованности, особенно в налаживании контроля за исполнением, четкостью и согласованностью в работе аппарата.

После этого я направил в Лондон телеграмму контр-адмиралу Харламову, с которым держал постоянную связь по практическим вопросам деятельности миссии. Тогда же запросил Москву в отношении предложенных нам американцами армейских разведывательных машин повышенной проходимости, автомобилей и тракторов средней мощности, а также пистолетов-пулеметов с боеприпасами.

«Атлантическая хартия» – что же дальше?

Белый дом опубликовал текст англо-американской декларации от 14 августа 1941 года о целях войны и принципах послевоенного устройства мира. В ней излагались общие принципы национальной политики обеих стран. Эта декларация была принята во время встречи глав правительств Англии и США У. Черчилля и Ф. Рузвельта на борту британского линкора «Принц

Уэльский» в бухте Ардженшия Атлантического побережья Канады. Она получила наименование «Атлантической хартии».

Декларация провозгласила отказ США и Великобритании от территориальных и прочих приобретений; недопущение каких-либо территориальных изменений без согласия на то заинтересованных народов. США и Англия объявили о своем уважении права всех народов самим выбирать формы правления, равных возможностей для торговли и экономического сотрудничества между всеми странами. В заключительной части выражалась надежда, что после уничтожения нацистской тирании будет установлен мир, который поможет всем странам жить в безопасности на своей территории, и будут приняты меры против возобновления агрессии. Для этого все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями.

Черчилль и Рузвельт считали, что «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчают миролюбивым народам избавление от бремени вооружения»²⁰⁹.

Участники конференции в Ардженшии рассмотрели также вопросы о снабжении Советского Союза. Гопкинс выступил с отчетом о поездке в Москву. Несмотря на все возраставшее напряжение на советско-германском фронте, в «Атлантической хартии» был обойден вопрос о необходимости полного разгрома гитлеровской Германии и о мобилизации для этого всех сил. Не затрагивался в ней вопрос и об оказании Советскому Союзу эффективной помощи, правительства США и Англии ограничились тем, что внесли предложение – подготовить совещание в Москве представителей Англии, США и Советского Союза для обсуждения плана распределения общих ресурсов.

Под влиянием освободительного движения народов, а также справедливых целей Советского Союза в войне против немецкого фашизма английское и американское правительства вынуждены были некоторые положения «Атлантической хартии» сформулировать в демократическом духе. Но обращало на себя внимание, что в декларации не упоминалось о роли и месте Советского Союза в борьбе с фашизмом, ничего не говорилось о конкретных путях ликвидации фашистских порядков и об освобождении народов из-под фашистского ига.

Важный пункт декларации, касавшийся восстановления суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем, излагался в таком виде, что позволял расценивать как захваты лишь акты агрессии со стороны фашистских держав. Именно так и толковал этот пункт Черчилль. Выступая в палате общин 9 сентября 1941 года (кстати говоря, мне довелось лично слушать это выступление премьер-министра Англии), он сказал: «Во время встречи в Атлантике мы имели главным образом восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и наций Европы, находящихся сейчас под нацистским ярмом». Далее Черчилль «пояснил», что декларация не относится к «тем народам, которые связаны вассальной зависимостью с британской короной».

В целом же «Атлантическая хартия» имела положительное значение, так как способствовала объединению сил, боровшихся против фашизма. Советский народ, вся советская общественность приветствовали решения, принятые на встрече в Ардженшии. Они усматривали в них залог дальнейшей и еще более активной борьбы против гитлеровского гнета и считали, что это должно безотлагательно воплотиться в широкие практические меры против фашистских захватчиков, за полное уничтожение фашистской тирании²¹⁰. Вместе с тем было ясно,

²⁰⁹ Правда. 1941. 15 августа.

²¹⁰ 24 сентября 1941 г. на межсоюзнической конференции в Лондоне И. М. Майский, посол СССР в Великобритании,

что принятие и опубликование их правительствами Англии и США без участия Советского Союза, несомненно, на руку тем реакционным силам, которые противились образованию антифашистской коалиции.

На общем приемлемом словесном фоне давались такие формулировки, которые в дальнейшем могли быть обращены (и действительно были обращены!) против Советского Союза в решении многих жизненно важных для нашего государства политических, территориальных и других вопросов.

Утром 15 августа снова посетили военный департамент, где вели переговоры с американскими военными по некоторым практическим вопросам взаимной информации, руководил совещанием заместитель военного министра МакКлой, по отзыву Коя – «восходящая фигура».

Прежде всего, была достигнута договоренность о программе осмотра советской миссией некоторых объектов. Американцы дали согласие показать нам в действии некоторые виды вооружения, несколько авиационных заводов, а также отдельные самолеты в эксплуатации. В свою очередь мы бы передали американцам некоторую информацию о танковых и механизированных войсках немецко-фашистской армии.

На этом совещании мне больше всего запомнилось, что американцы выдвинули непомерные требования в отношении той информации, какую они хотели бы получать от Советского Союза. Их интересовали многие виды советского вооружения, поступающие на фронт, не говоря уже о новом вооружении гитлеровских войск. Под благовидным предлогом подготовки к совместным боевым действиям они настойчиво добивались, чтобы им дали сведения о советских аэродромах в районе Дальнего Востока. Особенно их внимание привлекли аэродромы в районе Иркутска, Якутска и Чукотки. Естественно, что мы не могли пойти на удовлетворение этого чрезмерного любопытства.

Днем, после того как окончилось совещание в военном министерстве, у меня состоялась деловая встреча с помощниками военного атташе Бараевым и Овчинниковым, а также с Афанасьевым. Вновь выступил перед нашими сотрудниками с политической информацией и кратким обзором событий на советско-германском фронте. Помню, как все вслушивались в каждое слово, особенно когда давались оценка положения и прогнозы. Эти советские люди, находившиеся далеко за пределами Родины, живо реагировали на уверенный и бодрый тон моего выступления, выражая глубокую убежденность в успехах и победе нашего дела в борьбе с гитлеровскими оккупантами.

Сегодня ознакомился с новым важным политическим документом – посланием Рузвельта и Черчилля Сталину. «Мы воспользовались случаем, – писали лидеры двух западных государств, – который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь вашей стране в том великолепном отпоре, который вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить вас максимальным количеством тех материалов, в которых вы больше всего нуждаетесь»²¹¹.

Далее они предлагали подготовить совещание в Москве представителей Англии, США и Советского Союза для обсуждения плана распределения общих ресурсов.

Это совещание состоялось несколько позднее, а именно 29 сентября – 1 октября 1941 года, и называлось Московская конференция 1941. Мне пришлось принять в нем участие. Конечно, оно сыграло свою роль с точки зрения объединения усилий всех государств антигитлеровской коалиции в борьбе против фашизма, что отвечало интересам советского народа, интересам свободолюбивых народов земного шара. Вместе с тем небезосновательным было

огласил декларацию советского правительства, в которой было выражено согласие с основными положениями Атлантической хартии. (Примеч. сост.)

²¹¹ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 16.

опасение, что руководители США и Англии, высказываясь за проведение совещания в Москве, используют подготовительный период как повод для оттяжки решений по оказанию быстрой помощи Советскому Союзу. Дело, по всему, клонилось к тому, чтобы обоснованному требованию с нашей стороны – оказать как можно скорее помощь Советскому Союзу, сражающемуся на решающем фронте, – противопоставить интересы других фронтов (например, в Северной Африке). Насущным нуждам советско-германского фронта противопоставить так называемую политику «более длительного периода». Как видно, имелось также в виду предъявить к нам требования и на наши ресурсы.

В то время мы были крайне озабочены медленным продвижением дела с поставками в СССР необходимых материалов и вооружения. Ведь мы нисколько не сомневались, что в те месяцы и недели союзники могли сделать гораздо больше. Не дожидаясь сентябрьского совещания в Москве, уже в августе 1941 года можно было принять ряд согласованных решений. Тем более что в это время в Вашингтоне находились Рузвельт, только что возвратившийся из Москвы Гопкинс, английский министр Бивербрук, советская военная миссия и английская закупочная комиссия.

Это и побудило нас с послом К. А. Уманским обратиться к советскому правительству с просьбой о том, чтобы в ответе Ф. Рузвельту и У. Черчиллю на их послание обратить особое внимание руководителей союзных держав на необходимость строгого выполнения данных обещаний и уже в настоящее время направлять нам максимальное количество тех материалов (вооружения, оборудования, горючего и т. п.), в которых Советский Союз больше всего нуждался. Правительствам США и Англии были хорошо известны наши потребности. Дело было за тем, чтобы как можно быстрее удовлетворить их и направить все это туда, где решались судьбы человечества, – на советско-германский фронт.

Утром 16 августа мы сообщили в Москву об отправке морскими транспортом некоторого количества самолетов «П-40», запасных стволов к пулеметам, установленным на этих самолетах, а также горючего, авиационных бомб, алюминия, масла для самолетов, патронов и других военных материалов. Воздушным путем направлялись в Советский Союз семнадцать авиационных механиков высокой квалификации.

С отправкой самолетов дело как будто налаживалось, чего нельзя было сказать о противотанковых и зенитных орудиях, пулеметах, броневых плитах. В американских кругах этот вопрос все «изучался», «согласовывался», но никаких практических результатов от этих согласований не ощущалось. Несмотря на это, мы намерены были и дальше добиваться его решения во всех инстанциях, включая аппарат президента США. При этом не исключалась возможность новой встречи с ним.

У нас вызывало беспокойство то обстоятельство, что некоторые американские газеты продолжали открыто писать о готовившейся отправке в Советский Союз морских транспортов с истребителями и другими военными материалами. Кто-то, видимо из близких к правительству США кругов, обеспечивал прессу необходимой информацией, а это было только на руку гитлеровской разведке.

В эти дни мы сделали заявки на разведмашины и пулеметы «Томми-ган». Имелась также реальная возможность заказать грузовые автомобили и тракторы. Мы согласились купить оборудование одного завода, производящего автопокрышки, которое находилось на вполне современном техническом уровне. Что касается других заводов, которые нам предлагались, то от них нам пришлось отказаться, так как их оборудование было устаревшим. По-прежнему не решался важный вопрос о станках, молотах и прессах.

Утром к послу К. А. Уманскому приходил полковник Феймонвилл, который принес перечень типов самолетов, оставшихся после Первой мировой войны. Речь шла о том, не пригодится ли нам что-нибудь из этого старья, хранение которого для США потеряло всякий смысл. Видно, даже он сам испытывал при этом неловкость, так как передавал списки с различными

оговорками. Вместе с перечнем Феймонвилл вручил и справку о ценах на эти предметы вооружения, которые, помнится, были весьма высокими.

Кроме Феймонвилла в посольстве был и У. Кой, принявший участие в завтраке и пробывший у нас в общей сложности два часа. Этот человек заслуживал внимания с нашей стороны, поскольку он хотел и мог активно участвовать в мобилизации усилий американского народа на разгром злейшего врага человечества – фашизма. Посещая советское посольство и беседуя с нами, Кой примерно так излагал суть своей позиции в этом вопросе: как любой патриот, он исходит из интересов Соединенных Штатов Америки, и эти интересы в нынешнее время диктуют ему целесообразность сближения с СССР, необходимость выступать за оказание русским активной помощи, и он это делает. Кой не давил на военный департамент, его официальное положение было невысоким, но всемерно старался заинтересовать военных в деле помощи Советскому Союзу и, когда надо, подталкивал их в этом направлении. Выше говорилось, что Рузвельт возложил на Коя контроль за выполнением всеми ведомствами правительственного решения об оказании помощи СССР. И Кой, согласно поручению президента, добивался настоящего сближения между советской военной миссией и военным департаментом США, дабы не было взаимного недоверия, отчужденности и выжидания по принципу: «Посмотрим, кто даст первым, а потом уж и я». При этом У. Кой, как и многие до него, рекомендовал нам допустить военного атташе США Итона на советско-германский фронт, других американских наблюдателей на советский Дальний Восток, предоставить американцам сведения о наших аэродромах на Дальнем Востоке и в Сибири, а также некоторые данные о Красной армии.

Для нас была важна деятельность Коя в интересах советско-американского сближения. Однако после возвращения в Вашингтон Гопкинса и Бернса Кой перестал заниматься вопросами материальных поставок в СССР.

Лорд Бивербрук и ленд-лиз

Днем 16 августа К. А. Уманский встретился с Бивербруком. Лорд Бивербрук был могущественным газетным королем Англии. В его руках находились такие широко известные органы английской печати, как газеты «Дейли экспресс», «Сандэй экспресс», вечерняя газета «Ивнинг стандарт» и многие другие. Он был членом военного кабинета в правительстве Черчилля, сначала как министр авиастроения, потом как министр снабжения. Во время войны часто летал в США и, когда бывал там, фактически руководил работой английской закупочной комиссии.

Наш посол рассказал мне о позиции Бивербрука в деле решения вопросов о советских заказах в США. Все, чего мы добивались в отношении увязки наших и английских заказов – согласованного распределения английских и американских долей производства в интересах СССР, – Бивербрук свел к следующему: «Из английской продукции Советскому Союзу не дадим ничего! Добивайтесь того, чтобы Англия получила в США все и как можно больше, а уж из английской доли мы выделим вам сами». И тут же отказался закрепить это соглашением, испугавшись, что «узнают американцы». С этой позицией он и собирался в Москву на совещание представителей трех государств.

Как я понял, Бивербрук опасался, как бы советские заявки не нанесли ущерба английским заказам в США. Он считал, что американские самолеты должны поступать в Англию, а Англия будет бомбардировать Германию, оказывая этим будто бы эффективную помощь Советскому Союзу. Вообще же, по его мнению, целесообразно было, чтобы американское вооружение поступало в СССР преимущественно через Англию.

Бивербрук особенно нажимал на то, что Англия ведет боевые действия в Северной Африке. Эти действия, как он сказал, могут принять более широкий характер, и поэтому английские военные заказы в США не должны ущемляться, а Советский Союз, мол, будет получать только после расширения американского производства.

Советский посол К. А. Уманский показал беспочвенность опасений Бивербрука. Уже в то время у Соединенных Штатов имелась реальная возможность выполнить ряд советских заказов, не нарушая интересов Англии: у американской армии и флота имелись запасы, некоторую часть можно было взять из текущего производства и т. п. Вместе с тем англичане могли сами, по собственной инициативе кое-что переуступить Советскому Союзу из полученного ими от американцев вооружения. Главное – не затягивать решение текущих вопросов до намеченного Московского совещания.

Беседа Уманского и Бивербрука больших практических результатов не дала. Правда, Бивербрук обещал не препятствовать нам в получении американских истребителей, зенитных и противотанковых орудий и некоторых других видов вооружения. Что касается дальних бомбардировщиков, в которых мы так остро нуждались, то английская сторона ни на какие уступки не шла. Характерно, что англичане хорошо были осведомлены о советских заявках в США, в то время как нам никакой информации от англичан о том, что и сколько они заказывали в Америке, не поступало.

В беседах с нами упор делался на то, что канал помощи Советскому Союзу через Англию не вызовет противодействия со стороны американских налогоплательщиков по политическим и идеологическим мотивам, тогда как непосредственная посылка оружия Советскому Союзу может вызвать нежелательные толки и суждения. Надо сказать, что некоторые видные американские газеты подогревали общественное мнение в этом направлении. Нетрудно было видеть плохо скрытое стремление реакционных кругов США и Англии затянуть войну, дожидаясь взаимного ослабления Советского Союза и Германии, а затем со своими нерастраченными силами выйти на международную арену.

На Западе существует мнение, что Бивербрук во время минувшей войны хорошо относился к Советскому Союзу, много помогал нам по линии снабжения, с самого начала являлся активным сторонником открытия второго фронта в Европе. Не берусь судить в целом о политическом лице этого видного английского деятеля. Но в ту пору, в первые месяцы войны, у меня и у моих товарищей по миссии сложилось о нем совсем иное мнение.

Автору этих строк не раз доводилось встречаться с лордом Бивербруком. В то время это был уже пожилой человек с пышной шевелюрой, выразительным и в то же время простым лицом. Во всяком случае, его внешность не соответствовала облику того стилизованного английского лорда, какого мы знаем по литературным штампам. Скорее он смахивал на купца или крупного подрядчика. Такое сравнение приходило в голову, наверное, потому, что Бивербрук был в меру полноват, достаточно подвижен, энергичен, стремителен в своих суждениях, репликах и не всегда сдержан. Одевался просто. Во время бесед проскальзывала его нетерпеливость, а порой и нетерпимость к инакомыслящим. Наши беседы проходили в довольно резких тонах, как, например, 21 августа. Визит к Бивербруку прошел не без пользы, но и без существенного практического результата. Только обещание уступить нам некоторое количество бомбардировщиков и истребителей, получаемых Англией из США, да несколько «потесниться» с американскими истребителями «Аэрокобра».

Но главное не в этом. Важно, что в вопросе о поставках Советскому Союзу Бивербрук в то время занимал крайне одностороннюю позицию. Все дело поставок вооружения из США в СССР он стремился прибрать к своим рукам, подчас напористо и грубо. Бивербрук явно хотел, чтобы не советская и американская стороны, а английская закупочная комиссия, английское правительство владели монопольным правом решать вопрос о том, давать или не давать что-либо из американского вооружения Советскому Союзу; если же давать, то как можно меньше.

По мнению английского лорда, Красной армии надо было помочь, но не сейчас, а гораздо позднее. В данный же момент, когда в помощи нам была особая необходимость, вообще ничего не давать. Чувствовалось, что за этим скрывалось ожидание неизбежного военного крушения Советского Союза, неверие в нашу победу, убежденность в том, что мы не устоим. И Биверб-

рук стремился навязать свое мнение американским властям, с тем чтобы в вопросах планирования военного производства учитывались прежде всего интересы Англии и не принимались во внимание потребности Советского Союза.

Естественно, позиция советской военной миссии была диаметрально противоположна бивербрукской линии. Мы требовали, чтобы США учитывали самостоятельные интересы обоих союзных государств – СССР и Англии, чтобы поставки в СССР не обуславливались интересами Англии, чтобы в намечаемом Соединенными Штатами развертывании производства и планировании выпуска продукции учитывалось решающее значение советско-германского фронта. Мы вправе были ожидать, что потребности СССР будут удовлетворяться в большей степени не только потому, что характер и масштаб боевых действий Красной армии ни в какое сравнение не шли с действиями английских войск на второстепенных фронтах, а главным образом потому, что от наших успехов на советско-германском фронте зависели не только существование и независимость Советского Союза, но и судьбы Англии, США, всего человечества.

В связи со сказанным о Бивербруке уместно вспомнить, что у Р. Шервуда имеется свидетельство о действительной позиции лорда Бивербрука по вопросу поставок Советскому Союзу в первые месяцы войны. Когда Бивербрук прибыл в Арденцию, где этот вопрос неоднократно обсуждался Черчиллем и Рузвельтом, и узнал, что после обнадеживающих сообщений Гопкинса между ними теперь фактически не было споров по вопросу помощи России, в нем заговорило глубокое чувство заботы об интересах Британской империи и с ним стало трудно иметь дело²¹².

День 16 августа для всех нас снова прошел крайне напряженно. До позднего вечера работали над телеграммами в Москву и лишь в полночь прибыли на дачу посольства. Все страшно устало. Настроение было неважным. Плохие сведения поступили с юга Украины. После ожесточенных боев советские войска оставили города Кировоград и Первомайск²¹³.

Проблематичной продолжала оставаться наша встреча с Г. Гопкинсом. За весь следующий день мы не получили от него ответа на просьбу встретиться с ним. Больше того, мы узнали, что он завтракал с Бивербруком. И 18 августа Гопкинс опять-таки ничего не сообщил нам. В разговоре с его представителем мы подтвердили свое желание увидеться с Гопкинсом отдельно, без участия других лиц. Последнее было необходимо оговорить, ибо на предложение нашего посла Бивербруку организовать беседу с моим участием английский лорд ответил, что рассчитывает встретиться с нами у Гопкинса. Когда же К. А. Уманский предложил организовать обед в честь Бивербрука, тот ответил, что все его время на 10 суток вперед уже расписано. У нас складывалось впечатление, что все это – и с Гопкинсом, и с Бивербруком – не случайно. Многие, слишком многое говорило не в пользу улучшения обстановки для деятельности советской военной миссии с целью ускорения получения реальной помощи от западных союзников.

Правда, небольшой шаг вперед все же был сделан. Мы сумели договориться в военном министерстве о том, что нам покажут некоторые авиационные заводы, кое-что из артиллерии, а также отдельные самолеты на земле и в воздухе. Репин, Овчинников и Березин уже приступили к ознакомлению с одним из таких заводов. Мне предстояло в ближайшие дни выехать на полигоны и в некоторые воинские подразделения.

Все более нерадостные вести продолжали поступать с Родины. На всем советско-германском фронте ведутся ожесточенные бои. Совинформбюро сообщило, что после упорных боев оставлены города Николаев и Кривой Рог. Николаевские верфи взорваны. На Ленинградском фронте оставлен город Кингисепп.

²¹² Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 568.

²¹³ Первомайск (Николаевская область) был оккупирован немецкими войсками 3 августа 1941 г., а Кировоград – 4 августа 1941 г. (Примеч. сост.)

Поставки по принципу – «возьми что негоже»

На следующий день советская военная миссия посетила генерального директора управления промышленного производства Кнудсена. Это был один из крупнейших американских промышленников, миллионер и делец, придерживавшийся реакционных взглядов. В совещании со стороны американцев участвовал ряд официальных лиц. С советской стороны были К. А. Уманский, А. К. Репин, я, а также ряд товарищей из Амторга.

Много воды утекло с тех пор. Сейчас трудно воспроизвести все подробности беседы с Кнудсеном. Но хорошо помню, что эта встреча была полезной, прежде всего, потому, что мы добились некоторых результатов по оборудованию (обещана поставка станков на сумму свыше 5 млн долларов), сумели продвинуть вопрос об электропечах, оборудовании для двух крекинговых заводов, толуолового завода, о бронеплитах, а также обговорили ряд практических вопросов, связанных с усилением делового контакта руководителей Амторга с управлением промышленного производства США.

Правда, надо оговориться, что в предложенном Кнудсеном списке не было целого ряда очень необходимых для нас станков. Вообще же мы не были слишком уверены, что эта заявка будет реализована полностью на всю обещаемую сумму.

В ходе беседы нами был затронут важный вопрос о методе изготовления литой брони для танковой промышленности. По сравнению с прокатом этот метод являлся более прогрессивным и находил все более широкое распространение в США. В СССР знали об этом методе, но, несмотря на неоднократные просьбы, американцы не изъявляли желания познакомить советских представителей с технологией отливки броневых плит. В последующем этот метод был хорошо освоен в Советском Союзе самостоятельно.

Весь сегодняшний вечер ушел на составление телеграфных донесений в Москву о станках, бронеплитах и других материалах, а также о целесообразности нашей поездки на совещание представителей трех государств в Москву.

В тех условиях, когда наши заявки на поставку современного вооружения удовлетворялись чрезвычайно туго, мы были вынуждены интересоваться и сравнительно устарелыми типами вооружения. Помнится, что в этой связи возник вопрос о том, чтобы закупить в Канаде несколько десятков легких бомбардировщиков. Конечно, предлагавшийся самолет был далеко несовременным, но и он мог сослужить нам подсобную службу в борьбе с вермахтом.

Тогда же военный департамент США предложил нам закупить из своих старых запасов вьючные седла, рубанки, буравы, сверла, клещи, кузнечные и механические пилы, наборы шорного инструмента, наковальни кузнечные, ручные лопаты, артиллерийские двуколки и некоторое другое интендантское имущество. Об этом предложении американцев мы поставили в известность главного интенданта Красной армии генерала А. В. Хрулева. Сейчас уже и не помню, купили мы это имущество или отказались от него.

После беседы с Кнудсеном в тот же день состоялось еще несколько важных встреч, в том числе с руководящим составом управления промышленного производства, с сенаторами и конгрессменами южных штатов, а также с рядом крупных промышленников и финансистов, занимавших видное место в американском бизнесе.

Между прочим, до нас дошли факты, свидетельствовавшие о крайней медлительности, проявленной некоторыми официальными лицами из числа американской администрации в отношении волновавших нас вопросов. Нам стало известно, например, что исполнявший обязанности государственного секретаря США С. Уэллес задержал на несколько дней передачу нашей заявки на материальные поставки и вооружение президенту Ф. Рузвельту. В свою очередь, генерал Бернс со своим аппаратом не сообщил Кнудсену наших просьб в отношении электропечей, крекинговых и толуолового заводов. Феймонвилл и Хазард из того же аппарата

Бернса не довели до одного из руководителей управления промышленного производства Британа списка на необходимые нам станки. Наконец, Феймонвилл и Хазард прямо-таки ввели в заблуждение руководителей Амторга, заявив, что правительство США в электропечах нам отказало.

Гарри Гопкинс – за или против?

Наша встреча с Гарри Гопкинсом состоялась только 20 августа. Этот видный американский политический деятель сыграл, как известно, определенную роль в налаживании деловых контактов между США и Советским Союзом. Еще раньше мы слышали немало положительного об его отношении к СССР и, не скрою, возлагали немало надежд на беседу с ним. Тем более что знавшие Гопкинса люди, в том числе и некоторые советские дипломаты, характеризовали его как общительного и дружелюбно настроенного к нам собеседника. Говорили, что сильно он болен и что работать ему трудно. Подчеркивали подвижничество и другие его благородные качества. И вот долгожданная встреча с этим человеком. Она заняла особое место в серии наших бесед с американскими деятелями. До сих пор я не могу избавиться от весьма противоречивых впечатлений от нее.

Накануне вечером Гопкинс позвонил и сказал, что утром приедет в советское посольство. Беседа состоялась в квартире советского посла за обеденным столом. Сначала нас было трое – Уманский, Гопкинс и я; позднее к нам все-таки присоединился лорд Бивербрук.

Гопкинс сразу произвел впечатление человека, убежденного, что представители Советского государства должны перед ним чувствовать себя просителями, терпеливо ожидать и довольствоваться тем, что получают.

Он был откровенно недоволен тем, что в его отсутствие в США появились русские, которые не просто просят и смиренно ждут, когда выполнят их просьбу, а проявляют настойчивость, добиваются ясности в вопросах, напоминают, контролируют выполнение аппаратом обещаний президента, торопят с решением вопроса и «даже осмеливаются» в глаза высказывать свою неудовлетворенность ходом дела. Ему было явно не по душе, что мы не обивали пороги разного рода канцелярий, а нашли пути к высшим властям, в том числе и к самому президенту.

Как помню, беседа началась с рассказа Гопкинса о его полете в Москву. Почти два часа длился пространный монолог о дорожных приключениях, встречах с советскими людьми, руководителями советского правительства.

Из его рассказа мне особенно запало, что, по мнению Гопкинса, советские представители, с которыми ему довелось встречаться, не располагают необходимой информацией и достаточными полномочиями, чтобы вести деловые разговоры с представителями иностранных государств. Поэтому, утверждал он, такие встречи не давали практических результатов. Все решалось только на самом высоком уровне. В качестве примера он сослался на одного из специалистов в области артиллерии (это был генерал Н. Д. Яковлев, впоследствии маршал артиллерии).

Гопкинс особо подчеркивал ценность тех сведений о положении дел и наших ресурсах, которые он получил лично от И. В. Сталина.

Действительно, если верить официальному отчету Гопкинса о поездке в Москву (по свидетельству Р. Шервуда), Сталин дал ему довольно обширную информацию о Красной армии и ее вооружении. Он, в частности, сообщил Гопкинсу о количестве советских дивизий на фронте и в резерве, о потенциальных возможностях увеличения числа этих дивизий. Председатель Совета народных комиссаров СССР, Верховный главнокомандующий И. В. Сталин дал Гопкинсу сведения о количестве имеющихся в Советском Союзе танков и самолетов, их тактико-технических данных, состоянии авиационной и танкостроительной промышленности

в СССР, а также изъявил готовность передать США и Англии чертежи советских самолетов, танков и орудий. Гопкинсу были сообщены также ценные данные по гитлеровской армии.

Я не уверен, была ли у И. В. Сталина тогда необходимость давать все эти сведения представителю другого, хотя и дружественного нам государства. Пожалуй, если верить Гопкинсу, было сказано кое-что лишнее. Данное обстоятельство дало Гопкинсу возможность повсюду подчеркивать свою осведомленность в этой области и в свою очередь напирать на кажущуюся неосведомленность и некомпетентность советских представителей в вопросах, относящихся к общим стратегическим задачам и планам снабжения. Гопкинс сказал, что Сталин изложил ему потребность Советского Союза в танках, зенитных орудиях, алюминии, пулеметах, винтовках и другом вооружении, и перешел к вопросам, представлявшим для нас наибольший интерес – поставкам в Советский Союз военных материалов. Если коротко резюмировать позицию, которую он занимал по этому вопросу, то ее можно свести к следующему.

Гарри Гопкинс – правая рука президента Ф. Рузвельта, как о нем говорили, по сути, был против того, чтобы осуществлять активную поставку американских военных материалов в СССР уже к осени 1941 года, т. е. тогда, когда они были нам особенно нужны. Он считал, что главные усилия надо отнести на более отдаленный период. И все вопросы, связанные с поставками в СССР, следует рассматривать не в Вашингтоне, на уровне военной миссии, а в Москве, на совещании представителей правительств трех государств. Кстати, он стоял за то, чтобы это совещание провести в более поздние сроки – после выяснения положения на советско-германском фронте. При этом Гопкинс заявил, что Сталин будто бы придерживался той же точки зрения. Верить этим словам мы не могли, ибо Сталин, как уже отмечалось выше, инструктируя меня, требовал, чтобы мы добивались как можно быстрее удовлетворения наших заявок. Когда мы попросили Гопкинса высказаться по этому поводу точнее, ему пришлось подтвердить, что глава советского правительства действительно настаивает на ускорении поставок.

Позицию Гопкинса активно поддерживал Бивербрук. Он бездоказательно напирал на эффективность английских бомбардировок Германии, превозносил материальную помощь англичан Советскому Союзу (по сути ничтожную) и говорил, что активные поставки в СССР надо отнести на весну 1942 года.

В ходе самой беседы Гопкинс, очевидно из-за своего болезненного состояния (он страдал хроническим гепатитом), вел себя несколько нервно. Вспоминаю, когда К. А. Уманский сказал, что мы настаиваем на полной ясности в вопросе американских поставок, Гопкинс вскочил с места и раздраженно заявил, что отказывается вести с нами деловую беседу. Он, видите ли, «не терпит» слова «настаивать». Не особенно заботясь о приличии, он бросил реплику, что советская военная миссия, если хочет, вообще может уезжать домой. И, хотя наш посол и даже лорд Бивербрук отнесли эту бестактность и невыдержанность в значительной степени за счет болезненного состояния Гопкинса, на меня его поведение произвело удручающее впечатление.

Встреча с Гопкинсом не принесла тех результатов, которых мы ожидали. Личный представитель президента отклонил все наши усилия добиться американской помощи Советскому Союзу оружием в августе – октябре 1941 года, т. е. в самые тяжелые для Красной армии месяцы борьбы, и отнес ее на сроки не ранее весны будущего года. Правда, мы получили от Гопкинса список на размещение некоторых заказов. Однако в этом списке отсутствовали весьма важные пункты нашей заявки, в том числе по противотанковой и зенитной артиллерии, пулеметам, а также по боеприпасам. Нам надо было добиваться нового визита к президенту США, чтобы выяснить, является ли ответ и поведение Гопкинса линией правительства США, а Гопкинс – лишь исполнителем этой линии, или позиция Гопкинса – это еще не государственная линия США? Тем более, как я уже отмечал ранее, решение вопросов о поставках в СССР специально задерживалось многими ведомствами США до возвращения Г. Гопкинса из Москвы.

До встречи с Гопкинсом и Бивербруком мы еще не вполне разобрались в линии поведения некоторых официальных лиц союзных государств. Но и тогда возникло подозрение, а не

проявляется ли в ней стремление реакционных кругов США и Англии затормозить помощь Советскому Союзу и выждать дальнейшее развитие событий на советско-германском фронте, рассчитывая на ослабление Советского Союза в труднейшем единоборстве с гитлеровской военной машиной. Последующие события подтвердили эти опасения, а поведение Гопкинса и Бивербрука полностью убедило нас, что мы не ошиблись.

На следующий день после этой довольно-таки резкой встречи Гопкинс позвонил по телефону из Нью-Йорка послу К. А. Уманскому и заявил: «Я вчера был дураком. Вы не сердитесь?»

Все это было, несомненно, ни больше ни меньше, как желание затушевать тенденцию на затягивание дела, так ярко прозвучавшую в его беседе с нами, смягчить остроту возникших разногласий.

Наши встречи с Гопкинсом и Бивербруком совпали с опубликованием в центральных московских газетах итогов двух месяцев войны на советско-германском фронте. Как сообщало Совинформбюро, вермахт понес большие потери в живой силе, танках, артиллерии, в самолетах и в запасах. Мировая общественность узнала, что в войне против Советского Союза немецко-фашистские войска чинили неслыханные в истории войн преступления. Гитлеровцы пытали и зверски избивали пленных раненых бойцов и командиров, истребляли тысячи мирных советских жителей, не останавливаясь перед массовыми убийствами женщин и детей. Фашистские изверги дотла разоряли советские села и города, занимались грабежом и мародерством, насиловали женщин. Гитлеровские орды предстали перед всем миром в отвратительном виде убийц и грабителей.

Два месяца военных действий между фашистской Германией и Советским Союзом показали, что гитлеровский план покончить с Красной армией в пять-шесть недель провалился. Все более становилось очевидным, что война, начатая фашистской Германией, будет длительной, а огромные потери германской армии приближают гибель гитлеризма.

Советский народ и его Вооруженные силы, героически сражаясь против коварного и жестокого врага, развеяли легенду о непобедимости немецко-фашистских войск и опрокинули все расчеты гитлеровского командования. Советские люди были преисполнены неукротимой волей бороться с заклятым врагом до полной победы над ним.

В эти же дни мы получили из Генерального штаба от А. П. Панфилова свежие данные о количестве соединений в немецко-фашистской армии и их дислокации. Судя по этим данным, подавляющее большинство гитлеровских дивизий находилось на советско-германском фронте. На Западном фронте, где активных боевых действий не велось, находилась значительно меньшая их часть.

Так что два месяца боевых действий советских Вооруженных сил против гитлеровских орд, вероломно вторгшихся в пределы социалистической Родины, свидетельствовали о крахе авантюристических планов германского командования, рассчитанных на «молниеносное уничтожение» Красной армии.

На следующий день после встречи с Гопкинсом, рано утром, вылетел на уже знакомый Абердинский полигон для осмотра техники, на что у нас имелась договоренность с американскими военными властями. Дорога заняла около двух часов и столько же времени – ознакомление с образцами вооружения. К полудню работу закончили и после обеда вылетели обратно. К четырнадцати часам приземлились на аэродроме в Вашингтоне.

День 22 августа, как и все предыдущие дни, был заполнен встречами, деловыми беседами, работой над документами. Мы получили указание из Москвы, что наше с Уманским участие в Московском совещании признано целесообразным.

В этот же день состоялась полезная беседа с английскими специалистами в области авиации Селфом и Джонсоном об авиационной промышленности и авиационных заказах в Соединенных Штатах Америки.

Мы получили также сообщение, что помощник президента У. Кой, в связи с возвращением в Вашингтон Г. Гопкинса и генерала Бернса, перестал заниматься вопросами материальных поставок Советскому Союзу, что некоторое время тому назад ему было поручено президентом Ф. Рузвельтом.

На следующий день мы с К. А. Уманским были у Бернса. В ответ на наши вопросы о поставках танков и артиллерии вновь последовало молчание. Правда, Бернс сказал, что на днях у президента США будет рассматриваться общий список и план распределения военных материалов между Англией, Советским Союзом и Китаем.

В тот же день через государственный департамент мы получили ответ об удовлетворении нашей заявки по авиационному бензину, этилу, крекинговым заводам, толуоловому заводу, алюминиевому прокатному стану. В гораздо меньшей степени были удовлетворены заявки по поставке толуола, плохо – по бронеплитам и совсем не удовлетворены – по оружию.

В свободные минуты я с большим интересом читал книгу Д. Стейнбека «Гроздь гнева». С моей точки зрения, это прекрасная книга, которую посоветовал бы прочитать каждому, особенно молодым людям.

Саботаж как форма срыва поставок

Последние дни августа были заполнены хлопотами, связанными с отправкой в Советский Союз первых полученных нами партий материалов. В частности, в советские порты Владивосток и Нагаево направлялись танкеры с горючим. Надо сказать, что получить американские танкеры было очень трудно, сказывалась их нехватка в США в связи с передачей части тоннажа Англии. Положение было таким, что нам приходилось мириться с отправкой авиабензина в бочках, располагавшихся на сухогрузных судах, что, конечно, вызывало большие трудности и было связано с определенным риском.

Помимо горючего, надо было отправить самолеты, запасные части к моторам, авиационные бомбы и некоторые другие военные материалы. Длительные переговоры завершились предоставлением для этих целей двух судов – «Капир» и «Анверс». Мы уже радовались, что эти корабли вот-вот встанут под погрузку. Но радость наша оказалась преждевременной.

Советским сотрудникам, имевшим непосредственное отношение к организации погрузки, пришлось преодолевать много сложностей и неполадок. Выделяемые нам материалы в ряде случаев не имели полной комплектности; масса времени уходила на получение и оформление необходимой документации. Все это затягивало погрузку, отодвигало сроки доставки материалов на советско-германский фронт. Когда танкеры готовились к отправке в Нагаево и Владивосток, американские представители выражали большое опасение: а не простоят ли они там слишком долго под разгрузкой. На деле же получалось так, что американские суда простаивали не во Владивостоке, а в Нью-Йорке. И здесь, видимо, сказывалась не только и не столько нераспорядительность портовых властей.

Отношение к нам со стороны американских военных органов, в особенности военно-морского флота, было, прямо скажем, недружелюбным. Даже при наличии официальных решений высших государственных органов США нашим представителям приходилось почти повсюду, образно говоря, зубами вырывать то, что было обещано американским правительством. Особенно в первые полтора года Великой Отечественной войны – до разгрома фашистской армии под Сталинградом. Среди американских военных преобладало неверие в возможности Советского Союза противостоять гитлеровской Германии.

И в государственном аппарате США многие военные и гражданские чиновники были настроены пренебрежительно.

Американские власти выделяли для перевозки грузов в Советский Союз главным образом суда различных латиноамериканских стран. Грузоподъемность этих судов и мореходные

качества были низкими, команды весьма разношерстные, что создавало благоприятную почву для работы фашистских агентов. Во второй половине 1941 года и первой половине 1942 года в американских морских портах и на железнодорожном транспорте было немало случаев проявления саботажа и диверсий. На подходах к портам умышленно создавались пробки с различными грузами, предназначенными для СССР. На судах возникали пожары, происходили поломки механизмов, аварии во время погрузок, сама погрузка проводилась беспорядочно, ящики с грузами часто разбивались, создавалась путаница транспортной документации. Эти и другие «неполадки» тормозили отправку из американских портов грузов для Советского Союза.

Борьба с этими трудностями осложнялась тем, что среди грузчиков, работавших на причалах Нью-Джерси, преобладали выходцы из Германии, а на Бруклинской стороне порта – из Италии. Профсоюзы грузчиков находились под руководством реакционных элементов. Грузчики немецкого и итальянского происхождения большей частью были настроены к нам враждебно.

Со стороны фирм и организаций, направлявших в наше распоряжение различные виды вооружения, оборудование и материалы, было также немало случаев недоброжелательного отношения. Например, при контрольном вскрытии подготовленных для отправки в Советский Союз ящиков в них вместо тех или иных механизмов и материалов обнаруживали металлические чушки, стружку и т. п. На протесты со стороны советских представителей американцы отвечали: «А не все ли равно, ведь все это утонет по дороге или попадет в руки к немцам».

Советский уполномоченный по отгрузке М. Гусев рассказывал, как ему ежедневно приходилось ездить по железнодорожным станциям и портам для наблюдения за ходом погрузки и отправки судов в Советский Союз, на месте разрешать многие вопросы, возникавшие в этом важном деле.

В начале 1942 года в порту Филадельфия на железнодорожных путях саботажники создали такую пробку из различных грузов как советских, так и других стран, что американский порт и железнодорожный транспорт оказались в беспомощном состоянии. Гусеву и его помощникам пришлось непосредственно включиться в административные функции портовых и железнодорожных властей, чтобы помочь быстрее обеспечить элементарный порядок и организованность.

Вот в какой обстановке происходила загрузка пароходов «Капир», «Анверс» и «Норд Кинг». Но, как бы то ни было, в конце концов она завершилась, и первый из этих пароходов 30 августа 1941 года вышел из нью-йоркского порта в направлении Советского Союза. Вслед за ним в далекое и нелегкое плавание отправились «Норд Кинг» и «Анверс». Уже одно то радовало, что первые партии военных материалов пошли туда, где они были нужнее всего. Дело, ради которого советская военная миссия приехала в США, неуклонно двигалось вперед.

Тем временем советская военная миссия продолжала выполнять возложенные на нее задачи. В очередной встрече с генералом Бернсом мы вновь поставили вопрос о поставке Советскому Союзу средних и легких танков, минометов, полевых орудий и другого вооружения. При этом выразили даже готовность приобрести некоторое количество гаубиц из запасов 1917 года, которые американцы предлагали нам ранее. Но, как и до сих пор, очередное обсуждение вопросов у Бернса никаких практических результатов не дало.

К этому времени мы получили сообщение за подписью Молотова о том, что срок совещания представителей трех держав в Москве неизвестен.

Как видно, подтверждалось сообщение корреспондента одной чикагской газеты о тенденции к затяжке этого совещания до конца сентября.

Есть ли смысл далее оставаться в США?

Под влиянием оттяжек и проволочек у меня усилилась потребность высказать Москве наболевшие за последние пять дней вопросы: 25 августа послал телеграммы в Совет народных комиссаров – Сталину, в Наркомат иностранных дел – Молотову и в Генеральный штаб – Шапошникову. В этих телеграммах настоятельно просил отозвать меня на Родину и оставить на моем месте А. К. Репина. Свою просьбу я мотивировал тем, что в данной обстановке я не могу считать необходимым и оправданным находиться здесь ни в роли главы советской военной миссии, ни тем более в качестве заместителя начальника Генерального штаба Красной армии. Действительно, работа военной миссии все больше смыкалась с повседневной деятельностью советско-американской торговой организации и закупочной комиссии. Аналогичным было и положение с «Комитетом трех», где наши интересы отстаивал посол Уманский. Я не говорю уже о том, как хотелось мне скорее попасть в действующую армию.

Когда об этом наш посол сообщил Г. Гопкинсу, тот только развел руками, пожал плечами и не произнес ни слова. Гопкинс принимал Уманского в постели, так как снова плохо себя чувствовал. Держался дружелюбно и доброжелательно, но от обсуждения вопросов помощи нам вооружением уклонился.

26 августа американцы сообщили, что отпускают нам тысячу штук пулеметов «Томми-ган» с патронами. Приняли они решение и об удовлетворении нашей заявки по авиационным бомбам, но при этом в первые сроки поставлялась лишь небольшая их часть, основные же поставки растягивались на более длительное время. И здесь проявилась политика затягивания поставок.

Правда, надо сказать, что примерно в эти же дни мы получили обещание американцев поставить нам до конца 1941 года, кроме обещанных ранее самолетов, еще 84 истребителя, 1000 разведмашин «Джип», 1000 ручных пулеметов «Томми-ган». Что касается других заявок, особенно по бронеплитам, быстрорежущей стали и твердым сплавам, то все это вновь откладывалось до совещания в Москве.

Между тем приближалось к концу мое пребывание в Соединенных Штатах Америки, так как 27 августа я получил разрешение возвратиться в Москву. Оставшиеся дни до моего отлета из Вашингтона прошли под знаком подготовки к возвращению домой. Состоялись последние деловые встречи. Одна из них – с адмиралом Старком, возглавлявшим военно-морской штаб США. Непродолжительная беседа касалась возможности приобретения нами некоторого количества пикирующих бомбардировщиков, летающих лодок, а также зенитных орудий, авиационных и глубинных бомб. И эта беседа, по сути дела, ничего не дала. Мотивировка все та же – нехватка этих видов вооружения у самих США. Оставалась лишь надежда на получение некоторого количества бомб. Характерно, что во время этой встречи руководители американского морского штаба высказались о желательности посылки своих представителей на советско-германский фронт.

Один из последних дней своего пребывания в США я посвятил деловому свиданию с А. Гарриманом. Аверелл Гарриман входил в когорту ближайших соратников Рузвельта. Сначала он был представителем США в Лондоне по вопросам снабжения Англии оружием и военными материалами, координировал программу ленд-лиза, затем, в 1943–1946 годах – американским послом в Москве. В сентябре 1941 года возглавлял делегацию США на Московском совещании трех держав. Гарриман долгое время находился на политическом горизонте Соединенных Штатов Америки, играя далеко не последнюю роль во внешнеполитической деятель-

ности страны. Он внес полезный вклад в подписание Московского договора 1963 года о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой²¹⁴.

Наша встреча с Гарриманом состоялась 30 августа 1941 года. В беседе участвовали посол К. А. Уманский и я.

Гарриман был трезвым политиком и деловым человеком, неплохо знавшим вопросы производства и снабжения. Видно было, что он хорошо понимал сложившуюся международную ситуацию, при которой в борьбе против фашизма объединились государства с различным общественно-политическим устройством. Конечно, его позиция объяснялась не симпатиями к коммунизму, а реальной оценкой обстановки, пониманием той опасности, какую представлял гитлеризм для судеб других государств, в том числе для Соединенных Штатов Америки.

Что касается состоявшегося тогда у нас разговора, то он, помнится, принял довольно напряженный, острый характер и возлагавшихся на него надежд не оправдал. Чувствовалось стремление американцев отложить решение практических вопросов по поставкам в СССР до Московского совещания, а сами поставки оттянуть до весны 1942 года. Мне особенно почему-то запомнилось, что Гарриману хотелось еще до совещания в Москве договориться с англичанами, чтобы затем проводить с ними единую согласованную линию. Поэтому Гарриман и намерен был по пути в Москву побывать в Лондоне.

Остававшееся от официальных встреч время было заполнено решением целого ряда текущих дел. Состоялась обстоятельная беседа с И. М. Сараевым по некоторым вопросам его практической деятельности. Даны советы и рекомендации по работе остававшимся в Вашингтоне А. К. Репину, П. И. Барабанщикову и Л. Л. Райкову. По просьбе А. И. Микояна расследованы дела с поставкой недоброкачественных ботинок через Амторг и решен ряд других текущих вопросов. Вечером 30 августа, в связи с моим отъездом, у Сараева состоялся обед.

Конечно, самое главное и животрепещущее в те дни – это сообщения с Родины о положении на советско-германском фронте: об активных боевых действиях советских войск на Ленинградском и центральных фронтах, а также о сражениях в нижнем течении Днепра, в ходе которых гитлеровские войска несли большие потери. Жизнь показала, что господин Нокс, военноморской министр США, а заодно и его единомышленники свое пари с треском проиграли!

На пути к Родине

1 сентября я вылетал обратно на Родину через Монреаль. До Англии меня сопровождал помощник советского военного атташе майор Бараев.

Не забыть того хорошего, теплого, дружеского отношения и внимания, какое проявили ко мне наши советские люди, находившиеся в США. Столько было высказано искренних слов, пожеланий успешного, благополучного перелета буквально всеми: военными и невоенными людьми, мужчинами и женщинами.

Меня глубоко тронули и взволновали хлопоты и заботы, проявленные женами сотрудников нашего посольства – Анной Алексеевной Сараевой, Анной Гавриловной Бараевой, Раисой Михайловной Уманской, Ниной Ивановной Матвеевой, Антониной Наумовной Сельдяковой и многими другими.

А сколько неподдельного чувства и волнения в напутственных поручениях всех товарищей – поклониться Родине, передать привет Москве, горячо заверить Центральный Комитет партии и советское правительство в преданности и непоколебимой вере в победу нашего правого дела.

²¹⁴ Бессрочный договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой был подписан в Москве 5 августа 1963 г. главами внешнеполитических ведомств СССР, США и Великобритании. (Примеч. сост.)

Первого же сентября мы благополучно приземлились в Монреале. На этот раз неудобств с устройством, как во время прилета из Англии, не повторилось. Однако в Монреале нам пришлось пробыть целых шесть дней. Вынужденное ожидание продолжения полета было вызвано как нелетной погодой, так и нехваткой самолетов. К тому же с отправкой самолетов проявляли осторожность из-за происшедших недавно авиационных катастроф, в которых погибло 54 человека. В числе погибших находился руководитель английской закупочной миссии в США А. Первис, с которым мы незадолго до этого встречались.

Вынужденное пребывание в Канаде использовал для встречи с военными властями, а также для осмотра некоторых предприятий и местных достопримечательностей.

2 сентября после завтрака с канадским генералом Панетом мы отправились на танковый завод. Это было старое паровозоремонтное предприятие, перешедшее на выпуск военной продукции. В день изготавливалось два танка.

На следующий день осмотрели авиационный завод, развернутый на месте маленькой мастерской авиационных фотоаппаратов. Часть материалов (мелкое литье, например) завод обеспечивал сам, но многое поставлялось из США и Англии (моторы, алюминиевые листы, винты). Вооружение на самолеты ставилось в Англии. Главное, что лимитировало рост производства на заводе, это недостаток станочного оборудования. Завод находился в частном владении. Технический штаб завода составляли 10 человек.

Авиационный завод, который мы осмотрели, считался самым крупным и лучшим в Канаде. Отношение к нам на заводе было хорошим. По цехам нас водил инженер, ведавший готовой продукцией. На заводском аэродроме находилось около 25 самолетов, которые нам охотно показали.

Затем мы побывали на заводе, выпускавшем торпедные катера. Его директорами были бывший морской офицер и бывший пилот. Завод был полностью перевезен из Англии в 1940 году.

Стоит сказать несколько слов о рабочих на заводах, которые нам довелось увидеть в Канаде, об условиях их труда.

На паровозоремонтном заводе, выпускавшем танки, мы увидели наиболее старый по возрасту и стажу состав рабочих, причем в цехах совершенно не было женщин. На авиационном и морском заводах – значительное количество женщин в возрасте от 18 до 40 лет. На авиационном заводе, например, работало 400 женщин.

Рабочий день длился 10–11 часов. Заработок женщин на заводе торпедных катеров не превышал 20 долларов в неделю, тогда как мужчины получали до 40 долларов.

Большинство из рабочих, с которыми мы встречались, проявляли к нам, советским людям, дружеское, сердечное отношение, некоторые – простое любопытство. Не бросая производства, не отвлекаясь от работы, многие приветствовали нас крепким рукопожатием, кивком головы, а то и просто улыбкой, выражали нам знаки сочувствия, доброжелательности и поддержки. Так было всюду – и в Англии, и в США, и в Канаде.

Следующий день почти целиком был заполнен поездкой по сельской местности, расположенной в 30 милях от Монреаля вверх по реке Св. Лаврентия. Сопровождал нас представитель сельскохозяйственного департамента.

Наконец, 6 сентября наше длительное ожидание закончилось, и утром этого дня мы вылетели с аэродрома Монреаля в Англию. По пути сделали посадки в Ньюфаундленде и Прествике. В середине дня 7 сентября прибыли в Лондон.

Последующие два дня провел в английской столице. Кстати, мне довелось присутствовать на заседании английского парламента и слушать выступление У. Черчилля, о чем я упоминал несколько выше.

Коль скоро я уже коснулся этого вопроса, то хотелось бы поделиться некоторыми впечатлениями о посещении парламента Англии. Прежде всего, я не ожидал, что зал заседаний

окажется таким маленьким. Чуть выше партера возвышаются ложи. В одной из них, ближе к спикеру, расположились мы, члены советской военной миссии. Парламентарии сидели на деревянных скамьях, которые были поставлены в несколько рядов во всю ширину зала.

Небольшие размеры зала, слабая освещенность, деревянные скамьи – все это осталось от прошлых веков. И, как видно, в силу английской традиции с тех пор ничего не менялось.

По левому ряду впереди в креслах или на скамьях сидели члены английского правительства. Несколько правее их по линии общего переднего ряда скамей сидел премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Это был уже весьма пожилой человек, довольно тучный, сгорбившийся, озабоченный.

Мне запомнилось, что среди парламентариев было несколько молодых офицеров в невысоких воинских званиях, не помню точно каких, но, во всяком случае, ниже подполковника. Из числа военных членов парламента при нас выступал один офицер в чине капитана. Говорил он свободно, и его выступление, продолжавшееся не более 7–8 минут, было довольно критическим.

Выступал и премьер У. Черчилль. Его недолгая речь касалась «Атлантической хартии». Как писали на другой день некоторые английские газеты, Черчилль старался подчеркнуть, что Англия с момента нападения гитлеровской Германии на СССР изыскивает средства для оказания русским быстрой и эффективной помощи.

Между прочим, в день выступления Черчилля в палате общин газета «Манчестер гардиан» поместила меткую карикатуру известного художника Лоу. От имени англо-американских союзников маленький мальчик вручает букет цветов Советскому Союзу, изображенному в виде группы мужчин и женщин, ведущих ожесточенный бой с фашистами. На букете приветственные надписи: «Замечательно, браво. США», «Восхищены до глубины сердца. Англия», «Счастливой удачи!» Приветственное письмо принимает женщина с винтовкой, которая говорит: «Спасибо, товарищи! Но лучше, если бы это было то, чем мы могли бы сражаться». Под карикатурой подпись: «Оборона Ленинграда – Лондона – Вашингтона». Символичный рисунок!

Следует коротко коснуться вопроса о возможности приема советской военной миссии Черчиллем. Было бы неправильно изобразить дело так, что он не хотел принять нашу миссию. Советский посол в Англии И. М. Майский старался подготовить для этого все необходимые условия. Вопрос был предрешен, но встреча не состоялась. И главная причина – в краткости моего пребывания в Англии.

Уже в середине дня 10 сентября мы с полковником Пугачевым взлетали с Хендонского аэродрома в Лондоне для перелета в Северную Шотландию, чтобы оттуда продолжить полет на гидросамолете в Архангельск. После трехчасового полета сделали благополучную посадку на аэродроме в семи километрах от Инвергордона. Перелет был непродолжительным, но утомительным из-за сильной болтанки, особенно над Шотландскими горами.

На аэродроме нас встречали начальник военно-морской базы капитан 1-го ранга Волкот, на вид ему было более 60 лет, морской офицер Криппс, в возрасте 58 лет (брат английского посла в Советском Союзе С. Криппса), причем Криппс прилично говорил по-русски. Среди встречавших были также начальник станции ВВС групп-кэптен Генфельд и офицер его штаба Вулсон в возрасте 53 лет. Таким образом, все они были старше меня лет на 12–20.

Сразу же продолжить дальнейший путь на Родину нам не удалось: летающей лодки на месте не оказалось, она не прибыла из Ирландии. К тому же была плохая погода, особенно к северу. Снова пришлось ждать.

Оставшееся светлое время суток использовали для поездки по дороге вдоль залива Дорнох. По пути сделали три интересных и в то же время различных по своему характеру заезда.

Вначале мы завернули в дорожную гостиницу «Балгау Армс Ардгай» в местности (уезде) Росс. Основой существования этой небольшой гостиницы в обычное время, похоже, являлись

туристы и охотники. Такое впечатление сложилось потому, что коридоры и лестницы двухэтажного домика, в котором она расположена, были украшены многочисленными охотничьими трофеями и доспехами. Особенно интересны головы черных оленей-красавцев. Понравилась нам и коллекция старинной медной посуды.

Сопровождавший нас майор Криппс оказался здесь старым знакомым. Он принес с кухни, чтобы показать нам, двух граусов, на которых здесь охотятся: что-то среднее между нашим тетеревом и рябчиком. Хозяин гостиницы, узнав, что имеет дело, да еще впервые в жизни, с русским генералом, сердечно приветствовал нас и пожелал Советской России победы в войне с фашистскими захватчиками. Он настоял, чтобы мы взяли с собой птиц, и наотрез отказался от денег.

Второй заезд – в маленький крестьянский домик на берегу залива Дорнох. Криппс вначале пошел спросить разрешения хозяев зайти к ним. Хозяева никак не хотели ему верить: откуда здесь мог взяться советский генерал?

Нас встретила хозяйка, женщина лет 50, полная и лицом и фигурой, радушная, обращением похожая на нашу русскую женщину-труженицу. Ее супруг тоже был очень радушен, и мы с ним быстро перешли на простое, дружеское обращение. Хозяин рассказал нам, что воевал солдатом против немцев в 1914–1918 годах и был боевым союзником России.

Применяя нашу терминологию, хозяина домика можно было посчитать маломощным середняком. Перед нами был человек с огрубевшими мозолистыми руками, обветренным и задубевшим лицом. В момент, когда мы вошли, он занимался во дворе уборкой овса, а также готовил торф на зиму для топки. Во дворе не увидели ни одной крытой постройки.

С ними живет дочь лет 15. У гостеприимных хозяев мы пробыли минут 15–20; расстались исключительно тепло. В Англии это у меня была лучшая из встреч.

На следующий день мы вновь проезжали по дороге мимо этого крестьянского домика. К нашему удовольствию, в тот момент, когда машина поравнялась с домиком, в окнах показались хозяин, хозяйка и их дочка. Они узнали нас и приветственно помахали нам.

По предложению Криппса мы заехали в замок контессы Кромарти. Муж хозяйки замка – полковник в отставке Макензи Бланд – был знаком Криппсу. Криппс попросил показать нам замок и получил на это согласие.

Полковник Макензи Бланд имел за плечами 82 года. Прошло уже 40 лет, как он вышел в отставку. Его супруге – контессе – было 52 года. Он женился на ней 30 лет тому назад, получив в приданое огромные земельные угодья.

Именем «Кромарти» в Шотландии назывался целый район, вероятно соответствующий нашему понятию района. Как мы узнали, Кромарти – старинная аристократическая фамилия с многочисленными предками, оставившими след в британской истории. Когда мы вошли в замок, нам бросилось в глаза, что стены увешены портретами Кромарти разных поколений.

Сам Макензи, несмотря на преклонный возраст, выглядел бодрым, держался прямо, довольно свободно поднимался вверх по лестницам. Отлично слышал, все толково пояснял и сожалел, что не знает русского языка, так как «хотел бы поговорить лично» со мной.

Полковник представил нам свою дочь лет 26–28. Он хотел представить и супругу-графиню, даже послал за ней на ее этаж. Мы ждали контессу минут пять, однако она так и не явилась под предлогом того, что была «не одета». Это весьма огорчило старого полковника и позабавило нас.

Замок расположен в огромном парке, в котором росло много больших и красивых деревьев. Из парка открывался обширный вид на залив, горы и поля. Однако на самом замке-дворце и на всем его окружающем лежала печать ветхости, запустения, захламленности. На каждом шагу было заметно, что прежней жизни в замке уже нет, а нынешней – все это не соответствует. К тому же не чувствовалось в замке семьи. Кстати, сын полковника, офицер английской армии, в это время находился в плену у немцев.

Хозяин замка оставлял нас, чтобы угостить вином, но я отказался. Уезжали мы с неприятным осадком. Уж очень разительным был контраст между этим визитом и оставшейся навсегда в памяти вчерашней теплой встречей.

Вечер 10 сентября ушел на обед и беседы с местным военным начальством. Мы говорили о ходе военных действий, причем с нашей стороны была отмечена пассивность вооруженных сил Англии в борьбе с гитлеровской Германией. Затрагивались вопросы об английских военных академиях и о службе женщин в английской армии. Обсуждали наш предстоящий полет в Архангельск.

Решили было лететь на следующий день, в 16 часов по местному времени, однако Вулсон сказал: «Я тоже привык к скорейшему выполнению своих задач, но нужно помнить, что нельзя воевать против грозы». За обедом были провозглашены тосты за победу над гитлеровской Германией, за И. В. Сталина и английского короля.

На следующий день нам показали военно-морскую школу летчиков и радистов. Мы видели неплохие тренажеры, позволявшие проводить обучение в обстановке, близкой к действительности, а также просмотрели два учебных кинофильма.

После этого посетили нефтебазу, которая представляла собой комплекс примерно из 60 резервуаров емкостью по 9–12 тысяч тонн. Резервуары были обшиты кирпичом и разделены между собой земляными валами, каждый обеспечен четырьмя пеногонами²¹⁵. На нефтебазе имелись запасные открытые вместилища и трубопроводы на случай разрушений и аварий. Базу охранял военный караул во главе с капитаном.

Потом нас привезли в очень хороший тир авиационной станции, где удалось пострелять из малокалиберной винтовки. Стреляли при искусственном освещении на дистанцию 25 ярдов. Оба мы – полковник Пугачев и я – не ударили в грязь лицом. Сначала я из 100 возможных выбил 86, а затем 88 очков, Пугачев – 84 очка. Англичане удивились такой меткой стрельбе, наговорили нам кучу похвал, а один из них заметил: «Если бы английские солдаты стреляли так же хорошо, как стреляете вы, генерал, то война была бы уже окончена».

Оставшееся время посвятили поездке в район залива Дорнох, а затем посмотрели концерт, организованный для частей местного гарнизона. Программа дня была исчерпана, и мы собрались лететь.

Но в этот день полет не состоялся из-за крайне неблагоприятной погоды. На всем основном маршруте был сильный встречный ветер, мелкий дождь и обледенение. Министерство авиации Англии не разрешило вылет самолета – его перенесли на 14 часов 12 сентября.

Наконец, в середине дня 12 сентября вылетели из Инвергордона и взяли курс на Архангельск. Погода стояла отличная. В иллюминаторе открывался красивый вид на океан. Видели морские транспорты и сопровождавший их конвой из военных кораблей. Кучевые облака своими очертаниями напоминали силуэты кораблей. Утром следующего дня были уже в горле Белого моря. В 11 часов 15 минут по московскому времени отлично сели в Ягоднике. Нас встречали комбриг Д. Григорьев и полковник М. Хлопов.

После завтрака и кратковременного отдыха на самолете «Дуглас» вылетели в Москву. По пути пересекли Рыбинское море. Оно было таким большим, что даже на самолете его пришлось преодолевать в течение 30 минут.

Здесь погода для перелета снова была неблагоприятной: очень низкая облачность, почти по всему маршруту летели на высоте ниже ста метров. Под вечер совершили посадку в Москве – на Центральном аэродроме. Из-за какой-то несогласованности на аэродроме никого не оказалось. В это время все встречавшие нас находились на другом аэродроме – за Москвой.

На этом и закончилась моя работа в качестве главы советской военной миссии в Англию и Соединенные Штаты Америки в памятные дни лета 1941 года.

²¹⁵ Имеются в виду огнетушители. (Примеч. сост.)

Московская конференция трех держав

Долго затягивали правительства Англии и США с началом предложенной ими же конференции по ленд-лизу. И затягивали не случайно. Они наблюдали со стороны за ходом гигантской битвы между гитлеровскими и советскими вооруженными силами. Наблюдали и выжидали результатов.

Однако результаты боевых операций и за август, и за сентябрь оказались не в пользу наших врагов. В большом Смоленском сражении немецких захватчиков постигла очень серьезная неудача. Москва оставалась недосыгаемой. Советское правительство и не собиралось из нее выезжать.

Только 15 сентября делегация США двинулась в Англию, и в тот же день все прибыли в Лондон. Ее возглавлял А. Гарриман – специальный представитель Рузвельта в Лондоне по осуществлению помощи Англии на основе закона о передаче взаймы или в аренду вооружения.

Английскую делегацию возглавил лорд Бивербрук.

Советская делегация на совещании СССР, США и Великобритании в Москве была назначена 18 сентября. Ее возглавил заместитель председателя Государственного Комитета Обороны и заместитель председателя СНК СССР, народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, а членами делегации были: Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, В. А. Малышев, адмирал Н. Г. Кузнецов, А. И. Шахурин, генерал-полковник артиллерии Н. Д. Яковлев, М. М. Литвинов и генерал-лейтенант Ф. И. Голиков.

Английская и американская делегации прибыли в Москву 28 сентября.

В тот же день у И. В. Сталина состоялся прием лорда Бивербрука и господина Гарримана. 29 сентября И. В. Сталин имел с ними вторую беседу.

1 октября в честь английской и американской делегаций был дан обед.

2 октября в «Правде» было опубликовано Коммюнике об окончании работ конференции. Оно было немногословным. В нем говорилось нижеследующее.

Конференция состоялась на основании совместного послания президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля на имя председателя Совета народных комиссаров СССР Сталина и в соответствии с выраженным ими согласием и имела своей целью, как говорится в означенном послании, решить вопрос, «как наилучшим образом помочь Советскому Союзу в том великолепном отпоре, который он оказывает фашистскому нападению», а также вопросы «о распределении общих ресурсов» и «о наилучшем использовании этих ресурсов в целях оказания наибольшей услуги их общим усилиям».

Делегации трех держав во главе с лордом Бивербруком, с господином Гарриманом и В. М. Молотовым проводили свою работу в атмосфере полного взаимного понимания, доверия и благожелательства. Они были воодушевлены важностью стоявшей перед ними задачи оказания поддержки героической борьбе народов Советского Союза против разбойничьей гитлеровской Германии, от успеха борьбы с которой зависит дело возвращения свободы и независимости народам, покоренным фашистскими ордами. Они были воодушевлены возвышенностью дела избавления других народов от нацистской угрозы порабощения.

Конференция, в работах которой принял активное участие И. В. Сталин, успешно провела свою работу, вынесла важные решения в соответствии с поставленными перед нею целями и продемонстрировала полное единодушие и наличие тесного сотрудничества трех великих держав в их общих усилиях по достижению победы над заклятым врагом всех свободолюбивых народов.

Таким образом, конференция работала трое суток²¹⁶. Как участник, должен заметить, что первое время в ходе ее работы чувствовалась определенная напряженность и взаимопонимание достигалось нелегко. Английские и американские делегаты словно чего-то выжидали, очень медленно шли на предложения советской стороны, всячески старались их урезать, видоизменить, оттянуть сроки поставок. Холодность отношений, если не сказать слова «отчужденность», может быть, больше всего чувствовалась между военными. Но шаг за шагом дело улучшалось, контакт налаживался, и дело завершилось успехом.

Итак, Московская конференция обсудила вопрос о расширении американских и английских поставок вооружения, промышленного оборудования и продовольствия Советскому Союзу и о встречных советских поставках сырья и товаров для США и Англии. Было достигнуто соглашение об американских и английских поставках Советскому Союзу на период с 1 октября 1941 года по 30 июня 1942 года. Подписанный в Москве протокол предусматривал, что США и Англия будут ежемесячно поставлять СССР по 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, алюминий и другие материалы, что составляло лишь незначительную часть потребностей Советского Союза. В свою очередь СССР, несмотря на напряженное военное и экономическое положение, обязался поставлять Англии и США крупные партии сырья, необходимого для военного производства. Тем самым предусматривалось, что помощь будет не односторонней, а двусторонней. В речи на заключительном заседании Гарриман говорил: «Лорд Бивербрук и я от имени наших правительств подтверждаем получение от советского правительства крупных поставок русских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах»²¹⁷.

Однако достигнутое на Московской конференции соглашение содержало ряд недостатков. Во-первых, как писал И. В. Сталин У. Черчиллю 3 октября 1941 года, потребности военного снабжения СССР не исчерпывались «согласованными на конференции решениями, не говоря уже о том, что ряд вопросов отложен до окончательного рассмотрения и решения в Лондоне и Вашингтоне...»²¹⁸, во-вторых, оно охватывало небольшой период времени, что затрудняло перспективное планирование военных операций советским командованием. Тем не менее эта конференция, приняв ряд согласованных решений, сыграла положительную роль в объединении усилий союзных держав. Она показала несостоятельность расчетов гитлеровцев на международную изоляцию СССР. В противовес разбойничьему фашистскому союзу складывался могущественный фронт свободолюбивых народов, объединявшихся в борьбе против фашизма. Во главе этих сил стоял великий Советский Союз, принеший освобождение народам Европы и Азии от фашистского рабства.

Второй фронт – где же он?

После окончания Московской конференции представителей Англии, США и СССР по вопросу согласованных поставок вооружения и стратегических материалов для Советского Союза я мог заняться своими делами и стал добиваться назначения в действующую армию.

Тем временем фронт приблизился к Москве.

Примерно в середине октября я решил съездить на командный пункт командующего Западным фронтом. Всего лишь через три часа езды прибыл на место. Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков, к которому я приехал, работал в состоянии крайнего напряжения.

²¹⁶ С 29 сентября по 1 октября 1941 г. (Примеч. сост.)

²¹⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3 т. М., 1946. Т. 1. С. 175.

²¹⁸ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 27.

Он был чрезвычайно занят неотложными делами. Его решений и указаний прямо в кабинете ожидали многие: и работники штаба, и войсковые командиры. Телефонные звонки из войск, из Москвы, особенно из Генерального штаба, Наркомата обороны и Ставки раздавались непрерывно – здесь находился центр самого ответственного участка борьбы.

Было очевидным, насколько сложен и велик темп работы командующего фронтом, а вместе с тем – как велик ее размах, степень ответственности, накал событий и серьезность обстановки. Однако командующий работал неумолимо. Он не скрывал всей трудности положения на фронте, своей большой озабоченности в развитии событий.

В личных и телефонных разговорах он был предельно строг, крут и повелителен, не стеснялся остроты выражений и высоких нот, и это, думается, было понятно в той кризисной обстановке под Москвой.

Наш разговор с Г. К. Жуковым был недолгим, вероятно с полчаса. Касался он в основном двух вопросов. Первый был связан с моим возвращением из США и Англии. Жукова, естественно, интересовало: «Ну, как там дела? Что они?» Я не мог ответить на эти вопросы что-либо утешительное и ободряющее. Сжато осветил положение и сделал вывод, что ждать от союзников значительной помощи в ближайшее время не придется ни в поставках, ни в проведении военных операций на Западе. Все надежды надо возлагать только на себя, однако не забывая, что сам ход гигантской борьбы, кровные интересы англичан и американцев всей логикой событий должны будут привести их к необходимости оказать в той или иной форме серьезную помощь нашему, как они выражались, «великолепному сопротивлению».

Второй вопрос касался сил противника на западном стратегическом направлении советско-германского фронта и, в частности, нацеленных на Москву.

В группе армий «Центр» гитлеровцев было сосредоточено три полевые армии (9, 4 и 2-я) и три танковые группы (3, 4 и 2-я) – всего около 75 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных (что составило 64 % всех немецких подвижных соединений, действовавших на советско-германском фронте). На 1 октября в этих войсках насчитывалось до 1800 тысяч человек, свыше 14 тысяч орудий и минометов, 1700 танков. Для поддержки наступления на Москву выделялось около 1390 самолетов.

Группе армий «Центр» противостояли армии Западного (в состав которого 10 октября вошел Резервный фронт) и Брянского фронтов, в составе которых находилось 95 соединений²¹⁹, многие из которых были укомплектованы не полностью, а некоторые не обладали необходимым боевым опытом и выучкой. Всего в составе двух советских фронтов насчитывалось около 1250 тысяч человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков, до 680 самолетов. Таким образом, численный перевес был на стороне противника, превосходившего советские войска в людях в 1,4 раза, артиллерии – в 1,8, танках – в 1,7 и самолетах – в 2 раза. На направлениях действий ударных группировок врага это превосходство оказывалось еще более значительным. Серьезное преимущество противнику давали крупные соединения бронетанковых войск, в то время как советские армии имели лишь отдельные слабо укомплектованные (в основном легкими танками) танковые бригады и батальоны. Лишь 20 % советских самолетов были новых типов. Господство противника в воздухе существенно затрудняло действия наших войск.

Затем я побывал у начальника штаба фронта В. Д. Соколовского и начальника разведотдела полковника Т. Ф. Корнеева.

После этой поездки моя тяга на фронт стала просто непреодолимой. Вскоре желания и надежды осуществились. 21 октября меня вызвали в Ставку. Причину вызова, как обычно, не указали. Сразу по прибытии, кажется в 12 часов, меня принял Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. С ним находился начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников. Поздоро-

²¹⁹ К началу Московской битвы в ставе трех советских фронтов имелось 106 дивизий (в том числе 11 авиационных) и 17 бригад (в том числе 13 танковых). (Примеч. сост.)

вались. С минуту Сталин молчал, расхаживая по кабинету. Потом подошел вплотную и медленно, очень серьезно и негромко сказал:

– Мы знаем, что вы стремитесь на фронт. Это верно?

– Да, это так, товарищ Сталин.

– У нас есть намерение назначить вас командующим армией. Как вы на это смотрите?

– Только хорошо. Полностью согласен. Спасибо за доверие.

– Тогда вопрос ясен. Считайте его решенным. С дальнейшими вопросами обратитесь к товарищу Шапошникову.

– Слушаюсь!

– Всего хорошего.

– До свидания.

Так я был назначен командующим 10-й резервной армией. Пока не было ни штаба, ни полевого управления армии – их надо было создавать. Девять дивизий (все резервные), включенные в состав армии²²⁰, двигались в район Пензы из разных городов Московского, Орловского, Сибирского и Туркестанского военных округов. Состояние их было самое различное.

И вот начался сложный период формирования армии.

По моей просьбе Ставка срочно назначила из состава работников Генштаба заместителем командующего армией генерал-майора К. С. Колганова, начальником штаба генерал-майора Н. С. Дронова, начальником разведотдела майора А. Г. Колесова. 23 октября прибыли член военного совета корпусной комиссар Т. Л. Николаев и начальник политотдела полковой комиссар И. М. Пономарев.

Мы выехали из Москвы специальным поездом. Наш состав шел быстро. Вблизи Москвы железнодорожные станции и узлы были плотно забиты составами с эвакуируемым населением, заводским оборудованием, зерном и сельскохозяйственными машинами. Все чаще глаз замечал вооруженные рабочие патрули у городов, элеваторов и железнодорожных депо, на мостах и виадуках. Всюду стояли наблюдатели за воздухом – женщины и школьники.

Кузнецк Пензенской области, где должна была формироваться наша армия, в ту пору был небольшим, малоизвестным городком. Горком партии, горисполком, жители Кузнецка встретили нас радушно. Сразу же в армию на командную и политическую работу была послана большая группа коммунистов из городского партийного актива: 118 патриотов из Кузнецкого района добровольно вступили в ее ряды.

Все местные организации и трудящиеся городов Кузнецка, Пензы, Саранска, Сызрани, Рузаевки, Инзы, Петровска, Сердобска старались помочь 10-й армии всем, чем могли: и в размещении, и в налаживании выпуска листовок и армейской газеты, и в культурном обслуживании воинов. И впоследствии, в ходе боевых действий, трудящиеся районов формирования наших соединений поддерживали с ними постоянную связь.

Первоначально предполагалось, что на формирование армии и боевую подготовку войск, возможно, будет отведено два-три месяца. Однако развитие событий на фронте показало, что рассчитывать надо на более короткий срок. Немецко-фашистские войска продолжали продвигаться в глубь советской территории. В самом центре фронта развертывалось ожесточенное сражение на дальних подступах к Москве. Постановлением Государственного Комитета Обороны с 20 октября в столице было объявлено осадное положение. Время не ждало.

Чтобы лучше приучить людей к походно-боевым условиям, все прибывшие части расквартировывались в лесу. Бойцы отрывали землянки. В местах размещения соединений были подобраны учебные поля, созданы штурмовые городки и стрельбища. Войска приступили к боевой и политической подготовке.

²²⁰ В состав 10-й армии (3 го формирования) были включены семь стрелковых дивизий (322-я, 323-я, 324-я, 325-я, 326-я, 328-я и 330-я) и две кавалерийские дивизии (57-я и 75-я). (Примеч. сост.)

В ноябре войска армии инспектировал К. Е. Ворошилов. Он присутствовал на учении 322-й стрелковой дивизии, проведенном мною в районе Кузнецка.

– Как можно больше внимания уделяйте преодолению танкобоязни, – советовал Ворошилов, – приучайте солдат пользоваться против фашистских танков всем, чем только будет можно.

Боевая подготовка и закалка, которые мы стремились дать нашим воинам, имела положительное значение. Основным содержанием политико-воспитательной работы с личным составом являлось – крепить и множить ряды смелых, стойких, отлично владеющих оружием воинов, готовых отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села. Очень оживленно проходили политзанятия. Бойцов интересовало все: и какими людскими ресурсами располагает Германия, и скоро ли откроют второй фронт в Европе? При этом никто из них ничуть не сомневался в разгроме гитлеризма. Для большинства это являлось само собой разумеющимся, хотя страна переживала тогда наиболее трудное время.

Форсирование создания армии проходило в трудных условиях, отражавших обстановку, в которой находилась наша Родина. Осенью 1941 года, несмотря на принятые партией и правительством меры по увеличению выпуска военной продукции, советские Вооруженные силы продолжали испытывать недостаток в танках, самолетах, артиллерии, автоматическом оружии, боеприпасах. Экономика страны еще не перестроилась на военный лад, проводилась небывалая по размерам эвакуация промышленных предприятий из прифронтовых районов в глубокий тыл. С потерей ряда важнейших в промышленном отношении районов страны ощущалась острая нехватка самого необходимого для быстрого развертывания военного производства. Вот здесь и нужна была бы та помощь вооружением и техникой, о которой говорилось на Московской конференции. Но то были одни обещания. А пока Красная армия испытывала наибольшие за всю войну трудности в оснащении всеми видами вооружения, боеприпасами, средствами транспорта и связи. Из назначенных в армию девяти рот связи за весь ноябрь мы не получили ни одной. Три стрелковые и две кавалерийские дивизии не имели вовсе радиостанций...

Для чего обо всем этом я рассказываю? Для того чтобы показать, в каких трудных для страны условиях шло формирование 10-й армии.

Днем 24 ноября мне позвонил Б. М. Шапошников:

– Время пребывания вашей армии в Кузнецке считайте законченным. Будьте готовы к началу железнодорожных перевозок.

– Когда начинать движение?

– Вам со штабом уже сегодня. Будьте готовы к действиям на Зарайск и Венев.

Откровенно говоря, я не ожидал, что на формирование и подготовку армии будет дано так мало времени – всего пятнадцать суток. Ведь три стрелковые дивизии еще совершенно не имели боевого вооружения. И так же, по существу, обстояло дело с вооружением обеих кавалерийских дивизий. Недоставало его и в остальных дивизиях.

Сердечно провожали на фронт войска местные организации и население. На станции и в гарнизоны приходили десятки тысяч людей с плакатами, знаменами, с музыкой. Горячие речи на митингах. Теплые напутствия у эшелонов.

В первые трое суток план железнодорожных перевозок армии полностью не выполнялся. Вместо 76 эшелонов было погружено только 24: нет подвижного состава. В последующие дни дело стало налаживаться.

26 ноября мы с оперативной группой полевого управления прибыли под Рязань. Город был охвачен подготовкой к борьбе с врагом. На улицах находилось множество людей. Они возводили баррикады, рыли окопы, оборудовали пулеметные гнезда. Обстановка была крайне тревожной, опасной. Войска Гудериана (2-я танковая армия немцев) нанесли удар в обход Тулы, перерезав дороги на Москву, одновременно развивая наступление в направлении Каширы,

Зарайска, Рязани и Ряжска. 24 ноября немцы захватили Венев, Елифань и подошли к Кашире. Из одиннадцати железных дорог, ведущих из Москвы, противник перехватил уже семь. Удержание железных дорог от Москвы на Рязань и далее на юг и юго-восток было исключительно важным.

Чтобы Гудериан не смог выйти на Москву с юга и юго-востока, не прорвался вглубь страны к Волге, нужно было скорее сосредоточить крупные силы в районах Рязани и Ряжска. Это и были войска 10-й и 61-й резервных армий Ставки. Между тем на стыке Западного и Юго-Западного фронтов зияло пространство более чем в 130 км, не занятое нашими войсками.

Организовав разведку и связавшись с кем только можно, мы установили начертание линии фронта противника и примерное количество немецко-фашистских войск, действующих на рязанском направлении. Однако у нас совершенно отсутствовали данные о силах 2-й танковой армии противника в ее тактической и оперативной глубине, а также не было вполне ясного представления о положении своих соседей.

Особенно острым был вопрос о средствах усиления армии. Так, у нас не имелось танков. Не было и поддерживающей авиации.

Такова была сложная и своеобразная обстановка, в которой армия готовилась принять первый бой. Перед нами враг – умный и смелый военачальник Гудериан, создатель германских бронетанковых войск. Недалеко – столица. Одна мысль в голове и одно желание в сердце – победить, сделать подступы к Москве могилой для гитлеровцев. Наступали решающие дни.

В конце ноября – начале декабря 1941 года общий ход битвы за Москву достиг предельного напряжения. На полях Подмосковья шли грандиозные сражения. Советские воины стояли насмерть и наносили противнику тяжелый урон. Их упорное сопротивление шаг за шагом тормозило натиск врага. Силы группы армий «Центр» истощались. Потери в людях и технике все более сокращали наступательные возможности.

Тем временем Западный фронт получил из резерва Ставки три новые армии (в том числе 10-ю). Кроме того, в район столицы начали подходить еще две резервные армии. Сложилась обстановка, при которой можно и нужно было начинать контрнаступление под Москвой.

Замысел контрнаступления состоял в том, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западными фронтами разгромить ударные группировки противника, стремившиеся охватить Москву, и отбросить их от столицы. Видную роль в этом контрнаступлении предстояло сыграть 10-й армии.

Получив указание лично доложить командующему фронтом о готовности армии к наступлению, я прибыл в Перхушково на КП генерала армии Г. К. Жукова. Командующий принял меня немедленно.

Около двух часов продолжалась деловая беседа. Генерал Жуков держался просто, без натянутости, уверенно. Он казался спокойным, хотя иногда был порывист и непоседлив. Говорил твердо и был немногословен. Несмотря на сложность положения на фронте, Жукова мало кто отрывал телефоном или визитом. Человеку незнающему, наблюдающему со стороны даже могло показаться, как спокойно, размеренно, легко и просто протекает жизнь на этом КП.

Жуков подробно интересовался состоянием 10-й армии. Я просил его по возможности лучше обеспечить армию связью, транспортом, медицинским обслуживанием и особенно усилить танками, боевой авиацией и артиллерией.

Положение на фронте было трудным, и командующий твердо обещал удовлетворить лишь незначительную долю нужд армии. Г. К. Жуков отметил, что в предстоящем контрнаступлении 10-я армия будет действовать на левом крыле Западного фронта, и предупредил, что ей предстоит столкнуться с войсками из состава 2-й танковой армии Гудериана. Армия должна наносить главный удар на Михайлов, Сталиногорск (ныне Новомосковск). При этом командующий добавил, что активные действия необходимы в направлении Зарайск, Венев. Переход в контрнаступление назначен на 6 декабря, но, возможно, начнется на сутки раньше.

Времени для подготовки явно не хватало. Собственно, его не было вообще, ведь через трое суток армия уже должна была перейти в наступление, а большинство дивизий еще не прибыло – задерживала железная дорога.

К началу контрнаступления на западном направлении при общем равенстве сторон в людях противник все еще превосходил нас в артиллерии (1,6:1) и в танках (1,4:1). Все же советское командование вводом резервов сумело создать на направлениях главных ударов полуторное превосходство в личном составе, по артиллерии и танкам некоторое превосходство продолжало оставаться на стороне противника.

В 10-й армии имелась возможность создать лишь незначительные плотности: 9-10 орудий и минометов на 1 км фронта. Армии до штата не хватало 25 % орудий и 75 % полковых минометов. По стрелково-пулеметному вооружению нам не доставало 8 тысяч винтовок, 3500 автоматов и 1300 пулеметов.

И все же армия наступала, и довольно успешно. В ночь на 7 декабря был взят город Михайлов. 10-я моторизованная дивизия немцев понесла при этом тяжелый урон – до 500 человек убитыми. Под непосредственным впечатлением событий Гудериан отправил 8 декабря письмо в Германию, в котором, в частности, говорилось: «Русские продолжают сильно нажимать, и можно ожидать еще множества всяких неприятных инцидентов»²²¹.

12 декабря войска армии форсировали реку Дон и выбили противника из Сталиногорска²²². При этом гитлеровцы потеряли до 800 человек убитыми и ранеными и много техники. А на следующий день была освобождена Епифань. И так продолжалось до выхода войск армии к концу декабря на рубеж железной дороги Вязьма – Брянск на глубину около 400 км. В ходе боев у врага было захвачено 57 танков, 31 самолет, до 500 орудий и минометов, 2500 автомашин и тракторов, большое количество стрелково-пулеметного вооружения и боеприпасов.

Обо всем этом мною подробно было написано в книге «В Московской битве», вышедшей в 1967 году²²³. Здесь же я хотел только подчеркнуть, что, несмотря на первоначальные неудачи, вызванные внезапным нападением агрессора, Красная армия в ожесточенных сражениях один на один с вермахтом одержала в Московской битве победу огромного исторического значения. Окончательно был похоронен гитлеровский план «блицкрига»; перед всем миром была развенчана фальшивая легенда о «непобедимости» гитлеровской Германии.

Таким образом, Советский Союз в первые, самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны, а затем и в период перехода Красной армии в наступление сражался, не получая существенной помощи со стороны своих союзников по антигитлеровской коалиции.

Англия в 1941 году так и не открыла второго фронта в Западной Европе. У. Черчилль продолжал придерживаться оборонительной стратегии, которой он следовал в течение минувшего года и которая сводилась к накоплению сил и оружия в настоящем и к откладыванию «большого наступления» до 1942 года, когда с помощью США Англия приобретет господство в воздухе над Германией и значительно повысит обеспеченность вооружением своей армии. Черчилль, видимо, до сих пор не был уверен, устоит ли в конечном счете Красная армия перед вермахтом.

Точку зрения премьер-министра относительно второго фронта в Европе разделяли и английские начальники штабов, придерживавшиеся мнения, что английская стратегия предусматривает ослабление Германии с помощью воздушных, морских и экономических действий и укрепления положения Великобритании на Ближнем Востоке. Такая стратегия, по их утверждению, косвенно оказывает очень большую помощь России; прямая поддержка – это другой

²²¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 249.

²²² Сталиногорск был освобожден 11 декабря 1941 г. частями 2-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием полковника Н. С. Осликовского. (Примеч. сост.)

²²³ Имеются в виду мемуары Ф. И. Голикова «В Московской битве (Записки командарма)» (М.: Наука, 1967), изданные в серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». (Примеч. сост.)

вопрос. С военной точки зрения, по мнению англичан, ничто, кроме того, что уже делается, не может оказать влияния на операции основных русских армий²²⁴.

Английское руководство считало, что «всякая попытка вторжения во Францию неизбежно должна окончиться быстрой неудачей» и, не принеся никакой пользы Советскому Союзу, в то же время может «нанести тяжелый удар военному престижу и моральному состоянию Англии». В беседе с советским послом 4 сентября 1941 года Черчилль заявил: «До зимы мы не сможем оказать вам никакой серьезной помощи: ни путем устройства второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия. Все, что мы можем сейчас дать, это лишь капля в море»²²⁵.

Английское правительство не только считало невозможным открытие второго фронта в 1941 году, но и ставило под сомнение возможность его создания в следующем, 1942 году. «Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на Европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть», – писал в сентябре 1941 года Черчилль И. В. Сталину²²⁶.

Получив отказ английского правительства относительно открытия второго фронта в Европе, советское правительство больше не настаивало на решении этого вопроса в последующие, тяжелые для Советской страны осенние месяцы 1941 года. Оно не поднимало его ни во время конференции трех держав (СССР, Англии и США) в конце сентября – начале октября 1941 года, ни во время визита английского министра иностранных дел Э. Идена в СССР в середине декабря 1941 года.

Советские предложения об открытии второго фронта в Европе в 1941 году правительства западных держав, а позднее и многие буржуазные исследователи пытались расценивать как необоснованные и нереальные. Однако это не так, что признается и рядом видных западных специалистов. Например, американский публицист Р. Шервуд, тесно сотрудничавший во время войны с Ф. Рузвельтом и Г. Гопкинсом, пишет в своей книге о мнении лорда Бивербрука в пользу открытия второго фронта в 1941 году, которое он изложил английскому военному кабинету после возвращения с Московской конференции. Бивербрук утверждал, что Англия может помочь Советскому Союзу, если она пожертвует своими долгосрочными проектами и общей военной концепцией²²⁷. Мнение Бивербрука представляет бесспорный интерес, так как, будучи членом военного кабинета, занимая пост министра снабжения, он в достаточной степени мог оценить военную обстановку и возможности Великобритании. Следует иметь в виду, что в 1941 году речь шла о проведении на Европейском континенте операций ограниченных масштабов против Германии. Эти операции были возможны и явились бы реальной помощью СССР.

Таким образом, в вопросе второго фронта в Европе в 1941 году нашли отражение две противоположные политические концепции ведения войны, которые в полной мере проявились позднее.

С одной стороны, Советский Союз с самого начала выступал за эффективное использование всех сил, способных нанести как можно скорее сокрушительные удары по общему врагу – гитлеровской Германии, и видел во втором фронте средство улучшить военное положение всех участников антигитлеровской коалиции.

С другой стороны, правительства Англии и США, намереваясь сберечь свои силы и переложить основное бремя войны на СССР, всячески оттягивали введение в действие главных людских и материальных ресурсов на западе Европы. Помощь, которую они начали оказывать

²²⁴ См.: Woodward Z. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1971. Vol. 2. P. 15.

²²⁵ АВР СССР.

²²⁶ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 21.

²²⁷ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 612.

Советскому Союзу с осени 1941 года, была незначительна и далеко не соответствовала огромному вкладу советского народа в войну против общего врага. Руководствуясь планами достижения господствующего положения в мире после войны, английские и американские правящие круги стремились ослабить в конечном счете как своих империалистических соперников и конкурентов – Германию, Италию и Японию, так и своего союзника в борьбе с фашизмом – Советское социалистическое государство.

После разгрома немцев под Москвой и срыва гитлеровских планов «блицкрига» Советский Союз по-прежнему был заинтересован в открытии западными союзниками второго фронта. Высадка союзных войск на Европейском континенте и проведение совместных действий против фашистской Германии закрепили бы победу, одержанную Красной армией зимой 1941 года, помогли бы добиться уже в 1942 году перелома в войне и не позволили бы немецкому командованию подготовиться к новому наступлению на советско-германском фронте.

Однако в отличие от советского правительства, как об этом свидетельствует решение Вашингтонской конференции (декабрь 1941 – январь 1942)²²⁸, правительства Англии и США считали, что решающим годом в войне против Германии должен стать не 1942 год, а 1943-й, и вести серьезные боевые действия против гитлеровской Германии они не собирались. Таким образом, в ожесточенной борьбе против основных сил фашистской Германии Советский Союз, как и прежде, вынужден был полагаться только на собственные силы.

Между тем союзники имели реальные возможности в отношении вторжения в Западную Европу весной 1942 года. В это время в США находилась почти полуторамиллионная армия. Кроме этого, в Великобритании также имелась двухмиллионная армия. Таким образом, союзники могли бы высадить хотя бы полмиллиона в Голландии, Бельгии, Франции или в Норвегии. Транспортные средства за два с половиной месяца при желании можно было бы подготовить. Если имелись средства для переброски войск на Ближний Восток, на север Ирландии и в Мурманск, как Рузвельт предлагал, то почему бы не использовать эти средства для более серьезной цели?

После разгрома гитлеровских войск под Москвой борьба общественности Англии за оказание максимальной помощи Советскому Союзу и открытие второго фронта усилилась, она начала принимать массовый характер, объединять широкие слои населения. За решительные военные действия против Германии выступали и некоторые государственные и политические деятели Великобритании.

Настроения в пользу открытия второго фронта были настолько сильны и популярны в Англии, что Черчилль вынужден был в речи по радио 10 мая 1942 года «приветствовать воинствующий, наступательный дух английской нации...» Но, «приветствуя» этот дух, Черчилль по-прежнему вел линию на затяжку открытия второго фронта.

Не менее активными были выступления за скорейшее создание второго фронта и в США. Во главе этого движения стояла коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки. В поддержку вторжения в Европу выступила и значительная часть американской печати.

В таких условиях правительствам Англии и США становилось все труднее лавировать и уходить от прямого ответа на вопрос об открытии второго фронта. Но дальше деклараций дело тогда существенно так и не продвинулось.

Вопрос об открытии второго фронта стал пробным камнем искренности и действительной готовности западных союзников оказать эффективную помощь Советскому Союзу в его борьбе с фашистским блоком. Испытывая одновременно давление как со стороны СССР, так и широкой демократической общественности в собственных странах, правительства западных

²²⁸ Здесь имеется в виду 1-я Вашингтонская конференция (кодовое наименование «Аркадия») – американо-британские переговоры на высшем уровне по вопросам ведения войны против стран Оси, состоявшиеся в столице США с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. (Примеч. сост.)

держав неоднократно давали обещания советскому правительству организовать высадку союзных войск в Западной Европе и в 1942 году, и в 1943 году, однако на деле затягивали открытие второго фронта, который мог бы явиться существенной помощью Советскому Союзу в наиболее критические периоды войны и, несомненно, намного ускорил бы ее окончание.

Буржуазные историки пытаются оправдать политику западных держав и всячески затушевать действительные политические причины затягивания открытия второго фронта. Основная версия состоит в том, что западные союзники в 1941–1943 годах не располагали-де необходимым количеством вооруженных сил и транспортных средств для успешного вторжения в Западную Европу через Ла-Манш. Американские историки, особенно в последние годы, выступают также с утверждениями, что США якобы прилагали все усилия к своевременному открытию второго фронта, но этому препятствовали английский премьер-министр У. Черчилль и его военное окружение.

Советские историки в многочисленных фундаментальных трудах раскрыли действительные трудности и препятствия, которые создавались правящими кругами Англии и США в решении этой проблемы, и показали, что общая военно-политическая обстановка, и в первую очередь сосредоточение основных сил фашистской Германии на советско-германском фронте, состояние военно-экономической базы и вооруженных сил США и Англии создавали реальные возможности для открытия второго фронта значительно раньше, чем это произошло в действительности.

Вторая мировая война продолжалась шесть лет. Вооруженная борьба за это время велась на различных театрах военных действий. С июня 1941 года главным фронтом войны в Европе становится советско-германский фронт. Таковым оставался он на всем ее протяжении вплоть до 9 мая 1945 года – Дня Победы. Почти четыре года на советско-германском фронте велись ожесточенные сражения, в ходе которых Красная армия разгромила основные силы фашистского агрессора, отстояла честь и свободу Советского государства, спасла народы мира от угрозы фашистского порабощения.

Был и второй фронт, открытый в июне 1944 года высадкой войск союзников на северо-западе Франции. По своей роли он стал действительно вторым, ибо был открыт через три года после нападения гитлеровской Германии на СССР, после того как Вооруженные силы Советского Союза остановили нашествие агрессора, осуществили коренной перелом во Второй мировой войне и создали условия для окончательного разгрома врага.

Материалы военной разведки

№ 1

Из сводки 5-го Управления Красной армии – «О сосредоточении германских войск на границе с Литвой (Восточная Пруссия)»

15 июля 1940 г.

По данным нашего ВАТ в Литве и РО ЗОВО, на 13 июля в приграничных районах с Литвой отмечена следующая группировка германских войск:

в районе Клайпеды – до двух пехотных дивизий, танковый батальон, на аэродроме – 30–35 самолетов, на рейде – два транспорта, 6 подводных лодок и 4 крейсера;

в Прекуле (20 км юго-восточнее Клайпеды) – до пех[отного] полка (моторизованного);
в Хейдекруге и западнее – свыше пех[отного] полка, до батальона танков и кав[алерийский] эскадрон;

в районе Тильзита – до пехотной дивизии, танковый батальон, на аэродроме 40 самолетов;

в районе ст. Вишвиль (30 км восточнее Тильзита) – в лесах до пехотной дивизии.

Находившиеся ранее в районе Сувалок германские части в период с 7 по 9 июля убыли, взамен их с 10 июля начали прибывать новые пехотные, артиллерийские и мотоциклетные части, которые располагаются в районе Краснополя и Сейны. К 12 июля прибыло уже до пех[отной] дивизии. Нумерация прибывающих частей не установлена.

В г. Мариенвердер установлена дислокация 276-го пп и кав[алерийского] полка, ранее не отмечавшихся.

В район Сейны прибыла с грузом колонна автомашин общей численностью до 1000 штук. Вид груза не установлен.

[...]

Выводы:

Переброска германских войск на территорию бывшей Польши и Восточной Пруссии, и в частности непосредственно в приграничные районы с СССР, продолжается. По состоянию на 13 июля 1940 г. в Восточной Пруссии сосредоточено до 11 дивизий и на территории бывшей Польши – до 26 дивизий.

Начальник 5-го Управления Красной армии
генерал-лейтенант *Ф. Голиков*

РГВА. Ф. 39041. Оп. 6. Д. 3. Л. 60–62. Подлинник.

Опубл.: Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008. С. 441–442.

№ 2

Из сводки 5-го Управления Красной армии – о налетах германской авиации на Англию и прибытии новых германских частей на территорию Восточной Пруссии и бывшей Польши

16 июля 1940 г.

[...]

12 июля в полдень три группы бомбардировщиков Хейнкель-111, численностью по 20–30 самолетов в каждой, совершили нападение на район Абердин. Отдельные самолеты Юнкерс-88 бомбардировали Портсмут.

13 июля в налетах по кораблям участвовало 20 самолетов Дорнье-17 и 6 Юнкерс-87 в сопровождении истребителей.

14 июля в атаках по кораблям принимали участие 40 бомбардировщиков Юнкерс-87, сопровождаемых истребителями Мессершмитт-109.

Ежедневные налеты германских самолетов держат население Южного Уэльса в постоянном напряжении. Особенно серьезные повреждения нанесены району Хартлпуль.

Английская печать сообщает о потере в период с 9 по 14 июля 22 кораблей.

Немцы якобы потеряли за это время 85 самолетов. Эту сравнительно высокую потерю немцев англичане объясняют превосходством вооружения своих истребителей.

Выводы:

Продолжается прибытие новых германских частей в Восточную Пруссию и на территорию бывшей Польши, а также производство оборонительных работ.

Количество дивизий на германо-литовской границе доведено до 10.

Общее же количество германских войск в Восточной Пруссии по состоянию на 15.07 составляет до 13 пех[отных] дивизий, 4 танковых полков и 7 кав[алерийских] полков.

Количество германских войск на территории бывшей Польши доведено до 35 пех[отных] дивизий, из которых 7 пех[отных] дивизий требуют проверки.

Активизация действий германской авиации против Англии, возможно, явилась следствием отказа Англии от мирных переговоров на основе германских условий.

Начальник 5-го Управления Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98. Л. 11–12. Копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 442.

№ 3

Сводка 5-го Управления Красной армии по событиям на Западе – о группировке германских частей в Восточной Пруссии, бывшей Польше и Австрии

№ 86/252104сс²²⁹ 20 июля 1940 г.

Германия

*Количество и группировка германских войск
в В[осточной] Пруссии, на территории б[ывшей] Польши
и в Австрии (на словако-венгерско-югославской границах)
(итоговые данные на 16.07.[19]40)*

1. Группировка германских войск в Восточной Пруссии и быв[шей] Польше на 15.06. [19]40 до начала перебросок войск с Запада:

На территории В[осточной] Пруссии на 15 июня было установлено до 7 пехотных дивизий и 2 кав[алерийских] полка.

Штабы корпусов находились: в Кенигсберг и Инстербург (нумерация не установлена);

Штабы дивизий: 21-й пд в Летцен, 10-й пд в Сувалки и неустановленной нумерации: в Кенигсберг, в Инстербург и в Ортельсбург. В Данциге находился штаб XX ак.

²²⁹ Документ рассекречен 01.11.1989.

На территории б[ывшей] Польши на 15 июня находилось до 20 пехотных дивизий и 4 кав[алерийских] полка.

Крупные штабы установлены были в следующих пунктах:

- штаб восточной группы в Лодзь;
- штабы армий: 1-й – в Варшаве и 4-й – в Краков;
- штабы армейских корпусов: XXI в Познань, III в Лодзь, XXXII в Люблин, VII в Краков и неуставленной нумерации в Варшаве;
- штабы пехотных дивизий: 42-й в Лохув, 182-й и 431-й в Лодзь, 530-й в Неборов, 218-й в Пулавы, 424-й в Холм, 28-й в Краков, 139-й в Новы-Сонч, 2-й гсд в Горлице и неуставленной нумерации: в Быдгощ, в Торн, в Познань, в Варшаве, в Серадзь, в Люблин, в Кельцы, в Жешув и Тарнов.

2. После капитуляции Франции германское командование приступило к переброскам своих войск с запада на восток и юго-восток, значительное количество которых было переброшено в В[осточную] Пруссию, на территорию б[ывшей] Польши и в Австрию.

За период с 19.06 по 14.07 агентурой 5-го Управления и РО ЗапОВО и КОВО отмечено 860 воинских эшелонов, проследовавших с запада в восточном и юго-восточном направлениях.

В итоге можно считать, что за этот период в В[осточную] Пруссию переброшено с Запада до 6 пехотных дивизий (и в них до двух дивизий моторизованных, т. к. отмечено до четырех моторизованных полков в двух разных районах), 5 кав[алерийских] полков, свыше двух танковых бригад (танковая бригада и шесть танковых батальонов) и до 3000 человек морской пехоты с артиллерией.

На территорию б[ывшей] Польши за тот же период прибыло следующее количество частей и соединений:

- а) против ЗапОВО – до 3 пехотных дивизий и танкового полка;
- б) против КОВО – до 5 пех[отных] дивизий, кав[алерийского] полка и танковой части неуставленной численности.

3. Группировка германских войск на 16.07.[19]40 с учетом вновь прибывших частей:

В В[осточной] Пруссии – до 13 пехотных дивизий, из них до двух дивизий моторизованных, танковая бригада, 6 танковых батальонов и 7 кав[алерийских] полков.

– Штабы корпусов отмечены в Кенигсберг и Инстербург (нумерация не установлена).

– Штабы дивизий: 21-й пд в Летцен, 10-й пд в Сувалки и 161-й пд в Кенигсберг; неуставленной нумерации – в Тильзит, в Рагнит, в Инстербург и в Ортельсбург.

– В районе Данцига установлено свыше пехотной дивизии, штаб XX ак и штаб 18-й пд.

Из указанного количества соединений непосредственно на германо-литовской границе сосредоточено до 9-10 пехотных дивизий (в том числе до двух дивизий моторизованных), 6 танковых батальонов и до 4 кав[алерийских] полков, а на границе с СССР на участке Сувалки, Иоганнисбург – 1–2 пехотных дивизий и кавалерийский полк.

На территории б[ывшей] Польши – до 28 пехотных дивизий, танковый полк, танковая часть неуставленной численности и нумерации и 5 кав[алерийских] полков. Кроме того, по данным НКВД, требующим проверки, в район Варшавы прибыло с 01 по 07.07 до 7 пех[отных] дивизий.

Крупные штабы установлены в следующих пунктах:

- штаб восточной группы в Лодзь;
- штабы армий: 1-й в Варшаве и 4-й в Кракове;
- штабы армейских корпусов: XXI в Познань, III в Лодзь, XXXII в Люблин, VII в Краков и неуставленной нумерации в Варшаве;
- штабы пехотных дивизий: 42-й в Лохув, 182-й и 431-й в Лодзь, 530-й в Неборов, 218-й в Пулавы, 424-й в Холм, 28-й в Краков, 139-й в Новы-Сонч, 2-й гсд в Горлице и неуставленной

нумерации: в Быдгощ, в Торн, в Познань, в Варшаве, в Серадзь, в Радом, в Люблин, в Кельцы, в Замостье, в Жешув и Тарнов.

Группировка германских войск на территории б[ывшей] Польши по направлениям распределяется следующим образом:

Против ЗапОВО – до 13 пехотных дивизий (без учета до сих пор не подтвердившихся 7 пех[отных] дивизий в районе Варшавы), танковый полк и 2 кав[алерийских] полка. Из них непосредственно в приграничных районах с СССР на участке Остроленка, Бяла-Подляска – до 8 пех[отных] дивизий, танковый полк и 2 кав[алерийских] полка.

Против КОВО – до 15 пех[отных] дивизий, танковая часть неустановленной численности и нумерации и 3 кав[алерийских] полка. Из них непосредственно в приграничных районах с СССР на участке Владова, Томашев – до 4 пех[отных] дивизий, 2 кав[алерийских] полка и танковая часть неустановленной численности и нумерации; в районе Лежайск, Санок, Крыница и Домброва – до 8 пех[отных] дивизий и кав[алерийский] полк.

В Австрии – на словако-венгеро-югославской границе 12–13 дивизий, из них 2 танковые.

Кроме того, в районе Зволен (Словакия) отмечена танковая часть неустановленной численности и нумерации и в районе Спишке Подграде, Прашов – скопление пехоты и артиллерии неустановленной численности.

Вывод:

Переброска германских войск в В[осточную] Пруссию и на территорию б[ывшей] Польши подтверждается рядом агентурных источников, данными иностранной прессы и заявлением германского военного атташе в Москве от 05.07.[19]40, предупредившим о предстоящих перебросках, мотивируя их как возвращение частей на старые места расквартирования²³⁰.

За период с 15.06 по 16.07.40 г. германские части усилились в В[осточной] Пруссии на 6–7 дивизий, а в бывшей Польше – на 8 дивизий (без учета 7 пех[отных] дивизий в районе Варшавы). Переброска продолжается.

Приложение: Схема группировки германских войск²³¹ и перечень перебросок на 4 листах.
Начальник 5-го Управления Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²³²

Приложение

Перечень перебросок германских войск с запада на восток и юго-восток, засеченных агентурой 5-го Управления и РО ЗапОВО и КОВО за период с 15.06 по 14.07.1940.

В В[осточную] Пруссию:

прибытие в Мемель 15.06 3000 человек морской пехоты с артиллерией;

прибытие 16 июня в Допенен (10 км ю[го]-в[осточнее] Сталлупенен) – 206-го пп;

прибытие 18 июня в Погеген (10 км сев[ернее] Тильзит) – 3 эшелонов с войсками и в Ширвинт танковой части неустановленной численности;

²³⁰ Так в документе. Германский военный атташе в Москве Э. Кестринг сделал соответствующее заявление 9 июля 1940 г. (Примеч. сост.)

²³¹ Не публикуется.

²³² Под документом указана рассылка: «Экз. № 1–2 – т. Сталину; экз. № 3 – т. Молотову; экз. № 4 – т. Ворошилову; экз. № 5 – т. Тимошенко; экз. № 6 – т. Берия; экз. № 7 – т. Кузнецову; экз. № 8 – т. Мехлис; экз. № 9 – т. Буденному; экз. № 10 – т. Щаденко; экз. № 11 – т. Кулик; экз. № 12 – т. Мерецкову; экз. № 13 – т. Смушкевичу; экз. № 14 – т. Шапошникову; экз. № 15 – т. Смородинову; экз. № 16 – т. Корнееву; экз. № 17 – в дело».

прибытие 18 июня в район между Хейдекруг и Погеген (10 км с[еверо]-в[осточнее] Тильзит) 61-го пехотного полка, моточасти и артиллерии неустановленной численности, и в Мемель до пехотного полка;

прибытие в Мемель с 18 по 29 июня двух пехотных полков;

сосредоточение 21.06 в лесу в районе Кальвелен (37 км восточнее Тильзит) до пехотной дивизии с танками;

прибытие в Сувалки в ночь с 29 на 30 июня двух полков моторизованной пехоты;

прибытие в Хейдекруг из Тильзит 4, 5 и 6 июля по одному эшелону войск;

проследование 7 июля через Тильзит на Погеген колонны танков глубиной до 10 км;

прибытие 9 июля в Кенигсберг танковой бригады;

установление на 12.07 в Мариенвердер 276-го пп и кавалерийского полка;

прибытие с 9 по 13 июля в Гумбинен 26-го, 44-го и 204-го пп;

проследование в район Сейны 10–11.07 до 8 эшелонов войск;

установление на 13.07 в районе Мемель до 2 пехотных полков и танкового батальона и в Каукемене (20 км с[еверо]-з[ападнее] Тильзит) до моторизованного пехотного полка;

прибытие 13.07 в Приекуле (ю[го]-в[осточнее] Мемель) до двух полков моторизованной пехоты;

прибытие 15.07 в лес (3 км сев[ернее] Мемель) 167-го пехотного полка и в г. Мемель – 8-го, 10-го и 306-го кавалерийских полков; прибытие 15.07 в район Данцига 18-й пд, 6-го ап и 26-го ап.

На территорию б[ывшей] Польши:

проследование 17.06 из Варшавы на Седлец части 180-го пп;

проследование 19.06 через Берлин на восток 2 эшелонов войск с артиллерией и машинами;

проследование 25.06 из Варшавы на Седлец 3 эшелонов войск;

проследование 25.06 через Седлец на Янув-Подляски частей 635-го пехотного полка;

прибытие 27.06 в Варшаву 200 мотоциклистов;

проследование 27.06 через Варшаву в восточном направлении части 6-го пехотного полка;

проследование 28.06 из Соколув через Острув на Остроленки 2 воинских эшелонов;

проследование 29.06 через Прасныш на Остроленка части 662-го пехотного полка;

прибытие с 01. по 07.07 в Варшаву и ее окрестности семи пехотных дивизий;

проследование с 05 по 07.07 через Берлин по железной дороге Берлин – Франкфурт-н[а]-О[дере] и Берлин – Котбус по 6 эшелонов в сутки;

проследование 14.07 через Остроленка 3 эшелонов преимущественно с пехотой;

прибытие 20.06 в район Ярослав, Дубецко до пехотного полка;

проследование 28.06 через Краков на Бохня и далее на юг 4 воинских эшелонов;

проследование 06–09.07 через Краков на Бохня 55 эшелонов с войсками;

прибытие за то же время в Краков моторизованного полка, 33 орудий ПТО, 220 полевых орудий, 90 зенитных орудий, 180 танков и 6 бронепоездов;

проследование 06–14.07 по железной дороге Пршеров, Моравска-Острава в Польшу около 307 эшелонов;

прибытие в период с 01.07 по 07.07 следующих частей:

в Люблин танковой части;

в г. Кросно 647-го, 438-го, 289-го, 134-го и 36-го пехотных полков;

в г. Ярослав 39-го пехотного полка и 116-го артполка;

в г. Пшеворск 192-го пех[отного] полка, 44-го тяж[елого] артполка и 16-го отдельного пулеметного батальона.

На территорию Протектората:

проследование с 05 по 06.07 через Протекторат на восток 298 эшелонов с войсками;
проследование 04–05.07 через Оломуц 62 эшелонов с войсками;
проследование с 10 по 13.07 через Колин на Пардубице 60 эшелонов с войсками.

На территорию Австрии:

прибытие 30.06 в Вену 600 человек парашютистов;
прибытие с 07 по 13.07 в Вену двух мотомеханизированных дивизий;
проследование 09–10.07 через Пильзен на Чешске-Будеевице 46 эшелонов с войсками;
установление в Австрии на словако-венгеро-югославской границе до 12–13 пехотных дивизий, в число которых, очевидно, входят две мотомеханизированные дивизии, прибывшие в район Вены с 7 по 13 июля.

Начальник 1-го отделения 5-го отдела
5-го Управления Красной армии
подполковник Костомаха

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9171. Д. 4. Л. 61–69. Заверенная копия.
Частично опубли.: Военная разведка информирует... С. 443–445.

№ 4

Сводка 5-го Управления Красной армии по событиям на Западе – о группировке и дислокации германских войск в Восточной Пруссии и бывшей Польше
№ 88/252139сс 27 июля 1940 г.

Германия

Группировка и дислокация германских войск в Восточной Пруссии и бывшей Польше по состоянию на 23.07.[19]40.

I. К 23.07 на территории Восточной Пруссии и бывшей Польши дополнительно установлены следующие новые германские части:

1. Восточная Пруссия

Сев[еро]-зап[аднее] Тильзит – 208-й пех[отный] полк.

Лык – два дивизиона 37-го ап.

В районе Гольдап, Андербург, Даркемен – пехотная дивизия неустановленной нумерации.

Кенигсберг – до пех[отной] дивизии неустановленной нумерации.

В районе вост[очнее] Сувалки, Сейны – танковая бригада.

Всего в Восточной Пруссии и Данциге к 23.07 находилось 15–16 пех[отных] дивизий, 5 кав[алерийских] полков (данные о двух кав[алерийских] полках: 8-й и 10-й в р[айо]не Клайпеда, отмеченные на 16.07, – не подтверждаются), 2 танковые бригады (из них танковая бригада в районе Сувалки, данные требуют проверки) и 6 танковых батальонов.

2. На территории бывшей Польши

A. Против ЗапОВО.

В районе Варшавы – до пех[отной] дивизии неустановленной нумерации со штабом дивизии, предположительно, в Груе (40 км южнее Варшава).

В районе Кутно, Лодзь – до двух пех[отных] дивизий.

Итого на территории бывшей Польши против ЗапОВО к 23.07 находилось до 16 пех[отных] дивизий, 2 кав[алерийских] полков, танкового полка и зенитного арtpолка.

Б. Против КОВО.

В районе Комарув, Лащув (20 и 30 км восточнее и юго-восточнее Замостье) – пех[отная] дивизия неустановленной нумерации, пех[отный] полк и кав[алерийский] полк.

В районе Санок, Красно, Дукля, Ясло – части 239-й и 241-й пех[отной] дивизии.

В районе Ярослав, Перемышль 20.07 отмечено прибытие до четырех пех[отных] полков, двух арtpолков и одного танкового полка.

Кроме того, в Кракове отмечены штабы 4-й и 7-й пех[отных] дивизий.

Всего на территории бывшей Польши против КОВО находилось до 18 пех[отных] дивизий и 4 кав[алерийских] полков, танковый полк, танковая часть неустановленной численности и нумерации, один зенитный арtpолк.

Таким образом, в Восточной Пруссии на территории бывшей Польши к 23.07 установлено – до 50 пех[отных] дивизий, 11 кав[алерийских] полков, две танковые бригады (из них танковая бригада в районе Сувалки, Сейны требуют проверки), два танковых полка, 6 танковых батальонов и два зенитных арtpолка.

П. Данных о прибытии новых германских частей в Австрию и Словакию за указанный период не поступало.

Приложение: Схема группировки германских войск на 23.07.[19]40 и таблица боевого состава германских войск²³³.

Начальник 5-го Управления Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98. Л. 26–28. Копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 446–447.

№ 5

Справка Разведывательного управления Генштаба Красной армии о боевом составе германских войск в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши по состоянию на 8 августа 1940 г.

8 августа 1940 г.

²³³ Не публикуются.

Наименование установленных штабов, соединений и частей	Против ПрибВО	Против ЗапОВО	Против КОВО	Всего
Штабов армейских групп	–	1/0	–	1/0
Штабов армии	–	1/1	1/1	2/2
Штабов армейских корпусов	3/1	3/2	3/3	9/6
Штабов пехотных дивизий	12/9	12/6	15/9	39/24
Штабов кав[алерийских] дивизий	2/1	–	–	2/1
Танковых дивизий	–	–	1/1	1/1
Танковых бригад	2/0	–	–	2/0
Пехотных полков	47/41	54/49	53/45	154/135
Моторизованных полков	4/0	–	–	4/0
Горных стр[елковых] полков	–	–	4/4	4/4
Артиллерийских полков	14/9	8/5	15/11	37/25
Кавалерийских полков	7/6	2/0	4/2	13/8
Танковых полков, не входящих в состав танк[овых] бригад	1/1	2/2	2/1	5/4
Танковых батальонов	2/0	–	1/0	3/0
Зенитных артполков	–	1/0	2/1	3/1
Железнодорожных полков	–	–	1/1	1/1
Бронепоездов	–	–	6/0	6/0
Пулеметных батальонов	–	–	1/1	1/1
Всего:	до 17 пд	18 пд	до 19 пд	до 54 пд

Примечание:

1. Нумерация частей и соединений выявлена не полностью.
2. Числителем показано общее число установленных штабов, частей и соединений, знаменателем – номерных.

Начальник 1-го отделения [5-го отдела Разведывательного управления Генштаба Красной армии]

подполковник Костомаха

РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98. Л. 70. Копия.

Оубл.: Военная разведка информирует... С. 450–451.

№ 6

Из сводки РУ Генштаба Красной армии по событиям на Западе – о подготовке Германии к операциям против Англии, численности и перемещениях итальянских войск в Ливии и Албании

№ 93/252211сс 9 августа 1940 г.

Германия

Подготовка к операциям против Англии

По агентурным данным, на последние две недели в Гамбургском порту наблюдается интенсивная работа по подготовке судов к десантным операциям.

Большое количество торговых судов тоннажем 3000–6500 тонн, перекрашенных в целях маскировки, подготавливается для прорыва минных заграждений.

В трюмы указанных судов, видимо для увеличения плавучести, грузятся пустые бочки и хворост (ряд бочек, ряд хвороста). Эти суда, вооруженные скорострельными орудиями, с небольшой командой предназначаются для движения в голове колонн судов с десантными войсками.

Кроме того, на многих пароходах устанавливаются в носовой части сильные электромагнитные приборы для обнаружения мин.

Заявление Гитлера на конференции в Зальцбурге

По сведениям источника, заслуживающего серьезного внимания, германский посол в Румынии после возвращения из Берлина 01.08 сделал следующее секретное сообщение о конференции в Зальцбурге:

1. Гитлер предложил Румынии самостоятельно урегулировать все спорные вопросы с Болгарией и Венгрией, причем разрешение таковых с Болгарией является обязательным.

2. Гитлер заверил также румынских министров, что все территориальные изменения на Балканах являются временными.

3. Кроме этого Гитлер заявил, что настоящие действия являются первым этапом в подготовке войны против СССР, которая неминуемо будет после окончания войны с Англией.

Италия

Численность итальянских войск в Ливии

По сообщению заслуживающего внимания источника, численность итальянских войск в Ливии в настоящее время определяется в 400 тыс. человек.

О численности и перемещениях итальянских войск в Албании

По тем же сведениям, 53-я пех[отная] дивизия переместилась из Валоны в Скутари, 23-я пех[отная] дивизия – из Аржирокастро в район Тепелена (45 км ю[го]-в[осточнее] Валоны), 19-я пех[отная] дивизия – из Корицы в Эльбасан, 3-я альпийская дивизия – из Скутари в район Кукес (70 км вост[очнее] Скутари), 131-я мех[анизированная] дивизия остается в Тиране.

Общая численность вооруженных сил в Албании равна 120 тыс. человек.

[...]

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 33988. Оп. 4. Д. 35. Л. 134–135. Копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 451–452.

№ 7

Из сводки РУ Генштаба Красной армии по событиям на Западе – о причинах поражения войск союзников во Франции

№ 95/252231сс 16 августа 1940 г.

Англия

Причины военных неудач во Франции

Известный английский военный писатель Лиддел Гарт 11 августа выступил в печати с критикой английского высшего командования, ответственного за военные неудачи во Франции.

Главной виной высшего командования он считает задержку развития механизированных войск. По его утверждению, Англия до начала войны имела только две механизированных дивизии (одна из них в Египте). Причем полностью укомплектована была только одна дивизия, дислоцировавшаяся в метрополии. Эта дивизия была переброшена во Францию только после прорыва немцев к Ла-Маншу и была неудачно использована против немцев на р. Сомма.

Материальная часть этой дивизии была оставлена в северной Франции.

Весьма серьезную роль в поражении французской армии сыграло, по заявлению генерала Спирс (представитель Черчилля при французском главном командовании), деморализация высшего французского командования, в частности боязнь генерала Вейгана возможности революции. [...]

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98. Л. 71. Копия.

Оубл.: Военная разведка информирует... С. 454–455.

№ 8

Из докладной записки начальника РУ Генштаба Красной армии Ф. И. Голикова начальнику Управления делами при НКО СССР М.И. Дратвину – об использовании информационных материалов военной разведки командно-начальствующим составом Красной армии

20 августа 1940 г.

С целью выяснения, насколько издаваемый Разведупром информационный материал удовлетворяет интересам командного и начальствующего состава ЦУ НКО, а также в какой степени используется этот материал, была создана комиссия, проверившая в ряде управлений НКО организацию изучения и использования информационной литературы.

Проверкой установлено, что изучение и использование информационной литературы Разведупра организовано слабо.

[...]

Командно-начальствующий состав в своей практической работе не использует информационный материал по опыту современных войн и недостаточно изучает организацию, тактику и технику иностранных армий.

Изучение опыта войн будет тем более плодотворным, когда командно-начальствующий состав ЦУ НКО будет изучать справочно-информационную литературу, издаваемую Разведупром (Разведсводки по Западу и Востоку, справочники по иностранным армиям).

Зам. начальника Генштаба КА —
начальник Разведупра
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2791. Л. 23. Заверенная копия.

Оубл.: Военная разведка информирует... С. 720.

№ 9

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии «О работе иностранных разведок по выявлению состава и дислокации войск Красной армии»

№ 252263сс²³⁴ 24 августа 1940 г.

Докладываю, что внимание иностранных разведок в СССР обращено на выявление состава и дислокации Красной армии.

По материалам расшифрованных телеграмм спецперехвата установлено, что по этим вопросам ведется широкий обмен мнений между французским, турецким, финским, шведским, японским, венгерским и американским военными атташе в СССР.

Французский военный атташе в Москве в течение июля и начале августа с.г. 4 раза информировал французское военное министерство о составе советских войск в западной и южной части СССР. Ссылаясь на сведения, собранные от турецкого консула в Батуми и финляндского атташе в СССР, он сообщил 21 июля во Францию, что против турецкой границы сосредоточено 15–16 пд и против иранской – 18 пд Красной армии. 23 июля он передал информацию, полученную от источника «Верст», оценивающего состав Красной армии в ЛВО в 20 пд, в Прибалтах²³⁵ – 25 пд, против б[ывшей] Польши и Бессарабии – 50 пд, а всего на Западе и Юго-западе – 160 пд и 15–20 дивизий технических войск.

Он же сообщил 4 августа во Францию данные японской разведки о наличии на Кавказе 20 дивизий, большого скопления войск в районе Батуми и об армейской группе в Литве под командованием генерал-лейтенанта Павлова, состоящей из 3-й армии, со штабом в Ковно, имеющей 4 пехотные дивизии, 3-й кавалерийский корпус, один мехкорпус, и 11-й армии, со штабом в Поневеж, численностью 7 пехотных дивизий и одна мехбригада. 10 августа он передал информацию о сосредоточении против Финляндии 22 советских дивизий.

Источник «Дезерт» (видимо, военный атташе Франции в Югославии) передал 13 июня французскому министерству сообщение источника «С 200» о наличии на линии Тарнополь – Перемышль и в районе Львов – Киев – Одесса от 40 до 47 пд, 13–15 кд, 30–40 мотомехбригад. 2 августа он же сообщил во Францию, что численность войск в Кишиневе достигает одной мотодивизии.

Французский военный атташе в течение июня и июля с.г. неоднократно передавал во Францию информацию о внешней политике советского правительства в отношении Германии, Прибалтийских стран, Турции, Ирана и др. Установить агентуру французского военного атташе в СССР пока не удалось.

Вышеизложенное свидетельствует, что Франция, несмотря на поражение в войне с Германией, пытается и сейчас выявлять состояние вооруженных сил Советского Союза и группировку Красной армии на Западе и Юге.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²³⁶

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 1–2. Заверенная копия.

²³⁴ Документ рассекречен 07.02.2012.

²³⁵ Так в документе.

²³⁶ Под документом указана рассылка: «№ 1 – т. Ворошилову; № 2 – т. Тимошенко; № 3 – т. Берия; № 4 – т. Мерецкову; № 5 – т. Ватутину; № 6 – в дело».

№ 10

Сводка РУ Генштаба Красной армии по событиям на Западе – о группировке германских вооруженных сил на 1 сентября 1940 г.

№ 103/252361сс²³⁷ 11 сентября 1940 г.

Германия

Группировка германской сухопутной армии на 01.09.1940.

По данным нашего ВАТ в Германии, РО округов и агентурным сведениям, группировка германской сухопутной армии на 01.09.1940. представляется в следующем виде:

А. На Востоке (Восточная Пруссия и территория бывшей Польши)

1. Восточная Пруссия:

Всего в Восточной Пруссии, т. е. против Прибалтийского особого военного округа и на фланге ЗапОВО, сосредоточено свыше 16 пехотных дивизий, до 3 танковых дивизий и до 7 кавалерийских полков.

Эта группировка составляет армию генерал-полковника Кюхлер. Штаб армии (номер не установлен) в Кенигсберг.

2. Северная и средняя часть Генерал-губернаторства:

Северная и средняя часть Генерал-губернаторства (район Остроленка, Млава, Кутно, Лодзь, Радом, Бяла-Подляска), т. е. в основном против ЗапОВО сосредоточено свыше 21 пехотной дивизии, 2 танковые дивизии, до одной моторизованной дивизии и до 5 кавалерийских полков. Эта группировка объединяется в две армии, штабы которых в Варшаве (штаб 1-й армии) и, предположительно, в Радоме. Командующий – генерал-полковник Бласковиц.

3. Средняя и южная часть Генерал-губернаторства:

Средняя и южная части Генерал-губернаторства (район Люблин, Кельцы, Краков, Санок), то есть против Киевского особого военного округа, сосредоточено свыше 20 пехотных дивизий, до 2 танковых дивизий, до одной моторизованной дивизии и до 4 кавалерийских полков.

Эта группировка объединяется в две армии, штабы которых в Кракове (штаб 4-й армии) и в Люблине (предположительно – 3-й армии).

4. В глубине территории бывшей Польши, в районах Данциг, Торн и Познань, сосредоточено два армейских корпуса (не менее 5 пехотных дивизий).

Командующим всеми германскими войсками на Востоке (в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши) предположительно является генерал-фельдмаршал Рундштедт, со штабом в Лодзь.

Б. На Юго-Востоке (Протекторат и бывшая Австрия)

В Протекторате (Чехия и Моравия) и бывшая Австрия²³⁸ сосредоточено до 20 пехотных дивизий и до двух танковых дивизий.

Установлен штаб 5-й армейской группы в Вене и, предположительно, штаб армии в Праге.

В. Собственно Германия

Внутри собственно Германии расположено 30–35 пехотных дивизий и 2 танковых дивизии.

²³⁷ Документ рассекречен 28.04.1989.

²³⁸ Так в документе.

В основном это дивизии, возвратившиеся с Западного фронта и ранее дислоцировавшиеся во внутренних округах Германии, а также запасные формирования.

Г. На оккупированной территории Франции

На оккупированной территории Франции расположено до 25 пехотных дивизий и 1–2 танковые дивизии.

Эта группировка объединена в две армии, которыми командуют генерал-фельдмаршалы Лееб и Вицлебен.

Кроме этого, на испанской границе сосредоточено до 3 пехотных дивизий.

Д. Группа армий, предназначенная для действий против Англии

(Голландия, Бельгия, северо-западное и западное побережье Франции)

1. В Голландии и Бельгии:

На территории Голландии и Бельгии сосредоточено 10–12 пехотных дивизий под командованием генерал-фельдмаршала Клюге.

2. На северо-западном побережье Франции:

На северо-западном побережье Франции в районе Кале, Гавр, Сен-Дени сосредоточена главная группировка и 36–44 пехотных дивизий и 3–4 танковых дивизий под командованием генерал-фельдмаршала Рейхенау.

3. На западном побережье Франции:

На западном побережье Франции от Шербурга до Бреста сосредоточено 6–10 пехотных дивизий под командованием генерал-полковника Буш.

Всей этой группой армий, сосредоточенной на территории Голландии, Бельгии, северо-западном и западном побережье Франции, предназначенной для действия против Англии, командует генерал-фельдмаршал Бок.

Е. В Дании и Норвегии

На территории Дании и Норвегии сосредоточено 13–14 пехотных дивизий под командованием генерал-фельдмаршала Лист. Из них на территории Дании – 4 пехотных дивизии и на территории Норвегии – 9–10 пехотных дивизий.

Общее количество дивизий в германской армии на 10.09.1940.²³⁹ до 208–228 пехотных дивизий (в том числе до 8 моторизованных) и 15–17 танковых дивизий. Из этого количества дивизий больше одной трети (до 85) пехотных дивизий и больше половины (до 9) танковых дивизий сосредоточено на Востоке и Юго-Востоке.

Группировка ВВС

А. Восточная Пруссия и бывшая Польша

На территории Восточной Пруссии и бывшей Польши расположено до 10 летных авиационных школ, ремонтные мастерские и заводы. Боевая авиация сосредоточена на аэродромах близ Кенигсберга, Варшавы и Кракова. На этих аэродромах находится в общей сложности до 700 боевых самолетов в составе 7 авиаэскадр. На остальной территории Восточной Пруссии и бывшей Польши находится около 1300 самолетов. Эти самолеты предназначены для учебно-тренировочных целей в школах и частях.

Б. Юго-восточная часть Германии и Протекторат

На юго-востоке Германии (районе Лейпцига, Бреславля, Праги) сосредоточены авиационные полки и части пополнения ВВС под командованием штаба 4-го воздушного флота, дислоцированного в Вене. В этих районах Германии находится от 1500 до 2000 учебно-тренировочных самолетов и небольшое число боевых самолетов. В этих же районах находятся авиаремонтные мастерские и самолетостроительные заводы.

В. Австрия, центральные и северные районы Германии

На территории Австрии находятся авиашколы и небольшое количество боевых машин.

²³⁹ Так в документе. По-видимому, следует читать «на 01.09.1940».

В центральных и северных районах Германии (в районе Мюнхена, Ганновера, Берлина и Штеттина) базируется главным образом истребительная авиация 1 и 4-го воздушных флотов и авиационные эскадры бомбардировщиков, отведенные в тыл для доукомплектования и отдыха.

Г. Норвегия и Дания

На территории Норвегии и Дании расположены авиасоединения 5-го воздушного флота в составе 9-й авиадивизии и 10-го авиакорпуса, насчитывающих не более 10–12 авиаэскадр различного назначения с общим количеством 1200–1400 самолетов.

Д. Голландия, Бельгия и Сев[ерная] Франция

На западе против Англии Германия сосредоточила, предположительно, авиацию 2-го, 3-го и частично 1-го и 4-го воздушных флотов (преимущественно бомбардировочную) в составе 5 авиационных корпусов (№ 1, 2, 4, 5 и 8), насчитывающих 35–40 эскадр общей численностью 4200–4800 самолетов, и 3 авиационных дивизии в составе 15–18 эскадр общей численностью 1800–2200 самолетов. Всего на Западе находится от 6000 до 7000 боевых самолетов (главным образом истребителей и бомбардировщиков), предназначенных для самостоятельных действий против Англии.

Кроме того, на аэродромах западной части Германии и на оккупированной территории Голландии, Бельгии и Франции находится от 1500 до 2000 транспортных самолетов, частично обеспечивающих срочные переброски тех. имущества и личного состава ВВС, но в основном предназначенных для воздушных десантов, и несколько десятков отдельных авиаотрядов войсковой авиации.

Приложение: Сводная таблица группировки ВВС Германии на 01.09.1940 на 1 листе.

Группировки армий и ВВС – 2 схемы²⁴⁰.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁴¹

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 7. Л. 17–23. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 459–462.

№ 11

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии о проведении в Германии призыва на военную службу и в трудовую армию и об увеличении выпуска боеприпасов

№ 252471сс²⁴² 28 сентября 1940 г.

Докладываю:

По данным заслуживающего внимания источника, германское Министерство труда получило указание от министра вооружения д[окто]ра Тодт, который одновременно является Генеральным инспектором германских дорог, о проведении следующих мероприятий:

1. В ближайшее время предполагается провести новый призыв, из которого должно быть сформировано 40 новых дивизий, предназначенных для востока, причем имеется в виду призыв людей, обладающих техническими знаниями, в частности для службы в моторизованных соединениях.

²⁴⁰ Сводная таблица и схемы не публикуются.

²⁴¹ Под документом указана рассылка: «Сталину, Ворошилову, Тимошенко, Берия, Кузнецову, Буденному, Щаденко, Кулик, Смушкевичу, Мерецкову, Шапошникову, Мехлис, Смородинову, Корнееву, в дело».

²⁴² Документ рассекречен 28.04.1989.

2. Производство боеприпасов должно быть увеличено на 130 % от выпускавшейся максимальной продукции.

3. Для строительства сети дорог в восточной части Германии и в Генерал-губернаторстве должно быть предусмотрено создание «армии рабочей силы» с расчетом окончания строительства дорог в феврале 1941 г.

Задачей Министерства труда является обеспечение в кратчайший срок необходимой рабочей силой.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁴³

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 7. Л. 195. Заверенная копия.
Опубл.: Военная разведка информирует... С. 465.

№ 12

Сводка РУ Генштаба Красной армии по событиям на Западе – о переброске германских войск на Восток, их составе и группировке в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши на 25 сентября 1940 г.

№ 106/252481сс 2 октября 1940 г.

Германия

Переброска германских войск из Франции, состав и группировка в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши на 25.09.1940.

Во второй половине августа и в течение сентября месяца отмечалась переброска германских войск из Франции на Восток.

По сведениям нашего военного атташе в Германии, с 10 сентября с Запада на Восток было перебросено 10–12 пехотных дивизий.

По сведениям нашего военного атташе во Франции, с 20 сентября из Франции на Восток проследовало до 260 эшелонов войск.

Переброска войск отмечена по следующим направлениям:

а) 20.09 – Данциг – Кенигсберг – 20 эшелонов;

б) с 19 по 21.09 через Штеттин – Шнейдемюль, Кюстрин – Шнейдемюль, Берлин – Франкфурт – Бреслау – по 6–8 эшелонов в сутки;

в) через Прага, Немецкий Брод, Брно 15.08 проследовала моторизованная дивизия;

г) через Йиглава на Знойме 01.09 проследовала моторизованная дивизия;

д) через Ческе Будеевице в направлении на Вену 12–15 сентября проследовало до 1 пд.

Кроме этого, переброска войск происходила по другим железным дорогам Чехии к востоку и юго-востоку от Праги в направлении Морав[ска]– Острава, Брно, Вена, а также к востоку от Брно и Вена, главным образом ночью.

К востоку от Пржеров (65 км с[еверо]-в[осточнее] Брно) отмечается передвижение войск по шоссейным дорогам.

По агентурным данным, 26 августа через Пржеров на Морав[ска]-Острава проследовала крупная моторизованная колонна.

По тем же данным, в период с 5 по 9 сентября через Морав[ска]-Острава, Мистэк, в направлении на Цешин и далее на Восток проследовало свыше 1000 танков (в том числе 150 тяжелых) и 700 автомашин.

²⁴³ Под документом указана рассылка: «Сталину, Молотову, Ворошилову, Берия, Кузнецову, Ватутину, Корнееву, в дело».

На 25 сентября в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши установлено – 70 пех[отных] дивизий, 5 моторизованных дивизий, 7–8 танковых дивизий и 19 кав[алерийских] полков, что в сравнении с августом дает увеличение на 8 пех[отных] дивизий, 2 моторизованные дивизии.

Из них:

а) В Восточной Пруссии установлено – 17 пех[отных] дивизий, до 2 мотодивизий, до 3 танковых дивизий, 3 кав[алерийские] бригады и 2 кав[алерийских] полка, т. е. увеличение на одну пех[отную] дивизию в районе Сейны – Сувалки, одну мотодивизию в районе Инстербург и на одну кав[алерийскую] бригаду – в районе Тильзит.

Имеются сведения о прибытии в Кенигсберг частей местного гарнизона, принимавших участие в боях на Западном фронте.

б) В северной половине Генерал-губернаторства в Польше (граница с юга: иск[лючая] Влодава, Пулави, Радом) против ЗапОВО установлено 23 пех[отные] дивизии, одна мотодивизия, 2 танковые дивизии и 6 кав[алерийских] полков, т. е. увеличение на две пд, из них на одну пд в районе Варшава и на одну пд в районе Лодзь, Кутно.

в) В южной половине Генерал-губернаторства в Польше (против КОВО) установлено – 24 пех[отные] дивизии (из коих четыре горных), 2 мотодивизии, 3 танковые дивизии и 4 кп, т. е. увеличение по сравнению с августом месяцем на 4 пд, из которых одна в районе Люблин-Холм, одна в районе Ясло-Новый Сонч, одна в районе Краков и одна в районе Катовице – Ченстохов; на одну мотодивизию и одну танковую дивизию в районе – Грубешев, Белгорай, Томашув.

По данным радиоразведки, в район Коньске-Джедбуж ожидается прибытие частей 1-й и 178-й пех[отных] дивизий, в связи с чем готовятся помещения.

В глубине, в районе Данциг, Торн, Познань, установлено бь пд (два армейских корпуса) и 1 кп.

Вывод:

1. Произведена крупная переброска войск из Франции через Чехию в район Катовице, Морав[ска]-Острава, Нов[ы]-Сонч. В этом районе следует считать уже прибывшими до трех моторизованных и 3 танковых дивизий.

Кроме этого, до одной пд перебрасываются в Восточную Пруссию и около двух пд – в центральную часть Польши.

2. Установлено увеличение численности немецких войск в пограничной с нами полосе на 10 дивизий.

Причем это достигнуто главным образом за счет выявления частей, уже находившихся на территории Генерал-губернаторства.

3. Необходимо выявить пункты и районы конечного сосредоточения и дислокации перебросенных с запада германских войск и их состав, особенно группировку моторизованных и танковых дивизий в районе Катовице, Морав[ска]-Острава, Нов[ы]-Сонч. В частности, проверить их наличие в районе между р. Сан и стыком словацко-венгерской границ (по данным НКВД).

Приложение: Схема группировки германских войск в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши на 25.09.[19]40²⁴⁴.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98. Л. 149–152. Копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 474–475.

²⁴⁴ Не публикуется.

№ 13

Сводка РУ Генштаба Красной армии по событиям на Западе – о перемещениях немецких войск в Норвегии и Финляндии

№ 107/252485сс 4 октября 1940 г.

Немецкие войска на севере Норвегии

По имеющимся сведениям, со второй половины августа 1940 г. начались усиленные переброски немецких войск из района Нарвик в северную область Норвегии – Финмаркен, граничащую с Финляндией. Одновременно через Швецию и Норвегию в Киркенес производились переброски зимнего обмундирования, самолетов, танков, тяжелой артиллерии, зенитной артиллерии, автомашин, боеприпасов, лыж, саней и в Тромсе артиллерии на конной тяге. Усиленно строились и строятся дороги. В районе Киркенес строился гидропорт, аэродром. Строительство аэродромов и дорог имело место и в других районах области Финмаркен. В пограничной полосе к востоку и югу от Киркенес строились укрепления. В Варде подготавливались площадки для группы береговой артиллерии.

К 10 сентября 1940 г. в этой области, по сведениям, требующим проверки, насчитывалось около 3 пех[отных] дивизий, кроме 5–6 пех[отных] дивизий, расположенных в остальной части Норвегии. В районе Киркенес сосредоточено около пехотной дивизии при 150 танках. Остальные дивизии, судя по установленному месторасположению штабов дивизий, сосредоточены в районах Гаммерфест, Тромсе, Нарвик.

Перевозки немецких войск через Финляндию

На основе заключенного соглашения между Германией и Финляндией, опубликованного в Хельсинки 24.09.[19]40, Германия получила право перевозки войск в северную Норвегию через Финляндию.

В соответствии с этим в финских портах Вааза и Оулу 23.09.[19]40, еще до опубликования соглашения, выгрузились до 3500 чел. немецких войск с артиллерией, автотранспортом и боеприпасами.

В период с 24.09.[19]40 по 01.10.[19]40 отмечено передвижение немецких войск по жел[езной] дороге до ст. Рованиеми и в дальнейшем на машинах по шоссе на Петсамо.

Личным наблюдением наших представителей установлено:

– 27.09. на ст. Рованиеми и в городе 130 солдат, 6 офицеров, в том числе 2 полковника и 2 майора;

– на ст. Кеми 5 немецких солдат, сопровождавших военные грузы в направлении ст. Рованиеми;

– в Вааза размещено в школе 300 солдат, в городе группы немецких солдат по 5–6 чел.

29 сентября через Оулу проследовало два эшелона с автомашинами и бочками с бензином; в порту находилось 3 немецких парохода. В этот же день на ст. Вааза шла погрузка орудий и авиабомб.

30 сентября из Рованиеми по шоссе на Петсамо наблюдалось движение двух колонн по 25–30 автомашин и до 200 чел. солдат. В Рованиеми размещены до 1000 чел., на станции производилась разгрузка боеприпасов.

В Петсамо немецкие войска до 30.09 не обнаружены. Перебросок немецких войск из Норвегии в Финляндию не отмечено.

Со стороны финской военщины отмечается предупредительное отношение к немецким войскам. Отмечены неоднократные случаи совместных поездок германских офицеров в сопровождении финских. По непроверенным сведениям, группа германских офицеров находится в финском генеральном штабе, якобы для помощи в строительстве армии и укреплений.

Вывод:

1. Установлено прибытие в Финляндию через порты Вааза и Сулу до 4 тыс. чел. немецких войск, движение по железной дороге до Рованиemi и в дальнейшем по шоссе в направлении Петсамо.

2. Немцы ведут большие работы по превращению области Финмаркен в плацдарм военных действий.

3. Необходимо продолжать изучение хода перебросок немецких войск через Финляндию и установить, следуют ли они для смены войск, находящихся в северной Норвегии, или же для усиления. Одновременно продолжать изучение связей генеральных штабов Германии и Финляндии в смысле выяснения конкретных фактов помощи, оказываемой германским командованием в строительстве финской армии и укреплений, направленных против СССР. В частности, выяснить, что из перебрасываемых немецких войск оседает в самой Финляндии. Уточнить численность немецких войск в северной Норвегии, их расположение, группировку и конкретные объекты строительства, особенно в районе Киркенес.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98. Л. 155–157. Копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 475–477.

№ 14

Сопроводительная записка начальника РУ Генштаба Красной армии Ф. И. Голикова народному комиссару обороны СССР С. К. Тимошенко при агентурном донесении об ухудшении экономических отношений Германии и СССР и обеспеченности Германии горючим

№ 252513сс 10 октября 1940 г.

Представляю агентурные донесения по вопросу экономических отношений Германии к Советскому Союзу и обеспеченности Германии горючим.

Источник неоднократно давал своевременную и довольно правильную информацию по вопросам, известным германскому посольству в Москве. В силу этого и настоящее донесение его, констатирующее серьезные сдвиги в сторону ухудшения отношений Германии к СССР и возможности невыполнения Германией договорных поставок, заслуживает серьезного внимания.

Приложение: Материал на 7 листах.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁴⁵

Приложение

Донесение источника от 5 октября 1940 г.²⁴⁶

1. Экономические отношения с Советским Союзом

С курьерской почтой, которая пришла 23 сентября 1940 г. в Москву, Хильгер получил строго секретное письмо от особоуполномоченного Шнурре (из Министерства иностранных

²⁴⁵ Под документом указана рассылка: «Сталину, Молотову, Тимошенко, Берия, Микояну и Мерецкову».

²⁴⁶ Заголовок документа.

дел), в котором Шнурре сообщает некоторые интересные подробности о положении в Берлине в связи с переговорами о германо-советских торговых взаимоотношениях. Секретный характер письма был особо подчеркнут тем, что письмо было многократно опечатано.

Основная часть письма, которое источник имел несколько минут в руках, имеет примерно следующее содержание:

Германская хозяйственная делегация при своем возвращении в Берлин, к сожалению, столкнулась с очень неприятной ситуацией. Налицо серьезные признаки того, что не только решен отрицательно вопрос о дополнительных поставках и сокращении сроков поставок, требовавшихся советской стороной, но не может быть осуществлено и выполнение уже принятых на себя германской стороной обязательств. Если бы вообще было возможно изменить создавшуюся ситуацию, то это могло бы произойти только по указанию самых высших инстанций. Для этого будет совершенно необходимо пройти большое количество инстанций – Министерство иностранных дел, рейхсмаршала (Геринга) – и добиться решения фюрера. В Берлине создается впечатление, что советская сторона уже теперь значительно замедлила темпы поставок в различных областях. Это медленное сокращение поставок лучше, чем внезапное прекращение их. Такое внезапное прекращение вызовет большой шум, которого мы не хотели бы теперь иметь ни при каких обстоятельствах.

Во всяком случае, в настоящее время в советско-германских отношениях наступил очень серьезный кризис (примечание источника: из содержания письма не видно достаточно ясно – подразумевает ли Шнурре хозяйственные отношения или также и политические), и никто не знает, как окончится этот кризис.

При данных обстоятельствах быстрое возвращение делегации в Москву для продолжения прерванных переговоров не представляется возможным. Если Микоян будет на этом настаивать, то посольство должно попытаться возможно дольше затянуть переговоры о приезде делегации в Москву.

Далее Шнурре сообщает свои предположения, что дунайский вопрос будет разрешен согласно советским предложениям.

До 5 октября из Берлина никакой новой, известной источнику информации, которая могла бы смягчить описанное в вышеприведенном письме положение, не поступало.

По мнению источника, под «высшими инстанциями» подразумевается указание Гитлера или Геринга, данное германской промышленности, которая при всех обстоятельствах должна прежде всего выполнять поставки на армию, даже в том случае, если это делает невозможным выполнение обязательств по поставкам в СССР. Это мнение источника частично подтверждается сообщениями германских промышленников, в отношении которых германские военные ведомства при распределении своих заказов никоим образом не заботятся о том, выполняет ли соответствующее предприятие советские заказы или нет. В силу этого возникает весьма актуальная опасность, особенно в том случае, если война затянется на зиму, что обусловленные в торговых договорах между советскими импортными организациями и германскими фирмами сроки поставок большей частью нереальны и существуют только на бумаге.

Эта опасность значительно повышается благодаря ночным английским воздушным налетам, которые в силу своей продолжительности все же нанесли большой ущерб. Из письма Шнурре вытекает, что уже теперь в Берлине начинают считаться с мыслью о том, что советские поставки очень скоро, по меньшей мере на известный промежуток времени, будут приостановлены. Поэтому угроза приостановки на известный промежуток времени поставок едва ли будет достаточным средством давления, чтобы заставить германскую сторону выполнить ее обязательство по поставкам, тем более что предусмотренные на 1940 г. поставки зерна и нефти в большей своей части уже выполнены. Очень чувствительным местом для Германии, которое можно было бы с успехом использовать в будущих переговорах, являются:

1. Эстонское горючее для кораблей, в котором весьма заинтересованы германские военно-морские силы;

2. Транзит товаров с Дальнего Востока (китовый жир, соевые бобы, соевое масло и т. д.).

2. *Обеспечение Германии минеральными маслами*

Представитель самой крупной германской организации по импорту минеральных масел сообщает, что на 23 сентября отмечается следующее состояние по снабжению Германии минеральными маслами:

В основном Германия обеспечена вполне достаточно, т. к. сейчас она получает из СССР гораздо больше масел, чем раньше. Однако увеличение этого снабжения прежде всего нужно отнести за счет Румынии, которая после вступления Италии в войну поставляет масла исключительно лишь Германии и Италии. Приблизительно 14 дней тому назад в Румынии создалась некоторая задержка в области транспорта, что повлекло за собой почти полное прекращение поставок нефти. Однако надеются, что поставки снова возобновятся.

Иногда можно слышать разговоры о том, что Германия сейчас настолько хорошо снабжается нефтью, что уже не хватает имеющихся нефтескладов. Однако недостаток нефтескладов объясняется тем, что большинство их было расположено в угрожаемых районах – в Рейнской области и в Гамбурге, а остальных складов, разумеется, недостаточно.

Германии перешли также крупные нефтехранилища Франции, но, к сожалению, самое крупное из этих хранилищ (в Бордо) разрушено англичанами. Но все же Германия имеет еще много нефтехранилищ во Франции.

По отдельным видам нефтепродуктов Германия имеет:

Бензин: снабжение хорошее, имеются приличные запасы.

Горючие и смазочные материалы: наличие вполне достаточно, но отсутствуют более или менее приличные запасы.

Нефтепродукты для дизелей внутреннего сгорания: снабжение очень слабое, достаточно лишь для морского флота, для гражданского флота и прежде всего для сельского хозяйства масел уже не хватает, что вызвало уже большие трудности. Вот уже в течение нескольких месяцев пытаются покрыть эти недостатки другими продуктами (синтетический бензин, алкоголь и пр[очие] смеси), все же пригодными для дизель-моторов.

Германский морской флот получал большое количество горючего из Эстонии. После того как поставки из Эстонии прекратились, посольство неоднократно получало указания о том, чтобы оно уведомило Советское правительство в заинтересованности германского морского флота в эстонской нефти и просило Советское правительство возобновить эти поставки.

3. *Активизация деятельности украинских националистов в Берлине*

По сообщению Лонера, жена которого является украинкой и который недавно проводил отпуск в Германии, за последнее время чрезвычайно оживилась деятельность «Украинских Миттельштеллен» в Берлине. Эта организация имеет свой филиал в Вене. В чем выражается эта активность, Лонер не хотел или не мог подробно изложить. По его данным, в Генерал-губернаторстве украинцам отдается особое предпочтение, им предоставляются государственные посты, предоставляются должности в полиции; кроме того, украинцы очень быстро получают германское гражданство.

4. *Отдельные сведения о результатах воздушного налета на Берлин*

По сообщению одного представителя фирмы, прибывшего в Москву 1 октября на самолете из Берлина, английские воздушные атаки на Берлин с 30 сентября на 1 октября продолжались 5 часов. Он утверждает, что были нанесены существенные потери. Так, например, он сам видел в районе Берлин-Таглер, как загорелись два больших промышленных предприятия, причем пожар вспыхнул через несколько часов после воздушного нападения. По его мнению, эти предприятия совершенно разрушены. От одного знакомого, который живет в районе Таг-

лер, я узнал, что здесь идет речь о двух предприятиях, вырабатывающих кабель, но какие это фирмы, он не знает.

8–10 дней тому назад в Вильмерсдорфе были сброшены бомбы на газоубежище, оно частично повреждено. Бомбы были сброшены также и на вокзалы, что вызвало перевод поездов.

5. Использование советских фруктов для культивирования их насаждения в Германии

Профессор Зибольд, который недавно находился в Москве вместе с профессором Ремер (были в научной командировке), получил от местного института плодоводства целый ящик с различными фруктами, которые взял с собой в Германию. Эти фрукты (главным образом стойкие от холодов культуры) он просил предоставить ему в распоряжение якобы с той целью, что он в Германии напишет некоторые работы, а для иллюстрации своих статей даст зарисовать эти фрукты. В действительности же, как объяснил он сам, в ящике находятся семена, которые дадут ценный урожай стойких от холодов культур и семена, с которыми можно работать и дальше в том случае, если он не получит еще и отростков, которые он также просил предоставить ему.

6. Слухи о предстоящей капитуляции Англии

Поскольку источник мог установить, слухи о предстоящей капитуляции Англии, имевшие место в последнее время в кругах дипломатического корпуса в Москве, исходят из следующих источников: в первой половине сентября американский посол на одном из вечеров дал понять, что в Англии в ближайшее время, возможно, придет к власти правительство рабочей партии, которое будет, конечно, скорее готово заключить мир, чем настоящее правительство Черчилля. Это сообщение вызвало особо большое впечатление в германском посольстве.

РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1294. Л. 46–53. Подлинник.

Приложение – заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 477–481.

№ 15

Из сводки РУ Генштаба Красной армии по событиям на Западе – о возможном вторжении немецких войск на Британские острова и численности английской армии
№ 108/252524сс²⁴⁷ 14 октября 1940 г.

Англия

О возможности германского вторжения в Англию

После поражения во Франции перед Англией стала реальная угроза вторжения германской армии. Это вторжение англичане считали особенно вероятным в августе и первой половине сентября, когда погода этому лучше всего благоприятствовала, а Англия еще широко не успела провести оборонительные мероприятия.

В настоящее время опасность вторжения немцев, по мнению англичан, не ликвидирована, но с каждым днем возможность вторжения уменьшается. Более того, судя по докладам американских представителей в Лондоне, в Англии усиливается убеждение, что в настоящее время Германия, возможно, не будет пытаться захватить британские острова. Основное же усилие в ближайшее время Германия и Италия направят на Ближний и Средний Восток (Египет), а также на Балканы. В связи с этим Англия продолжает усиливать свои силы на Ближнем и Среднем Востоке.

Численность и группировка армии

²⁴⁷ Документ рассекречен 28.04.1989.

По данным, требующим проверки, общая численность армии исчисляется около 1700 тыс. чел., включая и войска на Ближнем и Среднем Востоке, канадский корпус в 46 тыс. человек, польскую дивизию, чехословацкую бригаду, австралийские и новозеландские войска. Организационно армия состоит из 30 дивизий, полностью вооруженных и подготовленных, численностью по 15 тыс. каждая, и 30 дивизий находятся в стадии формирования и подготовки.

На формирование и подготовку этих дивизий потребуется еще несколько месяцев, так как этот контингент до призыва совершенно не имел подготовки (военно-обученный резерв был исчерпан на комплектование первоочередных дивизий).

Войска метрополии, исчисляемые в 700–800 тыс. чел., или 30 дивизий, в основном сосредоточены в военной зоне, простирающейся вдоль восточного, юго-восточного и южного побережья на глубину 30–32 км и в Северной Ирландии. В глубине страны находятся резервы из подвижных войск (мотомеханизированных дивизий), готовых для контратак в случае высадки немецких войск на Британские острова.

Французские войска де Голля численностью до 5 тыс. вместе с английскими войсками примерно такой же численности сделали неудавшуюся попытку высадиться в Дакаре.

Австралийские и новозеландские войска, находившиеся в Англии, в сентябре переброшены на Ближний Восток (Египет). Кроме того, из Англии переброшена одна дивизия в район Гибралтара.

[...]

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁴⁸

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 7. Л. 196–197. Заверенная копия.

Оубл.: Военная разведка информирует... С. 481–482.

№ 16

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О военной экспансии Германии на Балканах»
№ 252538сс 18 октября 1940 г.

Румыния

Данные об образовании новых группировок германской сухопутной армии в районах Богемия, Моравия, Краков, восточная часть Баварии численностью в 30–36 дивизий источниками подтверждаются.

По агентурным данным, перебрасываемые германские войска в Румынию входят в состав этих группировок.

С 6 октября в Румынию начали прибывать германские войска как по железной дороге, так и по Дунаю. До 11 октября через Венгрию проследовало не менее 35 эшелонов.

12 октября через Будапешт в Румынию прошли по Дунаю два парохода с 8 баржами с немецкой пехотой и зенитными частями.

По данным источников, заслуживающих доверия, в Румынию переброшено не менее 3 дивизий, из которых танковая дивизия дислоцирована в районах Брашов, Питешти, Плоешти, пехотная дивизия – в районах Бухарест, Джурджу и «учебная» дивизия – в районах Яссы, Галац.

²⁴⁸ Под документом указана рассылка: «Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берия, Кузнецову, Кулик, Щаденко, Шапошникову ([экз.] унич[тожен]), Мерецкову, Рычагову, Ватутину, Смородинову, Корнееву, Запорожец, в дело».

По сведениям перебежчиков, казармы в Галац, построенные в свое время для эвакуируемого населения из Бессарабии, занимаются немецкими войсками численностью в 7–8 тыс. чел.

Переброска немецких войск в Румынию происходила по трем основным направлениям: 1) Арад, Тимишоара, Крайова; 2) Клуж, Брашов; 3) восточная часть Венгрии.

По агентурным данным, румынское командование продолжает подготовку помещений для немецких войск, отводя свои части, в частности, из района Плоешти в Молдавию, т. к. ожидается прибытие новых немецких частей. По данным, требующим проверки, общая численность немецких войск в Румынии в ближайшее время должна достигнуть 100 тыс. чел.

По тем же данным, в Бухарест прибыла военно-техническая комиссия в составе 30 чел. с задачей руководства фортификационными работами по Дунаю от Галаца до Черного моря.

По сведениям нашего военного атташе в Югославии, немцы перебросили по Дунаю в румынские порты Черного моря подводные лодки, по другим данным, дополнительно – речные катера (мониторы).

По агентурным данным, на аэродроме Банясы около Бухареста находятся 50 истребителей, также на аэродроме Пипера – 70 пикирующих бомбардировщиков, 200 – в Брашове и якобы в Констанцу прибыли итальянские гидросамолеты неустановленной численности, имеющие румынские опознавательные знаки.

Венгрия

По данным нашего военного атташе в Венгрии, венгры прекратили демобилизацию, возвращая отпущенных солдат в армию, и объявили призыв 4 возрастов. Среди населения идут разговоры о назревании войны с Югославией и о разделе ее между державами «оси», где Венгрия также надеется получить часть территории Югославии.

Болгария

По агентурным данным, требующим проверки, в Болгарию прибыли 650 немецких офицеров, 1000 унтер-офицеров, 200 самолетов и 400 легчиков.

Югославия

По данным источника, заслуживающего доверия, Германия предъявила югославскому правительству ряд требований:

1. Отвод войск от германской границы.
2. Предоставление права транзита германских войск в Грецию (Салоники).
3. Права ввода германских войск для охраны путей сообщения: в Белград – 5000 чел. и в район «Железных ворот» (Неготин на Дунае) – 10 000 чел.
4. По непроверенным данным – демобилизовать 25 % югославской армии.

Италия со своей стороны сосредоточила в Албании 160–180 тыс. чел. (7 пд) и на югославской границе – около 700 тыс. чел.

Среди югославских правительственных кругов царит большая нервозность.

Югославское правительство якобы отклонило требования немцев и приступило к призыву 10 возрастов под предлогом повторных сборов, имея в виду увеличение численности армии до 800–900 тыс. чел. (в настоящее время численность армии достигает 600 тыс. чел.).

Из шести имеющихся армий IV армия, численностью 160–180 тыс. чел., сосредоточена на границе с Италией, Германией и Венгрией, III армия, численностью до 100 тыс. чел., – на границе с Албанией.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 33988. Оп. 4. Д. 36. Л. 468–471. Копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 482–484.

№ 17

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«Об итальянской армии»

№ 252578сс²⁴⁹ 29 октября 1940 г.

В связи с началом итало-греческой войны докладываю состав и численность итальянской армии по состоянию на 27 сентября 1940 г.:

1. Общая численность армии – ок[оло] 2 000 000 чел.

2. Состав армии:

Армейских командований – 10

Армейских корпусов – 23

Мотомеханизированный корпус – 1

Подвижный корпус – 1

Автоперевозимый корпус – 1

Альпийский корпус – 1

Пехотные дивизии – 56 (две отдельные)

Механизированных дивизий – 3 (одна отдельная)

Моторизованных дивизий – 2

Подвижных дивизий – 3

Автоперевозимых дивизий – 2

Альпийских дивизий – 6

Дивизий чернорубашечников – 4

Всего дивизий – 76

Отдельных кавполков – 7

Отдельных берсальерских полков – 7

Отдельных танковых полков – 4

3. Против Греции действует 9-я итальянская армия в составе:

Пехотных дивизий – 5

Механизированная дивизия – 1

Альпийская дивизия – 1

Отд[ельный] танковый полк – 1

Албанских батальонов – 7

Общая численность 9-й армии – ок[оло] 200 000 чел. с 260 танками.

4. Дополнительно к имеющимся в Албании итальянским частям туда могут быть перебросены 8–9 пехотных дивизий 3-й армии (Неаполь, Бари, Бриндизи) и до 9 дивизий из центральных районов Италии.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁵⁰

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 7. Л. 239–240. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 484–485.

²⁴⁹ Документ рассекречен 28.04.1989.

²⁵⁰ Под документом указана рассылка: «Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берия, Кузнецову, Кулик, Щаденко, Буденному, Шапошникову ([экз.] унич[тожен]), Мерецкову, Рычагову, Ватутину, Смородинову, Корнееву, Запорожцу, в дело».

№ 18

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О перевозках и сосредоточении германских войск на Балканах»

№ 252580сс 30 октября 1940 г.

По достоверным данным, переброска германских войск на Балканы продолжается.

По состоянию на 29.10 переброшено:

В Румынию – кроме учебной дивизии – 3 пехотных дивизии, танковая дивизия, моторизованная дивизия, авиадивизия (до 600 самолетов), зенитный артполк, саперный полк и до 10 подводных лодок. Прибытие войск продолжается.

В Болгарию – 2 пехотных дивизии и до 150 самолетов.

В Италии – 4 пехотных дивизии, одна мотодивизия, одна танковая и до 300 самолетов.

Часть этих сил находится уже в Ливии.

Достоверными данными установлена концентрация войск на югославской границе в районе: Зальцбург, Грац, Клагенфурт, прибывающих из направлений:

1. Мюнхен, Филлах;
2. Нюрнберг, Зальцбург, Филлах;
3. Нюрнберг, Нассау, Линц, Грац, Клагенфурт;
4. Ческе Будеевице, Линц, Грац;
5. Брно, Вена, Грац, Клагенфурт.

Одновременно отмечается передвижение войск на Восток в направлении нашей границы по железным дорогам: 1) Штеттин, Штольп, Гдыня, Кенигсберг; 2) Берлин, Крейц, Кенигсберг; 3) Франкфурт-на-Одере, Познань и далее на Восток; 4) Галле, Лейпциг, Бреслау, Лодзь и Бреслау – Краков.

Кроме этого, отмечаются ночные переброски германских войск в Румынию по р. Дунай из пунктов: Иеггендорф, Вильгофен²⁵¹, Мелк, Регенсбург и Нассау.

По тем же данным, указывается на давление со стороны Германии и Италии на Болгарию с требованием объявления ультиматума к Греции о присоединения к Болгарии Западной Фракии с выходом в Эгейское море. Это подтверждается посещением в ночь на 26.10 итальянским графом Админо болгарского царя Бориса. Последний после этого якобы заявил своему начальнику отдела дирекции гражданской мобилизации: «Что делать, куда ориентироваться, немцы придут – вовсе провал».

По только что полученным данным, военный совет Болгарии якобы принял решение уволить из армии 8 генералов и 40 полковников. Военный министр генерал Дасколов назначается начальником генерального штаба, а бывший начальник генерального штаба Н.Х. Петков – начальником 3-й армии²⁵² вместо генерала Попова, а начальник Софийского военного училища генерал Михов назначается военным министром. Одновременно происходит перегруппировка болгарских войск к границе с Турцией: переброшены 4-я, 5-я и 6-я пд, ранее дислоцированные на севере Болгарии (Шумен, Русе и Враца).

Выводы:

1. Ранее установленные армейские группировки генерал-полковника Бласковиц (в районе Моравия и Галиция) и генерал-фельдмаршала Рейхенау (в Баварии, Богемии) осуществляют выдвижение в юго-восточном направлении и, как можно судить, сосредотачиваются: армейская группа Бласковица – в Румынии и Болгарии и армейская группа Рейхенау – на югославской границе, одновременно перебрасывая часть своих сил через Италию.

²⁵¹ На полях имеется помета: «На карте не найдены».

²⁵² Так в документе.

2. Переброска немецких войск на Восток из района Берлин требует тщательной проверки.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98. Л. 167–169. Копия.
Опубл.: Военная разведка информирует... С. 485–487.

№ 19

Сопроводительная записка начальника РУ Генштаба Красной армии Ф. И. Голикова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину при агентурном донесении «О задачах германской делегации на предстоящих хозяйственных переговорах в Москве»

№ 252593сс 2 ноября 1940 г.

Представляю дословный текст сообщения источника, заслуживающего доверия, о задачах германской делегации в хозяйственных переговорах между СССР и Германией. Материал заслуживает внимания²⁵³.

Приложение: на 11 листах.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант *Голиков*

Приложение

О задачах германской делегации на предстоящих хозяйственных переговорах в Москве²⁵⁴

В сентябре-октябре 1940 г. немецкое посольство в Москве получило совершенно секретный циркуляр министерства иностранных дел Германии, который был прислан для сведения и который представляет собой доклад Шнурре о состоянии советско-германских торговых взаимоотношений. Этот доклад был написан Шнурре для Риббентропа.

В циркуляре говорится, что все вопросы, затронутые в докладе, между тем были предметом обсуждения с Герингом, и по ним были приняты соответствующие решения в неблагоприятном для СССР смысле.

Доклад Шнурре начинается с короткого обзора переговоров, которые происходили в Москве за время с 24 августа по 12 сентября 1940 г. На этих переговорах выявилось, что общая стоимость немецких поставок в СССР, предусмотренных торговым соглашением от 11 февраля 1940 г., за 1-е полугодие оказалась на 73 млн германских марок меньше, чем это должно было бы быть, согласно заключенному договору.

Советские предложения для уравнивания этой разницы в своей значительной части базировались на требованиях по сокращению сроков поставок по советским заказам в Германии. Советской стороной было сообщено, что она, в соответствии с определениями договора, будет

²⁵³ Имеется помета И. В. Сталина: «Мой архив».

²⁵⁴ Заголовок документа.

вынуждена временно приостановить поставки, если не будет достигнуто предусмотренное пропорциональное соотношение в поставках между поставками СССР и Германии.

Но, однако, в создавшемся положении достигнуть этого уравнивания было невозможно, т. к. «господин рейхсмаршал дал указание избегать всех поставок в СССР таких товаров, которые укрепляют косвенным или прямым путем военный потенциал России». «Если остаются при этом решении, то в самое ближайшее время необходимо считаться с полным прекращением поставок СССР в Германию», – говорится далее в докладе Шнурре. Далее в докладе указывалось, что Германия в настоящее время не может обойтись без советских поставок. Особенно тяжело, по мнению имперского Министерства снабжения, это отразится на положении с зерном. Россия до сих пор поставила в Германию почти 1 млн тонн зерна. Россия также является единственной страной, которая имеет хороший урожай зерновых и поэтому в состоянии и в дальнейшем продавать большое количество зерна. Имперское Министерство снабжения указывает далее, что национальные резервы зерна в этом хозяйственном году будут полностью исчерпаны, так что Германия вступит в следующий хозяйственный год без таких резервов.

В заключение в докладе Шнурре подчеркивается, что хозяйственные связи Германии с такими странами, как Иран, Афганистан, Маньчжоу-Го, Китай, Япония, а через них далее с Южной Америкой, идут исключительно только через СССР, а эти связи во все увеличивающемся объеме используются для снабжения Германии сырьем.

Доклад Шнурре получен 28 сентября 1940 г.

К начинающимся хозяйственным переговорам

Прибывшая в Москву хозяйственная делегация Германии под руководством Шнурре имеет следующие задачи:

1. Избежать временной приостановки советского экспорта в Германию;
2. Включение Бессарабии в советско-германские торговые взаимоотношения,
3. Включение балтийских государств в советско-германские торговые взаимоотношения;
4. Добиться соглашения о взаимных поставках на так называемый второй договорный

год.

К первому вопросу

Делегация опасается, что советская сторона может все-таки ввести временную приостановку советского экспорта в Германию вследствие выросшего до 210 млн германских марок активного сальдо в пользу СССР. В Берлине не удалось добиться благоприятного решения вопроса в соответствии с предложениями советской стороны о сокращении сроков поставок советских заказов в Германию, во всяком случае, это не удастся до конца первого договорного года, т. е. до 11 мая 1941 г. До этого срока нельзя и думать об уравнивании сальдо, неблагоприятного для Германии. Шнурре и Шлоттер (даже если они во время переговоров будут утверждать обратное) убеждены в том, что уравнивание сальдо и повышение немецких поставок до 11 мая 1941 г. невозможно, т. к. в сентябре и октябре немецкие поставки даже не могли быть выполнены в нормальных месячных количествах. Сейчас отсутствуют какие-либо данные, для того чтобы можно было рассчитывать на более или менее значительное повышение немецкого экспорта в СССР в последующие месяцы. Для Шнурре и Шлоттера совершенно ясно, что они здесь находятся в исключительно тяжелом положении, и будут пытаться несколько сгладить плохое впечатление, которое оставляет благоприятное для СССР сальдо в 210 млн германских марок, путем различных расчетных махинаций. Кроме того, они предусматривают как можно меньше останавливаться на вопросе сальдо и основное внимание сконцентрировать на их основной задаче – добиться соглашения на второй договорной год в отношении товарообмена между СССР и Германией. Они надеются таким путем, исключив основной вопрос (благоприятное сальдо), обойти опасность прекращения советского экспорта и добиться непрерывающегося экспорта советских товаров, которые сейчас совершенно необходимы для Германии.

Ко второму вопросу

Делегация предусматривает потребовать поставок за счет Бессарабии, масленичных семян, зерна и т. д. на общую сумму 40 млн германских марок. В 1-е полугодие эти поставки должны идти по особому соглашению, т. е. рассматриваться как особая сделка, чтобы можно было добиться дальнейших дополнительных поставок из Бессарабии из урожая 1941 г.

Оплата поставок из Бессарабии по возможности в значительной своей части должна идти за счет ликвидации немецкой собственности в Бессарабии. Однако весьма сомневаются в том, что советская сторона согласилась бы на такое разрешение вопроса.

Идти на то, чтобы поставки из Бессарабии шли в рамках особой торговой сделки, источнику кажется весьма рискованным.

По третьему вопросу

Предусматривается потребность дополнительных поставок из балтийских государств на общую сумму в 50 млн германских марок. Также в этом случае оплата поставок в значительной мере должна идти за счет ликвидации немецкой собственности в этих странах, собственности переселенцев и т. д. В дальнейшем будут предъявлены претензии к балтийским фирмам. Между этими претензиями также находятся такие, которые еще раньше считались весьма сомнительными.

По четвертому вопросу

Делегация предусматривает предложить советской стороне взаимные обязательства по поставкам на второй договорной год на общую сумму в 500–550 млн герм[анских] марок (включая дополнительные поставки из Бессарабии и балтийских стран), причем советские поставки должны быть закончены к 11 февраля 1942 г. и немецкие поставки – к 11 мая 1942 г. Из списка товаров советского экспорта предусматривают вычеркнуть такие товары, как, например, авиационный бензин, автобензин и т. д., в которых сейчас в Германии нет острой нужды, для того чтобы добиться поставок зерна в размере 2 млн тонн. Шнурре, однако, хочет говорить об этих 2 млн тонн только в том случае, если ему покажется момент благоприятным для этого. Также хотят попытаться достигнуть того, чтобы новые поставки зерна начались непосредственно после окончания поставок зерна, предусмотренных в первом договорном году.

Для Шнурре и Шлоттера совершенно ясно, что вопрос с немецкими поставками весьма проблематичен, а именно исходя из следующих соображений:

а) Для так называемого второго договорного года уже заключены многочисленные сделки между советскими импортными организациями и немецкими фирмами. Однако является сомнительным, могут ли быть выдержаны предусмотренные сроки поставок. Основания для этого будут освещены в другой связи более подробно.

б) Предложенные советской стороне новые поставки на второй договорной год очень трудно выполнить, т. к. германская промышленность полностью достигла своей производственной мощности и дальнейшее повышение мощности невозможно. Поэтому должны считаться с тем, что указанные при этом сроки поставок в дальнейшем все равно окажутся нереальными, как это оказалось для сроков поставок, предусмотренных в первом договорном году, когда они также оказались нереальными.

в) Можно совершенно безошибочно принять, что по истечении первого договорного года значительное отставание немецкого экспорта в СССР (предусмотренного договором) останется. К этому надо добавить, что немецкая промышленность, которая не была в состоянии выполнить поставки в первом договорном году на 420–430 млн герм[анских] марок, должна будет во втором договорном году выполнить поставки не только на сумму в 500 млн марок, а, по всей вероятности, на сумму от 500 до 700 млн марок, не считая еще поставок, предусмотренных кредитным соглашением. В связи с тем, что как и раньше, так и теперь форсируется вооружение Германии, такая программа поставок с самого начала кажется совершенно безнадежной.

На возражения такого рода немецкая сторона, возможно, будет указывать, что для второго договорного года уже имеются твердые соглашения с твердо обусловленными сроками поставок, чего в первом договорном году не было. Но этот аргумент только частично соответствует действительности, т. к. эти «твердые» сроки поставок никоим образом не являются твердыми.

Перед возвращением Шнурре в Берлин после переговоров в сентябре Геринг дал указание, чтобы в СССР в будущем ничего не экспортировалось, что могло бы косвенным или прямым путем укреплять военную мощь СССР.

Это распоряжение означало бы, что большинство машин, сооружений и приборов, заказанных Советским Союзом, могло бы быть не поставлено. После того как Геринг убедился в том, что при существующем в Германии положении в области сырья и продуктов питания советско-германский товарообмен не только должен быть сохранен, но и расширен, – после этого упомянутое распоряжение было отменено и заменено другим. Но нет никакой гарантии в том, что в один прекрасный день Геринг снова отдаст такое же распоряжение.

По существующему сейчас положению, все русские заказы будут выполняться с такой же поспешностью, как и обычные военные заказы Германии. Это нужно понимать следующим образом: в германской промышленности существуют различные группы, в зависимости от степени необходимости тех или иных заказов. Заказы высших ступеней, т. н. самые спешные заказы, должны выполняться заводами в первую очередь, раньше всяких других работ, причем закрепленные договорами сроки поставок и т. д. не играли абсолютно никакой роли. При этом не принимается во внимание и то, что тот или иной завод уже занят выполнением какого-нибудь спешного заказа. Работы по выполнению такого заказа немедленно прерываются и возобновляются только тогда, когда будет выполнен поступивший сверхсрочный заказ. За сверхсрочными заказами следуют т. н. «заказы 1а». К этой группе 1а принадлежат, между прочим, и обычные (нормальные) военные заказы, к которым сейчас и приравнены советские заказы. Так называемая «Зондер-программа», (особая) программа вооружений, которая неоднократно имела место в этом году, принадлежит к сверхсрочным заказам, которые выполняются раньше, чем нормальные военные заказы, а следовательно, и раньше, чем русские. Выполнение этой программы и явилось главным тормозом уже в этом году в невыполнении германских поставок Советскому Союзу. Неуверенность в выполнении этих поставок еще продолжает существовать. Сроки, установленные фирмами и делегацией, до тех пор можно считать реальными, пока не будет составлена новая «Зондер-программа», которая, несомненно, нарушит все установленные сроки. А такую программу, безусловно, нужно ожидать. Кроме того, после упомянутого распоряжения Геринга о приравнивании русских заказов к нормальным военным заказам развивалась такая практика, что военные инстанции часто переименовывают нормальные военные заказы в сверхсрочные заказы для того, чтобы их выполнили раньше русских заказов, так что русские заказы снова откладываются. Наконец, появилась еще новая ступень заказов, которая должна быть выполнена еще более спешно, чем сверхсрочные заказы. Речь идет здесь о недавно составленной новой программе вооружений, которая носит название «Программа оси». Эта программа относительно небольшая, но нужно иметь в виду, что за этой последуют другие программы, так что русские заказы фирмы будут выполнять в третью или даже в четвертую очередь. Поэтому сегодня нельзя говорить ни о каком определенном сроке, который бы действительно был выдержан.

В дальнейшем еще следует обратить внимание на следующее: немецкие предприятия имеют, благодаря заказам армии, которые все время увеличиваются, колоссальную нагрузку, однако они испытывают острый недостаток в квалифицированной рабочей силе, который значительно снижает производственную мощность этих предприятий.

Следует особенно отметить, что германская колоссальная армия до сих пор не была совершенно сокращена, так, например, в наступающую зиму будут даны краткосрочные

отпуска только 350 000 чел. (главным образом квалифицированным рабочим). Однако весной должны быть призваны не только эти 350 000 чел., но также призван целый новый возраст, что, конечно, поставит немецкую промышленность перед еще большими трудностями.

Так как в Германии никто не понимает, где и против кого должны будут применены эти массы солдат, то останется и повсюду распространяется прежнее мнение о том, что они могут быть применены только против СССР.

Суммируя, можно сказать, что, согласно приведенным данным, все поставки, о которых был договор с немецкими фирмами или о которых вела переговоры специальная делегация, крайне сомнительны. Исходя из вышеизложенного, можно твердо сказать, что поставка заказов задержится.

С другой стороны, немецкая сторона будет требовать с большой поспешностью точного выполнения поставок советской стороной согласно договору. Теперь это выглядит так: согласно опыту первого года, необходимо еще быстрее, чем прежде, заключить договор на второй год, который представит возможность немецкой стороне несколько задержать выполнение поставок и уменьшит опасность того, что СССР первый потребует этого.

Чтобы предотвратить это, необходимо:

1. До соглашения с Германией приостановить советские поставки. И только после того, как Германия свой договор по поставкам выполнит, начать снова их выполнение.

2. Так как оказалось, что полугодовой баланс взаимных поставок не был выполнен, чтобы преодолеть выявившееся исключительно большое отставание немецкого экспорта для второго договорного года, необходимо ввести кварталное подведение баланса. Таким образом, немецкая сторона будет, возможно, вынуждена ее поставки распределить равномерно по месяцам и не переносить основное количество поставок на последние недели или месяцы договорного срока. Поэтому была бы создана также возможность быстрее, чем до сих пор, принять соответствующие мероприятия против дальнейшего увеличения отставания немецкого экспорта и роста пассивного для Германии сальдо.

3. От немецкой стороны можно было бы потребовать правительственной гарантии, для того чтобы обусловленные с фирмами сроки поставок были действительно выдержаны, так как фирмы сами, конечно, не в состоянии указанные ими сроки выполнить. Конечно, такая правительственная гарантия имела бы, однако, сомнительную ценность. Большую ценность эта гарантия имела бы в тактическом отношении при ведении переговоров.

4. Большие трудности в снабжении в настоящее время в Германии по всем данным относятся к снабжению зерном. Поэтому было бы подходящим средством давления на германскую сторону, чтобы заставить ее выполнить обязательства по поставкам, если бы вновь обусловленные поставки зерна не выполнялись бы ранее, чем до сих пор имеющееся или, возможно, могущее возникнуть в будущем отставание немецкого экспорта было бы целиком и полностью ликвидировано.

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–12. Подлинник.

Приложение – заверенная копия.

Оубл.: Военная разведка информирует... С. 487–492.

№ 20

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О концентрации германских войск в Австрии»
№ 252603сс²⁵⁵ 4 ноября 1940 г.

²⁵⁵ Документ рассекречен 16.01.2012.

Докладываю:

1. По агентурным данным, заслушивающим доверия, в Австрии закончена концентрация немецких войск в районе Вена, Линц, Филлах, Клагенфурт, Баден. В районе Клагенфурт преобладают моторизованные части.

2. По тем же данным производится переброска германских войск из Франции в Австрию. Транспорты с войсками прибывают в Мельк, Штейр, ст. Пельтен, Кремс, где грузятся на речные транспорты Дуная.

3. Из Гамбурга производится усиленная отправка моторизованных частей для помощи Италии в войне с Грецией. Отправка якобы идет через Югославию.

Вывод: Германия сосредотачивает войска на венгро-югославской границе.

Начальник Разведывательного управления

Генерального штаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁵⁶

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 3. Заверенная копия.

№ 21

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О заготовке Германией авиационных лыж в Чехословакии»

№ 252604сс²⁵⁷ 4 ноября 1940 г.

Докладываю:

По данным РО ЗапОВО для снабжения немецких авиационных частей, расположенных на территории б[ывшей] Польши, Германией заказаны в Чехословакии 30 000 авиационных лыж.

Начальник Разведывательного управления

Генерального штаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁵⁸

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 4. Заверенная копия.

№ 22

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«Ход сосредоточения германских войск
в Румынии»

№ 252608сс²⁵⁹ 5 ноября 1940 г.

Докладываю:

²⁵⁶ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Запорожец; № 9 – т. Мерцкову; № 10 – т. Ватутину; № 11 – Виноградову; № 12 – в дело».

²⁵⁷ Документ рассекречен 28.04.1989.

²⁵⁸ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Тимошенко; № 5 – т. Мерцкову; № 6 – т. Рычагову; № 7 – т. Ватутину; № 8 – в дело».

²⁵⁹ Документ рассекречен 28.04.1989.

Вновь поступают сведения и подтверждают сосредоточение германских войск в Румынии как по железным дорогам, так и водным транспортом (по р. Дунай).

За период с 01.10.[19]40 по 31.10.[19]40 нашими источниками учтено прибытие в Румынию 300 германских эшелонов с войсками и материальной частью.

Кроме того, с 18.10 по 31.10.[19]40 ежедневно отмечалось движение войск, в среднем по два эшелона в сутки, по железным дорогам Сату-Маре, Ден, Орадеа-Маре, Клун; в Тимишоара, Турн[у]-Северин. Итого по 31.10 прошло 78 эшелонов.

Следовательно, по 31.10.[19]40 включительно прибыло в Румынию до 380 эшелонов, что составляло не менее 6 пехотных дивизий (из расчета 55–60 эшелонов на дивизию).

Одновременно установлена переброска немецких войск по р. Дунаю. По нашим расчетам, за период с 04.10 по 31.10 [19]40 переброшено не менее 108 барж, или около 2 пехотных дивизий.

Кроме того, моторизованные и танковые части производили сосредоточение самостоятельно по дороге Орадеа-Маре, Клук, Брашов, Бухарест.

Прибывшие в Румынию германские пехотные части объединены в два армейских корпуса, штабы которых, по агентурным данным, якобы расположены в Турну-Северин и Галац.

Данными наших источников за период с 15.10 по 25.10.[19]40 засечено прибытие из Германии 620 самолетов, которые сведены в воздушную дивизию. Германские ВВС занято 10 аэродромов, из них 8 – в нефтяных районах, 1 – в Констанца, 1 – в Тульча.

Общая численность переброшенных в Румынию германских танков определяется в 445 штук, из них 300 танков было засечено 15.10 в районе Галац и 145 были переброшены по железной дороге в последних числах октября.

В конце октября в Румынию была переброшена кавалерийская часть численностью в 5–6 тыс. чел.

В течение октября месяца нашими источниками была засечена отправка в Румынию (в Констанцу) до 10 подводных лодок, которые перевозились в разобранном виде.

На территории Румынии находятся 32 германских склада, предназначенные для обслуживания немецких частей, расположенных в Венгрии, Румынии и Болгарии.

Исходя из вышеприведенных данных, Разведывательное управление Генерального штаба считает, что в Румынии на 01.11.1940 находилось:

- Пехотных дивизий – 6
- Учебных дивизий – 1
- Моторизованных дивизий – 1
- Танковых дивизий – 1
- Кавалерийских дивизий – 1
- Воздушных дивизий – 1
- Полков ПВО – 1
- Саперных полков – 1

Общая численность прибывших германских войск в Румынию (по расчетным данным РУ Генштаба КА) составляет около 150 тыс. чел.

Вывод:

Германские части, сосредоточенные в Румынии, принадлежат к оперативной группе генерала Бласковиц.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁶⁰

²⁶⁰ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Шапошникову; № 6 – т. Тимошенко; № 7 – т. Берия; № 8 – т. Кузнецову; № 9 – т. Ватутину; № 10 – т. Виноградову; № 11 – т. Мерецкову;

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 17–19. Заверенная копия.
Опубл.: Военная разведка информирует... С. 492–494.

№ 23

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О перебросках немецких войск на Балканы и возможном выступлении Германии против Греции»

№ 252610сс²⁶¹ 9 ноября 1940 г.

Докладываю:

По вновь поступившим данным от наших источников в Румынии и Болгарии, армия генерал-полковника Бласковиц, ранее занимавшая район Моравии и Галиции, закончила сосредоточение в Румынию. Таким образом, на территории последней к данному времени находится 15–17 дивизий.

По сведениям наших источников, Германия якобы 04.11 вечером предъявила секретный ультиматум Югославии и Болгарии, требуя пропуска германских войск в Грецию. Греки ожидают в течение ближайших 8–9 дней наступления Германии против Греции.

Ближайшая цель операции якобы является Салоники. Для этой цели могут быть использованы:

- немецкие войска, сосредоточенные на границе с Югославией (группа генерал-фельдмаршала Рейхенау), через Югославию;
- немецкие войска, находящиеся в Румынии (группа генерал-полковника Бласковиц), через Болгарию.

По сведениям, полученным от нашего источника в Софии, весь порожняк железнодорожных вагонов сосредотачивается к Дунаю (Виден, Лом, Орехово, Никополь, Русе) для переброски немецких войск на юг Болгарии.

В Болгарии якобы происходит скрытая мобилизация. Военная академия закрыта, все слушатели академии посланы по частям согласно мобназначению.

Из 4-й, 5-й и 6-й дивизий развертываются новые пехотные дивизии.

К болгарскому генштабу якобы прикомандировано 5 высших германских офицеров во главе с полковником генштаба фон Ингельбарт.

Кроме того, из Германии в Болгарию прибыло 14 самолетов «Мессершмитт». Их прибытие хранится в строгой тайне.

В Турции идет подготовка к мобилизации запасных рождения 1901–1907 гг. Мобилизация якобы начнется с 09.11.[19]40.

Установлено, что с 22.10 Чакмак проводил инспектирование частей, расположенных в Восточной Анатолии (Эрзурум, Карс, Сарыкамыш, Ардаган), и в настоящее время находятся в районе Ван (в этом районе расположены части 17-го ак).

Кроме установленной переброски немецких войск на Балканы, по данным, требующим проверки, отмечается сосредоточение германских частей неустановленной численности в районе Краков, Лодзь и Глейвиц.

В районе Оломоуц, Шумперк якобы ведутся дорожные работы и оборудуются аэродромы.

По данным нашего источника, украинские резервисты бывшей Польши в числе 240 тыс. размещены в польской части Германии и из них якобы формируются военные единицы.

№ 12 – т. Запорожец; № 13 – в дело».

²⁶¹ Документ рассекречен 28.04.1989.

Кроме того, в Праге открыли курсы по подготовке резидентуры для заброски в СССР.

Выводы:

1. Германия продолжает сосредоточивать свои войска на Балканы. Не исключено, что в ближайшее время Германия выступит против Греции и овладеть Балканским полуостровом, используя его как плацдарм для дальнейших действий против Турции и английских колоний.

2. Одновременно с этим Германия проводит мероприятия, направленные против СССР (сосредоточение войск в районе Краков, Лодзь, Глейвиц и подготовка украинских резервистов).

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁶²

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 20–22. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 494–495.

№ 24

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«Группировка болгарской армии на 15.11.1940»

№ 252634сс²⁶³ 15 ноября 1940 г.

По агентурным данным, заслуживающим доверия, Болгария сосредоточила на своих южных границах 9 пехотных дивизий и одну кавалерийскую; из них на болгаро-турецкой границе 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я пд, 2-я кд и на болгаро-греческой границе 1-я, 7-я, 8-я и 10-я пд.

Кроме того, предполагается наличие до двух германских моторизованных дивизий, штабы которых предположительно находятся в Елхово и Харманли.

В северной части Болгарии, в районах пребывания кадровых дивизий, формируются резервные дивизии (11-я пд на базе 1-й пд, 14-я пд из состава 6-й пд и 15-я пд на 5-й пд) по плану мобразвертывания болгарской армии, доложенному в Спецсообщении РУ Генштаба Красной армии за № 252436 от 08.10.1940.

Приложение: 1 схема²⁶⁴.

Начальник Разведывательного управления

Генерального штаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁶⁵

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 23. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 495–496.

²⁶² Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Кузнецову; № 7 – т. Берия; № 8 – т. Мерецкову; № 9 – т. Ватутину; № 10 – т. Рычагову; № 11 – т. Запорожец; № 12 – т. Виноградову; № 12 – в дело».

²⁶³ Документ рассекречен 28.04.1989.

²⁶⁴ Не публикуется.

²⁶⁵ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Запорожец; № 9 – т. Мерецкову; № 10 – т. Рычагову; № 11 – т. Ватутину; № 12 – т. Виноградову; № 12 – в дело. Допечатано 5 экз.: № 14 – т. Шапошникову; № 15 – т. Буденному; № 16 – т. Кулик; № 17 – т. Щаденко; № 18 – т. Смородинову».

№ 25

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О возможном выступлении Болгарии против
Греции и Турции»
№ 252661сс²⁶⁶ 21 ноября 1940 г.

Докладываю:

Болгария усиленными темпами ведет подготовку и активным военным действиям против Греции (в первую очередь) и Турции, о чем свидетельствуют следующие вновь поступившие факты:

1. Сосредоточение 10 болгарских дивизий на южной границе, из них: против Греции – пять (1-я, 5-я, 7-я, 8-я и 10-я пд), против Турции – пять (2-я, 3-я, 4-я, 6-я и 2-я кд).

Таким образом, из предусмотренного мобилизационным планом развертывания семи дивизий, отмобилизовано пять.

Общая численность болгарской армии составляет 350–400 тыс. чел.

2. Весь железнодорожный порожняк сосредоточен на р. Дунай в пунктах Русе, Никополь, Свищев, с целью переброски германских частей из Румынии на юг Болгарии.

3. Германским командованием закончена разработка маршрута и баз в Болгарии, что видно из копии донесения германского ВАТ в Софии полковника Брюкман.

4. Прибытие в Болгарию фон Типпельскирх, который в конце сентября находился в Румынии и вел подготовительную работу по сосредоточению там германских войск.

5. Распространение слухов среди высших болгарских кругов о предполагаемом выступлении Болгарии в течение текущего месяца.

6. Переброска в Болгарию германских самолетов, которых в настоящее время насчитывается более 200.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁶⁷

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 25–26. Заверенная копия.

№ 26

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О встрече Гитлера с царем Борисом и решение королевского военного совета болгарской армии предъявить ультиматум Греции»
№ 252667сс²⁶⁸ 22 ноября 1940 г.

Докладываю:

²⁶⁶ Документ рассекречен 28.04.1989.

²⁶⁷ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – Буденному; № 9 – т. Кулик; № 10 – т. Щаденко; № 11 – т. Шапошникову; № 12 – т. Мерецкову; № 13 – т. Ватутину; № 14 – т. Рычагову; № 15 – т. Запорожец; № 16 – т. Виноградову; № 17 – в дело».

²⁶⁸ Документ рассекречен 07.02.2012.

По сведениям военного атташе СССР в Болгарии, 14 ноября 1940 г. в Софии был созван военный совет, на котором обсуждались следующие германские требования, предъявленные послом Германии фон Рейтгофен²⁶⁹:

- «1) Открытое присоединение Болгарии к Германии и Италии.
- 2) проведение всеобщей мобилизации для выступления против Греции».

Военный совет отклонил эти требования, мотивируя свой отказ недостатком вооружения и нездоровыми настроениями в армии, о чем было сообщено Гитлеру специальным письмом.

После этого Гитлер пригласил [царя Бориса в] Берлин, прислав свой самолет 16 ноября в Болгарию.

17 ноября состоялась встреча Гитлера с царем Борисом, во время которой рейхсканцлер сказал: «Если вы требуете Западную Фракию, то берите ее силой оружия, иначе она будет захвачена итальянцами».

Гитлер дал Болгарии недельный срок, чтобы последняя открыто присоединилась к Германии и Италии.

При выполнении германских требований Болгария получает Западную Фракию и частично Македонию с городами: Драма, Серры и Кавала. Кроме того, Гитлер сообщил Борису, что «если Югославия присоединится к державам оси, то она получит другую часть греческой территории в Салоники. Германия взамен этого получит от Югославии выход к Адриатическому морю».

По возвращении Бориса в Болгарию, 19 ноября был созван вторично коронный военный совет, на котором было принято следующее решение:

- 1) Болгария предъявит требование Греции о возвращении Западной Фракии и части Македонии с городами Драма, Серры и Кавала.
- 2) В случае отказа Греции выполнить эти требования Болгария вступает в войну.

По агентурным данным, требующим проверки, возможно, что во время проведения учений по ПВО (23.11 по 01.12) германские войска из Румынии будут переброшены в Болгарию.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁷⁰

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 27–28. Заверенная копия.

№ 27

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О новых перегруппировках немецких войск на Балканах»
№ 252724сс 10 декабря 1940 г.

Докладываю:

Вновь поступившими агентурными данными подтверждаются ранее доложенные сведения о переброске в Румынию всей группы генерала Бласковица в составе 15–17 дивизий.

Группировка германских войск на восточной границе Румынии – согласно прилагаемой схеме²⁷¹.

²⁶⁹ Так в документе. Правильно – «фон Рихтгофен».

²⁷⁰ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Мерецкову; № 6 – т. Кузнецову; № 7 – т. Ватулину; № 8 – т. Тимошенко; № 9 – т. Щаденко; № 10 – т. Кулик; № 11 – т. Буденному; № 12 – т. Берия; № 13 – т. Шапошникову; № 14 – т. Рычагову; № 15 – т. Запорожец; № 16 – т. Виноградову; № 17 – в дело».

²⁷¹ Не публикуется.

Кроме того, начиная со второй половины ноября, отмечается перегруппировка немецких войск в районе Пильзен, Прага, Оломоуц, Брно, Вена и Братислава. Так, например, 16.11 через Прагу на юг проследовала мотомехбригада; 16.11 и 20.11 из Пильзен в южном направлении проследовали до 2000 автомашин с войсками и мотомехколонна; около 50 000 чел. перебросено эшелонами по маршруту Шумперн, Штернберк, Оломоуц, Брно на Зноймо и до 10 эшелонов тяжелой артиллерии – из Пардубице через Оломоуц на Братислава, Вена.

За этот же период времени, по данным РО КОВО, отмечается уменьшение группировки перед нашей западной границей. Из районов Кельцы, Краков, Остров Мазовецкий убыли в неизвестном направлении 3-я и 12-я танковые дивизии, 221-я пех[отная] дивизия и до пехотной дивизии из района Красностав, Красник. По непроверенным данным, из Кракова отмечается убытие штаба 4-й армии. Переброска войск в Протекторате продолжается. Этими же данными установлено открытое проникновение немецких войск в Болгарию.

С 01.12 по 06.12.[19]40 в Болгарию проследовало с немецкими войсками: один эшелон в составе 40 вагонов и 185 автомашин, что по расчетным данным составляет около полка.

Кроме того, ведется подготовка к приему на болгарских аэродромах германских ВВС, для чего 04.12 на Бужурище прилетели германские офицеры.

Отмечается также прибытие в Болгарию свыше 250 тракторов-тягачей.

Вывод:

Вместо убывшей в Румынию группы Бласковиц германское командование создает новую группировку в восточной части Протектората.

По-видимому, Германия намерена разрешить балканскую проблему до начала весны.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁷²

РГВА. Ф. 33988. Оп. 4. Д. 36. Л. 580–581. Копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 496–497.

№ 28

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О мобилизации в Германии и формировании новых соединений»

№ 252742сс²⁷³ 14 декабря 1940 г.

По сведениям, полученным из Берлина от нескольких военных атташе иностранных государств (Америка, Китай, Югославия), немецкое командование, начиная с последних дней ноября по 13 декабря, произвело призыв новых резервов различных возрастов от 20 до 46 лет.

В числе мобилизуемых имеются лица, оставленные ранее:

а) работать на оборону;

б) по болезни;

в) не совсем оправившиеся от ранений.

Формируются новые 22–24 пехотные дивизии.

Всего призвано 300 000 чел.

²⁷² Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Буденному; № 9 – т. Кулик; № 10 – т. Щаденко; № 11 – т. Шапошникову; № 12 – т. Мерцкову; № 13 – т. Ватулину; № 14 – т. Рычагову; № 15 – т. Запорожец; № 16 – т. Виноградову; № 17 – в дело».

²⁷³ Документ рассекречен 28.04.1989.

Кроме того, по сообщению из Берлина, со второй половины ноября немцы приступили к формированию новых 3–5 танковых, 3–5 авиадивизий и значительного числа зенитной артиллерии, используя на формирование новых соединений главным образом трофеи. Командиром одной из формируемых танковых дивизий назначен начальник танкового училища – генерал Капке.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁷⁴

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 32. Заверенная копия.
Опубли.: Военная разведка информирует... С. 497–498.

№ 29

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О группировке немецких войск в Румынии и новые переброски»
№ 25278бсс²⁷⁵ 30 декабря 1940 г.

Докладываю:

В результате проверки разноречивых, многочисленных сведений устанавливается следующий состав немецких войск, находящихся в Румынии:

Пехотных и моторизованных дивизий – 7

Танковых дивизий – 1

Авиационных дивизий – 1

Зенитных арtpолков – 2

Саперных полков – 1

Кроме того, по сведениям, требующим проверки, в Банате (район Темишоара и южнее) расположено до двух пехотных дивизий и одна танковая дивизия. Командует войсками в этом районе генерал Хубе.

Группировка войск в Румынии показана на прилагаемой схеме²⁷⁶.

Немецкие саперные части и строительные отряды Тодта вместе с румынами усиленно строят оборонительные сооружения на р. Прут на участке Хуши, Галац и в районе Фокшанских ворот.

В январе ожидается новая крупная переброска немецких войск в Румынию через Венгрию, что подтверждается следующими данными:

а) между немцами и венграми существует договоренность о пропуске в Румынию в течение января по 40 эшелонов в сутки, что частично подтверждается опубликованными в венгерской прессе сообщениями о сокращении с 28 декабря пассажирского движения из-за чрезвычайных транспортных условий;

б) получением администрацией румынских железных дорог приказа о подготовке железнодорожного транспорта для предстоящей переброски войск;

в) отменой с 29 декабря движения 64 поездов в сутки в Словакии.

²⁷⁴ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; <№ 7 – т. Запорожец; № 8 – т. Кулик; № 9 – т. Щаденко; № 10 – т. Буденному; № 11 – т. Шапошникову; № 12 – т. Мерецкову; № 13 – т. Ватутину; № 14 – т. Виноградову>; № 15 – в дело». Часть рассылки, выделенная угловыми скобками, в тексте зачеркнута, имеется приписка: «Вычеркнутые экземпляры уничтожены нач[альником] РУ. 14.12. Новобранец».

²⁷⁵ Документ рассекречен 28.04.1989.

²⁷⁶ Не публикуется.

По сведениям, требующим проверки, в Румынию ожидается прибытие шести штабов армейских корпусов.

Выводы:

Намеченное усиление немецких войск в Румынии, очевидно, имеет целью созданию крупной группировки для действий против Греции через Болгарию и, возможно, против Югославии и Турции.

Строительство укреплений на линии Хуши, Галац и в районе Фокшанских ворот, а также группировка значительных сил к северо-востоку от Бухареста, по-видимому, имеет целью обеспечение действий немецких войск со стороны СССР.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁷⁷

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 33–34. Заверенная копия.
Опубл.: Военная разведка информирует... С. 499–500.

№ 30

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О переброске германских войск в Румынию и проникновение немцев в Болгарию»
№ 660037сс²⁷⁸ 15 января 1941 г.

Румыния

Переброска германских войск, вооружения и снаряжения в Румынии продолжается. Основным направлением, по которому совершаются перевозки, являются: Вена, Будапешт, Сольнок, Арад. Темп перевозки – 20–25 эшелонов в сутки. Станция Арад является распределительным пунктом, откуда эшелоны направляются по ж.д. линии Тимишоара, Крайова на Дунай или через Брашов, Плоешти, Черновода в Добруджу. Частично переброски немецких войск и вооружения идут в северную часть Молдавии по ж[елезно]д[орожной] линии Орадеа-Маре, Клуж, Быстрица, Кымпулунг, а также из района Плоешти-Фокшани через Бакэу, Роман. Всего в Румынии на 10.01.[19]41 выявлено: 11 пехотных и моторизованных дивизий, одна танковая и одна авиационная дивизии общей численностью до 250 тыс. чел. и до 400 самолетов. Германские войска в Румынии возглавляет генерал-фельдмаршал Лист. Главный штаб верховного командования германских войск на Балканах будет размещен в Бухаресте.

Поступившие сведения о том, что в течение января и февраля состав германских войск в Румынии будет доведен до 18–20 дивизий общей численностью 400 тыс. чел., подтверждаются и агентурными данными. Группировка немецких войск в Румынии в настоящее время такова, что позволяет использовать их как против Болгарии, так и против СССР. (Схема прилагается²⁷⁹.)

Производится техническая подготовка переправ через Дунай в Корабия, Турну-Магурели, Зимниче, Джурджу и Олтеница. На жел[езно]дор[ожной] линии Черновода, Меджия до болгарской границы производится смена рельс и усиление пропускной способности. Ожидается прибытие в Румынию 400 немецких советников по организации жел[езно]дор[ожного]

²⁷⁷ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Мерцкову; № 9 – т. Шапошникову; № 10 – т. Запорожец; № 11 – т. Буденному; № 12 – т. Кулик; № 13 – т. Ватутину; № 14 – т. Виноградову; № 15 – в дело».

²⁷⁸ Документ рассекречен 07.02.2012.

²⁷⁹ Не публикуется.

сообщения, службы ПВО и т. д. Одновременно с этим отмечается продолжение строительства оборонительных сооружений по линии р. Серет в районе Фокшани, Мэрешешти, Текучи.

Болгария

Начиная с декабря прошлого года, германские солдаты и офицеры, преимущественно технических частей (связисты, саперы, зенитчики и т. п.), перевозились небольшими группами на грузовых автомашинах через Южную Добруджу и размещались в северной части Болгарии. На 10.01.[19]41 общее количество германских военнослужащих, размещенных в 64 населенных пунктах северной Болгарии, достигает 3000 чел. Кроме них в Болгарии насчитывается до 1000 чел. немцев под видом разных «туристов», врачей и проч. По данным, требующим проверки, кроме вышеуказанного количества немцев, на юге Болгарии, предположительно в районе Клхово, Тополовград, имеются штабы и кадры двух германских моторизованных дивизий. По тем же данным на аэродромах в Вратца, Телеш, Луковит, Плевен, Ловеч немцы установили по одной зенитной батарее и радиостанции, а в районе Вратца, Луковит, Тетевен, Орхание производят топографические съемки маршрутов, проходящих через перевалы на Балканском хребте. (Схема прилагается²⁸⁰.)

Население Болгарии встречает немцев враждебно. Зафиксировано несколько случаев избиения немецких солдат болгарскими в городе Севлиево и в селах Угорчин и Долна Метрополия. Среди болгарских солдат существует недовольство и возмущение лучшим питанием немцев, размещенных в общих казармах в городе Плевен. Большая часть болгарского высшего командования относится к немцам, находящимся в Болгарии, а также к возможному проходу их частей через Болгарию лояльно.

05.01.[19]41 в присутствии царя Бориса состоялся военный совет. Военный министр генерал-лейтенант Даскалов сделал доклад о результатах мобилизации. Было принято решение к 15 февраля привести армию в полную мобилизационную готовность. В заключительном слове царь Борис обратил внимание присутствующих на тяжелое положение Болгарии и предупредил о возможности войны.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁸¹

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 1–4. Заверенная копия.

№ 31

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О мобилизационных мероприятиях в сопредельных с СССР капиталистических странах»

№ 660159сс²⁸² 14 февраля 1941 г.

Докладываю:

Агентурными данными установлено некоторое оживление в предвесенний период мобилизационных мероприятий в сопредельных с нами капиталистических странах:

²⁸⁰ Не публикуется.

²⁸¹ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Тимошенко; № 5 – т. Ворошилову; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Мерецкову; № 8 – т. Ватутину; № 9 – т. Буденному; № 10 – т. Шапошникову; № 11 – т. Запорожец; № 12 – т. Кулик; № 13 – т. Рычагову; № 14 – т. Кузнецову; № 15 – т. Виноградову; № 16 – в дело; № 17 – т. Жданову; № 18 – т. Маленкову. Допечатано по приказанию генерал-майора [Рубина].»

²⁸² Документ рассекречен 28.04.1989.

Германия

Германское командование изыскивает все меры к максимальному увеличению уже имеющейся 8 млн армии. Основной контингент для новых формирований берется из лиц, работающих в военной промышленности и имевших ранения в войне с Польшей и на Западе. Призываемые в армию рабочие из военной промышленности заменяются рабочими из оккупированных областей и Италии. Начиная с октября 1940 г. должно было быть дополнительно мобилизовано около 1,5 млн чел., из них 750 тыс. чел. в армию, остальные для военной промышленности; в январе 1941 г. в собственно Германии проведен призыв в возрасте от 40 до 45 лет, а также лиц, выздоровевших после ранения.

Имеются сведения о дополнительном формировании 25 пехотных, 5 танковых и 5 моторизованных дивизий, окончательное формирование которых должно быть закончено к 1 марта, кроме того, формируются экспедиционные корпуса (количество неизвестно) из лиц, участвовавших в войне в Испании и годных к несению военной службы в африканских условиях.

Румыния

По агентурным данным, в Румынии происходит призыв резервистов. Целью призыва якобы является переобучить под руководством германских офицеров запасных и тем самым усилить румынскую армию. Всего предполагается призвать на переобучение 15 возрастов (1901–1917 гг.) общей численностью около 600 тыс. чел. Призыв разбит на три очереди (по пять призывных возрастов). Призыв первой очереди начался с 01.02.[19]41, второй предполагается с 15.02.[19]41 и третий – с 01.03.[19]41. По тем же данным, в ряде румынских городов призываются лица призыва 1937–[19]36 гг. Численность румынской армии на 01.02.[19]41 определялась в 400–450 тыс. чел., с призывом 15 возрастов резервистов, общая численность армии будет доведена до 1 млн чел., по последним данным якобы уже сформировано 8 новых дивизий.

Турция

По имеющимся сведениям, турецкое командование призывает граждан рождения 1921 г. и граждан рождения 1920 г., не призванных по различным причинам в 1940 г. Одновременно якобы увольняются в запас возраста с 1911 по 1913 г. Это, по-видимому, объясняется напряженным финансовым состоянием страны, т. к. производимый в данное время призыв молодых возрастов без увольнения соответствующего количества в запас увеличил бы численность армии дополнительно на 170 тыс. чел. Увольнение в запас сравнительно молодых возрастов – 1911, 1912, 1913 гг. – объясняется, по-видимому, тем, что старые возраста 1901–1910 гг. ранее полностью не призывались, за исключением специалистов, которые остаются в армии.

Иран

По указу шаха в марте 1941 г. призываются на месячные сборы запасные 1908, 1911, 1913, 1915 и 1917 гг. Общее количество призываемых составит 165 тыс. чел. Издан приказ о дополнительном формировании шести смешанных бригад при 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 11-й пех[отных] дивизиях в составе одного пехотного, одного кавалерийского и одного артиллерийского полков; кроме этого установлены: одна смешанная бригада в Маку – подчинена 4-й пех[отной] дивизии, и Буджнурдская смешанная бригада – подчинена 9-й пех[отной] дивизии (указом шаха не предусматривалась). По документальным данным на 15.01.[19]41, отмечено развертывание при 1-й и 2-й гвард[ейских] дивизиях по одной саперной бригаде и по одной инженерной бригаде. Развертывание этих бригад произведено на базе полков «Эстекамат» (фортификационных) и инженерных батальонов этих дивизий.

Финляндия

1. В декабре финское командование провело частичный призыв резервистов, которые направлялись в части, стоящие на советско-финской границе. Возраст рядового состава не установлен, а офицерский и унтер-офицерский состав призывался в возрасте до 30 лет. Призванные офицеры резерва назначались на должность командиров взводов.

По имеющимся данным, в период с 27–31 декабря 1940 г. прибывало пополнение в подразделения 4-й пех[отной] бригады.

В конце декабря и начале января отмечался скрытый частичный призыв рядового и унтер-офицерского состава преимущественно артиллеристов для ознакомления с новой материальной частью и главным образом противотанковой. Призванные направлялись для обучения в район Миккели.

По данным РО ЛВО, в г. Турку призваны на сбор резервисты-артиллеристы.

По тем же данным, в Финляндии в настоящее время производится призыв контингентов рождения 1905–[19]10 гг. для прохождения сборов.

Таким образом, в настоящее время призваны в финскую армию:

а) полностью контингенты 1919–[19]21 г.р., что составляет 36 000 чел.;

б) контингенты 1900–1918 г.р., не служившие в армии, что составляет около 30 %, или 70 000 чел.;

в) призванные резервисты контингентов 1905–[19]10 г.р., что составит 60–70 тыс. чел.

Если к перечисленному рядовому составу в количестве 167–177 тыс. прибавить унтер-офицерский и офицерский состав, находящийся в армии в количестве соответственно 44 700 и 10 000, то общая численность финской армии на сегодня составляет около 222 000 чел.

2. По поступившим данным, в январе проходил переучет конского состава и упряжи.

У крестьян, имеющих более 7 га земли, конфискованы все запасы хлеба и сена.

Япония

С января начался очередной призыв новобранцев. Призыв, по-видимому, будет проходить на протяжении 3 месяцев (январь – март). Данных о количестве призываемых нет, но, исходя из ежегодного призывного контингента, будет призвано в армию не менее 300 тыс. чел.

Маньчжурия

С 01.02.[19]41 впервые начался призыв новобранцев в армию МЧГ по всей Маньчжурии на основе недавно принятого закона об обязательной воинской повинности. Призыв продлится до середины апреля. Предполагается, что будет призвано около 35–45 тыс. чел. Одновременно с этим идет формирование новых пехотных, танковых и авиационных соединений. По непроверенным данным, в собственно Японии сформированы 81-я и 90-я пех[отные] дивизии и одна танковая дивизия.

В Маньчжурии сформированы 5-я авиационная дивизия, танковая бригада и пехотная дивизия неустановленной нумерации.

Вывод:

В связи с приближающимся весенним периодом во всех сопредельных с СССР капиталистических странах отмечается усиление мобилизационных мероприятий, направленных на увеличение своих армий.

Начальник Разведывательного управления

Генерального штаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁸³

²⁸³ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Жукову; № 8 – т. Жданову; № 9 – в дело».

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 15–20. Заверенная копия.
Опубл.: Военная разведка информирует... С. 532–535.

№ 32

Доклад начальника РУ Генштаба Красной армии Ф. И. Голикова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину о вступлении немецких войск в Болгарию

*2 марта 1941 г.*²⁸⁴

Вступление немецких войск в Болгарию началось 28 февраля с.г. Основные потоки немецких войск в течение 28.02 и 01.03 шли через Ольтеницу и Джурджу (оба пункта на Дунае). К вечеру 28.02 и утром 01.03 передовые части немцев были отмечены в болгарских городах: Варне, Шумен, Русчук, София. В течение дня и ночи 28.02 и 01.03 происходило массовое движение немецких войск из района Плоешти и Бухареста к болгарской границе. По приказу немецкого главного командования в Румынии переход болгарской границы был назначен на 5 час. утра 28.02. Однако, как видно из полученных сведений, в этот день границу прошли лишь авангардные части. Переход основных сил является делом этих дней. Перелет болгарской границы авиационными частями выполнен 28.02. 1 марта перехвачена следующая шифротелеграмма из Анкары командующему турецким крейсером «Явуз»: «Весьма срочно. Между нашей страной и Болгарией телеграфная связь прервана. Прошу быть бдительным. 01.03. № 29310».

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 288. Заверенная копия.

№ 33

Сопроводительная записка начальника РУ Генштаба Красной армии Ф. И. Голикова народному комиссару ВМФ СССР Н. Г. Кузнецову при информационных материалах военной разведки о подготовке германского вторжения в Великобританию

*№ 660291сс*²⁸⁵ *16 марта 1941 г.*

Представляю справку о подготовительных мероприятиях германского военного командования по вторжению в Англию за февраль – март 1941 г.²⁸⁶

Приложение: справка на 3 листах.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

Приложение

Справка о подготовительных мероприятиях
германского командования по вторжению в Англию²⁸⁷

²⁸⁴ Документ рассекречен 04.06.2003.

²⁸⁵ Документ рассекречен 11.02.2012.

²⁸⁶ Имеется помета: «Наркому доложено 17.03.1941».

²⁸⁷ Заголовок документа.

15 марта 1941 г.

За последнее время некоторыми источниками распространяются сведения о том, что немецкое командование якобы отказалось от своего первоначального плана – вторжения в Англию.

Имеющиеся данные, полученные от наших источников за период февраль – март, говорят о том, что проводимая подготовительная работа немцев направлена к осуществлению плана вторжения в ближайшее время.

Начиная с 7 февраля на северо-западном побережье Франции отмечается большое оживление как в передвижениях их группировки войск, так и в создании различных баз для осуществления плана десантной операции.

Через станцию Оксонь проходит много поездов с продовольствием и боеприпасами в направлении Ла-Манш через Орлеан. Находившиеся в Париже легкие мехчасти во второй половине февраля перебрасывались на север. На смену им прибывают части, находившиеся восточнее Парижа. Парижская автобаза также привлечена для переброски частей и грузов в район Остенде, Дюнкерк. Из департамента Майн немецкие войска перебросены в Норвегию.

В конце февраля из района Бордо и Бретани перебросено на север до 80 эшелонов войск. В этом районе количество войск за последнее время значительно уменьшилось. Из Парижа на побережье перебросено 40 тыс. рабочих, якобы для подготовки вторжения в Англию. Прибывает много технических войск, а также моряков для пароходов и шаланд.

По данным от 04.03, через парижский район к побережью прошло более тысячи танков весом от 3 до 10 тонн и много тяжелой артиллерии. В Бельгии идет интенсивная работа по подготовке к приему новых войск. Школы, театры и учреждения приспособляются для размещения. Подготовлено помещений якобы на 800 000 чел. Подвоз из Германии и юга Франции немецких войск на северо-западное побережье продолжается.

Концентрация немецких войск и авиации отмечается:

- а) в секторе Остенде, Дюнкерк, Кале, Булонь;
- б) в населенных пунктах западнее Брюсселя большое скопление немецких войск;
- в) танки и тяжелая артиллерия концентрируются главным образом в районе Антверпена и между Брюгге и р. Шельда.

Имеются данные о концентрации большого количества немецкой авиации на французских аэродромах.

Создаются морские базы в порту Палис и Бордо. В Биарриц строят базы подводных лодок. На р. Лис немцы реквизируют баржи и перевели их на побережье Ла-Манш. Отмечается концентрация иприта и химических бомб в Эвре северо-западнее Парижа. В порту Бордо много немецких и итальянских лодок. Пароходы и шаланды собираются в северных каналах и Падде-Кале. Арсеналы оккупационной зоны занимаются снаряжением снарядов, заготовленных в не оккупированной зоне Франции. Порт Лариан превращен в базу строительства подводных лодок, на строительстве коих занято до 45 000 чел.

Жители городов северного побережья Франции выселяются. Немцы в Бельгии и северной Франции выдают немецким подданным противогазы и по 2 куску противоипритного мыла.

Имеются данные, требующие проверки, о проведении немцами десантных попыток с целью разведки, в результате чего имеется много раненых и убитых. Среди немецких офицеров имеется уверенность, что к апрелю с Англией будет закончено и что для достижения этой цели будут применяться все средства войны.

Выводы:

План вторжения в Англию со стороны Германии продолжает оставаться одной из важнейших задач.

Начальник информационного отдела

Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-майор Дронов
Начальник 1-го отделения
информационного отдела
Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
полковник Гусев

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 13716. Д. 1. Л. 1–4. Заверенная копия.
Приложение – заверенная копия.

№ 34

Доклад начальника РУ Генштаба Красной армии Ф. И. Голикова в НКО СССР «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий германской армии против СССР»²⁸⁸
*20 марта 1941 г.*²⁸⁹

Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией. Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач – осуществление заветных планов Гитлера, так полно и «красочно» изложенных в его книге «Моя борьба», – краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 – март 1941 г. заслуживает в некоторой своей части серьезного внимания.

За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз. Из всех высказываний, полученных нами в разное время, заслуживают внимания следующие:

1. Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР.
2. Японский ВАТ передает, что якобы Гитлер заявил, что после быстрой победы на Западе он начинает наступление против СССР.
3. В Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь за СССР.
4. Турецкая газета «Сон Поста» сообщает, что германский командующий войсками в Австрии, обращаясь к войсковым частям, заявил, что главным врагом Германии являются русские и что на германских солдат может быть возложена задача еще большего расширения границ Германии.
5. Американский посол в Румынии в своей телеграмме в Вашингтон сообщает, что Джигуржу имел беседу с Герингом, в которой последний сказал, что если Германия не будет иметь успеха в войне с Англией, то она вынуждена будет перейти к осуществлению своих старых планов по захвату Украины и Кавказа.
6. Германский ВАТ высказал, что после окончания войны с Англией немцы помогут Финляндии получить обратно потерянную территорию.
7. Гитлер намерен весной 1941 г. разрешить вопрос на Востоке.

²⁸⁸ Доклад также был направлен в СНК СССР и ЦК ВКП(б).

²⁸⁹ Документ рассекречен 19.07.1995.

8. В беседе с югославским ВАТ в Москве последний говорил, что Финляндия – это зона интересов СССР. Недавно советник германского посольства в Москве Пильгер²⁹⁰ прямо сказал, что финны храбро дрались зимой и они их русским не отдадут. За последнее время немцы подстрекают [финнов] против русских. Финны уже поговаривают о том, что «граница с СССР еще не окончательная, посмотрим, что будет после заключения мира в Европе».

9. Югославский ВАТ считает, что среди немцев имеются два течения: первое – СССР в настоящее время слаб в военном и внутреннем отношениях, и настаивают на том, чтобы использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться от пропаганды и от «дамоклова меча», висящего все время над Германией; второе – СССР не слаб, русские солдаты сильны в обороне, что доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения.

10. Английские и французские журналисты утверждают, что в Германии происходит какая-то расстановка сил. В Стокгольме велись переговоры между Германией и Англией, представителем от Англии был Ллойд Джордж, но что эти переговоры ни к чему не привели. Греческий журналист сообщил, что в Мадриде в июле 1940 г. имели место переговоры между Германией и Англией и что Германия недовольна СССР, так как последний предъявляет какие-то новые требования.

11. Данные Германией и Италией гарантии о границе Румынии направлены исключительно против СССР. Эти гарантии дополнены военным соглашением между Германией и Румынией. Этими гарантиями проникновению СССР на Балканы будет положен конец.

12. Министр иностранных дел Румынии Струдза старался убедить Гантера внести предложение Рузвельту о мире между Германией и СССР. Гитлер хочет мира, так как его терпение к СССР почти истощилось и что СССР полностью будет подготовлен к войне только в 1942 г. Он же сказал, что неофициально мирные переговоры ведутся в Стокгольме, Мадриде и Ирландии.

13. Среди немецких офицеров ходят слухи о том, что в феврале 1941 г. в своем выступлении в «Спортпаласе» на выпуске офицеров Гитлер сказал, что у Германии имеются три возможности использования своей армии в 228 дивизий: для штурма на Англию, наступление в Африку через Италию и против СССР.

14. Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 г. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах Министерства иностранных дел. Никто не реагирует одобрительно на эти планы. Считают, что распространение войны на СССР только приблизит конец национал-социалистического режима. Это мнение высказывает и племянник Браухича, который занимает видный пост в Министерстве иностранных дел.

15. Шведский ВАТ в подтверждение сведений о подготовке наступления против СССР весной 1941 г. подчеркнул, что сведения получены от военного лица и основаны на сугубо секретном приказе Гитлера, который известен ограниченному кругу ответственных лиц.

Руководитель восточного отдела Министерства иностранных дел Шлиппе сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия достигнуто не было ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии.

Подготовка наступления против СССР началась значительно ранее визита Молотова, но одно время оно было приостановлено, т. к. немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке.

16. Для борьбы с Англией достаточно тех сил, которые сосредоточены на канале²⁹¹, а остальные силы свободны для борьбы против СССР. Выступление необходимо для того, чтобы

²⁹⁰ Так в тексте. Правильно – Хильгер.

²⁹¹ По-видимому, речь идет о проливе Ла-Манш.

создать ясность на Востоке и ликвидировать постоянную опасность того, что СССР может выступить на стороне Англии, а также захватом Украины обеспечить Европу продуктами питания.

Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

1. Вариант № 1, по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине от 15 декабря 1940 г. (приложение № 1²⁹²): «...Основное направление удара: а) от Люблина по Припяти до Киева; б) из Румынии между Яссы и Буковиной в направлении Тетерев, и в) из Восточной Пруссии на Мемель, Виллинг, р. Березина и далее вдоль Днепра на Киев»;

2. Вариант № 2, по данным КОВО от декабря 1940 г. (приложение № 2): «...Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет те преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того, Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и в[ойск] из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у нее территорию.

Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Малой Польше. На остальном участке наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с целью очищения всей остальной территории.

На Востоке СССР будет связан с Японией, что является для Германии плюсом, так как противник должен создать сразу два фронта, а поэтому концентрация его сил против Германии невозможна».

3. Вариант № 3, по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 г. (приложение № 3): «...Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда, 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштудт²⁹³ – в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб – в направлении Киева.

Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая».

Кроме этих документов, по данным других источников, известно, что план наступления против СССР будет заключаться в следующем:

а) после победы над Англией Германия, наступая против СССР, предполагает наносить удар с двух флангов: охватом со стороны севера (имеется в виду Финляндия) и со стороны Балканского полуострова;

б) коммерческий директор германской фирмы «Тренча майне лимитед» [заявил, что] нападение на СССР произойдет через Румынию. Для этого Германия строит шоссе из Протектората через Словакию в Венгрию с целью переброски войск к советской границе. Венгрия и Румыния разрешили Германии пользоваться всеми путями сообщения для переброски войск, а также разрешили ей строить новые аэродромы, базы для мотомехчастей и склады для амуниции. Венгрия разрешила Германии пользоваться частью своих аэродромов. Все румынские войска и военно-технические сооружения находятся в распоряжении германского командования;

в) югославский ВАТ Смилович (?)²⁹⁴ заявляет, что, разрешая балканский вопрос, трудно представить, куда немцы направят свое острие, но он лично убежден, что все это предшествует нападению на СССР. Сам факт выхода немцев в Дарданеллы является прямым актом против СССР. Вообще, Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге «Моя

²⁹² Упомянутые здесь и далее приложения не публикуются.

²⁹³ Так в документе. Правильно – Рунштедт.

²⁹⁴ Так в документе. Правильно – Симич.

борьба», и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим ему возможность решить задачу переустройства Европы;

г) по сообщению нашего ВАТ от 14 марта, в Румынии упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой». Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начала которого следует ожидать через три месяца.

Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

д) по сообщению нашего ВАТ из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 г.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12–21. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 568–571.

№ 35

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
о мобилизации в Швеции
и маневрах шведской армии
№ 660322сс²⁹⁵ 21 марта 1941 г.

Содержание: Проводимая в данное время мобилизация в Швеции, поскольку можно судить по полученным сведениям, вызвана германскими принуждениями и присоединению Швеции к «пакту трех» и пропуску немецких войск. Неслучайно, что сами немцы, судя по донесению нашего военного атташе в Берлине, распространяют версию, что эта мобилизация проводится в связи с угрозами Финляндии со стороны СССР.

Мобилизация резервистов охватывает часть контингентов призыва 1928–[19]39 гг. в количестве 100–120 тыс. По имеющимся данным, на 17.03.[19]41 уже мобилизовано 200 тыс. человек. Остров Готланд приведен в боевую готовность. На 01.02.[19]41 шведская армия имела всего 300–350 тыс. чел. в составе: 6 кадровых пехотных дивизий, 10 артполков, 3 зенит-

²⁹⁵ Документ рассекречен 07.02.2012.

ных артполков, 4 кавполков, 10 авиаэскадрилий и формирующихся 6 резервных пехотных дивизий. Швеция располагает около 700 тыс. чел. военно-обученных.

По расчетным данным, может быть развернуто 23 пехотных дивизии, но недостаток подготовленных командных кадров и средств вооружения позволит иметь около 12 пехотных дивизий. Заслуживают внимания маневры шведской армии, проводящиеся с 18 по 21.03. [19]41 в провинции Ворилянд, т. е. на [территории] южной Норвегии. Подобного рода маневры проводятся впервые.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков²⁹⁶

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 51–52. Заверенная копия.

№ 36

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«К перевороту в Югославии»
№ 660344сс²⁹⁷ 28 марта 1941 г.

По донесениям наших военных атташе в Болгарии и Германии, регент Павел, получив согласие Гитлера на югославскую корону, в ночь на 27 марта отправил Петра в Румынию, но последний был перехвачен людьми генерала Симовича и возвращен в Белград. Под утро Павел, узнав об опасности, сам бежал, но был схвачен на 6-й станции от Белграда в направлении Загреба. К утру 27 марта Цветкович и другие министры были арестованы. Гвардия и части гарнизона заняли все учреждения города. Петр Второй провозгласил себя королем; прежнее правительство ушло в отставку. Новое правительство поручено сформировать армейскому генералу Симовичу.

По всей стране происходят демонстрации.

В столице с 7 часов 27 марта мимо полпредства начали проходить колонны демонстрантов с лозунгами: «За союз СССР», «Да здравствует Сталин и Молотов», «Долой Гитлера». Среди этих лозунгов появились новые: «Власть Советам», «Требуем народную власть», «Армия с народом» и другие.

Армия находится на стороне нового правительства и поддерживает порядок. Правительство занято разработкой декларации. В проекте обсуждается вопрос о внешнеполитической линии на базе сохранения строгого нейтралитета. Полагают, что новое правительство откажется от обязательств по пакту трех.

В германских кругах царит некоторая растерянность. В Министерстве иностранных дел заявляют, что официальных сообщений из Белграда нет. Предполагают, что, если новое правительство откажется от своих обязательств, германские войска выступят из Австрии, Румынии и Болгарии.

По перехваченной телеграмме американского корреспондента помощник германского военного атташе по авиации получил тяжелое ранение. Германское правительство отправило протест. Демонстранты все легковые машины со свастикой опрокидывали. Немецкой колонии в Белграде приказано немедленно эвакуироваться.

²⁹⁶ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жданову; № 9 – в дело».

²⁹⁷ Документ рассекречен 28.04.1989.

По данным нашего военного атташе в Болгарии, в Вене, кроме официальной части, подписано также секретное соглашение, одним из пунктов которого предусматривался пропуск немецких войск на ограниченную территорию южной части Югославии.

Новым правительством сделаны все приготовления на случай немецкого вторжения.

Мероприятия по приведению армии в боевую готовность были предусмотрены заранее.

В Югославии в последнее время происходила мобилизация.

Отмобилизованные части 2-й, 3-й и 5-й армий концентрировались главным образом на восточной и юго-восточной границах в числе 26 дивизий и 6 отдельных бригад. Надо предполагать, что подобные мероприятия проведены в 1-й и 4-й армиях.

К настоящему времени состав югославской армии доведен до 48–50 дивизий, 10 отдельных бригад, общей численностью 1,2–1,3 млн чел.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков²⁹⁸

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 79–81. Заверенная копия.

Опубли.: Военная разведка информирует... С. 575–576.

№ 37

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О сосредоточении немецких войск к границе Югославии»

№ 660369сс²⁹⁹ 4 апреля 1941 г.

Сразу же после правительственного переворота в Белграде германское командование приступило к ускоренному сосредоточению своих войск против Югославии. Из хода этого сосредоточения видно, что германское правительство в значительной мере было захвачено врасплох, к немедленному вооруженному воздействию по наличному числу войск на месте в нужных районах оказалось не готово и для создания нужной концентрации было вынуждено иметь свои военные планы. Конкретно на 3 апреля 1941 г. отмечено сосредоточение:

В Австрии – в пограничном районе Клагенфурт, Грац – 4 дивизии; с войсками, находящимися в районе Вены, Линц, Инсбрук имеется около 9 дивизий.

В Венгрии – с 1 апреля эшелоны моторизованных войск из Протектората пошли на Сегед, Печ и Хатвин. На сегодня на венгро-югославской границе имеется до 3–4 дивизий.

В Румынии – в Банате (район Темишоара, Турну-Северин и Дева) сосредоточено 4 дивизии, из которых одна танковая. Кроме того, в этот же район перебрасываются немецкие части из центральных районов Румынии, что может дать в ближайшие дни еще 3–4 дивизии.

В Болгарии – из находящихся в Болгарии немецких войск, сосредоточенных в долинах рек Струма и Места в количестве 9–10 дивизий, могут быть брошены против Югославии 6–7 дивизий, с оставлением на греко-болгарской границе трех дивизий.

Таким образом, на 03.04.[19]41 германское командование против Югославии может иметь 27–29 дивизий, что, конечно, недостаточно.

В Будапешт прибыл генерал Лееб, якобы назначенный командующим немецкими войсками, сосредоточенными в Венгрии, сюда же прибыл с целью увязки действий балканской армии с армией Лееба командующий армейской группой на Балканах генерал Лист.

²⁹⁸ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Тимошенко; № 6 – в дело». № 5 пропущен.

²⁹⁹ Документ рассекречен 07.02.2012.

Основной из стратегических целей германского командования может явиться удар в южной Сербии по кратчайшему направлению – София, Скопье, Тирана – для соединения с итальянским фронтом в Албании, с тем чтобы отделить Югославию от англо-греческих войск и объединенными германо-итальянскими силами развить дальнейшие действия на Балканах.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков³⁰⁰

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 82–83. Заверенная копия.

№ 38

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«Об усилении группировки немецких войск на границе с СССР»
№ 660370сс³⁰¹ 4 апреля 1941 г.

В течение всего марта немецким командованием осуществлялись усиленные переброски войск в пограничную полосу с СССР. Начались они еще с конца января 1941 г. Переброска войск производилась как с Западного фронта, так и из центральных районов Германии. Подвозились:

1. Полевые войска (пехотные и мотодивизии).
2. Танковые полки и дивизии.
3. Артиллерия усиления.
4. Саперные и строительные части.
5. Войска связи.
6. Тыловые эшелоны боевой авиации.
7. Огнеприпасы и горючее.

В результате анализа всех поступивших данных получается общее усиление Восточного германского фронта против СССР от Балтийского моря до Словакии за февраль и март на 6 пехотных и 3 танковых дивизии, из них:

против ПриОВО увеличилось на 3 пех[отные] дивизии;
против ЗапОВО на 2 пех[отные] дивизии и 1 танковую дивизию;
против КОВО на 1 пех[отную] дивизию и 3 танковых полка (около 2 танковых дивизий).
Общее количество германских войск на границе с СССР до Словакии выражается:
пехотных дивизий – 61
моторизованных дивизий – 5
танковых дивизий – 6-7
Всего: 72–73 дивизии.

Кроме того, выявлено два новых штаба армии: один (номер не установлен) в Алленштейн (Восточная Пруссия); другой, имеющий № 12, в Закопане (85 км южнее Краков).

Районами сосредоточения огнеприпасов и горючего являются: Клайпеда (Гомель), Сувалки, Седлец, Остров, Ярослав и Белжец.

К этому составу немецких войск нужно добавить немецкие войска в Молдавии и Северной Добрудже в общем количестве около 9 пехотных и одной моторизованной дивизий.

³⁰⁰ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жданову; № 9 – т. Жукову; № 10 – в дело».

³⁰¹ Документ рассекречен 28.04.1989.

С ними общее количество немецких дивизий всех типов в приграничной полосе с СССР достигает 83–84 дивизий, не считая войск, сосредоточенных в Чехии, Моравии и в центре Румынии.

Приложение: Схема³⁰².

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков³⁰³

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 84–85. Заверенная копия.

Оубл.: Военная разведка информирует... С. 580–581.

№ 39

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О перебросках немецких войск в погранполосе СССР»

№ 66040бсс³⁰⁴ 16 апреля 1941 г.

С 1 по 15 апреля с.г. из глубины Германии, из западных районов В[осточной] Пруссии и Генерал-губернаторства германские войска совершают переброски по железным дорогам, автоколоннами и походным порядком в приграничную полосу с СССР. Основными районами сосредоточения являются: В[осточная] Пруссия, район Варшавы и район южнее Люблин. За пятнадцать дней апреля германских войск на восточной границе увеличилось на 3 пехотных и 2 моторизованных дивизии, 17 тыс. вооруженных украинцев-националистов и на 1 полк парашютистов. Общее количество немецких дивизий всех типов в В[осточной] Пруссии и Генерал-губернаторстве доведено до 78 (без немецких войск в Молдавии).

Кроме того, заслуживает внимания прибытие:

а) в районе Янув-Подляски (20 км с[еверо]-в[осточнее] Бяла-Подляска), Терасполь (15 км ю[го]-з[ападнее] Брест), Михалки (15 км с[еверо]-в[осточнее] Бяла-Подляска), Кодень (20 км ю[го]-з[ападнее] Брест) переправочных средств: понтонов и разобранных деревянных мостов. В районе Ярослав отмечается также сосредоточение понтонных частей;

б) усиленное движение из района Летцен на Лик; передвижение совершается походным порядком и только ночью;

в) погрузка войск в Штеттинском порту якобы для отправки в Финляндию и Швецию численностью до 6 дивизий.

За этот же период отмечено усиленное накопление в приграничных с СССР районах боеприпасов и горючего, подвоз которых начался с конца 1940 г.

В 1941 г. учтен подвоз 6995 вагонов боеприпасов (в том числе 16 вагонов авиабомб) и 993 вагона с горючим.

По районам подвоз распределяется следующим порядком:

³⁰² Не публикуется.

³⁰³ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Ворошилову; [№] 4 – т. Молотову; [№] 5 – т. Тимошенко; [№] 6 – т. Берия; [№] 7 – т. Кузнецову; [№] 8 – т. Буденному; [№] 9 – т. Кулик; [№] 10 – т. Шапошникову; [№] 11 – т. Мерецкову; [№] 12 – т. Жукову; [№] 13 – т. Жданову; [№] 14 – т. Запорожец; [№] 15 – в дело; [№] 16 – т. Ватулину».

³⁰⁴ Документ рассекречен 28.04.1989.

№ п/п	Район	Боеприпасы (в вагонах)	Горючее (в вагонах)
1	Клайпеда	24	–
2	Тильзит	270	–
3	Сувалки	64	–
4	Мынивей	0	15
5	Остров	4000	342
6	Бяла-Подляска	15	220
7	Седлец	1640	30
8	Влодава	5	–
9	Люблин	12	–
10	Холм	–	15
11	Грубешов	340	–
12	Замостье	–	236
13	Белхец	565	–
14	Ясло	60	–
15	Санок	–	85
16	Краков	–	50
Итого:		6995	993

В этих же районах отмечается усиленное строительство складов.

С 12 апреля запрещен проезд гражданских лиц по железной дороге на территории Генерал-губернаторства. Многими источниками подтверждается эвакуация семей военнослужащих немецкой армии из Варшавы и районов восточнее Варшавы вглубь Германии.

Вывод: продолжается переброска войск, накопление боеприпасов и горючего на границе с СССР.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков³⁰⁵

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 89–91. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 584–585.

№ 40

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О распределении вооруженных сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 25.04.1941»

№ 660448сс³⁰⁶ 26 апреля 1941 г.

Массовые переброски немецких войск из глубинных районов Германии и оккупированных стран Западной Европы продолжаются непрерывно.

³⁰⁵ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жукову; № 9 – т. Жданову; № 10 – в дело».

³⁰⁶ Документ рассекречен 28.04.1989.

Основные потоки перебросок следуют в двух направлениях:

- к нашей западной границе и
- на Балканы.

В результате учета и сопоставления поступивших данных общее распределение вооруженных сил Германии по границам и фронтам на 25.04 представляется в следующем виде:

1. В приграничной зоне с СССР:

Общее количество германских войск на нашей западной границе с Германией и Румынией (включая Молдавию) – 95–100 дивизий (без кав[алерийских] частей), из них:

- а) на Восточно-Прусском направлении (против ПриОВО) 21–22 дивизии, из них: 17–18 пехотных дивизий, 3 моторизованных, одна танковая дивизия и семь кав[алерийских] полков;
- б) на Варшавском направлении (против ЗаОВО) – 28 дивизий, из них: 23 пехотных, 1 моторизованная и 4 танковых дивизии. Кроме этого, одна мотокавдивизия;
- в) в Люблинско-Краковском районе (против КООВО) – 29–32 дивизии, из них: 22–25 пехотных, 3 моторизованных, 4 танковых дивизии и три кав[алерийских] полка;
- г) в районе Данциг, Познань, Торн – 6 пех[отных] дивизий, один кав[алерийский] полк;
- д) на Ужгородском направлении (против КООВО) – общее количество немецких войск в районе Прикарпатской Украины составляет 3 дивизии, предположительно в районе Ужгород, Мукачев, из них 2 пехотных и 1 горнострелковая;
- е) на Молдавском направлении (против ОдОВО) – 8–9 дивизий, из них 7–8 пехотных и одна горнострелковая.

2. В составе действующих армий в Югославии, Греции и Египте:

Общее количество германских войск – 55–58 дивизий, из них:

- а) действовавших из Австрии на Загребском направлении – 14 дивизий, из них: 13 пехотных и 1 танковая;
- б) действовавших из Венгрии на Белградском направлении – 6 дивизий, из них: 3 пехотных и 3 моторизованных;
- в) действовавших из Румынии – 3–4 дивизии, из них: 2–3 пехотных и 1 танковая;
- г) действовавших из Болгарии – против Югославии и Греции – 25–27 дивизий, из них: 9–11 пехотных, 6 горнострелковых, 5 моторизованных и 5 танковых дивизий;
- д) в Египте – 7 дивизий африканской армии, из них: 3 пехотных, 3 танковых и 1 моторизованная.

3. В составе фронтовых резервов насчитывается 30 дивизий, из них:

- а) в Австрии – 7 дивизий;
- б) в Венгрии – 4 дивизии;
- в) в Румынии – 6 дивизий;
- г) в Болгарии – 12 пехотных и 1 танковая дивизия, из которых 8 дивизий уже сосредоточены на болгаро-турецкой границе.

За счет резервов, подвозимых в Болгарию, и освобождения немецких частей в Югославии создается армия против Турции.

4. В оккупированных странах Западной Европы – 72 дивизии, из них:

- а) в Норвегии и Дании – 10 дивизий, из них: 6 пехотных и 4 горнострелковых (в Норвегии);
- б) северо-западное побережье Франции – 44 дивизии, из них: 42 пехотных, 1 танковая и 1 моторизованная. Кроме этого, 3 мотокавдивизии;
- в) на границе с Испанией – 9 дивизий, из них: 5 пехотных, 3 горнострелковых и 1 танковая;
- г) внутри оккупированной части Франции – 9 дивизий, из них: 8 пехотных и 1 моторизованная.

5. В Италии – 9 пехотных дивизий.

6. В Финляндии – около одной дивизии.

7. Резервы главного командования – в центре страны составляют около 12 дивизий, из них: 10 пехотных и 2 моторизованных.

Кроме того, в германской армии имеется в составе ВВС подготовленных 8–10 парашютно-десантных дивизий (точная дислокация их не выяснена).

Таким образом, общая численность германской армии на 25.04.[19]41 г. составляет 286–296 дивизий, из них:

пехотных – 199–207

горнострелковых – 15

моторизованных – 20

танковых – 22

мотокавалерийских – 4, и 19 кав[алерийских] полков

парашютно-десантных – 8–10

дивизий СС – 18 (из них до 10 моторизованных)

По имеющимся данным, с 1 апреля немецкое командование приступило к формированию до 40 дивизий, что требует дополнительной проверки.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков³⁰⁷

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 92–96. Заверенная копия.

Опубли.: Военная разведка информирует... С. 596–598.

№ 41

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О группировке немецких войск на Востоке

и Юго-востоке на 5 мая 1941 г.»

№ 660477сс³⁰⁸ 5 мая 1941 г.

Сущность перегруппировок немецких войск, производившихся во 2-й половине апреля, после успешного завершения Балканской кампании и до настоящего времени сводится:

1. К усилению группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая Румынию, а также в Финляндии.

2. К дальнейшему развитию операций против Англии через Ближний Восток (Турция и Ирак), Испанию и Сев[ерную] Африку.

3. К усилению немецких войск в Скандинавии, где они могут быть использованы с территории Норвегии против Англии, Швеции и СССР.

Для выполнения этих целей использованы силы, находившиеся в оккупированной части Франции, Бельгии, Голландии, и войска, освободившиеся после поражения Югославии и Греции.

Причем немецкие войска из Югославии шли:

а) через Венгрию и Австрию в район Кракова, в Прикарпатскую Украину и в Богемию;

б) в Румынию, в том числе на территорию Молдавии и Сев[ерной] Добруджи.

Общее количество немецких войск против СССР на 5 мая достигает 103–107 дивизий, включая 6 дивизий, находящихся в районе Данцига и Познани. Из этого количества дивизий

³⁰⁷ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Жукову; № 8 – т. Кузнецову; № 9 – т. Жданову, № 10 – в дело».

³⁰⁸ Документ рассекречен 28.04.1989.

в Вост[очной] Пруссии 23–24 дивизии; против ЗаПОВО – 29 дивизий; против КОВО – 31–34 дивизий; в Прикарпатской Украине – 4 дивизии; в Молдавии и Сев[ерной] Добрудже – 10–11 дивизий. (Ряд поступивших сведений о наличии в одной лишь Молдавии 18 немецких дивизий не имеет должного подтверждения и требует проверки).

В самом составе сосредоточенных против СССР сил обращает на себя внимание усиление танковых войск с 9 дивизий на 25.04 до 12 дивизий на 05.05; моторизованных, включая и мотокавдивизию, с 7 дивизий на 25.04 до 8 дивизий на 05.05; горных – с 2 дивизий на 25.04 до 5 дивизий на 05.05.

В подготовке театра военных действий усиленно осуществляется строительство всех видов. Строятся вторые железнодорожные линии стратегических путей в Словакии, Протекторате, Румынии, особенно ведущие с востока на запад. Ведется усиленное строительство складов огнеприпасов, горючего и др. видов военного обеспечения. Расширяется сеть аэродромов и посадочных площадок. Кроме того, по всей границе, начиная от Балтийского моря до Венгрии, идет выселение с приграничной зоны населения.

Румынское правительство отдало секретное распоряжение об эвакуации из Молдавии учреждений и ценностей, что фактически уже осуществляется. Нефтепромышленные компании получили приказ о сооружении бетонных стен вокруг резервуаров с горючим.

Проводится усиленно учение по ПВО городов, строительство бомбоубежищ и опытные мобилизации. Производятся усиленные рекогносцировки немецкими офицерами нашей границы. Из Вены донесено о призыве запасных офицеров, знающих Галицию и Польшу. За счет освобождающихся сил из Югославии создается резервная группа главного командования на территории Чехии и Моравии, тем самым восстанавливается группировка, находившаяся там до начала войны с Югославией, общей численностью до 10 дивизий.

Использование против СССР венгерской и румынской армий выражается в следующем:

1. Общая численность венгерской армии доведена до 600 000 чел. Из 10 корпусов венгерской армии три корпуса (6-й, 7-й, 8-й) целиком, часть 9-го корпуса и 3 отдельных бригады сосредоточено в Прикарпатской Украине.

2. Из всей румынской армии свыше половины ее состава сосредоточено в Молдавии и Добрудже, а именно: 11 пехотных дивизий, 2 кав[алерийские] дивизии, 1 кав[алерийская] бригада, 1 мех[анизированная] бригада, 2 горнострелковых бригады. Многие соединения выдвинуты непосредственно к границе.

3. В проводимой реорганизации румынской армии особое внимание высшим командованием уделено комплектованию авиации, танковых и инженерных частей за счет кадров пехоты.

Офицерский состав румынской армии проходит ускоренную подготовку под руководством немецких инструкторов и направляется в приграничную полосу. Наиболее сильная группировка немецких и румынских войск на территории Румынии фиксируется в Буковине и Сев[ерной] Молдавии.

В Финляндии, несмотря на опровержение финского правительства, значительные высадки немецких войск являются бесспорными, а именно: 10.04 с немецких пароходов в порту Або высажено 10 000 чел.; 29.04 в том же порту высажено 12 000 чел. Кроме того, в течение всей зимы на территории Финляндии находилось около 4000 чел. немецких войск. Наблюдением целого ряда источников было выявлено, что немецкие воинские эшелоны по мере выгрузки направлялись и продолжают идти по железной дороге и автотранспортом на север через Рованиemi на Киркинес. По количеству этих эшелонов и автоколонн нужно считать, что большая часть высадившихся немецких войск еще находится на территории Финляндии. Кроме того, в течение всего апреля отмечалось прибытие немецких пароходов с боеприпасами, снаряжением и строительными материалами для оборонительного строительства. Крупные военные немецкие склады созданы на ст. Вика, восточнее Рованиemi.

В Норвегии, в результате апрельских перевозок, общая численность немецких войск увеличилась с 10 дивизий до 13 дивизий, и подвоз продолжается.

Выводы:

1. За 2 месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий.

2. Необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии с их группировкой в районе Протектората и на территории Румынии.

3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем.

4. Наличные силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени выражаются в 40 дивизиях, из которых 25 в Греции и 15 в Болгарии. В этих же целях сосредоточено до 2 парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков³⁰⁹

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 97–102. Заверенная копия.

Опубли.: Военная разведка информирует... С. 615–617.

№ 42

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О ношении румынской, болгарской, венгерской военных форм германской армией»

№ 660494сс³¹⁰ 10 мая 1941 г.

В целях сокрытия действительной численности немецких войск на нашей и турецких границах, а также как одно из мероприятий военной хитрости, могущее ввести в заблуждение противную сторону в распределении вооруженных сил по театрам военных действий, немецкое командование использует форму армий других государств и гражданскую одежду³¹¹.

За последнее время об этом поступил ряд сведений, а именно:

1. 10.01.[19]41 наши источники сообщали, что в Германии изготавливается 100 000 комплектов румынского обмундирования для немецких войск, направляемых в Румынию.

2. 28.02.[19]41 военный атташе СССР в Болгарии донес о прохождении 25 000 чел. немецких войск в штатской форме.

3. 12.03.[19]41 пресс-атташе в Румынии³¹² сообщил, что в Галац и его окрестностях находится около двух дивизий немецких войск, одетых в румынскую форму.

4. Он же 25.03.[19]41 дополнительно сообщил, что швейные фабрики Шерга в Румынии получили большой заказ на изготовление румынского обмундирования для немецких солдат. Переодетые немцы будут отправлены в Молдавию на границу с СССР.

³⁰⁹ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жукову; № 9 – т. Жданову; № 10 – в дело». Имеются пометы: «Допечатано 3 экземпляра; № 11 – т. Буденному; № 12 – т. Шапошникову; № 13 – т. Кулик»; «Допечатано 1 экз. – т. Мерцкову».

³¹⁰ Документ рассекречен 11.02.2012.

³¹¹ Имеется помета: «НК доложено.12.05.41».

³¹² Так в документе.

5. Им же 28.04.[19]41 подтверждено о наличии в Галац немецких солдат, переодетых в румынскую форму.

6. 06.05.[19]41 он же сообщил со слов капитана румынской армии Кырня, что 500 000 комплектов румынского обмундирования 15–17 апреля отправлено в Молдавию в распоряжение немецкого командования.

7. 07.05.[19]41 из Софии помощник военного атташе донес о том, что на турецкой границе часть немецких войск одета в болгарскую форму.

Это подтверждается и двумя сообщениями НКГБ:

а) 30.04.[19]41 сообщено, что в районе р. Прут и Галаца в течение апреля было зафиксировано наличие германских войск, обмундированных в румынскую военную форму. Пошивочная мастерская в г. Галац выполняет заказ на пошивку румынского военного обмундирования для 8000 немецких солдат.

б) Немецкие войска, обмундированные в венгерскую форму, направляются к Карпатам в сторону нашей границы.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков³¹³

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 13716. Д. 1. Л. 38–39. Заверенная копия.

№ 43

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О распределении [германских] вооруженных сил по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 15.05.1941»

№ 66050бсс³¹⁴ 15 мая 1941 г.

Перегруппировка немецких войск за 1-ю половину мая характеризуется продолжающимся усилением группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая и Румынию, дальнейшим усилением сил для действий против Англии на Ближнем Востоке, в Африке и на территории Норвегии.

Учет и сопоставление поступивших данных дают следующее распределение вооруженных сил Германии по границам и фронтам на 15 мая 1941 г.

1. В приграничной зоне с СССР

Общее количество немецких войск против СССР достигает 114–119 дивизий, включая 6 дивизий, находящихся в районе Данциг – Познань – Торн. Из них пехотных – 82–87, горных – 6, танковых – 13, моторизованных – 12, кавалерийских – 1. Усиление группировки произошло по следующим направлениям:

на Варшавском направлении – до 1 дивизии;

на Краковском направлении – в район Замостье прибыли две моторизованных дивизии и в район Томашев – 5 артиллерийских полков, из них 2 тяжелых;

на Прешовском направлении в район Зборов, Прешов, Вранов (Словакия) сосредоточено до 5 дивизий;

в Молдавии – на 3 дивизии.

Германские вооруженные силы на нашей границе распределяются:

³¹³ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 12 – т. Мерцкову; № 13 – т. Ватутину». «Вычеркнуты и уничтожены нач[альником] РУ – Запорожец, Кулик, Буденный, Шапошников, Виноградов. 14.12. Новобранец».

³¹⁴ Документ рассекречен 28.04.1989.

а) в Восточной Пруссии – 23–24 дивизии, в том числе 18–19 пехотных, 3 моторизованных, 2 танковых и 7 кавалерийских полков;

б) на Варшавском направлении против ЗапОВО – 30 дивизий, в том числе 24 пехотных, 4 танковых, 1 моторизованная, 1 кавалерийская и 8 кавалерийских полков;

в) в Люблинско-Краковском районе против КОВО – 33–36 дивизий, в том числе 22–25 пехотных, 5 моторизованных, 6 танковых дивизий и 5 кавалерийских полков;

г) в районе Данциг, Познань, Торн – 6 пехотных дивизий и 1 кавалерийский полк;

д) в Словакии (район Зборов, Прешов, Вранов) – 5 горных дивизий;

е) в Прикарпатской Украине – 4 дивизии;

ж) в Молдавии и Северной Добрудже – 13–14 дивизий, в том числе 3 моторизованных, 1 горная, 1 танковая.

2. На Балканском полуострове

Общее количество германских войск на Балканском полуострове достигает 47–49 дивизий; из которых:

в Румынии – 6 дивизий (без Молдавии);

в Югославии – 9 дивизий;

в Греции – 17–18 дивизий, из них непосредственно на турецкой границе 6 дивизий;

в Болгарии – 15–16 дивизий, из них непосредственно на турецкой границе 6 дивизий.

Созданная армия в Болгарии за счет резервов и частей из Югославии против Турции возглавляется якобы генералом Рейхенау.

В то же время отмечается перевооружение болгарской армии за счет материальной части (видимо, трофеи), переданной ей Германией. По данным источников, Германия передала Болгарии 1200 орудий, некоторое количество самолетов, танков и 2000 автомашин.

3. На африканском фронте

На африканском фронте военных действий находится 7 германских дивизий. Имеются сведения, что часть дивизий, находящихся в Греции, должна быть использована против Англии также в Африке.

4. В оккупированных странах Западной Европы

а) На северо-западном побережье Франции, Бельгии, Голландии и Дании – 46 дивизий.

б) Внутри оккупированной части Франции – 9 дивизий.

в) На границе с Испанией – 9 дивизий.

По поступившим последним данным, 4–5 дивизий подготавливаются для переброски через Испанию для действий против Гибралтара.

г) В Норвегии, как на севере страны, так и на юге, за счет перебросок через Швецию и Финляндию произошло увеличение на одну дивизию, в результате численность дивизий в Норвегии доведена до 14, из которых 5 – в северо-норвежской группировке (на 5 мая было 4), в том числе 3 горных.

5. В Финляндию продолжают прибывать немецкие воинские части, боеприпасы, снаряжение и др. материалы. Выгружающиеся в портах Финляндии войска (пехота, артиллерия, саперы и связь) следует автотранспортом на север, однако из прибывших войск до одной дивизии оставлено внутри страны.

6. В Италии – 9 дивизий.

7. Резерв главного командования

а) в центре страны – около 12 дивизий;

б) на территории Австрии и Протектората – 11 дивизий, а всего 23 дивизии.

Кроме того, в составе ВВС имеется 8–10 парашютно-десантных дивизий, из которых 1–2 дивизии в Греции, 5–6 дивизий на северном побережье Франции и Бельгии, 2 дивизии внутри страны.

Вывод: Увеличение германских войск на границе с СССР продолжается. Основными районами сосредоточения являются: южная часть Генерал-губернаторства, Словакия и северная часть Молдавии.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков³¹⁵

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 109–113. Заверенная копия.
Опубл.: Военная разведка информирует... С. 622–623.

№ 44

Сопроводительная записка начальника РУ Генштаба Красной армии Ф. И. Голикова народному комиссару ВМФ СССР Н. Г. Кузнецову при справке о политико-моральном состоянии германской армии

№ 660525сс³¹⁶ 19 мая 1941 г.

Представляю справку о некоторых данных по политико-моральному состоянию германской армии за период: конец 1940 г. – начало 1941 г.³¹⁷

Приложение: справка на 9 листах.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков

Приложение

Справка о некоторых данных

по политико-моральному состоянию германской армии
за период: конец 1940 г. – начало 1941 г.³¹⁸

17 мая 1941 г.

За последние полгода установлен ряд фактов, свидетельствующих о росте антиморальных проступков и появлении антивоенных настроений в германской армии в результате:

1. Затяжки войны.
2. Плохого питания и размещения войск.
3. Тяжелого материального положения семей в тылу и тревоги за их жизнь.
4. Гибели родных и близких от бомбардировок в тылу.

Это проявляется в росте дезертирства в самоубийствах солдат и офицеров, усилении пьянства и в открытых проявлениях антивоенных настроений, а именно:

1. Дезертирство

1. Только по данным нашего радиоперехвата, с января по 1 мая 1941 г. из германской армии дезертировало 134 чел., из них:

- 1 фельдфебель,
- 2 унтер-офицера,

³¹⁵ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жданову; № 9 – т. Жукову; № 10 – т. Буденному; № 11 – т. Шапошникову; № 12 – т. Кулик; № 13 – т. Мерцкову; № 14 – т. Запорожец; № 15 – в дело». «Допечатано № 16 – полковнику Кузнецову».

³¹⁶ Документ рассекречен 11.02.2012.

³¹⁷ Имеется помета: «Наркому доложено. Используйте в наших сводках. Н. Зуйков. 23.05.1941».

³¹⁸ Заголовок документа.

18 ефрейторов,
11 летчиков,
102 рядовых.

2. В декабре 1940 г. группа солдат саперной роты в м. Гибы отказалась выполнить приказ и открыла в вол[остном] управлении стрельбу – 5 солдат из этой группы дезертировали.

3. 10 ноября 1940 г. в м. Вишницы (около Бяла-Подляска, в Польше) из одного подразделения бросили оружие и дезертировали 6 солдат, но были задержаны.

4. 11 октября 1940 г. к одному из жителей хутора Куленты (в польском Генерал-губернаторстве) зашли 7 солдат и предложили ему выйти. Когда через некоторое время крестьянин вернулся домой, он обнаружил 7 винтовок, 7 комплектов обмундирования, бутылки из-под вина и записку: «Записку и оружие сдать жандармерии» (наказание за дезертирство с уносом оружия карается смертной казнью).

5. В октябре 1940 г. по Восточной Пруссии разыскивались 14 солдат, а в декабре – уже 25 человек. Подавляющее большинство случаев дезертирства падает на резервные части.

6. Дезертирство и антивоенные настроения проявляются и среди офицерства.

Дезертировавший в декабре прошлого года из Седлецкого гарнизона старший лейтенант С. рассказал следующее о своей антивоенной деятельности в части: «Я подслушал заграничные радиопередачи (а это запрещено и строго карается) и делился с товарищами. Иногда в своих комментариях я заявлял, что наши сводки о положении на фронте не соответствуют действительности».

Рост дезертирства в германской армии подтверждается также списками разыскиваемых солдат, помещаемыми в специальном органе германской армии «Хеерес-ферордунгсблатт».

II. Самоубийства

За последнее время участились случаи самоубийств по причинам гибели семей во время воздушных бомбардировок или по причинам тяжелого материального положения семей.

1. 26.11.[19]40 нач[альник] гарнизона м. Гибы – майор, немец, 50 лет – покончил жизнь самоубийством, узнав о гибели семьи в результате бомбардировки Берлина.

2. Солдат подразделения из м. Вишницы, узнав о гибели родных во время бомбардировки, повесился. После этого часть солдат этого подразделения открыто заявила: «Нас убивают на фронте, нашим семьям нет покоя на родине. Хватит воевать!» Организаторы этого выступления были арестованы.

3. В конце декабря 1940 г. в Заезже (на р. Висла) один из солдат 28-го пп застрелился в присутствии других солдат после прочтения письма о гибели семьи при бомбардировке.

4. В Царенове (Соколовский уезд, Польша) застрелился лейтенант 509-го пп после получения от родителей письма о тяжелом положении дома.

5. Подобный же случай имел место на ст. Урале, где застрелился старший лейтенант – командир батареи 293-го арtpолка.

6. За последние 5 месяцев на аэродроме в Демблин покончили жизнь самоубийством 5 офицеров. 05.11 на том же аэродроме повесился солдат.

III. Пьянство и мародерство

По сведениям нашего военного атташе в Венгрии, среди немецких офицеров и солдат отмечаются многочисленные случаи пьянства, мародерства и половой распущенности.

Рост грабежей в захваченных и оккупированных городах и деревнях вынудил германское командование принимать против германских солдат-мародеров суровые меры – вплоть до расстрела.

Во многих гарнизонах польского Генерал-губернаторства пьянство среди солдат и офицеров приняло массовый характер. Особенно отмечается это в Радомском гарнизоне. Здесь любыми путями достают и употребляют кокаин.

IV. Жалобы на плохое питание

За последнее время отмечается ухудшение питания в германской армии:

1. В Грубешов (Польша) одно из подразделений отказалось принять пищу из-за ее плохого качества.

2. В м. Рауданен солдаты подняли скандал из-за того, что их плохо кормят. Всех участников выражения этого недовольства перевели в другую часть.

3. 12 марта 1941 г. радисты-стрелки неуставленной авиачасти в разговоре открытым текстом по радио выражали недовольство питанием и усталостью.

4. Среди солдат Тильзитского и Гайдекругского гарнизонов проявляются недовольства плохим питанием и плохими условиями жизни (тесное размещение). Мясо солдаты получают только три раза в неделю. В связи с этим они часто просят хлеб и другие продукты у местного населения. Точно такое же недовольство отмечено и среди солдат, расположенных в Норвегии.

5. Отмечены неоднократные случаи столкновения между немецкими и австрийскими солдатами по причине якобы лучшего питания немецких солдат.

Тревожные письма с родины, в которых описываются разрушения, причиняемые германским городам английскими бомбардировками, тяжелое положение с продовольственным обеспечением и т. п., приводят солдат в уныние. Нередко отмечаются случаи воровства продуктов в ротных кухнях. Эти краденые продукты солдаты стремятся отправлять на родину голодающим семьям.

Солдаты, едущие из Генерал-губернаторства в отпуск домой, стремятся набрать с собой побольше продуктов питания. Введенный на дорогах военный контроль устраивает нередко массовое изъятие солдатских мешков. Такие случаи имели место в декабре месяце на ст. Луков. При изъятии продуктов между солдатами [и] контролерами в поезде происходят драки.

Учащаются случаи обмена немецкими солдатами разных вещей, вплоть до лошадей и военного имущества, на продукты питания. Так, например, 14.12.1940 шофера в д. Маловисто (Сувалкского уезда) меняли керосин и бензин на продукты питания. Они были задержаны и арестованы. Того же числа один из солдат предлагал жителю д. Гибы пару лошадей с упряжкой в обмен на 5 гусей.

V. Антивоенные настроения

В связи с затяжкой войны, с потерями родных и близких, с ростом тревоги за их жизнь и материальное положение наблюдаются признаки уныния, усталости и антивоенных настроений, а именно:

1. Среди солдат старших возрастов, расквартированных в Генерал-губернаторстве, распространяются такие разговоры: «Теперь нам обещают закончить войну через три месяца; если этого не будет, солдаты начнут разбегаться по домам; если бы не гестапо и теперь бы в германской армии мало осталось вояк».

2. В ресторане в окрестностях г. Варна (Болгария) немецкому поручику³¹⁹, сидевшему в компании двух болгарских рабочих, было предложено покинуть ресторан. На это поручик ответил: «Надоела мне эта бесконечная война, я хочу одну ночь отвлечься от этого кошмара».

3. 05.05.[19]41 солдат из саперного подразделения, отправлявшийся на Балканский фронт, расставаясь с хозяином квартиры в д. Полоски, сказал: «Гитлеру скоро будет капут, так или иначе его повесят».

4. 16.11.[19]40 в 8-м арtpолку рядовой, бросив оружие, кричал: «Меня обманули! Говорили, что я еду домой, а привезли сюда! Пусть воюет тот, кто хочет воевать». Солдат был арестован.

5. Другой солдат, проживавший у гражданки в д. Загоров, выслушав письмо из СССР, которое ей прислала дочь, заявил: «Не плачь, мать, они в СССР работают на себя, а мы на кого? Не думайте, что я ваш враг; наши и ваши враги – это брюхачи».

³¹⁹ Здесь и далее так в документе.

Антивоенные настроения выливаются в отдельных случаях в открытые выступления против войны.

1. В июле под Бергеном (Норвегия) было расстреляно 120 немецких солдат за отказ погружаться на мелкие суда для отправки в Англию.

2. Летом прошлого года в школе Херслеб (Осло) находилось под арестом 750 германских солдат. Можно было видеть, как они, скованные по два, выводились на прогулку.

3. В конце сентября 1940 г. в варшавском ресторане «Полония» произошла антивоенная демонстрация офицерского и унтер-офицерского состава. Демонстрация была расстреляна. Было убито 81 человек офицеров и унтер-офицеров.

4. В Тильзите был отмечен случай расстрела двух солдат, отказавшихся ехать на фронт.

5. В ночь с 12 на 13 октября 1940 г. восстала 2-я рота 3-го батальона 28-го пп. В течение двух часов между ней и учебной ротой происходил бой. В результате около 60 чел. было арестовано и около 40 разбежалось.

6. В октябре 1940 г. из состава части, дислоцировавшихся в м. Стердынь (Польша), было разоружено 300 солдат, открыто выступавших против отправки их на фронт.

7. В декабре в м. Морды было арестовано 200 солдат за участие в антивоенном выступлении. В то же время в Седлецком гарнизоне было арестовано 50 солдат.

8. Среди солдат Клайпедского гарнизона растут недовольства войной. Все ожидают каких-то перемен. Ведутся разговоры о предстоящей мобилизации и отправке мобилизованных в Италию для оказания помощи последней (сообщение за январь 1941 г.). Солдаты же заявляют, что если это будет так, то они не поедут в Италию.

Среди офицеров имеется мнение, что, если война не закончится в этом году, Германия ее проиграет.

У арестованных часто находят листовки, призывавшие к свержению Гитлера и к созданию новой Германии.

Среди солдат распространяется подпольная антивоенная газета «Солдатский совет», призывающая к борьбе против войны и Гитлера.

Солдатам строго запрещено вступать в политические беседы с кем бы то ни было. На вопрос: «Скоро ли закончится война?» – они все отвечают по трафарету: «Об этом знает фюрер, нам об этом думать нельзя».

Вывод:

Приведенные факты не говорят еще о неудовлетворительности дисциплины. Но они указывают на наличие в ней больших отрицательных явлений упадка и разложения, которые в дальнейшем будут нарастать.

Начальник информационного отдела
Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-майор Дронов

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 13716. Д. 1. Л. 13–26. Заверенная копия.

Приложение – заверенная копия.

№ 45

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«Группировка немецких войск на 1 июня 1941 г.»

№ 660569сс³²⁰ 31 мая 1941 г.

³²⁰ Документ рассекречен 28.04.1989.

В течение 2-й половины мая главное немецкое командование за счет сил, освобожденных на Балканах, производило:

1. Восстановление западной группировки для борьбы с Англией;
2. Увеличение сил против СССР;
3. Сосредоточение резервов главного командования.

Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

- против Англии (на всех фронтах) – 122–126 дивизий,
- против СССР – 120–122 дивизий,
- резерв – 44–48 дивизий.

Конкретное распределение немецких сил против Англии:

- на Западе – 76–80 дивизий;
- в Норвегии – 17 дивизий, из которых 6 расположены в северной части Норвегии и могут быть использованы и против СССР;
- в Африке и Италии – 17 дивизий;
- в Греции с островом Крит – 12 дивизий.

Распределение по направлениям немецких сил против СССР следующее:

- а) в Восточной Пруссии – 23–24 дивизии, в том числе 18–19 пехотных, 3 моторизованных, 2 танковых и 7 кав[алерийских] полков;
- б) на Варшавском направлении против ЗаПОВО – 30 дивизий, в том числе 24 пехотных, 4 танковых, 1 моторизованная, 1 кавалерийская и 8 кав[алерийских] полков;
- в) в Люблинско-Краковском районе против КОВО – 35–36 дивизий, в том числе 24–25 пехотных, 6 танковых, 5 моторизованных и 5 кав[алерийских] полков;
- г) в Словакии (район Зборов, Прешов, Вранов) – 5 горных дивизий;
- д) в Прикарпатской Украине – 4 дивизии;
- е) в Молдавии и Северной Добрудже – 17 дивизий, в том числе 10 пехотных, 4 моторизованных, 1 горная и 2 танковых дивизии;
- ж) в районе Данциг, Познань, Торн – 6 пехотных дивизий и 1 кав[алерийский] полк.

Резервы главного командования сосредоточены:

- а) в центре страны – 16–17 дивизий;
- б) в районе Бреслау, Моравска-Острава, Катовице – 6–8 дивизий;
- в) в центре Румынии (Бухарест и к западу от него) – 11 дивизий;
- г) в Болгарии – 11 дивизий.

В результате немецких перебросок за май месяц против СССР необходимо отметить:

- 1) что за вторую половину мая месяца немцы приступили к созданию оперативной группы, сосредоточив, как выше отмечено, западнее линии Лодзь, Краков, 6–8 дивизий;
- 2) перебросив значительные силы из Югославии, Греции и Болгарии на территорию Румынии, немцы в значительной степени усилили свое правое крыло против СССР, повысив его удельный вес в общей структуре своего Восточного фронта против СССР (к настоящему времени в Румынии, вместе с Молдавией, насчитывается 28 дивизий).

Что касается фронта против Англии, то немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для дальнейшего развития действий на Ближнем Востоке и против Египта (29 дивизий, считая Грецию с островом Крит, Италию и Африку), в то же время довольно быстро восстановило свою главную группировку на Западе, продолжая одновременно переброску в Норвегию (из порта Штеттин), имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов.

В заключение можно отметить, что перегруппировки немецких войск после окончания Балканской кампании в основном завершены.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков³²¹

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 114–116. Заверенная копия.
Опубл.: Военная разведка информирует... С. 646–647.

№ 46

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О подготовке Румынии к войне»

№ 66058бсс³²² 5 июня 1941 г.

Румынская армия приводится в боевую готовность.

С середины апреля румынское командование приступило к увеличению численного состава армии. Начавшийся 21 апреля призыв резервистов и офицеров запаса на сборы сейчас принял характер скрытой всеобщей мобилизации. Повестки о мобилизации в короткий срок были вручены непосредственно мобилизованным. Повестки вручались специально созданными командами. За отправкой мобилизованных установлено особое наблюдение со стороны полиции.

Общей состав румынских войск на 01.06.[19]41 следующий:

Армий – 3

Армейских корпусов – 7

Пех[отных] дивизий – 20

Гвардейских дивизий – 1

Мотопех[отных] дивизий – 1

Кав[алерийских] дивизий – 4

Горностр[елковых] бригад – 4

Отд[ельных] кав[алерийских] бригад – 2

Мотопех[отных] бригад – 1

Фортификационных бригад – 2

Из этого состава в Молдавии находится 9 пех[отных] дивизий, 2 кав[алерийские] дивизии, 2 горностр[елковые] бригады и, по непроверенным данным, в Пятра отмечается мотомеханизованная бригада. К этой же группировке можно отнести добруджанскую группировку, состоящую из двух пех[отных] дивизий и одной кав[алерийской] бригады.

Таким образом, против СССР сосредоточено 11 пех[отных] дивизий, две кав[алерийские] бригады, механизированная бригада, две горнострелковых бригады и одна отдельная кав[алерийская] бригада. При использовании всех людских ресурсов и при немецком вооружении румынская армия может быть доведена до 40 пех[отных] дивизии общей численностью до 1800 тыс. чел.

За последние полгода румынское командование уделяло особое внимание авиационным, танковым и инженерным частям. Под руководством немецких офицеров при 1-м и 2-м танковых полках, а также и в авиационной школе в г. Текуче офицерский состав румынской армии проходил и проходит усиленную подготовку. 380 офицеров, окончивших учебу, направлены в части, расположенные в Молдавии.

Отмечается наличие кавалерийского корпуса, тогда как ранее кавалерия в корпуса не сводилась.

Вооружение для румынской армии поступает с заводов Шкода и Германии.

³²¹ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жданову; № 9 – т. Жукову; № 10 – в дело». «Допечатан 1 экз. т. Маленкову, № 11».

³²² Документ рассекречен 28.04.1989.

Офицерам румынской армии в мае выданы топографические карты южной части СССР. В Молдавии в настоящее время сокращены пассажирские поезда на 10 дней. По официальным сведениям, войска концентрируются в северной части Румынии.

В приграничной зоне с СССР отмечалось занятие окопов первой линии полевыми войсками.

Подтверждается эвакуация государственных учреждений из городов Молдавии, а также местного населения из приграничной зоны. Румынский государственный банк эвакуировал свои архивы из Бухареста в Предеал. Имеется распоряжение о постройке в городах и селах своими средствами каждой семьей траншеи или примитивного бомбоубежища к 15 июня.

Министерство спустило указание о досрочных экзаменах в школах, с тем чтобы здание подготовить под казармы и госпитали. Экзамены должны быть закончены к 10 июня. Отмечен призыв на сборы студентов последних курсов медицинских факультетов, а также студентов других специальностей.

Офицеры румынского генштаба настойчиво утверждают, что, по официальному заявлению Антонеску, война между Румынией и СССР должна скоро начаться.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков³²³

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 117–119. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 665–666.

№ 47

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О военных приготовлениях Румынии»

№ 66060бсс³²⁴ 7 июня 1941 г.

Мобилизация в Румынии подтверждается многими источниками. Призываются возрастные контингенты от 19 до 42 лет. Вызов производится по телеграммам. Одновременно мобилизуется конский состав и обозы.

В результате мобилизации румынская армия будет доведена до одного миллиона человек и сможет быть развернуто до 30 дивизий.

Железные дороги, сократив пассажирское и обычное товарное движение, выполняют перевозки в Молдавию и Северную Добруджу немецких войск, идущих из Югославии и Болгарии, а также вооружения (артиллерия, танки, прожектора и т. д.) и военное снаряжение.

Что касается самой Германии, то там с 4 июня возобновились интенсивные перевозки по железной дороге и автострадами через Кюстрин и Франкфурт (оба пункта на р. Одер, восточнее Берлин) на восток. Перевозится людской состав, танки, тяжелая, зенитная и полевая артиллерия, автотранспорт, прожектора и горючее.

Район Познань представляет из себя буквально военный лагерь.

Одновременно с этим наблюдается дальнейшее усиление немецких войск на границе за счет оттяжки ряда соединений из-за Вислы, так, 168-я и 111-я пд из района Кельцы – в направлении Ярослав. В Холм 183-я пд, а из района Холм передвинулась непосредственно к границе 62-я пд.

Вывод:

³²³ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жданову; № 9 – т. Жукову; № 10 – т. Кузнецову; № 11 – т. Маленкову; № 12 – в дело».

³²⁴ Документ рассекречен 28.04.1989.

Учитывая соответствующим образом румынскую мобилизацию как средство дальнейшего усиления немецкого правого фланга в Европе, особое внимание необходимо уделить продолжающемуся усилению немецких войск на территории Польши.

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков³²⁵

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 120–121. Заверенная копия.

Опубл.: Военная разведка информирует... С. 671–672.

№ 48

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии

«О скрытной мобилизации в Финляндии и немецких войсках в Финляндии»

№ 66063бсс³²⁶ 13 июня 1941 г.

По данным ряда источников, заслуживающих доверия, начиная с 8 июня 1941 г. правительство Финляндии проводит в стране скрытые мобилизационные мероприятия. Отмечена мобилизация резервистов на юге страны в районе Риихимяки (севернее Хельсинки) и на севере в районе Петсамо. На ст. Риихимяки установлена погрузка призванных в воинский эшелон, а на ст. Оулу 10 июня установлен эшелон финских войск до батальона с лошадьми в движении на север. Кроме резервистов, проводится мобилизация конского состава и автотранспорта. Мобилизованным повестки вручаются секретно – ночью.

9 июня, при поездке наших людей на север Финляндии, они слышали в вагоне, как финские офицеры говорили, что они вызваны из отпуска для отправки на восточную границу. Севернее Оулу наших людей не пустили, несмотря на то что зона не запретна. По данным, требующим проверки, генштаб финской армии передислоцировался в Хямеенлинна.

Из районов Таммисаари и Миатра производится эвакуация местных жителей. На дорогах отмечено усиление охраны мостов. Одновременно с производимыми мобилизационными мероприятиями финского правительства отмечается усиленное сосредоточение германских войск на севере Финляндии в районе Кемиярви, Рованиеми, Кеми, где немцами созданы крупные базы вооружения, боеприпасов, продфуража и бензина. 7 июня отмечена переброска в этот район нескольких тысяч германских войск из района Киркенес (Норвегия). 8 июня отмечена выгрузка до 10 тыс. германских солдат в северных портах Ботнического залива – Ваза и Оулу – и дальнейшее их следование на север (возможно, в этот же район). Кроме того, установлено наличие германских войск в районах Куусамо и Суомуссалки.

Учитывая, что до марта на севере Финляндии находилось до 6000 германских войск, последними перебросками и передвижениями это число к настоящему времени возросло до 25–30 тыс., или до 2 пехотных дивизий со средствами усиления (тяжелой артиллерией и танками). В районе Рованиеми также установлено наличие немецких самолетов, которые базируются на немецком аэродроме, находящемся в этом районе.

Начальник Разведывательного управления

Генерального штаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков³²⁷

³²⁵ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Жданову; № 7 – т. Маленкову; № 8 – т. Жукову; № 9 – т. Кузнецову; № 10 – т. Берия».

³²⁶ Документ рассекречен 04.01.2002.

³²⁷ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Кулику; № 9 – т. Маленкову; № 10 – т. Буденному; № 11 – т. Жданову; № 12 – т. Запорожец; № 13 – т. Шапошникову; № 14 – т. Мерецкову; № 15 – т. Жукову; № 16 – в дело».

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 122–123. Заверенная копия.

№ 49

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О всеобщей мобилизации в Финляндии и немецких войсках в Финляндии»
№ 66069бсс³²⁸ 18 июня 1941 г.

По данным источников, заслуживающих доверия, подтверждаются сведения о проводимой в Финляндии с 8–10 июня мобилизации. В дополнение к ранее отмеченным районам Петсамо и Риихимяки, мобилизация резервистов установлена в районе Хельсинки, Турку (Або), в деревнях долины реки Вуокси и на Аландских островах. Призваны запасные до 40-летнего возраста. В Рованиеми, Оулу и Кеми отмечены большие группы призванных резервистов, часть которых командами проследовала на север и восток страны. В частях прекращены отпуска, а находящимся в отпуску приказано немедленно явиться в свои части.

По данным ВАТ в Финляндии, финская армия на 17 июня в основном заканчивала отмобилизование частей и их сосредоточение на границе. 12 июня в Таммисаари было объявлено осадное положение, в этом районе все приводится в боевую готовность. В Хельсинки отмечены признаки эвакуации населения. 16 июня эшелон с женщинами и детьми отправлялся на север в р[айон] Торнио. Подтверждается эвакуация населения из районов Лаппеенранта, Котка, Таммисаари и Петсамо. В тесном контакте с мобилизационными мероприятиями финского командования проходит сосредоточение германских войск в Финляндии.

По дополнительным данным, за 13–14 июня в порту Оулу выгрузилось до двух полков мотопехоты, саперный батальон, до 80 легких и средних танков, артиллерийские подразделения с малокалиберной и противотанковой артиллерией и обозы. Все части проследовали в жел[езно]дор[ожных] эшелонах на север. Выгрузка германских войск и грузов продолжается.

По данным нашего ВАТ в Финляндии, в период с 5–15 июня в портах Ваза, Оулу и Кеми выгрузилось до двух моторизованных дивизий, которые проследовали на север. В р[айон]е Рованиеми установлены номера 6, 17 и 80-го германских пех[отных] полков, ранее отмечавшихся во Франции. На 17.06 численность германских войск в Финляндии составляет до трех пех[отных] дивизий с артиллерией, танками и спец[иальными] частями. Порты Ботнического залива, мосты и жел[езно]дор[ожные] эшелоны обеспечиваются немецкими зенитными частями.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков³²⁹

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 124–125. Заверенная копия.

№ 50

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О применении немцами ОВ»

³²⁸ Документ рассекречен 04.01.2002.

³²⁹ Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Кулик; № 9 – т. Маленкову; № 10 – т. Буденному; № 11 – т. Жданову; № 12 – т. Запорожец; № 13 – т. Шапошникову; № 14 – т. Мерецкову; № 15 – т. Жукову; № 16 – в дело».

№ 660812сс³³⁰ 30 июня 1941 г.

Установлены отдельные случаи поражения красноармейцев ОВ типа иприт. При артиллерийском обстреле фугасными снарядами наших частей в районе г. Рении отмечен разрыв химического снаряда, снаряженного СОВ (типа иприт). Пострадало 3 человека. При атаке истребителями самолетов противника было два случая выпуска противником облака газа. У летчика, попавшего в облако, резко ухудшилось самочувствие вплоть до обморока. Летчики находятся под специальным наблюдением.

По сведениям, требующим проверки, при атаке ДОТ немцы применяли неизвестные ОВ (донесение разведотдела Юго-Западного фронта).

Из перехваченной румынской радиogramмы известно, что 22.06.[19]41 г. полиция г. Браилов сообщила в Бухарест, что ими найдена бутылка с немецкой этикеткой. Расследованием установлено, что бутылка наполнена ОВ. Предполагают, что она оставлена германскими войсками, находившимися в Браилове.

Ранее (в феврале с.г.) в НИХИ Красной армии из ПриБОВО была получена специальная германская бутылка, снаряженная раздражающим ОВ³³¹. Эта смесь при поджигании выделяет дым, который вызывает раздражение носоглотки. Форма бутылок дает возможность предположить использование их вкладыванием в корпус снаряда. Не исключена возможность применения их также бросанием как ручной химической гранаты при атаке ДОТ.

По данным разведотдела Юго-Западного фронта, установлен завоз химических бомб на аэродром Кросно. Кроме того, по сообщению нашего ВАТ в Швеции, немцы за последнее время подвезли в Финляндию большое количество химических веществ.

Вывод:

Германская армия имеет на фронте склад с ОВ. Отмечаются отдельные случаи применения ОВ в небольших количествах.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант Голиков³³²

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 126–127. Заверенная копия.

№ 51

Из записной книжки начальника РУ Генштаба
Красной армии Ф. И. Голикова – о пребывании
советской военной миссии в Англии и США
Июль – сентябрь 1941 г.

[...]

06.07.[19]41. 17:20. Вылетели из Москвы на самолете «Дуглас» в сопровождении вице-маршала [А.] Кольера.

21.15. Прибыли в Архангельск, аэродром Ягодник (25 км от Арх[ангельска]). Встретил н[ачальник] ш[таба] округа т. Григорьев. Ужин на пароходе «Красная Звезда» с вице-маршалом Кольером и подполк[овником] Девисом.

07.07.[19]41. 1:20. Вылетели из Архангельска на английских лодках. В пути были 19 час. 40 мин. 21:00 (моск[овское] время), прибыли в Инвергордон (Шотландия).

³³⁰ Документ рассекречен 07.02.2012.

³³¹ Формула не публикуется.

³³² Под документом указана рассылка: «№ 1–2 – т. Сталину; № 3 – т. Молотову; № 4 – т. Ворошилову; № 5 – т. Тимошенко; № 6 – т. Берия; № 7 – т. Жукову; № 8 – т. Мехлис; № 9 – копия т. Мельникову; № 10 – дело».

23:20. Выехали поездом в Глазго.

08.07./19/41. 8:00. Прибыли в Глазго. Осмотр центра города.

10:00. Выехали поездом из Глазго в Лондон.

19:30. Прибыли в Лондон. На вокзале Юстон встречали зам[еститель] нач[альника] генштаба генерал Генри Поуналь³³³, зам[еститель] нач[альника] главного морского штаба [Том] Филиппс, зам[еститель] нач[альника] главного воздушного штаба Боттомли.

21:00. Ужин (товарищеский) в нашем полпредстве.

09.07./19/41. 10:20. Прием всей миссии министром иностран[ных] дел [Э.] Иденом.

11:30. Прием всей миссии военным министром [Г.] Моргенсоном. «В стоячку».

15:30. Встреча всей миссии с начальниками штабов (генерального, воздушного и морского). Об их роли и позиции.

18:00. Встреча с заместителями начальников штабов. Продолжалась 1 час 30 мин.

10.07./19/41. 10:30. Прием всей миссии морским министром [А.] Александером. Лейборист-хозяйчик.

15:30. Прием всей миссии воздушным министром [А.] Синклером. Воздушное бомбометание по Германии.

18:05. Прием корреспондента «Юнайтед пресс К°».

18:30. Вся миссия присутствовала на коктейль-пати в гостинице «Ритц», данной нач[альником] имперского генштаба генералом Диллом.

21:30. Встреча контр-адмирала Харламова с зам[естителем] нач[альника] гл[авного] морского штаба вице-адмиралом Филиппсом.

11.07./19/41. 11:30. Встреча г[енерал]-л[ейтенанта] Голикова, посла СССР в Великобритании Майского с морским министром Александером. «Корабли уже собраны. Задержки не будет».

16:30. Встреча г[енерал]-л[ейтенанта] Голикова с полковником Фаербресом, командиром связи. Его отношение к «политикам».

19:30. Собрание советской колонии с докладом г[енерал]-л[ейтенанта] Голикова.

Обратный рейс.

12.07./19/41. Из посольства в 12:15. С аэродрома – 13:20. Поездка в Глазго – 17:00.

13.07./19/41. Из гидропорта Клайд (около Глазго) в 14:40, в 23:00 со станции N.

14.07./19/41. В 11:00 на линии Мурманска. Тяжелый туман. 15:00 – Ягодник.

15.07./19/41. В 3:52 вылетели в Москву из Ягодника. 8:00 – Москва.

17.07./19/41. На даче у И. В. Сталина по задачам в США.

18.07./19/41. 17:40 – из Москвы. 21:40 – аэродром Ягодник.

19.07./19/41. 0:30. Вылет на летающей лодке № 8427, вместе с лодкой Фокса, в сопровождении трех «СБ» и трех «И-153». Кр[ылатая] лодка «Bradshat».

³³³ Речь идет о генерале Г. Паунелле. (Примеч. сост.)

Около 1:30 обратная поездка в Ягодник из-за неисправности левого мотора и разрушения антенны.

20.07./19/41. Проклятое сидение на пароходе из-за неисправности мотора лодки. Безобразное отношение к делу англичан – экипажа, полк[овника] Берда и особенно переводчика Крейтона. Отказ нашим специалистам в допуске к работе над карбюратором. Ожидание помощи из Англии. Для нас – расчет на прибытие другой лодки.

21.07./19/41. Ожидаемая лодка прибыла в 16:00. Вместо моего требования о вылете через девять часов командир лодки [Уилл] вкуче с Бердом и Крейтоном заявил о вылете не ранее чем через сутки – примерно в 18:00.

22.07./19/41. (С 18:00.) Неплохие сведения с Ленинградского фронта (положение стабильное). Напряженная обстановка у Смоленска. Прибытие Сергея (старшего сына) в Москву после отпуска с работ по рытью траншей под столицей. Беседа с Мазуруком, Григорьевым и Плешивцевым об обеспеченности аэродромами побережья.

В 18:48 взлет на л/л. Сопровождение трех «И-153» и трех «СБ». Вчера в 22:10 немцы бомбили Москву. Телефонный разговор по ВЧ с Панфиловым из кабинета командующего военным округом по результатам налета об общем положении на фронте. Сообщения бодрящие.

Советы и указания, данные здесь мною:

- 1) рассредоточение, маскировка и окапывание ВВС, горючего и боеприпасов;
- 2) подготовка полевых КП, штаба округа, тренировка гарнизона;
- 3) подготовка аэродромов на побережье.

23.07./19/41. В 12:15 благополучно прилетели в гидропорт Инвергордон. Командир лодки Уилл. Без происшествий. Во главе встречающих контр-адмирал Стюарт, возглавляющий морские силы этого района. Ему же подчинены ВВС и наземные войска.

После переезда на аэродром, умывания и завтрака вылет в Лондон в 13:50 на самолете «Фламинго» (говорят, что это самолет, на котором летал король). По словам контр-адмирала, немецкое радио сообщает о взятии Смоленска. Интересуются налетом на Москву. Сами живут совершенно мирной жизнью.

Аэродром забит самолетами, без всякой маскировки и окапывания.

[...] В 16:34 в полном порядке приземлились на аэродроме в Лондоне. Встречали советник Новиков, вице-адмирал Скляр³³⁴, контр-адмирал Харламов, полковник Пугачев, секретарь миссии Баранов и др.

Через два часа были с Майским и Харламовым у Идена с целью: 1) вновь и еще жестче поставить вопрос о реальной технической и боевой помощи; 2) внести ясность в отношении фактического начала осуществления боевых действий; 3) добиться положительного отношения к работе военной миссии в США и контакта.

В ходе беседы был вызван начальник главного морского штаба Паунд.

24.07./19/41. Намечались встречи: 1) с [Э.] Иденом и Г. Гопкинсом (личным представителем президента США), по военно-технической помощи С[оветскому] Союзу; 2) с министром авиации Синклером в 21:30 и 3) коктейль у нач[альника] штаба ВВС в 18:30. День ушел на ознакомление с практическими результатами работы миссии за 12–23 июля.

³³⁴ И. А. Скляр³³⁴ был в это время полковником. (Примеч. сост.)

О вылете в США было сказано, что не ранее воскресенья, т. е. 27.07, однако в 18:30 без предупреждения было сообщено, что через 15–20 мин. нужно быть на аэродроме для перелета в пункт отправки в США. Дано два места. Наспех собравшись, вылетели с членом миссии генерал-майором авиации А. К. Репиным³³⁵ в 19:53 в аэропорт Прествик.

В 21:50 – аэродром Прествик. Встречал начальник местной «воздушной станции» (истребителей). Весь вечер ушел на оформление вылета, на ужин и слушание радиосообщений. Последние были в общем положительные. Англичане продолжали выражать свое удивление и восхищение нашей борьбой против немцев; без конца высказывали добрые пожелания, но о своем участии не говорили ничего, кроме самых общих слов. Переводчик Коттам, воздушный офицер, разведчик, «между лейбористами и коммунистами».

25.07.[19]41. В 7:45 вылетели с аэродр[ома] Прествик на американском бомбардировщике. Четыре мотора, вооружение снято. Пассажиров – 12 чел. с нами. Это американские летчики и летные специалисты, занимающиеся перегоном американских самолетов (бомбардировщиков) в Англию по три-четыре рейса в месяц за очень высокую оплату.

Перелет без остановки до Монреаля продолжался 16 час. 45 мин. на высотах 3–4–5 тыс. м.

Лежал в заднем отсеке (в хвосте). Здесь можно было все время спокойно лежать, смотреть в оконце и дышать чистым воздухом.

Ощущался недостаток кислорода, но лишь во время резких движений и усилий, а в остальное время было совершенно спокойно, хотя я никогда не летал на таких высотах. И, в то время как несколько человек из числа англичан и американцев «сосали» кислород, мы с Репиным и не подумали прибегнуть к этому средству.

Все-таки перелет оказался очень утомительным. На пути перелета в 19:15 увидели берег о. Ньюфаундленд. Пересекали его час двадцать минут. Остров поражает рельефом местности: три четверти занято водой в виде мелких озер, болот и речек и лишь четвертая часть – суша, но и она дика, почти необитаема и даже в малой степени не использована. Большой частью суша покрыта лесом, кустарником и галькой. В общем, этот остров еще хуже, чем наш Кольский полуостров.

Четыре часа летели над Канадой до Монреаля. В большей своей части, т. е. весь северо-восток – это местность, очень похожая на наш архангельский Север или сибирскую тайгу, с ничтожным процентом населения, с богатствами, не использованными и в самой малости. Поселений нет даже по рекам и озерам. Несчетные массы строевого леса сохнут, гниют и гибнут на корню на воде по речкам и озерам. Редко увидишь жалкие жилые халупки.

Припомнились мне слова англ[ийского] вице-маршала Кольера, когда мы летели из Москвы еще первым рейсом в Архангельск. Глядя на лесные богатства нашего Севера, он жаловался на бедность Англии и говорил: «Отдать бы все это Англии». Что тут сказалось: жадность к чужому добру или незнание собственных ресурсов? Наверное, и то, и другое.

В общем, Канада – страна, не освоенная и в малой мере, с ничтожной населенностью и крайней убогостью существования населения на большей части территории.

Южная часть страны представляет собой некоторый сколок с английской территории по бытовому устройству жителей. Пахотная земля завалена камнем, который даже в сложенном виде занимает около пяти процентов полезной площади. Куски земли характерны малой площадью. С виду, особенно с воздуха, кажется, что все чисто, культурно и хорошо, и хочется для проверки заглянуть внутрь этих фермерских домиков. Но и без этого, по одним лишь ничтожным земельным площадям, по их засоренности камнем, по общей тесноте в этой неосвоенной стране видишь и сознаешь, каким тяжелым здесь являются и труд, и жизнь людей.

³³⁵ В 1940–1942 гг. А. К. Репин имел воинское звание «дивинженер». В 1942 г. он стал генерал-лейтенантом инженерно-авиационной службы. (Примеч. сост.)

Очень «коряво» получилось на аэродроме в Монреале. Никто не встречал. Без переводчика. Ожидание в гостинице. Перемена трех номеров: на 3-м этаже оказался занятым, на 4-м мал до неприличия.

Прислали переводчика из русско-еврейского ресторана «Самовар» по фамилии Король, затем русского белогвардейца Лифанова, бывшего есаула с Дона, ныне официанта. Прибытие двух офицеров от начальника гарнизона. В общем, к 23 часам все наладилось. Оказалось необходимым еще дать отпор натиску корреспондентов, которые бесцеремонно врываются в номер. Безденежье.

26.07./19/41. В 8:00 вылетели в Нью-Йорк. Провожал на аэродроме командующий войсками района № 4 бригадный генерал Панет. Самолет «Дуглас». Прибытие в Нью-Йорк в 9:40. Встреча с послом Уманским, полковником Сараевым, генконсулом [В.А.] Федюшиным; фоторепортеры, корреспонденты.

Аэропорт. Мастерские. Рабочие. Буфет. Управляющий. Хозяин.

Первые впечатления от людей.

Прибытие в Вашингтон самолетом в 13:30. В 14:00 у вр[еменно] и[сполняющего] о[бязанности] государственного секретаря Уэллеса.

Ощущение перед приемом и впечатление от человека. Пятикратное выполнение им требований фоторепортеров поздороваться за руку. Строг. Сух. Формален. Скуп. Скрытен. В сравнении с Иденом.

В 14:40 у начальника генерального штаба генерала [Дж.] Маршалла³³⁶. Принимал в окружении разведчиков. Все, начиная с него, в гражданской одежде. Активно интересовался положением и уроками войны, особенно в области борьбы с танковыми соединениями в глубине. Довольно прямо сказал об отсталости армии США, отставании военного производства, трудностях удовлетворения запросов Советского Союза. На мой тезис – нельзя позволить Гитлеру бить наши страны поодиночке, а потому оказать быструю и серьезную помощь нам – ответил полным пониманием и сказал, как он безуспешно стремился достичь этого понимания неделю назад в конгрессе.

В общем, обещал содействовать с тем, чтобы «дать все, что будет возможно».

Вечером обед в посольстве с речью Уманского, призывавшей к работе, не ограничиваясь имеющимися успехами, и с подчеркиванием роли военной миссии. Отмечено, что взять Советский Союз должен и может именно здесь, но что еще ничего не взято, не решено и не послано.

Затем совещание с основным вопросом о наличии транспорта, перевозках, о путях доставки авиации и о воздушной связи.

27.07./19/41. Воскресенье. В 12:00 через Балтимор приехали на дачу посольства. Мрачный город Балтимор с безусловно тяжелыми бытовыми условиями для трудовой массы населения. Отсутствие условий для отдыха. Грязь по улицам. Перенаселенность.

По пути на дачу – город Аннаполис с военно-морским училищем («Академия»). Два раза искупался. Около часа (скорее полтора) играли в волейбол.

28.07./19/41. С 11:00 совещание у заместителя государственного секретаря Ачинсона³³⁷ по вопросу ответа на первые заявки Советского Союза на вооружение и по Амторгу. Общий итог: а) по вооружению – ничего, отсылают к другим лицам; б) по Амторгу – далеко не все и не столько, но все же шаг вперед (на 65 млн руб.).

³³⁶ В период Второй мировой войны Дж. Маршалл возглавлял штаб армии США. (Примеч. сост.)

³³⁷ Здесь и далее правильно – Д. Ачесон.

Знакомство и беседа с Первисом, руководителем всех английских закупок в США. Полезно его указание на то, как трудно и медленно шло его дело здесь, пока стало налаживаться; как далека промышленность США от нужд военного времени; как много и легко могла бы она удовлетворить наши общие нужды при ее мобилизации; говорили о том, чтобы не давать американцам оправданий в затычках, ссылаться на нас; о том, чтобы хранить от них наши взаимные переговоры.

Беседа с полковником Феймонвиллом о недопустимой затяжке и неопределенности во всех военных заказах в расчете на сообщение этого президенту Рузвельту.

29.07./19/41. Оформление заявки на вооружение и вручение ее Уэлессу в 17:00. «Сделаем все возможное». «Не позднее чем через час начнется ее рассмотрение». «Моя задача заполнить ваше время так, чтобы вы целиком могли быть заняты своими задачами». «Очень рад вас видеть». Уведомление о том, что «завтра примет президент».

Разговор с Лукашевым (с утра). Беседа у Сараева с Т. ночью.

Уведомление о приеме военным министром Стимсоном. Посещение днем в 14:00 вместе с послом английского посольства.

Принимали Галифакс, военный, военно-морской и военно-воздушный атташе. Постановка вопроса военно-воздушным атташе Пирсом: «Исходя из значения элемента времени, авиацию нужно присылать в Англию и применять оттуда, а не посылать в Советский Союз. Там она через Дальний Восток будет применена через четыре месяца, а через Архангельск – через два месяца».

Пришлось отвечать и бить их же данными: уроками воздушных атак на Англию и уроками Балканской кампании.

30.07./19/41. Вечером доклад на общем собрании советской колонии. Днем бесплодная встреча у посла с Феймонвиллом. Затем совершенно неуместное посещение управления промышленного производства, где у «пом. зам. директора» отдела связи мистера Локка (парня лет 29–30) производилось считывание заявок Советского Союза и Англии. Кое о чем договорились. Оба английских представителя во главе с финансовым советником Пинсоном опоздали на 35 мин. Безобразные условия «приема». Без встречи, искали по этажам и коридорам, стояние в общем канцелярском зале и наконец «прием» в комнате с четырьмя машинистками. Ушли с Репиным возмущенные в процессе «заседания». Отношение к этому послу.

Перенос приема президентом на 31.07, на 12:15. Ночная беседа с послом в связи с его нареканиями на Репина за резкое реагирование последнего на волокиту и проволоочки как на дипломатическую болтовню; мой совет послу о привлечении к более активной и крупной работе других лиц посольства.

31.07./19/41. С 10:20 до 11:40 прием военным министром Стимсоном. От нас: я, посол, Репин, Сараев. От них: Стимсон, его заместитель МакКлой, генерал Майлс (начальник разведки), полковник Феймонвилл, капитан Кристел и еще кто-то.

Стимсон – 72-летний старик с грузом долгих лет. Начал с указания на «недоразумение», что будто бы он не хотел видеть у себя генерала Голикова, что, наоборот, он стремился к этому с первого же дня. Я ответил, что до меня это в такой форме не доходило.

На стене карта Европы с грубо извращенным положением нашего фронта от Рыбачьего до Черного моря. По этой карте Мурманск, Кандалакша, Петрозаводск – все у врага. У Ленинграда – вплотную. В центре – у Вязьмы и т. д. В этом – лицо американской разведки с ее вражеской линией к нам.

Беседа о ходе войны и ее уроках и перевод нами второй половины беседы на практические вопросы помощи нам. В ответ общие фразы и длинные тирады об исторической разнице

между СССР и США, об отсутствии у США необходимой армии и должного производства вооружения, о тех, кто считает возможным найти в Америке все, что в ней все дается легко, делается из воздуха. В вопросах большой интерес к борьбе с танками и к партизанскому движению (верно ли, что мы специально готовим для этого свои части; о руководстве центра партизанского движения, о кадрах партизанского движения и т. д.).

С 12:15 в приемной президента. В 12:35 прием. Предупреждение, что времени дается 15 мин. (адъютантом президента генералом [У]отсоном). Окончание беседы состоялось в 13:20.

Довольно дружеское обращение, внимательное отношение и немедленный переход (правда, по нашему почину) к деловым вопросам. Нами прямо и жестко было сказано о неудовлетворительном ходе работы миссии, о неопределенности положения, о сваливании кое-кем из американцев друг на друга, о выискивании всяких сомнений, возражений и отрицательных мотивов; заявили, что он (президент) должен дать решающие указания по всем вопросам нашей военной заявки. В общем итоге получена лишь одна конкретная информация – о двухстах «П-40», а по всему другому – ориентировка, предположения и обещание выяснить; некоторое улучшение нашего настроения в надежде на какую-то реальную долю помощи.

Впечатление: в общем положительное, но не такое, как ожидалось по известным характеристикам. В обращении, конечно, проще всех его министров, с кем мы встречались. Свободнее, шире, конкретнее, приятнее и понятливее. Конечно, политик и дипломат, хотя подчеркнул в ответ на мои слова о себе, что он «тоже не дипломат». Конечно, виден крупный государственный деятель. Но немало было видно и показного как во внимании, так и в участии в нашем деле и в самом его решении.

А через два часа Феймонвилл сказал [П.С.] Сельдякову, работавшему в Амторге, о сомнительности и нереальности только что полученных цифр самолетов и вообще об излишнем оптимизме посольства, т. к. де «в Белом доме придерживаются другой линии».

Под вечер беседа с Сельдяковым. С 10 часов беседа с Пархоменко. До трех ночи работа над телеграммами. Телеграмму семье через Пелевина.

01.08.[19]41. В 11:00 встреча с министром финансов Моргентау. От нас я, посол, Репин. У него – записывающий. Чрезвычайно интересная и содержательная встреча. О роли и позиции военной разведки. Ежедневное втравливание президента. Немецкий военный атташе как первоисточник. Необходимость контратаки в этом деле как важнейшая задача военной миссии. Теперь еще понятнее стала карта обстановки в кабинете Стимсона.

«Раньше эти военные вопросы были в моих руках. Теперь их у меня отняли. Но у меня есть свои люди. Кокс – мой человек, у него сердце на правильном месте». Проборка Кокса по телефону за то, что не связался с нами. Совещание с ним на 14:30 и с Бернсом на 15:00 с участием Кокса («без приглашения»). Формальная должность Кокса, непонятная [ему] самому, – «юридический советник при генерале Бернсе». Моргентау о министрах финансов: «Это люди, которых никто не любит. Но было бы бедой для государства, если бы министр финансов оказался популярен».

Он же о чувстве юмора у меня, заметившего между прочим, что он, буржуазный министр, берет папиросы из одной коробки, а советский посол – из своей. Сообщение, что сегодня в час дня будет обедать у Рузвельта. И хотя Рузвельт может ему «дать по физиономии за вмешательство не в свои дела», он берется помочь нам продвинуть дело (мы сообщили ему о неудовлетворительности нашей работы, обещании президента и саботаже его обещаний со стороны военного аппарата).

Сообщение, как вчера (31.07) Рузвельт сказал ему: «Вести с русского фронта чертовски плохи» (по немецким источникам).

Были 30 мин. Обещал постоянное содействие.

С 15:00 ругательная встреча и беседа с «активом» и «опорой» Уманского генералом Бернсом. Его озлобленные ответы на наши требования и неудовлетворенность: «Вы не ждите, что вам здесь откроют кран и все пойдет широкой струей» и т. п. Реплика Репина: «Пусть хотя бы капало». Примерно такой же, в тон Бернсу, нажим на них моими постатейными вопросами и тирадами посла.

А ответы:

- о самолетах: «Ответа еще нет, зависит от военного департамента».
- о пулем[етах] [калибра] 12,7 [мм]: «Таких нет».
- о ПТО: «Выясняется в в[оенном] д[епартаменте]».
- об ав[иационных] бомбах: «Выясняется в в[оенном] д[епартаменте]».
- нередко: «Ответ сообщим».

Паршивая и крайне сомнительная роль второго «активиста» и «опоры» полк[овника] Феймонвилла. Разошлись плохо. Настроение матерное, злое.

После возвращения в посольство беседа с двумя полковниками от нач[альника] ГШ насчет перегонки из Фербенкса первой эскадрильи «П-40» в 28 единиц и десяти бомбардировщиков (Макдональд от ВВС и Гюнтер от разведыв[ательного] упр[авления]).

Это первое конкретное дело. Но оно, конечно, рассчитано на то: не сорвемся ли мы на нем, не окажемся ли неповоротливыми, технически неготовыми, не дискредитируемся ли с тем, чтобы потом со ссылками на нас же во многом усилить вражескую работу против оказания помощи СССР.

Наконец прибыли из Англии члены миссии Барабанщиков и Райков.

Около десяти вечера упал в шахту грузового лифта с 4-го этажа на 1-й Репин. Поразительная для такого случая легкость последствий. Паническое состояние.

Впервые после вылета из Архангельска час-полтора удалось походить пешком по улицам города вокруг Белого дома.

02.08./19/41. Посещение к 10:00 разведывательного управления армии США. Были с Бараевым и Сараевым. Неорганизованность американцев: не оказалось ни нач[альника] РУ, ни зама (Гюнтера). Оба были: первый у начальника генерального штаба, второй – у нашего посла. Опоздали и усиленно извинялись. Круг их вопросов: о числе дивизий германской армии, находящихся в бою (по их данным – 150), о распределении немецких сил к северу и к югу от Припяти (считают, что к югу от Припяти – больше). Пытались подъехать с таким вопросом: где мы оказались застигнутыми врасплох, а где ждали удара и сумели встретить немцев.

Использовал посещение для того, чтобы заявить о необходимости более правильной и объективной информации со стороны военной разведки США для соответствующих лиц и учреждений о военной обстановке на нашем фронте в связи с наблюдавшимися мной фактами извращения фактического положения (и сигналами Моргентау). Указал, что такое положение вредит делу сотрудничества наших стран. В ответ полковник Гюнтер заявил, что они «теперь не будут заигрывать ни с одной из сторон и обеспечат строгую объективную информацию о военном положении; конечно, с учетом симпатии к вашей стороне».

Беседа около двух часов (я и посол) с заместителем Бернса по всем английским закупкам. Очень ценный результат. Использовали для постановки вопроса перед Центром о личной постановке вопроса Сталина перед Черчиллем об отношении англичан к нашим заявкам, о возложении задач на Майского и Харламова.

Беседа с представителями НКАП (Народного комиссариата авиационной промышленности) Анисимовым и Перфильевым об их работе и о состоянии авиации и авиационной промышленности США.

Состояние Репина хорошее: переломов нет, трещин нет, есть сильные ушибы и ссадины. Настроение хорошее. Выйдет через 3–4 дня. Донесение тов. Молотову сделано.

Обедали около 23 часов после отправки всех донесений в Москву.

03.08./19/41. Ночевал в ночь на 3 августа и провел день на даче посольства. Ездили в Балтимор на антифашистский фильм «Под землей». Два раза купался.

04.08./19/41. Распоряжение Москвы об изменении маршрута на Архангельск.

В 9:30 выехали с Сараевым, Барабанщиковым, Райковым и Феймонвиллом на Абердинский полигон. Прибыли туда к 11:30. Выехали обратно около 19:00.

Начальник полигона бригадный генерал Рооз, лет под 60; маленького роста старикашка с длинным красным носом. Поездка полезна, хотя наши эксперты почти все забраковали как не заслуживающее внимания, устаревшее, несовременное и т. д.

От Панфилова получил хорошее сообщение о положении на фронте, о начальнике Генерального штаба Шапошникове, об улучшении обстановки для работы Разведывательного управления, о прибытии Сергея в Чебаркуль Челябинской обл., куда эвакуирована семья.

05.08./19/41. С 9:30 в генштабе на совещании по вопросу о маршрутах для ВВС. Проводили заместитель военного министра Локет и заместитель начальника генерального штаба генерал Мур – чуждые и враждебные нашему делу люди. Больше двух часов как «из чирья гной». В резком тоне по целому ряду вопросов. Их отказ и «не знаем» по всем вопросам нашей заявки.

Вечером полезный посетитель у посла – Лодвиг. Он двенадцать лет был промышленником – не понравилось. Два последних года – хозяин двух летных школ. «Готовит кадры» для ВВС США. «Интересно, втянулся». Информация от Моргентау послу о правительственном заседании в прошлую пятницу с резкой и невиданной руганью президента за отношение к нашим вопросам. Его советы: побольше пугать положением у нас на фронте.

Лодвиг дал ряд полезных данных о производительности самолетов по ряду типов, о зенитках и орудиях ПТО.

Ночью послан ответ на запрос Харламова насчет ста сорока «П-40». В 18:00 просмотрел американскую кинохронику с нашего фронта. Пришел в крайнее расстройство и особенно из-за остроты положения дел на родине и крайней неудовлетворенности практическими результатами здесь в отношении военной помощи. Тянет на фронт.

Репин болеет, но со значительным улучшением. Райков недомогает. Около 24 часов зашли с Сараевым в кинохронику – видели съемку нашего прибытия в США.

06.08./19/41. С 11:30 до 13:30 на заседании у личного секретаря (помощника) Рузвельта – [У.] Коя. Он назначен президентом контролировать и толкать все ведомства в выполнении правительственных решений о помощи нам. С ним тут же Кокс (глаз Моргентау и очень полезный нам человек), Юнг (очевидно, глаз своего отца – финансиста Юнга), два члена морской комиссии и тот же тип Феймонвилл. От нас посол, я, Сельдяков. Выторговали транспорт, а может быть, два.

Полтора часа наших запросов, упреков и ругани в адрес США по поводу безобразного положения с заявкой. Расчет наш на то, что Кой сегодня же доложит Рузвельту. Compliments Кокса.

Беседа с Лодвигом по ряду новых его сообщений по ВВС, авиационным бомбам и другом вооружении. Он пошел к послу и заявил, что не может говорить, когда все, что он говорит, записывают слово в слово три человека.

Посещение министра внутренних дел нефтяного диктатора Икеса. Производит впечатление серьезного сторонника Сов[етского] Союза. «Останусь голым, но вам помогу».

Положительные ответы на все наши нефтяные заказы. Его сообщение о величайшем оковтирательстве по поводу запасов нефти в США со стороны управления промышленного производства и о предстоящем на днях его разоблачении. И он советует не очень чваниться сообщениями с нашего фронта, а побольше пугать.

«Я был один в правительстве США в 1936 году, кто требовал решительной помощи Испанской республике. Если бы меня послушали, войны бы сейчас не было. Я предсказывал это четыре года тому назад».

Его сообщение о таком состоянии Рузвельта в пятницу прошлой недели, каким Икес его не видел восемь лет, при обсуждении вопроса о действительной помощи нам в связи с нашими жалобами и недовольством.

Передача Феймонвиллу нашего требования дать тактико-технические данные об оружии и организовать показ нам всех видов интересного нам оружия.

Заявление Икеса о плохой работе Амторга (неделю потеряли из-за неспособности оформить покупку нефти, и за них пришлось все делать Девису).

Кинофильм «Сержант Йорк».

07.08./19/41. День без приемов и посещений. Основное внимание работе Амторга. Беседы с Новиковым, Сельдяковым, Маловым. Смысл со стороны всех отрицательный. Проект сообщения в Центр. Получены технические инструкции на самолеты «Б-25» и «П-40».

08.08./19/41. В 11:40 визит к государственному секретарю США Хэллу. Лет под 65–70. На вопрос посла о здоровье ответил, что работал по 16 час. в сутки, все делал сам, не передавая другим, и надорвался; теперь отдохнул. В ответ на мое указание на неудовлетворенность итогами моей двухнедельной работы в США, мизерные, ни с чем несравнимые цифры даваемого, на бесконечные безрезультатные совещания, отсутствие ясности в деле и ответа на пункты заявки, на почти замкнутый круг ответил:

- 1) о взбучке президентом кому следует;
- 2) что лично будет уделять двойное внимание нашему делу;
- 3) что сделает на своем посту столько же, коль сделал бы я сам, занимая его место (т. е. максимум настоящих усилий);
- 4) чтобы мы давали ему факты, а он будет ходить через дорогу с ними к самому президенту;
- 5) что его затрудняет отсутствие в Вашингтоне президента.

В конце беседы: «Мы просим и молимся о победе Сов[етского] Союза над Гитлером»; что он, Хэлл, всегда был против гитлеризма.

Журнал «Ньюс Вик» за 11.08./19/41 о немецкой группировке:

- А) на Ленинградском фронте – 38 действующих дивизий, из них 3 танковые;
- Б) Смоленский фронт: 74 действующие дивизии, из них 9 танковые;
- В) Украинский фронт: 61 действующая дивизия, из них 6 танковые.

Знакомство у посла с представителем ТАСС в США Дюранти. Его ответ нам на вопрос, «что думают американские рабочие в связи с войной против Сов[етского] Союза», не дал никаких иллюзий; влияние и сила изоляционистских, еще пацифистских элементов на средние слои рабочего класса; сомнения в том, что им лично дает эта война и участие в ней США (уроки вильсоновской политики войны 1914–1918 гг. и послевоенные разочарования).

С 16:15 сенатор штата Флорида Пешпер. Послом характеризуется как друг Сов[етского] Союза. Недавно выступал [в] конгрессе против военного департамента и генерального штаба за их пораженческую пропаганду в отношении Сов[етского] Союза. Являлся с предложением нам вложить деньги в его детище – военный завод, чтобы через 6 месяцев начать получение по 20 самолетов в день (без мотора и сборки).

В 17:00 с послом у министра торговли, он же председатель займового комитета, Джесси Джонса. Основная тема с ним – о нашем займе в США. Миллионер. Вышел снизу – из мальчишек. Начал с продажи единственной свиньи. Оригинальничает: комната, все стены которой заполнены газетными карикатурами на него же самого.

Здоровенный. Толстый. Безразличный к нашему делу, хотя и придерживается общей фразеологии о помощи и прочем.

Хладнокровный истребитель житейской «мелочи», «рыбешки» и всего, что не устоит против финансового прессы этих воротил.

Все дело о займе поставил на условия немедленной реализации отпускаемых сумм и обеспечения нашими поставками.

В 11:00 на советской радиостанции. Слушали «Известия» из Москвы от 7 часов утра. Вновь то же чувство острой тяги домой, на Родину, в Союз, как после просмотра на днях кинохроники с нашего фронта. Чувство отрыва, чувство недовольства своим непродуктивным пребыванием здесь в стороне от главного, самого важного и решающего.

09.08.[19]41. Этим днем фиксируются две недели нашего здесь пребывания. Вчера составил, сегодня окончательно принял, согласовал с послом телеграмму в Центр т. Сталину, Молотову, Шапошникову.

Основное: нуждаюсь в указаниях на дальнейшее. Итоги двух недель ничтожно малы. Работа миссии принимает затяжной характер. Сама она из боевого и чрезвычайного органа военного времени превращается в частицу постоянного советского представительства в США. Две недели, конечно, не пропали даром. И назначение военной миссии, безусловно, оказалось необходимым. Прошли всех, включая Рузвельта. Как нажимали. Но положение почти не изменилось. Учитывая обстановку, оцениваю ее так: 1) все же дадут; 2) но на быструю помощь рассчитывать не приходится; 3) в количественном отношении будет много меньше, чем требуем. Необходимо дождаться Рузвельта, Гопкинса, англичан, чтобы добиться ясности. Если дело не изменится, думать о новых мерах и шагах, включая вопрос о целесообразности дальнейшего моего здесь пребывания.

В 13:00 вылетели с послом в Нью-Йорк на совещание в Амторге. Совещание начали в 15:30. Закончили в 19:00. Общие итоги для оценки положения дел и деловых отношений Амторга и посольства неблагоприятны. Обед. Выступление на небольшом собрании сотрудников и семей. Подъем на 102-этажный небоскреб ночью. Кинорадиокомпания с безобразнейшей картиной про какого-то боксера, которого обработали антрепренеры под видом его смерти на разбившемся самолете. Ужин в гостинице «Астор», с джазом, песенками и танцуйками посетителей в «трясучку» (молодежь). Предоставление номеров без всяких документов, но с двумя «легкими» вопросами: 1) «К какому учреждению (организации) вы имеете отношение?» (Ответ: «К русскому посольству» – Громыко); 2) «Если вы имеете дипломатические документы, то вам будет скидка на 15 %». (Ответ Громыко: «Да, имеем» и предъявил свое удостоверение советника.)

В ресторане нас узнали официанты. Один спросил, чтобы удостовериться, сославшись на кинохронику.

10.08.[19]41. Подъем в 9:00. Туалет. Завтрак. Выезд в 10:30 для осмотра города. Проехали Пятую авеню, часть Бродвея, китайский район, европейский район, Уол[л]стрит, набережную. Издали видели статую Свободы. Проехали возле океанского французского парохода «Нормандия», видели «новейшую» тюрьму поднебесной. В 12 часов выехали из города по маршруту на Вашингтон. В целом от Нью-Йорка: интересный, но очень тяжелый город. С Вашингтоном, Филадельфией и рядом других городов Нью-Йорк, несомненно, представляет собой наиболее яркое выражение достижений и извращений городского строительства; яркое

выражение «американизма» с входящими в это понятие определенными долями технически наиболее современного, но социально-политически – наиболее извращенного, гнетущего и убийственного для широких народных масс. После него из перечисленных городов идет Балтимор, затем Филадельфия, затем Вашингтон.

С 12:30 до 21:30 утомительная поездка до Вашингтона. Около часа блуждали по Балтимору, отказ от поездки в Аннаполис. Нервная езда из-за вождения майора Овчинникова с несколькими рискованными и опасными положениями.

О Нью-Йорке, еще: город с подавляющим числом враждебных нам крупных газет и журналов.

По прибытии в Вашингтон заехали к Сараеву ужинать, т. к. иначе остался бы голоден.

11.08./19/41. С 10:45 у морского министра Нокса. От нас: я, посол, Скрягин (пом[ощник] военно-морского атташе). От них: Нокс, два зама, зам[еститель] начальника штаба, начальник разведки. Около часа напряженного и неприятного разговора. Враждебный человек, хотя начал с того, что заявил, что «был в Союзе», что «друг Уманского». Обращался к нам все время без «мистер», по фамилии.

Основные его тезисы:

1) я не удивлен, что вы ничего не получили, т. к. нечего дать: самим не хватает, даже удивительно, что вам дали пять штук «Б-25»;

2) у флота ничего не просите, ему дать нечего, он сам нуждается;

3) настаивайте на том, чтобы отобрали у армии и дали вам;

4) из производства в течение августа – сентября к вам в Союз ничего существенного поступать не может;

5) транспортная проблема особенно тяжела, она главный вопрос.

На мой вопрос, не потому ли не выполняется решение президента, что в США сильны те элементы, которые вообще против помощи нам, заерзал и ответил формально: «Воля президента и есть воля правительства и США».

Именно этот министр заключил пари с Моргентау (против последнего), что немцы к 1 сентября возьмут Ленинград, Москву, Киев, Одессу. Заключалось это пари до 31 июля.

Итог «беседы»: обещал поставить по две зенитки на два транспорта к нам в Архангельск. Днем деловое совещание у посла с Лукашевым по вопросам:

1) исчисление потребных денег на заказы (для постановки вопроса о займе);

2) о лицензиях;

3) о приоритете;

4) о приемах представителей фирм и ответах на их предложения;

5) об аппарате Амторга в Вашингтоне.

С 21:00 до 23:00 кинофильм «Суворов».

Весь вечер до часу ночи с директором отдела Амторга Коровиным о «П-40».

12.08./19/41. Тревожные сообщения с Украины. Гюнтеру «не нравимся»: Голиков недостаточно компетентен и молод; русские генералы ожидали хорошего приема, но ошиблись, их встретили холодно. В общем, русскую секцию, или отдел военной разведки, возглавляет немецкая сволочь.

13.08./19/41. Основное – двухчасовая беседа у Коя с ним, Коксом и Феймонвиллом. Ничего определенного. Все ждут Рузвельта, который обо всем де договорился с Черчиллем.

Отношение Коя и Кокса все же хорошее и обнадеживающее. Феймонвилл, как всегда, – по-б[...]ски говорил с Гусевым (замом Лукашева).

14.08./19/41. Получил ответ на свою телеграмму от 9.08: «С вашими соображениями о работе миссии согласен. В вашем распоряжении от СНК – 20 тыс. а[мериканских] д[олларов]».

Закончил и послал донесение о положении Амторга и о работе Лукашева с изложением своих мероприятий: 1) укрепить деловую связь Амторга и посольства, при этом скорее решить вопрос о лицензиях, приоритете и финансировании; 2) ввести Лукашева в контакт с руководителями американского правительства; 3) укрепить представительство Амторга в Вашингтоне; 4) самого Лукашева заставить больше делать в Вашингтоне; 5) наладить контроль, проталкивание и согласованность работы аппарата.

Послал ответ Харламову в Лондон.

Сегодня объявлена декларация Рузвельта – Черчилля. Определил, какие материалы о германской армии дать Военному департаменту США.

Декларация Рузвельта и Черчилля, в которой они ставят себя в роль верховных жрецов и судей, не упоминают о роли и месте Сов[етского] Союза и на общем приличном и словесном фоне дают формулировки, которые в дальнейшем могут быть обращены против нас в решении многих жизненных для нас территориальных, технических и других вопросов.

15.08./19/41. Пример «устойчивости» данных американской военной разведки о германской армии и легкости их сползания со своих позиций. Лишь неделю назад все германские силы на нашем фронте исчислялись в 150 дивизий, а 15.08 в письменной справке дано уже 180 да + в «резерве для русского фронта – 40 дивизий».

Бронетанковых дивизий, как и англичане, считали от 14 до 18, а 15.08 дают 40–50 (как видно, взяв за основу нашу намеренную цифру).

Общее распределение немецких сил считается (на 09.08) таким, что главные силы немцев находятся южнее Припяти.

Основные данные по герм[анской] армии на 15.08:

- танков 31 тыс., из них 6 [тыс.] средних и тяжелых;
- самолетов на фронте: 20 500 (из них 3 тыс. современных истребителей) + 6500 истребителей в резерве, месячная продукция самолетов всех типов – 2750;
- армия: 250–270 д[ивизий] первой линии + 40–50 д[ивизий] внутри страны в процессе подготовки и мобилизации.

По фронтам:

- на русском фронте – 40,
- в резерве русского фронта – 40;
- готовность в Германии – 2–25;
- во Франции – 35–40;
- в Сев[ерной] Африке – 2–4;
- в Норвегии – 7–9;
- в Дании – 2;
- Балканы – 5–7.

Бронетанковых дивизий всего 40–50.

Посещение 15.08 утром военного департамента по вопросу показов для нашей миссии и обмену взаимной информацией. Руководил заместитель Стимсона МакКлой («восходящая фигура», по отзыву Коя).

Решено показать нам в действии все виды интересующего нас вооружения, авиазаводы и самолеты в эксплуатации. Нами передана первая информация о танковых и моторизованных войсках немецкой армии по документам 39-го танкового корпуса. От них получили выше отмеченные данные.

Снова настаивают на допуске Эйтона³³⁸ на фронт и на сведениях о дальневосточных аэродромах.

Днем докладывали о своей работе Бараев, Овчинников и о себе – Афанасьев.

Выступал на политинформации по военному положению.

Получен документ – послание Рузвельта и Черчилля Сталину с предложением созвать в Москве конференцию для обсуждения плана распределения общих ресурсов. Для решения наших нужд в быстрой помощи (несмотря на заверения авторов) вновь большая оттяжка. Что касается общего вопроса, то речь клонится к тому, чтобы нашим большим требованиям «дать Сов[етскому] Союзу как решающему фронту и дать скорее» противопоставить учет других фронтов, в том числе будущих, и политику «более длительного периода». Кроме того, безусловно, имеется в виду предъявить требование к нам на сырьевые ресурсы.

16.08./19/41. К 8:45 прибыл к послу Феймонвилл с кипой бумаг, содержащих перечень ненужных США остатков амуниции после 1917 года! Самому было стыдно, передавал с ужимками и оговорками. Плюс принес справку о ценах на предметы вооружения. По ней выходит, например, что 37-я зенитка стоит 25 тыс. американских долларов, а самолет «Б-25» – 200 тыс.

Был два часа на завтраке Кой. Заслуживает интереса как пример возможностей и методов подобных людей активно участвовать в большой политике.

Его основные тезисы:

1) я не коммунист и не сторонник коммунизма, я исхожу из собственных патриотических интересов; эти интересы сейчас диктуют сближение с Советским Союзом и необходимость активной ему помощи, это я и делаю;

2) я не даю на военный департамент и др.: у меня нет таких прав, мое официальное положение невысокое; но я стараюсь заинтересовать военный департамент в деле помощи вам и убедить его в прямой заинтересованности в этом из его же задач; я подталкиваю;

3) моя цель – добиться настоящего сближения между вами и военным департаментом, чтобы не было взаимного недоверия, отчужденности и выжидания, «кто даст первым, а потом уж я»;

Рекомендовал: а) пустить Эйтона на фронт; б) дать сведения об аэродромах на Дальнем Востоке и в Сибири, а также силах Красной армии там же, допустить наблюдателя на Дальний Восток. (Это уже пятый нажим по дальневосточным вопросам. Их жмет!)

Посол виделся с могущественным газетным магнатом Англии, бароном Бивербруком, рассказал о его паясничании по форме и безобразной позиции по существу. Все, чего мы добивались в отношении увязки английских заказов и наших, согласованного распределения английских и американских долей производства для нас, этот «друг» Советского Союза, как он сам себя называет, свел к следующему: «Из английской доли продукции ничего!» «Добивайтесь того, чтобы мы, Англия, получили все и как можно больше, а из этого дадим вам». И тут же отказался закрепить соглашением: «Узнают-де американцы». С этой позицией он едет и в Москву. В правительстве Бивербрук с 40-го года.

Имел разговор по спецвопросам с т. Н.

Вечером опять обсуждались дела о реализации нефтяных заданий Амторга. Получил телеграмму Панфилова с сообщением о прорыве на Умань, напряженной обстановке на юге Украины, о принятых контрмерах, о больших немецких потерях у Киева и отсутствии существенных изменений на других фронтах.

До десяти вечера без обеда работали над телеграммами. К 24 часам прибыли на дачу.

Плохие сообщения с южной Украины.

³³⁸ Здесь и далее так в тексте. Речь идет о майоре И. Итоне, американском военном атташе в Москве. (Примеч. сост.)

17.08./19/41. За весь день не получили ответа от Гопкинса на нашу просьбу о встрече с нами. Наоборот, узнали, что он завтракал с Бивербруком.

18.08./19/41. Секретарь Гопкинса ничего не сообщил. Подтвердили свое желание видеться с ним (Гопкинсом) отдельно. Бивербрук на предложение посла об обеде в его честь ответил, что все его время на десять суток вперед расписано (!), а на предложение о встрече с моим участием ответил, что имеет в виду встретиться сразу вместе с нами и с Гопкинсом.

Все это с Бивербруком и Гопкинсом не случайно. И многое говорит не об улучшении обстановки, а об ухудшении ее в смысле быстроты получения реальной помощи.

– В Москву послали телеграмму с соображениями и предложениями о вызове посла и меня в Москву на тройственное совещание.

– Репин с группой начал осмотр авиационного завода.

– Плохо на Юге (Николаев, Одесса).

По немецким сообщениям, взяты в плен Понеделин, Кириллов, Музыченко.

На Ленинградском фронте оставили Кингисепп.

Опять совещание у посла с Лукашевым, Сельдяковым, Громыко о взаимоотношениях и о работе Амторга.

Полезное посещение к руководителю ОПМ Кнудсену³³⁹. Промышленник, миллионер, реакционер и делец. Добились значительных результатов по станкам (на 5 млн 30 тыс. а[ме-риканских] д[олларов]). Продвинули вопрос об электропечах, об оборудовании для двух заводов, для толуолового завода и о бронелистах, а также для дальнейшего контакта руководителей Амторга с этим ОПМ.

За истекшую неделю в Англии было две авиационные катастрофы с бомбардировщиками «Б-24», совершающими рейс между США – Англией. При второй погибло 22 чел., в том числе Первис – глава английской закупочной комиссии в США.

Не забыть, что на немецких картах – пограничные полосы с Прибалтийским военным округом; все хорошо выявленные наши укрепления выявлены авиационной съемкой и ни одного – агентурной разведкой.

Весь вечер ушел на телеграфные донесения: 1) о нефти; 2) о станках, бронетанковых плитах и др.; 3) о нашей поездке в Москву.

19.08./19/41. а) ОУ – с Рейнольдс, Линберг, Виллер, Ной, Кларк, Гувер, Лондон, Кудачи, Кеннеди и др.

б) Кнудсен, Стеттиниус с Ванденберг[ом], руководящий состав ОПМ, сенаторы и конгрессмены южных штатов (Смит, Джордж), Кокс (Водрум) и растущее количество важных индустриально-финансовых лиц.

Жульнические факты дош[ли] до нас:

1) У[эллес] не передавал Р[узвельту] наши заявки до 31.07,

2) г[енерал] Б[е]рнс со своими не сообщил Кнудсену наших требов[аний] насчет элек[т-ро]печей, крекинговых и толуо[лового] завода,

3) [...] не довели наши списки на станки,

4) Феймонвилл и Хазард обманули Амторг, заявив, что правительство в электропечах отказало. [...]

20.08./19/41. Сегодня обрел «счастье» наконец-то улицезреть и познакомиться с «самим» мистером Гопкинсом. Сколько о нем мне говорили до того хорошего! Сколько на него возлагалось надежд! Каким исключительно теплым, дружественным, сердечным и т. п.

³³⁹ У. Кнудсен являлся директором управления промышленного производства. (Примеч. сост.)

характеризовался Уманским голос этого человека при вчерашнем его телефонном разговоре с сообщением, что он приедет в посольство 20.08. Как подчеркивалось не раз, насколько болен и измучен этот человек, как ему тяжело достается жизнь, сколько в нем мученичества, подвижничества и прочего.

И вот сегодня он действительно явился и показал всем своим нутром распоясавшегося фарисея, предельно зазнавшегося и зарвавшегося прихвостня большого человека, возомнившего себя не глупее и не меньше своего патрона; решившего, что мы, люди Советского государства, должны перед ним держаться и чувствовать себя просителями: молча, терпеливо ждать и быть довольными крохами с барского стола. Да еще в компании с ним Бивербрук.

Да еще неуместный и недопустимый вопрос Уманского: «Так что же, военной миссии уезжать?» С немедленным и наглым ответом: «Пожалуй, уезжать». Он, видите ли, взбешен тем, что за время его месячного отсутствия в США оказались советские люди, которые не просто ходят, просят и смиренно ждут милости, но проявляют настойчивость, доказывают, добиваются ясности, усиленно напоминают, разоблачают саботажников из числа его подзащитных, контролируют выполнение аппаратом обещаний и решений их президента, торопят и «даже» осмеливаются в глаза выражать неудовлетворенность. Он возмущен, что мы нашли многие другие каналы к властям и президенту.

Гопкинс отклонил наши усилия добиться помощи оружием в августе – октябре, сведя все к дальнейшим планам не ранее весны.

Зазнавшись от полученной информации, он усиленно подчеркивает нашу здесь неосведомленность, односторонность и незнание общих стратегических задач и планов снабжения. Он, видите ли, не терпит слова «настаиваем» (хотя Уманским было это сказано к слову «на ясности») и с ругательствами, вскочив, заявляет, что на этой основе не желает с нами иметь дела и «пусть история запишет, что во время русско-германской войны в США был посол Уманский, который до того сильно настаивал на помощи, что ничего не получил». «Не к тем ходите! Не у тех просите!»

В общем, нужно добиваться визита к президенту и выяснить, что это: общая линия, и Гопкинс лишь выполняет грязное дело, или гнусная позиция этого типа еще не есть государственная линия США? [...]

21.08./19/41. К 3 часам утра закончил телеграмму в Центр в связи с Гопкинсом. В 7:00 встал, чтобы вылететь на Абердинский полигон. В 9:45 приземлились. Смотрели разные виды зениток и пулеметов. Получили по всем этим видам тактико-технические данные.

К 12:00 все закончили. После завтрака вылетели обратно. К 14:00 приземлились в Вашингтоне. В процессе обеда крепко поспорили с Уманским по вопросу, связанному с Гопкинсом, Б[е]рнсом и К°.

С 22:30 до 24:00 были у лорда Бивербрука. Небесполезно, но положительных результатов никаких, кроме обещания уступить нам некоторое количество бомбардировщиков и истребителей да «потесниться» насчет использования продукции «Аэрокобры».

22.08./19/41. Получено указание из Москвы о том, что наше участие в Московском тройственном совещании признано целесообразным.

Вчера сказал Уманскому в ответ на его настойчивые вопросы о своем отношении к его дальнейшей работе в США.

Полезная беседа с английскими авиационными специалистами сэром Генри Селфом и командором Джонсоном об американской авиационной промышленности, об отдельных типах самолетов и английских получениях ВВС из США.

Сообщения Ч-на о своей работе здесь.

Прекращение Коем работы по нашим вопросам в связи с приездом Гопкинса и Б[е]рнса.

Звонок Гопкинса 21.08 по телефону из Нью-Йорка послу в 12:00: «Я вчера был дураком. Вы не сердитесь?» (Это политиканство, желание смягчить политику, высказанную 20.08, и подмазать остроту.)

Потери сторон за два месяца
(По вечернему сообщению Совинформбюро)

Немцы Мы
8 т[ыс]. танков 5500 танков
10 т[ыс]. орудий 7500 орудий
7200 самолетов 4500 самолетов
2 млн чел. 700 т[ыс]. чел. (150 тыс. убитыми)

23.08./19/41. У Б[е]рнса вдвоем с Уманским с заявкой на танки, артиллерию и по всей заявке.

Вновь молчание, сообщение об указании Гопкинса «торопиться с помощью Советскому Союзу» и уведомление, что во вторник у президента будет рассматриваться общий список и план распределения между А[нглией], С[оветским] С[оюзом] и Китаем.

Два часа с Александровым о состоянии работы и недочетах руководства из Центра. Работа по выявлению военной продукции. Публикация в газетах выступления сенатора Берда и ответы Рузвельта.

Опять нефтяные дела с Амторгом. Истерическая телеграмма Васильева вместо работы.

Ответ через гос[ударственный] департамент (Ачинсона) с полным удовлетворением по ав[иационному] бензину, этилу, крекинг[овым] заводам, толуоловому заводу, алюминиевому стану, с малым – по толуолу; с плохим – по бронеплитам и ничего по оружию.

Только сегодня ночью Уманский сделал телеграмму с дополнениями о Гопкинсе.

Райков об отношении к нам.

24.08./19/41. «Гроздь гнева» Джона Стейнбека – обязательная, прекрасная книга.

«Normandy farm» по приглашению посла с группой Сараева и инженеров. Двухчасовая встреча с Парх[омен]ко: пичкал организационной мелочью; без всякой информации; существенный плюс «музыкального» и торгового х[аракте]ра.

25.08./19/41. За подписью товарища М[олотова] получен ответ, что срок тройств[енного] совещания неизвестен.

Послал наболевшее за эти пять дней тт. С[талину], М[олотову], Ш[апошникову]: «Пр[ошу] в[ас] отоз[вать] м[еня] отс[юда] н[а] Р[одину]. Не м[огу] нах[одиться] в тепер[ешнем] пол[ожени] и сост[оянии]. Это не раб[ота]. В том, ч[то] сейч[ас] здесь прих[одится] вып[олнять], впол[не] обойд[утся] б[ез] м[еня], и я д[ля] этого не нуж[ен]. В дан[ных] обст[оятельствах] н[е] нах[ожу] необх[одимости] и опр[авданий] нах[одиться] здесь ни д[ля] себ[я], ни тем бол[ее] [как] для з[аместителя] н[ачальника] Г[енерального] ш[таба] К[расной] А[рмии], кем я сюда посл[ан] и [в качестве такового] здесь известен».

26.08./19/41. Получено уведомление об отпуске 1 т[ыс.] р[учных] п[илулетов] с 1 млн патр[онов] к ним + 28 т[ыс.] ав[иационных] б[омб]. Из последних посланы лишь 4 тыс. штук, а остальные через четыре месяца. Политика ясная!

Вроде как по 500 т в месяц бронеплит и 490 штук ав[иационных] б[омб].

– Посол на приеме у «дюка» Кентского виделся с Гопкинсом, застегнутым «на все пуговицы».

– Часа два с А-вым о работе и его многочисленных, но вполне обоснованных претензиях на дирекцию.

– Сообщение корреспондента чикагской газеты [...] о тенденциях к затяжке Московской тройственной конференции до конца сентября. [...]

27.08./19/41. Репин тоже требует отъезда домой; он во многом прав. Сообщено Гопкинсу послом. Со слов посла Гопкинс сегодня был таким же хорошим, как раньше (принимал в постели, будучи очень больным), но от вопросов помощи вооружением полностью уклонился.

Приступил к суммированию всех данных по военному производству, вооружению и силам.

28.08–02.09./19/41. Дни с 28.08 по части отлета из Вашингтона в 10.55 1 сентября прошли под знаком подготовки к отъезду из США.

Наиболее существенные моменты этих дней.

1. Посещение адмирала Старка. Запросили с него 100 летающих лодок, 2 т[ыс.] глубинных бомб и 1000 морских мин. Были утром 28.08.

2. Ланч для группы генерала Б[е]рнса. 29.08.

3. Беседа с главой американской делегации Гарриманом. 30.08.

4. Довольно напряженный и жесткий разговор. В частности, время Московской конференции [он] планирует на 1 окт[ября]!!!

5. Инструктивное совещание с Сараевым [...] с обсуждением на нем моей директивы на имя Сараева. 31.08.

6. Получение точных данных о производстве вооружения. В ночь на 31.08.

7. Большой обед у Сараева в связи с моим отъездом. 30.08.

8. Расследование по просьбе т. Микояна дел с ботинками в Амторге. 28.08.

9. Указания Репину, Барабанщикову и Райкову.

10. Прибытие 47 человек во главе с Громовым. 30.08.

11. Уход 30.08 первого транспорта из Н[ью-]Й[орка].

Конечно, самое главное и животрепещущее – все лучшие и лучшие сообщения из Союза о положении на наших фронтах и начале серьезных наступательных действий на Ленинградском и центральных фронтах, а также о развитии активных действий на нижнем Днепре.

Господин Нокс, морской министр США, свое пари с треском проиграл! Сволочь! А ведь рядится, гадина, в тогу друга СССР.

Какое довелось увидеть и почувствовать хорошее, теплое, чистое, дружеское отношение в связи с отъездом со стороны наших советских людей, сколько слов сожаления, настойчивых приглашений, требований вернуться, какая сила и серьезность пожеланий, успешного и благополучного перелета. И это от всех: и от военных, и от невоенных, и от мужчин, и от женщин.

Хлопоты и заботы о подарках жинке и ребятам со стороны Сараевой Анны Алексеевны, Бережной Клавдии Александровны, Бараевой Анны Гавриловны, Уманской Раисы Михайловны, Матвеевой Нины Михайловны, Сельдяковой Антонины Наумовны и других.

А сколько неподдельной искренности, волнения и преданности в их напутственных поручениях поклониться Родине, передать привет Москве, горячо приветствовать и заверить товарища Сталина в любви, преданности, непоколебимости, в своих больших и лучших чувствах.

1 сентября совершили благополучный перелет в Монреаль. На этот раз не повторилось неудобств с устройством. 2 сентября вылет не состоялся. День ушел на завтрак с генералом Панетом; на осмотр завода, строящего 18-тонные танки; на обед, кино и чтение газет.

Основные типы военных танков:

Тип – среднелегкий.

Вес – 18 тонн.

Броня башни $2\frac{3}{8}$ дюйма.

Бортов – не менее 2 д[юйм]а.

Скорость – 25–30 миль в час.

Мотор – 140 л.с., охлаждение водяное.

Оружие – одна пушка 37 [мм] с 66 снарядами.

Впереди два пулемета 30,3 калибра.

Зенитная установка – один пулемет.

Запас горючего – 40 галлонов.

Масла – 15.

Категория горючего – чистый мазут.

Гусеница – мелкозвенч[атая], стальная, 25 см.

Длина – около 5 м (семь тоже).

Высота – низкий; вроде Т-26.

Ширина – около $3\frac{1}{2}$ шагов, широкий.

Команда – 3 человека: водитель, командир, стрелок.

Аккумуляторы – два.

В каждом приемо-перед[ающая] радиостанция, действие – 15 миль. В сборочном цехе три механических конвейера по 10 танков на каждом.

В корпусном цехе – 12 башен и 33 корпуса.

На испытательной площадке около 25 собранных танков без раций и без оружия.

Выпускается в сутки, по словам администрации, два танка. Завод является паровозоремонтным в основе.

– Общее впечатление о танке положительное.

– Отношение к показу неважное.

– Работа завода круглосуточная.

– Завод старый, низкой культуры и порядка.

Осмотры 3 сентября

Данные по авиационному заводу:

Назначение: сборка ближнего бомбардировщика «Болинброк». Завод развернут на месте маленькой мастерской авиационных фотоаппаратов. Имел в 1939 году площадь 38 000. Имеет в 1941 году сейчас 250 000. Личного состава в 1939 [г.] имел 120 чел., сейчас – 4000.

Производительность: 15–18 самолетов в месяц.

Обеспечивается материалами:

А) моторы «Мерлин» из США, Англии;

Б) литье мелкое, [изготавливают] сами;

В) алюминиевое литье – из США;

Г) винты – из Англии;

Д) вооружение – ставится в Англии.

Главный лимит – недостаток станинного оборудования.

Данные осмотра:

Размах – 56 футов 4 д[юйм]а.

Общий вес – 15 200 фунтов (около 7500 тонн[ы]).

Максимальная скорость – 295 миль в час (470 км).

Дистанция – 1900 миль.

Бомбовая нагрузка – от 1 до 2 тонн.

Оружие – 7–8 пулеметов по одному в крыльях, два на турели, три внизу.

Шасси – убираются, обычное.

Горючее – 95–100 [галлонов].

Моторы – два по 450 л.с.

О заводе: новой постройки, светлый, культурный. Зимой с горячим воздухом.
Частный (владельцы – 2 чел.). Технический штаб – 10 чел.

Отношение к показу – хорошее. Водил инженер, ведающий продукцией. В Канаде самый крупный, лучший завод. Всего в Канаде (по словам) около 20 авиационных заводов и заводиков такого же назначения.

На сдаточном поле самолетов 20–25. Свой аэродром тут же.

Завод торпедных катеров

Дирекция: 1. Гринвуд (бывший морской офицер, 63 года).

[2]. Пальмер (бывший пилот. Около 40 лет).

Завод построен год назад; целиком перевезен из Англии. Выпускает в месяц 4 торпедных катера.

Данные катера:

А) длина – около 25 м;

Б) тоннаж – 30–35 тонн;

В) 2–3 мотора «Паккард» по 1300 л.с.;

Г) 2–4 торпедных аппарата (2–8 торпед).

Д) команда: 2 офицера и 7 остальных;

Е) скорость: 50 миль в час, достигал 75 миль;

Ж) горючее: 8¹/₂ тонн[ы] в пяти баках; октан 87 и выше;

З) оружие: две турели по 2–4 к/кал, пулеметы (по 50 кал – 12,7 мм).

– Общий расчет: по 5 фунтов на 1 л.с.

– В постройке 15–16 катеров и вне завода 8–9 катеров.

– Внутреннее устройство – катер имеет: кабина управления, каюта командира, каюта 2-го офицера, общая каюта для сна, питания и вещей, моторное отделение, уборная.

Кроме того, производится такой же катер, но как санитарная машина; предназначен для спасения летчиков на море.

Круглосуточная работа.

На заводе 900 чел.

О рабочих:

На паровозоремонтном заводе наиболее старый по возрасту и стажу состав. Совершенно нет женщин в цехах.

На авиационном и морском заводах значительный процент молодых рабочих. На них же заметный процент женщин от 18 до 40 лет. Так, на авиационном заводе 400 женщин.

Внешний вид рабочих:

А) наихудший на паровозоремонтном заводе (грязные, оборванные, кто в чем), много переутомленных лиц;

Б) на авиационном заводе лучше;

В) то же на морском.

Со спецодеждой везде плохо.

Условия отдыха: отсутствуют. На авиационном заводе были во время короткого отдыха. Кто лежал на столах, кто на верстаках, кто под ними на полу, кто тут же пил ситро и ел.

Рабочий день 10–11 часов.

Заработки на морском заводе:

Женщины – 20 дол[ларов] в неделю.

Мужчины – 40 дол[ларов] в неделю.

Настроение рабочих: сосредоточенное; многие проявляли обычное любопытство, а некоторые – знаки дружеского, сердечного отношения.

Ни на одном заводе не нашел и не увидел того, что всегда приходилось слышать об американских заводах в отношении организованности, технической стройности процесса, налаженности рабочего места и общей интенсивности труда.

04.09.[19]41. Основой дня была поездка с представителем сельскохозяйственного департамента господином Пуассоном по сельской местности в удалении от Монреаля на 30 миль вниз по реке Св. Лаврентия.

06.09.[19]41. В 10:05 взлет с аэродрома Монреаль. В 14:00 аэродром Ньюфаундленд. В 20:00 – с него. Через десять часов – Прествик. Через 1 [час.] 25 м[ин.] – с него.

07.09.[19]41. В 14:00 посадка в Лондоне.

09.09.[19]41. Был в парламенте и слышал Черчилля.

10.09.[19]41. Взлет с Хендонского аэродрома в Лондоне для перелета в Сев[ерную] Шотландию. В 16:00 благополучная посадка в 7 км от Инвергордона. Сильная болтанка, особенно над Шотландскими горами. Встретили начальник морской базы капитан первого ранга, 61 год, Волкот; морской офицер Криппс (брат посла в СССР), 58 лет, прилично говорит по-русски; начальник станции ВВС Гренфельд, офицер его штаба Вулсон, 53 года, и офицер-переводчик Вурд.

Летающей лодки не оказалось, не прибыла из Шотландии. Погода плохая, особенно к Северу. Пришлось ждать «завтра».

Светлые часы были в поездке по дороге на Инвернес и обратно вдоль залива Дорнох. На пути сделали три интересных и в то же время самых различных заезда.

Первый – в шотландскую дорожную гостиницу «Балгау Армс Ардгай» местности уезда Росс. Основой ее жизни, как видно, являются в обычное время журналисты и охотники. Коридоры и лестницы двухэтажного домика заполнены экспонатами охоты. Особенно интересны головы местных черных оленей-красавцев и один экземпляр сидящих в нормальном положении глухаря с глухаркой.

Коллекция старинной медной посуды. Много фотографий шотландских военных.

Сопровождавший нас майор Криппс оказался здесь старым знакомым и достал для показа с кухни двух граусов. Это местная дичь – среднее между тетеревом и рябчиком, однако по размеру гораздо ближе к тетерке. Хозяин гостиницы, узнав, что имеет дело (впервые [в] жизни) с русским генералом, приветствовал нас; настоял, чтобы мы взяли этих птиц, наотрез отказался от денег и пожелал победы нашей стране в войне с немцами.

Второй заезд был сделан в маленький крестьянский домик на берегу залива Дорнох. Криппс вначале пошел спросить разрешения. Хозяева ему не хотели верить: «Откуда мог взяться русский генерал?»

Вначале встретила хозяйка, женщина лет 50, полная, радушная, похожая лицом, фигурой и обращением на русскую женщину. Пришедший со двора муж, человек лет 50, тоже был очень радушен, и я с ним немедленно перешел на простую, дружескую ногу. Он представляет собой (применяя нашу терминологию) маломощного середняка. Человек с давно и до предела огрубевшими, мозолистыми руками, обветренным, задубевшим лицом. Возится с уборкой овса. Готовит торф на зиму для топки. Во дворе ни одной крытой постройки. С ним дочь лет 15.

Побыли минут 10. Расстались исключительно тепло. Это для меня лучшая из встреч в Англии. Сегодня, на другой день после первой встречи, 11.09 мы вновь проезжали мимо этой хаты. К моему изумлению и внутренней радости, при пробеге нашей машины в окне домика этой семьи оказались и хозяин, и хозяйка, и девочка. Они узнали и приветливо замахали нам.

Третий заезд, по предложению Криппса, в замок контессы Кромарти к знакомому хозяину замка полковнику в отставке Макензи Бланд. Контесса Кромарти – жена этого полковника.

Криппс попросил разрешения хозяина показать нам замок и получил на это полное разрешение.

Отставному полковнику Макензи Бланд 82 года, 40 лет в отставке. Его жене контессе 52 года. Он женился на ней 30 лет назад, войдя в дом и получив огромные земельные угодья.

Именем Кромарти называется целый район в Шотландии. Вероятно, соответствует нашему понятию уездный район.

Кромарти – громкая шотландская аристократическая фамилия со многими предками, вошедшими в английскую историю. Стены замка заполнены писаными фотографиями этих Кромарти.

Сам Макензи, несмотря на 82 года, бодр, прям. Свободно поднимается по лестнице 3–4-этажного замка; отлично слышит, все толково поясняет; сожалеет, что не знает русского языка: «Хотел бы поговорить с русским генералом». Он представил нам свою дочь лет 26–28, она произвела на нас скверное впечатление: тип злой, не могущей выйти замуж, довольно противной внешности женщины-аристократки.

Хозяин хотел представить нам свою супругу-графиню, послал за ней на ее этаж. Ждали минут 5, однако она не явилась под предлогом «не одета», что весьма огорчило старика.

В самом замке-дворце все под знаком старости, запущенности; пыльно, захлавлено. Чувствуется, что здесь жизни уже нет, слишком много для обитателей замка лишнего. Да и семьи не чувствуется. Кстати, сын хозяина в германском плену (офицер).

Замок находится в огромнейшем парке с вековыми деревьями, в несколько тысяч га, с широким видом на залив, горы, поля.

Хозяин оставлял, чтобы угостить вином, но я отказался. Уезжал с довольно неприятным ощущением; в сердце и в сознании вспоминалась семья крестьянина и чувство теплого взаимопонимания и контакта.

Вечер 10.09.[19]41 от 20 до 24 час. ушел на обед и беседы с местным начальством. Говорили о войне, о пассивности армии, о военных академиях Англии, об Инвергордоне, как морской базе в прошлую войну и месте хранения 360 000 тонн масла в эту войну, о плане показов на 11.09.[19]41 и о полете в Архангельск.

Решено лететь в 16:00, однако Вулсон внес тезис от себя: «Я тоже привык к скорейшему выполнению своих задач, но нужно помнить, что нельзя пер[...]ть против грозы».

За обедом были тосты за победу над немцами, за английского короля и т. Сталина.

11.09.[19]41 ушел:

1. На осмотр военно-морской школы. Ее назначение – вводить летчиков и радистов в строй после шестимесячного учения в школе. Видели неплохие приборы для занятий, близкие к действительности, и два учебных кинофильма.

2. На осмотр нефтебазы. Это около 60 резервуаров емкостью по 12 тыс. т и по 9 тыс. т. Во всех – масло. Обшиты кирпичом 18-дюймовой толщины; разделены земляными валами; обеспечены каждый четырьмя пеногонами; имеют запасные резервуары и трубопроводы на случай разрушения. Охраняет воинский караул во главе с капитаном.

3. На стрельбу из малокалиберных винтовок в очень хорошем тире авиационной станции. Дистанция – 25 ярдов. Освещение искусственное. Диоптр вместо мушки. Оба с Пугачевым не подкачали: я выбил из 100 сначала 86, потом 88. Он – 84. Англичане удивлялись и наговорили кучу похвал, в том числе и так: «Если бы английские солдаты стреляли так хорошо, как вы, генерал, то война была бы уже окончена».

4. На объезд района залива Дорнох.

5. На концерт для гарнизона.

Полет не состоялся из-за крайне неблагоприятной погоды: на всем основном маршруте сильный ветер, мелкий дождь и обледенение. Министерство авиации взлет воспретило. Наместили на 14:00 12.09.[19]41.

12.09.[19]41. [...] В лодке с 13:30. Взлетели в 13:55. В 15:00 конвой более 50 единиц. В 21:00 облака, как силуэты кораблей. Отличная погода. Конвой 6 единиц.

13.09.[19]41. В горле Белого моря около 7:00. В 19:15 (англ[ийское] время, 11:15 – наше) отлично сели в Ягодниках. Встретил комбриг [Д.] Григорьев, полковник [М.] Хлопов. После завтрака в 13:05 на «Дугласе» взлетели с Ягодника на Москву. Новое «море» – Рыбинское в 15:00–15:30. Предельно низкая облачность, летели ниже 100 м. Посадка в Москве около 17:00. Никого. Все встречающие на другом аэродроме за Москвой. [...]

Опубл.: Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 91–118.

№ 52

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии о ходе военных действий Германии против Англии после нападения на Советский Союз³⁴⁰

№ 660890с³⁴¹ 7 июля 1941 г.

Данные об изменениях в боевых действиях Германии и Англии в связи с пребыванием Гесса в Англии, по имеющимся в РУ материалам, представляются в следующем виде.

Усиленная переброска немецких войск в погранполосу СССР началась с начала апреля месяца. Эта переброска производилась за счет освободившихся немецких частей в Греции, Болгарии и Югославии (32–33 дивизии) и уменьшения общего количества дивизий, расположенных против Англии и внутри оккупированной части Франции (до 14–15 дивизий). Имеющиеся в распоряжении РУ данные говорят, что только за март и апрель месяцы общее количество немецких дивизий в пограничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107), из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий, а к 15 мая мы уже имели перед СССР до 114–119 дивизий. Приведенные факты позволяют нам сделать вывод, что вооруженное выступление против СССР было предрешиено еще задолго до перелета Гесса в Лондон для прощупывания почвы о возможности мирных переговоров между Англией и Германией, что подтверждается имеющимися агентурными материалами. Поэтому перелет Гесса в Англию нужно рассматривать как попытку Гитлера склонить на заключение мира Англию, поставив ее перед совершившимся фактом уже законченного сосредоточения основной своей вооруженной силы против СССР.

По имеющимся данным, эта попытка склонить на мир Англию не увенчалась успехом, но в известной степени получила отражение на дальнейшем ходе военных действий между Германией и Англией в сторону их ослабления.

Для подтверждения такого вывода необходимо привести следующие конкретные факты:

а) Переброска всех родов войск немецкой армии на восток продолжается за счет ослабления группировки немецких войск на северо-западном побережье Франции.

б) Усиление Восточного фронта Германии авиацией продолжается. Захваченные пленные неоднократно показывают, что их соединения за 3–4 дня до начала войны и даже в процессе войны переброшены из Франции.

³⁴⁰ Спецсообщение было направлено только в секретариат заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова.

³⁴¹ Документ рассекречен 16.11.2009.

в) Для действий английской и германской авиации на Западном фронте характерно резкое понижение активности начиная с середины мая. Германская авиация совершала незначительные налеты на порты и частично аэродромы небольшим количеством самолетов или же действовала одиночными самолетами на морских коммуникациях. С начала июня и эта деятельность германских ВВС была заметно сокращена. С 22 июня над Англией изредка появляются одиночные самолеты, бомбардировки которых приносят незначительный ущерб. Это положение объясняется крупными перебросками с Запада авиачастей и соединений для действий против СССР. С английского на наш фронт переброшен целый ряд частей германских ВВС: 4-й авиационный корпус, 5-й авиационный корпус, 8-й авиационный корпус, 32-я бомбардировочная эскадра, 25-я авиационная эскадра, 6-я дальне-разведывательная эскадра, дальне-разведывательная группа. Часть авиационных эскадр (например, 25-я эскадра) переброшена на наш фронт не полностью, а в составе всего двух групп. Третья группа эскадры оставлена, очевидно, на старом месте дислокации (во Франции) и пополнена молодыми летчиками из школ и запасных авиационных групп для постепенного ввода личного состава в строй боевой части. Некоторые авиационные части (32-я бомб[ардировочная] эскадра, 25-я эскадра) прибыли на наш фронт уже после 22 июня. Английская авиация в течение мая – июня действовала по промышленным объектам, аэродромам, портам и кораблям в море. Операции проводились незначительным количеством самолетов. После начала войны между СССР и Германией английская авиация начинает проводить более широкие операции, главным образом по промышленным объектам Германии. Однако все возможности обстановки для нанесения мощных ударов по Германии английской авиацией не используются. В налетах отмечалось участие не более 200 самолетов, тогда как при полном напряжении англичане смогли бы использовать до 1500 самолетов.

г) Наступление германских войск на Египет также замедлилось, что можно объяснить только отвлечением германских сил против СССР.

Начальник информационного отдела
Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-майор Дронов

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 6564. Д. 2. Л. 30–33. Заверенная копия.

№ 53

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
о возможной воздушной бомбардировке Москвы
№ 661012сс³⁴² 19 июля 1941 г.

Сегодня 19.07 [в] 17:30 английский военный атташе сообщил, что, по полученным им достоверным данным, немцы в ночь с 19 на 20.07 и в ночь с 20.07.1941 будут бомбить Москву.

Зам[еститель] начальника
Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-майор Рубин³⁴³

³⁴² Документ рассекречен 07.02.2012.

³⁴³ Под документом указана рассылка: «№ 1 – т. Сталину; № 2 – т. Молотову; № 3 – т. Тимошенко; № 4 – т. Берия; № 5 – т. Шапошникову; № 6 – т. Маленкову; № 7 – т. Кузнецову; № 8 – т. Жукову; № 9 – т. Мехлис; № 10 – т. Жигареву; № 11 – т. Асипову; № 12 – в дело».

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 139. Заверенная копия.

№ 54

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
о планах руководства Германии по дальнейшему
ведению войны против СССР

20 августа 1941 г.³⁴⁴

Докладываю:

По донесениям от 7 августа одного из W-ских источников³⁴⁵ в Германии, информация которого оценивается W-ским послом³⁴⁶ в Берлине как весьма правдивая, Гитлер, передав командование Восточным фронтом (кому именно, не известно), выехал в «Оберселибурау» (такого пункта не имеется; сделан запрос на проверку; можно предполагать «Обер Байерн», где как раз находится резиденция Гитлера «Берхтесгаден»). Целью поездки якобы является разработка нового плана операций, необходимость которого встала в связи с упорным сопротивлением Красной армии и обнаружением новой линии обороны с более чем 100 свежих дивизий. Новый план операций на Восточном фронте конкретных сроков уже не ставит, а предусматривает лишь необходимость сломить сопротивление Красной армии в наиболее короткий срок и захват территории СССР до Волги включительно в течение зимы настоящего года. В этом плане фигурирует также захват Кавказа.

Геринг также покинул штаб главкома и находится в районе Берлина. Одной из причин ухудшения его отношений с Гитлером является будто бы отрицательное отношение Геринга к началу кампании против СССР раньше окончания войны с Англией. В частности, Геринг очень недоволен тем, что германские ВВС должны были передать автобронетанковым частям, действующим на Восточном фронте, значительную часть горючего, предназначавшегося для действий против Англии. Геринг приказал утроить выпуск некоторых типов самолетов. Осуществление этого распоряжения считается руководителями авиационной промышленности невозможным в связи с недостатком рабочей силы и сырья. Несмотря на это, разрабатывается вопрос о создании новых авиазаводов.

И.о. начальника Разведывательного
управления Генерального штаба
Рабоче-крестьянской Красной армии
генерал-майор танковых войск Панфилов
Военный комиссар Разведывательного
управления Генерального штаба
Рабоче-крестьянской Красной армии
бригадный комиссар Ильичев

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 6564. Д. 2. Л. 35–36. Заверенная копия.

№ 55

Спецсообщение РУ Генштаба Красной армии
«О подготовке немцами воздушно-десантной
операции против Крыма»

³⁴⁴ Документ рассекречен 11.02.2012.

³⁴⁵ Источник информации в данной публикации не раскрывается. (Примеч. сост.)

³⁴⁶ Страна, которую представлял посол, в данной публикации не раскрывается. (Примеч. сост.)

№ 661640сс³⁴⁷ *Сентябрь 1941 г.*

Докладываю:

Ряд признаков свидетельствует о подготовке немецкого вторжения в Крым воздушным путем из Болгарии и Румынии.

По данным английских источников, регулярные парашютные и авиадесантные дивизии германских войск ВВС после Критской операции находились в районах Ганновер, Бреслау, Кенигсберг для восстановления и отдыха.

Трое опрошенных нами в этом месяце военнопленных из экипажей 14-й разведывательной группы войсковой авиации, в том числе один офицер, подтверждали эти данные. Они указали о наличии в Гильдесгайм и Браунивенг по одной авиадесантной дивизии, в Стендаль и Пархим по одной парашютной дивизии. По тем же данным, парашютно-десантные войска предположительно имеются в Гальберштадт и Фрайберг. В действиях против СССР до сих пор противник использовал лишь небольшие группы парашютистов, преимущественно для диверсионных целей. Крупных операций регулярных парашютных и десантных частей не проводилось. Можно полагать, что в Германии к данному моменту имеется около 5 парашютных и авиадесантных дивизий.

По агентурным данным, с начала сентября отмечено сосредоточение парашютных войск в Бургас и Варна. Через Драгоман и Софию с 01.09 до 05.09 ежедневно отправлялось по 10 воинских поездов на восток, в них основную часть перебрасываемых войск составляли парашютисты.

Согласно английским радиосообщениям, в составе германских войск в Болгарии имеются три посадочных авиадесантных дивизии численность в 21 000 чел. и парашютные войска. На аэродромах Варна и Бургас сосредоточены тяжелые бомбардировщики и транспортные самолеты «Юнкерс-52».

В течение 21 и 22.09 немецкие самолеты настойчиво разведывали дислокацию нашей авиации на Крымском полуострове, увязываясь в хвост за нашими самолетами и сопровождая их до самой посадки. Это дает возможность предположить о подготовке массированного удара по нашим авиачастям на Крымском полуострове с целью обеспечить вторжение с воздуха.

В силу превосходства нашего морского флота на Черном море, препятствующего высадке морского десанта, и больших трудностей для армии, связанных с преодолением Перекопского перешейка, попытка воздушного вторжения противника в Крым становится актуальной.

Начальник Разведывательного
управления Генерального штаба
Рабоче-крестьянской Красной армии
генерал-лейтенант Голиков
Врид военного комиссара
Разведывательного управления
Генерального штаба
Рабоче-крестьянской Красной армии
полковой комиссар Мальков³⁴⁸

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 142–144. Заверенная копия.

³⁴⁷ Документ рассекречен 07.02.2012.

³⁴⁸ Под документом указана рассылка: «Отп[ечатано] 10 экз.: № 1 – т. Сталину; № 2 – т. Молотову; № 3 – т. Ворошилову; № 4 – т. Маленкову; № 5 – т. Шапошникову; № 6 – т. Мехлис; № 7 – т. Берия; № 8 – т. Кузнецову; № 9 – в дело; экз. № 10 не послан и подлежит уничтожению».

Приложения

№ 1-п

Письмо Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова первому секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу
с предложением по подготовке книги
о советской военной разведке
2 февраля 1965 г.
Первому секретарю ЦК КПСС
товарищу Брежневу Л. И.

В апреле минувшего года я обратился в ЦК КПСС с соображениями по разработке и изданию открытой книги о советской военной разведке.

Проделана значительная подготовительная работа: выявлен писательский актив из числа крупных, опытных и знающих военных разведчиков, разработан и 30 сентября представлен тов. Ильичеву Л. Ф. проект плана этой книги, намечен состав авторского коллектива.

Однако для того, чтобы взяться за дело практически, необходимо принципиальное согласие ЦК по внесенному мною вопросу и некоторые указания (о содействии со стороны ГРУ, о плане, об авторском коллективе, о сроке).

О чем и прошу ЦК КПСС.

Приложение: Проект плана книги в 1 экз.
Маршал Советского Союза Голиков

Приложение

Советская военная разведка на службе Родине

<i>Оглавление</i>		
<i>Глава первая</i>	Задачи советской военной разведки	1 п.л.
<i>Глава вторая</i>	Разведка в период надвигающейся войны (1933–1939 гг.)	3 п.л.
<i>Глава третья</i>	Начало Второй мировой войны	3 п.л.
<i>Глава четвертая</i>	Работа разведки по вскрытию гитлеровских планов нападения на Советский Союз	5 п.л.
<i>Глава пятая</i>	Разведка в суровые дни Великой Отечественной войны	5 п.л.
<i>Глава шестая</i>	О некоторых героях советской военной разведки	3 п.л.
<i>Заключение</i>	Роль разведки в обороне страны. Почетная работа советских разведчиков	
	<i>Всего</i>	<i>20 п.л.</i>

Примечания к проекту плана

1. В изложении следует сочетать популярность, доступность с документированной обоснованностью аргументации, с убедительностью приводимых фактов.

Насколько это позволяют соображения конспирации, необходимо цитировать архивные документы: оценки положения в докладах и сводках ГРУ, донесения агентуры. Это особенно важно сделать в четвертой главе, составляющей «сердцевину» книги.

2. В главе второй раздел «Военно-политическая обстановка» должен занять около одного печатного листа – дается военно-политический фон, на котором развертывалась деятельность советской военной разведки в период, предшествовавший Великой Отечественной войне. Наоборот, в третьей главе раздел «Ход военно-политических событий» будет изложен в форме справки размером всего 3–4 странички.

3. Список руководящих деятелей ГРУ, ставших жертвами произвола в период культа личности, нужно будет уточнить. Вероятно, список надо будет дополнить. Кроме руководящих деятелей ГРУ, нужно будет упомянуть добрым словом разведчиков, проявивших себя на труднейшей нелегальной работе и тоже ставших жертвами произвола; в плане названа одна только тов. Рязанова³⁴⁹.

4. Книга будет читаться и изучаться за границей. При составлении книги следует учитывать то, что о нашей разведке напечатано за рубежом, особенно в США и Западной Германии. Формально не вступая в полемику, не упоминая никаких книг и никаких заграничных авторов, нужно будет там, где это целесообразно, опровергать неверные суждения о нашей разведке, высказанные этими авторами. Особое внимание следует при этом уделять книге Далина о советской разведке. (Вышла в США. Далин – известный меньшевик, теперь профессор Колумбийского университета.)

Глава первая. Задачи советской военной разведки (1 п.л.)

Место советской военной разведки в системе государственных учреждений как органа, призванного вскрывать агрессивные планы империалистических государств, прежде всего планы внезапного нападения на Советский Союз. Отличие советской разведки от разведок империалистических государств, усилия которых направлены в первую очередь на обеспечение планов подготовки войны.

Общая схема аппарата советской военной разведки. Тактическая, оперативная и стратегическая разведка. Особое значение стратегической разведки для вскрытия агрессивных планов империалистических государств. Использование разведкой современных достижений науки и техники. Военная разведка создавалась и развивалась вместе с созданием и ростом Советской армии. Идейная сила советской разведки; героизм и патриотизм советских разведчиков, их преданность делу борьбы за коммунизм.

С первого дня ее существования работа и цели советской военной разведки определялись конкретными задачами обороны Советского государства на каждом данном этапе нашей борьбы: мировой военно-политической обстановкой, характером и направлением главной опасности, угрожавшей советской стране со стороны империалистического мира. Отдельные эпизоды из славной истории советской военной разведки в Гражданскую войну, в период борьбы партии за восстановление народного хозяйства и его социалистическую реконструкцию.

Расширение и усложнение задач и работы советской военной разведки по мере развития мировых событий. Самым суровым для нее испытанием был период подготовки гитлеровской

³⁴⁹ Здесь и далее Ф.И. Голиков, вероятно, имеет в виду сотрудницу советской военной разведки Е.К. Феррари (О. Ф. Голубовскую). (Примеч. сост.)

Германией нападения на Советский Союз. Как справилась советская военная разведка со своими задачами в этот период? Сумела ли она вовремя вскрыть планы агрессоров, вовремя ли она предупредила об этих планах партию и правительство?

Ответам на эти вопросы в настоящей книге уделяется особое внимание.

*Глава вторая. Разведка в период надвигающейся войны
(1933–1939 гг.) (3 п.л.)*

Военно-политическая обстановка

Победа фашизма в Германии и усиление военной угрозы. Разгул фашистского террора и лихорадочное вооружение гитлеровского вермахта. Активизация японского милитаризма. Два очага мировой войны, фашистская Германия – главный очаг войны.

Итало-фашистская агрессия против Эфиопии в 1935–1936 гг. «Ось» Берлин – Рим. Монархо-фашистский мятеж в Испании и итало-германская интервенция против Испанской республики. Антисоветская политика Англии, Франции и США по «умиротворению» гитлеровской Германии. Предательская политика «невмешательства» в отношении Испании. Захват Гитлером Австрии. Мюнхенское предательство, операция «Грюн» по захвату Чехословакии.

Расширение японской агрессии против Китая. Образование фашистской коалиции государств. Отношения между Германией и Японией: общность интересов агрессоров и противоречия между ними. Все большее нарастание военной опасности.

Победа социализма в СССР. Партия в борьбе за упрочнение и развитие социалистического общества. Развитие советских Вооруженных сил. Укрепление обороноспособности страны на базе ее социалистической индустриализации.

Политика советского правительства по объединению антифашистских сил против угрозы войны и фашизма. Борьба Советского Союза за мир и безопасность народов, за организацию коллективного отпора фашистской агрессии. Экономическая и политическая поддержка германского фашизма правящими кругами США, Англии и Франции с целью подталкивания гитлеровцев к нападению на Советский Союз.

Удар по японским агрессорам у озера Хасан. Нападение Японии на территорию МНР у Халхин-Гола и операция по разгрому японских захватчиков.

Саботаж англо-французскими и американскими империалистами переговоров с Советским Союзом летом 1939 года о коллективном отпоре фашистским агрессорам. Советско-германский договор о ненападении.

Работа советской военной разведки

Данные разведки об агрессивных планах фашистской Германии, о численности, вооружении и дислокации частей вермахта, о положении внутри нацистской партии, о войсках СС и СА. Информация разведки о планах англо-французских и американских империалистов.

Данные об агрессивных действиях и планах японского милитаризма. Информация об отношениях между Германией и Японией. Данные о численности, вооружении и дислокации японских войск. Информация о борьбе двух направлений японской агрессии.

Помощь информацией китайским коммунистам: информация об оперативных планах Чан Кайши против Красной армии Китая, предупреждения о чанкайшистских провокациях, подготовляемых против КПК.

Информация разведки о предстоящем нападении Германии на Польшу.

Огромный вред, причиненный работе советской военной разведке произволом периода культа личности. Арест и гибель руководящих заслуженных работников советской военной разведки. Памяти товарищей Берзина, Урицкого, Никонова, Давыдова, Стигги и др. (короткие очерки – характеристики). Арест и гибель прославленных разведчиков – «капитана Фер-

рари» (т. Рязанова) и др. (короткие очерки – характеристики). Препятствия для работы разведки, которые создавались необоснованными репрессиями.

Советская военная разведка тем не менее смогла в основном справиться с задачами, поставленными руководством, благодаря героизму и самоотверженности разведчиков, благодаря крупнейшим возможностям, заложенным в советской разведке как составной части советского строя.

Глава третья. Начало Второй мировой войны (3 п.л.)

Ход военно-политических событий

Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Победа социалистической революции в Прибалтике и вступление советских республик Эстонии, Латвии и Литвы в СССР. Образование Молдавской ССР. Вооруженный конфликт с Финляндией и его мирное урегулирование. Дальнейшее укрепление обороноспособности СССР.

«Странная война» англо-французских империалистов в Европе. Их антисоветские планы в связи с советско-финским конфликтом.

Гитлеровская директива № 1 о ведении войны против Польши. Нападение Германии на Данию, Норвегию. Наступление на Францию, Бельгию, Голландию и Люксембург. Капитуляция Франции и дальнейшие планы германского милитаризма. Присоединение Венгрии, Румынии и Болгарии к Берлинскому пакту трех держав. Захват Германией Греции и Югославии.

Агрессия Японии против Китая и в направлении Юго-Восточной Азии.

Работа советской военной разведки

Информация об агрессивных планах и действиях фашистской Германии, о наращивании ее военной мощи, об использовании ею военно-промышленного потенциала оккупированных европейских государств. Информация о положении в странах, оккупированных гитлеровцами. Данные о составе и дислокации вооруженных сил Германии.

Информация об агрессивных планах и действиях японского милитаризма, о борьбе агрессивных тенденций внутри правящих кругов, об отношениях между Японией и Германией.

Информация о военно-политических планах англо-американского империализма.

Глава четвертая. Работа разведки по вскрытию

гитлеровских планов нападения на Советский Союз

(5 п.л.)

Концентрация усилий советской военной разведки на выявлении и раскрытии агрессивных планов гитлеровской Германии против СССР. Осуществление этой задачи по срокам. Какие конкретные данные и в какие сроки давались политическому и военному руководству нашей страны по следующему комплексу вопросов и событий.

Начало разработки Германией плана войны против СССР, первые варианты плана. Приказы, документы и мероприятия по подготовке театра войны против СССР. Разработка директивы № 21 – плана «Барбаросса». Миссия Гесса. Сосредоточение германских вооруженных сил для нападения. Выход германских войск в исходные районы для нападения.

Основное содержание главных информационных документов ГРУ за этот период. Сравнительная таблица оценки вооруженных сил гитлеровской Германии к началу нападения по данным ГРУ и данным германского Генерального штаба.

Разведывательные документы-донесения, непосредственно предупреждавшие о предстоящем нападении на Советский Союз: из Берлина (март – апрель), из Токио (май), из Швейцарии (июнь) и из других источников.

Информация об агрессивных планах Японии, основном направлении ее агрессии и ее отношениях с Германией. Сравнительная таблица оценки вооруженных сил Японии и их дислокации по данным ГРУ и Генерального штаба Японии.

В чем наша разведка оказалась права, в чем ее данные были недостаточными, неуверенными или неправильными. Что мешало эффективному использованию правильных, в основном и главным, данных советской военной разведки о готовящемся нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

*Глава пятая. Разведка в суровые дни Великой
Отечественной войны (5 п.л.)
Работа стратегической разведки*

Информация о положении в Германии, о политической обстановке, о вооруженных силах, военно-экономических ресурсах, о деятельности гитлеровской дипломатии. Информация о положении в оккупированных гитлеровцами странах. Раскрытие планов некоторых крупных операций гитлеровского командования на Восточном фронте.

Информация о направлении японской агрессии, которая была необходима для принятия решения о возможности переброски войск с Дальнего Востока на фронт под Москвой.

Работа разведки в тылу гитлеровских войск

Засылка разведывательных групп на советскую территорию, оккупированную фашистами. Характер и ценность добываемой этими группами информации.

Работа разведок фронтов и армий

Огромное значение этой работы на примере нескольких операций.

Глава шестая. О некоторых героях советской военной разведки (3 п.л.)

Их было много, расскажем о некоторых.

Рихард Зорге – очерк примерно на полтора печ[атных] листа (сказать при этом также об *Одзак*).

Товарищи *Кузнецов*, *Троян*.

Иностранные товарищи – антифашисты: «Гарри»³⁵⁰, «Арним»³⁵¹.

(Список примерный, должен быть уточнен).

Заключение (3–4 стран[ицы])

Общая оценка деятельности советской военной разведки. Ее роль в обороне советской страны. Почетная работа советских разведчиков.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 130. Л. 177–186. Подлинник.

Оубл.: Исторический архив. 2008. № 3. С. 89–95.

№ 2-п

Записка идеологического отдела ЦК КПСС
в Центральный Комитет КПСС о предложении
Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова
11 марта 1965 г.

Маршал Советского Союза т. Голиков Ф. И. вносит предложение о выпуске книги о советской военной разведке.

Идеологический отдел ЦК КПСС запросил мнение Главного политического управления Советской армии. Начальник Управления т. Епишев сообщил, что в настоящее время

³⁵⁰ «Гарри» – псевдоним А. Шнее (Г. Робинсона). (Примеч. сост.)

³⁵¹ «Арним» – псевдоним И. Штебе. (Примеч. сост.)

коллектив научных работников Военно-дипломатической академии Советской армии и офицеры Главного разведывательного управления Генерального штаба ведут подготовку к выпуску закрытого издания труда по истории советской военной разведки. Наряду с этим данные о деятельности советской военной разведки в допустимых пределах для широких кругов читателей содержатся в шестом томе «Истории Великой Отечественной войны».

Учитывая это, т. Епишев считает, что выпускать другие открытые издания по истории советской военной разведки, как это предлагает т. Голиков, в настоящее время нет необходимости.

Идеологический отдел ЦК КПСС согласен с мнением Главного политического управления Советской армии.

Просим согласия сообщить об этом т. Голикову³⁵².

Зам[еститель] зав[едующего]

идеологическим отделом ЦК КПСС *В. Снастин*

Зав[едующий] сектором отдела *И. Чхиквишвили*

Справка

Тов. Голикову Ф. И. сообщено.

Зав[едующий] сектором отдела *И. Чхиквишвили*

Инструктор отдела *И. Сеничкин*

24/III 65 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 130. Л. 187. Подлинник.

Опубл.: Исторический архив. 2008. № 3. С. 95–96.

³⁵² На документе имеются резолюции о согласовании секретарей ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева, М. А. Сулова, В. Н. Титова, А. Н. Шелепина и Н. В. Подгорного, а также помета генерала армии А. А. Епишева: «Хранить в архиве. Епишев. 24.03.[19]65».

Именной комментарий

Абрамов-Миров Александр Лазаревич (1895–1937) – полковой комиссар. В 1930-е гг. – заведующий отделом международных связей ИККИ (июнь 1926 – октябрь 1935); заместитель заведующего службой связи ИККИ (с октября 1935); помощник начальника Разведывательного управления РККА (с сентября 1936). Арестован 21 мая 1937 г., расстрелян 25 ноября 1937 г., реабилитирован 18 января 1958 г.

Александровский (Юкельзон) Михаил Константинович (1896–1937) – старший майор государственной безопасности (1935). В 1930-е гг. – состоял в резерве ГПУ Украины (с августа 1930); начальник 5-го отделения Особого отдела ОГПУ СССР (с сентября 1931); в распоряжении (с декабря 1932), начальник секретно-политического отдела (с марта 1933) ГПУ УССР; начальник особого отдела ГПУ УССР и особого отдела УВО (с декабря 1933); начальник особого отдела УГБ НКВД УССР и особого отдела УВО (с июля 1934); начальник КРО УГБ НКВД УССР (с декабря 1936); заместитель начальника Разведывательного управления РККА (с января 1937). Арестован 8 июля 1937 г., расстрелян 15 ноября 1937 г., реабилитирован 24 декабря 1937 г.

Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937) – корпусной комиссар (1935). В 1930-е гг. – заместитель начальника (с января 1930), начальник (с августа 1931) Иностранного отдела ОГПУ СССР; начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР (с июля 1934); заместитель начальника Разведывательного управления РККА (с мая 1935); научный сотрудник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР (с 1937). Арестован 13 мая 1937 г., расстрелян 21 августа 1937 г., реабилитирован 7 марта 1956 г.

Бажанов Иван Григорьевич (1898–1942) – полковник (1939). В период Второй мировой войны – секретарь, затем помощник советского военного атташе в Германии (август 1939 – июнь 1941); состоял в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (с июня 1941); преподаватель кафедры тактики Военной академии механизации и моторизации Красной армии имени И. В. Сталина (с сентября 1941). Умер в феврале 1942 г.

Бараев Павел Иванович (1906–?) – майор (1939). В период Второй мировой войны – в распоряжении 5-го Управления Красной армии (сентябрь – октябрь 1939); помощник советского военного атташе в США (октябрь 1939 – июнь 1943).

Баранов Петр Иванович (1909–1942) – военинженер 2-го ранга. В период Второй мировой войны находился в служебной командировке в США (сентябрь 1936 – июль 1940); состоял в распоряжении (с июля 1940), заместитель начальника 2-го отделения 4-го отдела (с сентября 1940) РУ Генштаба Красной армии; секретарь советской военной миссии в Англии (с июля 1941). Погиб 30 апреля 1942 г. в авиационной катастрофе.

Берзин Ян Карлович (Кюзис Петерис) (1899 (1890) – 1938) – армейский комиссар 2-го ранга (1937). В 1930-е гг. – начальник IV Управления Штаба РККА (с сентября 1926), Информационно-статистического управления РККА (с августа 1934), Разведывательного управления РККА (с ноября 1934); заместитель командующего ОКДВА по политчасти (с апреля 1935); главный военный советник в республиканской Испании (октябрь 1936 – май 1937); начальник Разведывательного управления РККА (июнь – август 1937). Арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г., реабилитирован 28 июля 1956 г.

Васильев Андриан Васильевич (1895–1963) – генерал-майор (1943). В период Второй мировой войны – военный советник в Китае (январь – ноябрь 1939); начальник Гомельского (декабрь 1939 – март 1940) и Казанского (март 1940 – апрель 1941) пехотных училищ; начальник отдела спецзаданий РУ Генштаба Красной армии (апрель – июль 1941); затем находился в распоряжении РУ Генштаба Красной армии; заместитель начальника советской военной миссии в Великобритании (май 1942 – август 1945).

Велкиш Курт (1910–1958) – немецкий журналист и дипломат. В период Второй мировой войны – пресс-атташе посольства Германии в Румынии (1940–1944), источник берлинской и бухарестской резидентур советской военной разведки.

Велкиш Маргарита (1913–1983) – супруга Курта Велкиша. В период Второй мировой войны – работник посольства Германии в Румынии (1940–1944), источник берлинской и бухарестской резидентур советской военной разведки.

Венцель Иоганн (1902–1969) – советский военный разведчик. В период Второй мировой войны – член разведывательной группы в Бельгии (1940–1942); находился под арестом в гестапо (июнь – ноябрь 1942); участник движения Сопротивления в Бельгии (1942–1944); затем возвратился в Москву.

Воронцов Михаил Александрович (1900–1986) – вице-адмирал (1951). В период Второй мировой войны – советский военно-морской атташе в Германии (сентябрь 1939 – июнь 1941); заместитель начальника (с августа 1941), начальник (с сентября 1941) 1-го Управления Наркомата ВМФ СССР; начальник Разведывательного управления Главного морского штаба ВМФ СССР (с марта 1942); начальник Бакинского военно-морского подготовительного училища (с апреля 1945).

Гендин Семен Григорьевич (1902–1939) – старший майор государственной безопасности (1936). В 1930-е гг. – начальник 10-го отделения КРО ОГПУ СССР (с февраля 1930); сотрудник для особых поручений (с сентября 1930), помощник начальника 1-го отделения (с апреля 1931), помощник начальника 2-го отделения (с сентября 1931), начальник 2-го отделения (с февраля 1933) Особого отдела ОГПУ СССР; начальник 4-го отделения (с июля 1934), помощник начальника (с ноября 1934) особого отдела ГУГБ НКВД СССР; начальник Управления НКВД Западной области (с сентября 1936); заместитель начальника особого отдела БВО (с декабря 1936); заместитель начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР (с апреля 1937); и.о. начальника Разведывательного управления РККА (с сентября 1937). Арестован 22 октября 1938 г., расстрелян 22 февраля 1939 г., реабилитирован 19 сентября 1957 г.

Герасимов Антон Владимирович (1900–1978) – генерал-полковник артиллерии (1956). В период Второй мировой войны – состоял в распоряжении (с августа 1939), начальник особой группы (с ноября 1939) 5-го Управления Красной армии; и.д. заместителя начальника 10-го отдела (с июля 1940), и.д. начальника отдела внешних сношений (с августа 1940) РУ Генштаба Красной армии; начальник штаба Московской зоны ПВО (с июня 1941); командующий Череповецко-Вологодским дивизионным районом ПВО (с ноября 1941); 1-й заместитель командующего войсками Московского фронта ПВО (с апреля 1942); начальник штаба Особой Московской армии ПВО (с июля 1943), Центрального фронта ПВО (с февраля 1945); командующий Приморской армией ПВО (с мая 1945).

Герасимов Виктор Александрович (1903–1985) – генерал-майор (1944). В период Второй мировой войны – начальник отделения 2-го отдела РУ РККА (с июля 1938); начальник 2-го отделения 3-го отдела РУ Генштаба Красной армии (с сентября 1940); находился в специальной командировке в Китае (с января 1941); заместитель начальника штаба 6-й резервной армии (с июля 1942); командир 267-й стрелковой дивизии (с декабря 1942); находился в госпитале (с марта 1943); начальник 6-го отдела 1-го управления (с июля 1943), начальник 10-го отдела 1-го управления (с февраля 1944), заместитель начальника 2-го управления (с марта 1945) ГРУ Красной армии; начальник 3-го отдела ГРУ Генштаба Красной армии (с июня 1945).

Давыдов Василий Васильевич (1898–1941) – бригадный комиссар (1936). В 1930-е гг. – помощник (с марта 1930), заместитель начальника (с февраля 1932) 2-го отдела, затем и.д. заместителя начальника IV Управления Штаба РККА; состоял в распоряжении IV Управления Штаба РККА (с июля 1934); слушатель особого факультета Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе (с ноября 1934); состоял в распоряжении РУ РККА (с ноября 1936); командир батальона 3-го Московского стрелкового полка (с февраля 1937), командир 1-го Московского стрелкового полка (март – июнь 1938) 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Арестован 9 июля 1938 г., расстрелян 16 октября 1941 г., реабилитирован 20 августа 1955 г.

Драгун Василий Михайлович (1898–1961) – генерал-майор танковых войск (1943). В период Второй мировой войны – заместитель начальника отдела внешних сношений 5-го Управления РККА (с июня 1939); заместитель начальника 5-го отдела РУ Генштаба Красной армии (с июня 1941); член советской военной миссии в Англии и США (с июля 1941); начальник 2-го отдела 1-го управления ГРУ Генштаба Красной армии; заместитель главы советской военной миссии в Великобритании (1942–1943), во Франции и Италии (1944–1945); уполномоченный СНК СССР по репатриации советских граждан в Италии и Франции (с 1945).

Дронов Николай Сергеевич (1897–1979) – генерал-лейтенант (1945). В период Второй мировой войны – начальник штаба Одесской армейской группы войск (с июля 1938), 12-й армии (с октября 1939); состоял в распоряжении Управления по начсоставу Красной армии (с июля 1940); начальник 3-го отдела Управления боевой подготовки Красной армии (с августа 1940); начальник информационного отдела и помощник начальника РУ Генштаба Красной армии (с февраля 1941); начальник штаба 10-й армии (с октября 1941); командир 12-й стрелковой дивизии (с декабря 1941); начальник штаба 29-й армии (с ноября 1942), штаба 22-й армии (февраль 1943 – август 1945).

Дубинин Николай Иванович (1899–1986) – генерал-майор (1940). В период Второй мировой войны – сотрудник для особых поручений при Секретариате НКО СССР (июль 1938 – сентябрь 1940); начальник информационного отдела (с сентября 1940), в распоряжении (с февраля 1941) РУ Генштаба Красной армии; состоял в распоряжении ГУК НКО СССР (с августа 1942); генерал для особых поручений (октябрь 1942 – апрель 1943 и июнь – ноябрь 1943), начальник специальной группы офицеров (апрель – июнь 1943) Генштаба Красной армии; заместитель начальника штаба 1-го Украинского фронта (с ноября 1943), Центральной группы войск (с июня 1945).

Евстигнеев Петр Петрович (1901–1970) – генерал-лейтенант (1944). В период Второй мировой войны – начальник РО штаба ЛВО (июль 1938 – июнь 1941), одновременно начальник разведки 7-й армии (1939–1940); начальник РО штаба Северного фронта (июль – август 1941), Ленинградского фронта (август 1941 – июль 1945).

Еремин Григорий Михайлович (1904–1988) – полковник. В период Второй мировой войны – начальник 3-го отделения 1-го отдела 5-го Управления РККА (с июля 1939); 3-й сек-

ретарь полпредства СССР в Румынии (август 1940 – июнь 1941); заместитель начальника РО штаба Южного фронта (с августа 1941), 18-й армии (с октября 1941), Черноморской группы войск Закавказского фронта (с ноября 1942), Туапсинского оборонительного района; затем начальник военного отдела Союзной контрольной комиссии в Румынии.

Ефремов Константин Лукич (1910–1943) – военинженер 2-го ранга (1938). В период Второй мировой войны – руководитель резидентуры советской военной разведки в Бельгии (1939–1942). Арестован гестапо 7 августа 1942 г., расстрелян в 1943 г.

Зайцев Николай Максимович (1910–?) – подполковник. В период Второй мировой войны – помощник заместителя торгового представителя СССР в Германии по материальному обеспечению (сентябрь 1939 – июнь 1941); старший инструктор отделения по работе среди войск противника политотдела 2-й ударной армии; начальник отделения по работе сред войск и населения противника политотдела 21-й армии.

Захаров-Мейер Лев Николаевич (1899–1937) – корпусной комиссар (1936). В 1930-е гг. – заместитель полномочного представителя ОГПУ в Нижневолжском крае (с июня 1930); в резерве ОГПУ СССР (с ноября 1930); начальник Тульского оперативного сектора ОГПУ СССР (с апреля 1931); заместитель начальника Центральной школы ОГПУ СССР и по совместительству начальник курсов высшего руководящего состава ОГПУ СССР (с декабря 1931); помощник начальника Главного управления трудовыми специальными поселениями ОГПУ СССР (с мая 1933); слушатель особого факультета Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе (с ноября 1933); помощник начальника Разведывательного управления РККА (с ноября 1935). Арестован 11 июня 1937 г., расстрелян 10 августа 1937 г., реабилитирован 8 февраля 1956 г.

Зорге Рихард (1895–1944) – немецкий журналист, советский военный разведчик, Герой Советского Союза (1964, посмертно). В период Второй мировой войны – резидент советской военной разведки в Японии (сентябрь 1933 – октябрь 1941). Арестован японской полицией 18 октября 1941 г., казнен 7 ноября 1944 г. в токийской тюрьме Сугамо.

Ильичев Иван Иванович (1905–1983) – генерал-лейтенант (1942). В период Второй мировой войны – начальник политотдела РУ РККА – РУ Генштаба Красной армии (июнь 1938 – июль 1941) и одновременно заместитель начальника РУ по политчасти (с сентября 1940); военный комиссар РУ – ГРУ Генштаба Красной армии (июль 1941 – август 1942); врид начальника (с августа 1942), начальник (с августа 1944) ГРУ Красной армии; 1-й заместитель начальника ГРУ Генштаба Красной армии (с июня 1945).

Капалкин Василий Михайлович (1901–1972) – генерал-майор (1943). В период Второй мировой войны – состоял в распоряжении 5-го Управления РККА (с июня 1939); начальник РО ЗакВО (с декабря 1939); начальник Института оперативной техники РУ Генштаба Красной армии (с июня 1941); начальник РО штаба Закавказского фронта (с августа 1941), Крымского фронта (с февраля 1942), Северо-Кавказского фронта (с июня 1942), Черноморской группы войск Закавказского фронта (с сентября 1942); начальник специальной школы Красной армии (с февраля 1943).

Кегель Герхард (1907–1989) – советский военный разведчик. В период Второй мировой войны работал в аппарате МИД Германии (с сентября 1939); заместитель начальника торгово-политического отдела посольства Германии в СССР (1940–1941); работал в тор-

гово-политическом отделе МИД Германии (с июля 1941); унтер-офицер вермахта (с 1943); перешел на сторону Красной армии (январь 1945); заместитель главного редактора газеты «Берлинер цайтунг» (с 1945).

Колганов Константин Степанович (1896–1981) – генерал-лейтенант (1943). В период Второй мировой войны – командир 17-го стрелкового корпуса (с января 1939); начальник 4-го отдела Управления боевой подготовки Красной армии (с августа 1940); начальник 5-го и 4-го отделов РУ Генштаба Красной армии (с февраля 1941); заместитель командующего 10-й армией (с октября 1941); командующий 47-й армией (февраль – май 1942); заместитель начальника штаба Брянского фронта (с июня 1942); заместитель командующего 48-й армией (с сентября 1942); командир 42-го стрелкового корпуса (с июня 1943); затем командир 53-го стрелкового корпуса.

Колесов Афанасий Георгиевич (1909–?) – полковник. В период Второй мировой войны – слушатель специального факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе; состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с мая 1940); начальник 2-го отделения 5-го отдела (сентябрь – ноябрь 1940), адъютант начальника (ноябрь 1940 – июль 1941) РУ Генштаба Красной армии; начальник РО штаба 10-й армии (октябрь 1941 – апрель 1944); заместитель начальника РУ штаба 3-го Белорусского фронта (1944); начальник отдела по репатриации перемещенных советских граждан во Франции (1944–1947).

Корнеев Тарас Федотович (1901–1984) – генерал-майор (1943). В период Второй мировой войны – начальник РО военного округа; начальник 6-го отдела 5-го Управления Красной армии (с декабря 1939); слушатель Академии Генштаба Красной армии (с октября 1940); начальник РО штаба Западного фронта (с июля 1941); начальник 6-го отдела ГРУ Генштаба Красной армии (с апреля 1942); начальник РО штаба Воронежского фронта (с июля 1942); находился в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (июль 1943 и с августа 1943); начальник РО и заместитель начальника штаба Южного фронта (июль 1943); командир 68-й горнострелковой дивизии (с октября 1943); начальник 3-го отдела Управления по награждениям и присвоению воинских званий ГУК НКО СССР (с июля 1945).

Костомаха Архип Иванович (1902–?) – полковник. В период Второй мировой войны – начальник 1-го отделения 5-го отдела 5-го Управления РККА (с июня 1939); находился в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (с сентября 1940); затем служил в ГРУ Красной армии.

Кузнецов Николай Иванович (1911–1944) – советский разведчик, Герой Советского Союза (1944, посмертно). В период Второй мировой войны служил в органах НКВД СССР (с 1938); разведчик партизанского отряда особого назначения «Победители» (с августа 1942). Погиб 9 марта 1944 г. во время выполнения боевого задания.

Кучински Урсула (Вернер Рут) (1907–2000) – полковник. В период Второй мировой войны – руководитель разведывательной группы в Швейцарии (1938–1940); связная между легальной резидентурой советской военной разведки и ее агентами в Англии (1941–1946).

Ляхтеров Николай Григорьевич (1905–1998) – генерал-майор (1954). В период Второй мировой войны – заместитель начальника 1-го отдела 5-го Управления РККА (май 1939 – июнь 1940); советский военный атташе в Венгрии (июнь 1940 – июнь 1941); затем начальник 6-го отдела РУ Генштаба Красной армии; советский военный атташе в Турции (октябрь 1941 – ноябрь 1945).

Мальков Иван Дмитриевич (1906–?) – полковник. В период Второй мировой войны – находился в распоряжении РУ РККА (с июня 1938); врид военкома РУ Генштаба Красной армии; заместитель начальника по политчасти 2-го управления ГРУ Красной армии, начальник политотдела РУ Генштаба Красной армии (1942–1943); заместитель начальника политотдела 1-й воздушной армии (1943–1945).

Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович (1903–1968) – генерал-полковник (1962), Герой Советского Союза (1945). В период Второй мировой войны – начальник специального отдела 5-го Управления РККА (с мая 1939); командир особой лыжной бригады на Северо-Западном фронте (с января 1940); в прежней должности (с марта 1940); слушатель КУВНАС при Военной академии имени М. В. Фрунзе (с сентября 1940); начальник РО штаба ЗакВО (май 1941); начальник особой спецгруппы РУ Генштаба Красной армии (с мая 1941); для особо важных поручений при К. Е. Ворошилове (с июня 1941); состоял в распоряжении военного совета Северо-Западного фронта (с июля 1941); врид командира 311-й стрелковой дивизии (с августа 1941); начальник РО штаба МВО (с октября 1941); начальник особой оперативной группы РУ Генштаба Красной армии (с ноября 1941); командир 114-й кавалерийской дивизии (с января 1942); заместитель командира 7-го кавалерийского корпуса (с мая 1942); начальник ЮШПД (с августа 1942); помощник начальника (с октября 1942), начальник оперативного отдела (с декабря 1942) ЦШПД; заместитель начальника 2-го управления ГРУ Красной армии (с января 1943); командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (с марта 1943).

Маневич Лев Ефимович (1898–1945) – полковник (1935), Герой Советского Союза (1965, посмертно). Работал в Германии и Австрии (1929–1930), затем в Италии (1930–1932). Арестован 3 октября 1932 г. и 9 февраля 1937 г. приговорен к 16 годам заключения; затем находился в итальянских тюрьмах и немецких концлагерях (1937–1945). Тяжело больным освобожден американцами 6 мая 1945 г., умер 11 мая 1945 г.

Мильштейн Михаил Абрамович (1910–1992) – генерал-лейтенант (1966). В период Второй мировой войны – начальник 6-го отделения 1-го отдела 5-го Управления РККА (с июня 1939); начальник 3-го отделения 1-го отдела РУ Генштаба Красной армии (с сентября 1940); состоял в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (с апреля 1941); затем заместитель начальника РО штабов Западного и Резервного фронтов; начальник отдела, заместитель начальника 1-го управления ГРУ Красной армии (с 1942).

Никитушев Николай Иванович (1906–1971) – полковник. В период Второй мировой войны – состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (сентябрь – декабрь 1939); советский военный атташе в Швеции (январь 1940 – апрель 1945); заместитель начальника оперативного отдела штаба 3-й гвардейской танковой армии (с апреля 1945); начальник 2-го отдела 1-го управления ГРУ Генштаба Красной армии (с июня 1945).

Никонов Александр Матвеевич (1893–1937) – комдив (1935). В 1930-е гг. – командир 127-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии (в порядке стажировки); начальник 3-го отдела и помощник начальника IV Управления Штаба РККА (с февраля 1931); заместитель начальника Разведывательного управления РККА (с января 1935). Арестован 5 августа 1937 г., расстрелян 26 октября 1937 г., реабилитирован 19 мая 1956 г.

Новобранец Василий Андреевич (1904–1984) – полковник. В период Второй мировой войны – начальник отделения оперативного отдела штаба Фронтной (Читинской) группы войск (с августа 1939); состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с апреля

1940); заместитель начальника (с августа 1940), затем и.о. начальника информационного отдела РУ Генштаба Красной армии; начальник РО штаба 6-й армии (с мая 1941); находился в немецком плену (август 1941 – июль 1945).

Онянов Леонид Васильевич (1898–1966) – генерал-лейтенант (1944). В период Второй мировой войны – начальник редакционно-издательского отделения 5-го Управления Красной армии (с апреля 1939); заместитель начальника информационного отдела (с октября 1940), сотрудник для особых поручений отдела кадров (с июня 1941) РУ Генштаба Красной армии; начальник 3-го отдела Управления войсковой разведки – Разведывательного управления Генштаба Красной армии (1942–1945).

Орлов Александр Григорьевич (1898–1940) – комдив (1938). В 1930-е гг. – помощник начальника Управления делами НКВД и РВС СССР (с ноября 1930); начальник Управления военных приборов РККА (с ноября 1931); помощник советского военного атташе во Франции (с декабря 1933); советский военный атташе в Германии (с декабря 1934); заместитель начальника (с сентября 1937), и.о. начальника (с ноября 1938) Разведывательного управления РККА; начальник кафедры иностранных языков Артиллерийской академии РККА имени Ф. Э. Дзержинского (с апреля 1939). Арестован 3 июня 1939 г., расстрелян 25 января 1940 г., реабилитирован 21 мая 1955 г.

Панфилов Алексей Павлович (1898–1966) – генерал-лейтенант танковых войск (1944), Герой Советского Союза (1945). В период Второй мировой войны – помощник начальника Автобронетанкового управления РККА (апрель 1938 – июль 1940); заместитель начальника (июль 1940 – июль 1941), и.д. начальника и начальник (июль 1941 – февраль 1942) РУ Генштаба Красной армии; начальник ГРУ и заместитель начальника Генштаба Красной армии (с февраля 1942); заместитель командующего 3-й танковой армией (с августа 1942), 5-й гвардейской танковой армией (с января 1943); 2-й заместитель начальника Главного управления формирования и боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск Красной армии (с марта 1943); командир 6-го гвардейского танкового корпуса (с октября 1943), 3-го гвардейского танкового корпуса (с августа 1944), 3-й гвардейской танковой дивизии (с июня 1945).

Полякова Мария Иосифовна (1908–1995) – подполковник. В период Второй мировой войны – старший помощник начальника 1-го отделения 3-го отдела 5-го Управления РККА (с июля 1939); старший помощник начальника 2-го отделения 4-го отдела (с сентября 1940), старший помощник начальника 3-го отделения 2-го отдела (с июня 1941) РУ Генштаба Красной армии; затем заместитель начальника 7-го отдела 1-го управления ГРУ Красной армии.

Проскуров Иван Иосифович (1907–1941) – генерал-лейтенант авиации (1940), Герой Советского Союза (1937). В период Второй мировой войны – начальник 5-го (Разведывательного) управления РККА и заместитель наркома обороны СССР (апрель 1939 – июль 1940); состоял в распоряжении НКО СССР (с июля 1940); заместитель командующего ВВС Дальневосточного фронта (сентябрь 1940); помощник начальника Главного управления ВВС Красной армии по дальнебомбардировочной авиации (октябрь 1940 – апрель 1941); командующий ВВС 7-й армии (с мая 1941). Арестован 27 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 11 мая 1954 г.

Пугачев Григорий Петрович (1905–1942) – полковник (1939). В период Второй мировой войны – состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с сентября 1939); заместитель начальника информационного отдела 5-го Управления Красной армии (с декабря

1939); начальник отдела военно-технической и экономической информации (с сентября 1940), начальник 5-го отдела (с июня 1941) РУ Генштаба Красной армии; находился в служебной командировке в Англии (июль 1941 – апрель 1942). Погиб 30 апреля 1942 г. в авиационной катастрофе.

Пуркаев Максим Алексеевич (1894–1953) – генерал армии (1944). В период Второй мировой войны – советский военный атташе в Германии (с августа 1939); начальник штаба БОВО (с февраля 1940), штаба КОВО (с июля 1940), штаба Юго-Западного фронта (с июня 1941); член группы К. Е. Ворошилова, руководившей формированием и обучением резервных соединений (с июля 1941); командующий 60-й армией (с ноября 1941), 3-й ударной армией (с декабря 1941), Калининским фронтом (с августа 1942), Дальневосточным фронтом (с апреля 1943), 2-м Дальневосточным фронтом (с августа 1945).

Радо Шандор (1899–1981) – советский военный разведчик. В период Второй мировой войны – нелегальный резидент советской военной разведки в Швейцарии под прикрытием руководителя картографического агентства «Геопресс»(1939–1944).

Рогов Александр Семенович (1901–1992) – генерал-полковник (1962), генерал-майор (1963). В период Второй мировой войны – и.о. консула СССР в Харбине (1939–1940); начальник 3-го отделения 3-го отдела (с сентября 1940), 1-го отделения 4-го отдела (с июня 1941) РУ Генштаба Красной армии; начальник РО штаба 59-й армии (с февраля 1942), 2-й ударной армии (с марта 1942), Юго-Западного фронта (с октября 1942), 3-го Украинского фронта (с октября 1943), Южной группы войск (с июня 1945).

Рубин Иосиф Григорьевич (1895–1954) – генерал-лейтенант (1944). В период Второй мировой войны – командир 8-го стрелкового корпуса (январь 1939 – июль 1940); заместитель начальника РУ Генштаба Красной армии (с июля 1940); начальник РО штаба войск Юго-Западного направления (январь – февраль 1942); помощник командующего Юго-Западным фронтом (с февраля 1942); заместитель командующего 28-й армией (с июня 1942), командующего 57-й армией, командующего 21-й армией; начальник 3-го управления ГРУ Генштаба Красной армии (с августа 1942); слушатель ускоренного курса Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова (с декабря 1942); военный советник при главнокомандующем и начальнике штаба армии МНР (с марта 1943).

Рыбалко Павел Семенович (1894–1948) – маршал бронетанковых войск (1945), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). В период Второй мировой войны – советский военный атташе в Польше (июль 1937 – октябрь 1939); состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с октября 1939); советский военный атташе в Китае (апрель – декабрь 1940); состоял в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (с декабря 1940); начальник кафедры разведки Высшей специальной школы Генштаба Красной армии (с сентября 1941); заместитель командующего (с мая 1942), командующий (с июля 1942) 5-й танковой армией; командующий 3-й танковой армией (с октября 1942), 57-й армией (апрель – май 1943), 3-й гвардейской танковой армией (с мая 1943).

Самохин Александр Георгиевич (1902–1955) – генерал-майор (1940). В период Второй мировой войны – начальник Орджоникидзевого пехотного училища (сентябрь 1937 – март 1940); заместитель начальника Управления военно-учебных заведений Красной армии (с марта 1940); советский военный атташе в Югославии (с августа 1940); командир 29-го стрелкового корпуса (с июня 1941); находился под следствием (сентябрь – декабрь 1941); затем проходил службу в центральном аппарате советской военной разведки (с декабря 1941); команду-

ющий 48-й армией (апрель 1942); находился в немецком плену (с апреля 1942), освобожден и доставлен в Москву (май 1945).

Сараев Илья Михайлович (1901–1987) – генерал-майор артиллерии (1945). В период Второй мировой войны состоял в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (сентябрь – декабрь 1940); помощник советского военного атташе и советский военный атташе в США (декабрь 1940 – май 1947).

Сафронов Александр Ильич (1896–1941) – полковник (1938). В период Второй мировой войны – заместитель начальника РО БОВО (с мая 1939), РО КОВО (с декабря 1939); начальник РО штаба ПриБОВО (с июля 1940); начальник РО штаба Северо-Западного фронта (июнь 1941). Погиб 27 июня 1941 г. в районе г. Крустпилс (Латвийская ССР).

Серета Леонид Андреевич (1906–?) – генерал-майор. В период Второй мировой войны – слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе; состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с мая 1940); помощник советского военного атташе в Болгарии (декабрь 1940 – ноябрь 1941); работал в центральном аппарате советской военной разведки (ноябрь 1941 – ноябрь 1945).

Сизов Александр Федорович (1905–1962) – генерал-майор танковых войск. В период Второй мировой войны служил в РУ РККА (с июня 1938); член советской военной миссии в Англии и США (с июля 1941); советский военный атташе при правительствах Польши, Югославии и Чехословакии в Лондоне (1941–1945).

Склярков Иван Андреевич (1901–1971) – генерал-майор танковых войск (1942). В период Второй мировой войны состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (май 1939 – июнь 1940); советский военный атташе в Англии (июнь 1940 – ноябрь 1946).

Скорняков Николай Дмитриевич (1906–1979) – генерал-лейтенант авиации (1961). В период Второй мировой войны – помощник советского военного атташе в Германии (август 1939 – июнь 1941); находился в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (с июня 1941); затем проходил службу в ВВС Красной армии (1941–1945).

Скрягин Николай Алексеевич (1904–1972) – капитан 1-го ранга (1949). В период Второй мировой войны – помощник начальника 11-го отделения разведывательного отдела Наркомата ВМФ СССР (июнь 1938 – октябрь 1939); заместитель начальника отдела внешних сношений 1-го Управления Наркомата ВМФ СССР (октябрь 1939 – октябрь 1940); помощник (октябрь 1940 – апрель 1945), и.д. (апрель 1945–1946) советского военно-морского атташе в США.

Смирнов Иван Васильевич (1901–1971) – генерал-майор (1945). В период Второй мировой войны находился в распоряжении 5-го Управления РККА (с мая 1939); советский военный атташе в Финляндии (с октября 1939); находился в распоряжении РУ Генштаба Красной армии (с июня 1941); заместитель начальника оперативного отдела штаба 69-й армии (с января 1945); находился в распоряжении ГРУ Генштаба Красной армии (июнь – сентябрь 1945).

Сонин Константин Петрович (1903–1960) – полковник. В период Второй мировой войны находился в распоряжении РУ РККА (с апреля 1936); заместитель начальника 1-го отделения 3-го отдела РУ Генштаба Красной армии (с сентября 1940); руководитель легальной резиден-

туры советской военной разведки в Японии под прикрытием корреспондента ТАСС (1941–1945).

Стига Оскар Ансович (1894–1938) – комдив (1935). В 1930-е гг. находился на подпольной работе за рубежом (май 1930 – октябрь 1934); начальник 3-го отдела (с января 1935) и по совместительству начальник 1-го отдела (с апреля 1937) РУ РККА. Арестован 29 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г., реабилитирован 8 сентября 1956 г.

Сулопаров Иван Алексеевич (1897–1974) – генерал-майор артиллерии (1940). В период Второй мировой войны состоял в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с сентября 1939); советский военный атташе во Франции (октябрь 1939 – июнь 1941); состоял в распоряжении Артиллерийского управления Красной армии; начальник штаба Главного управления начальника артиллерии Красной армии; заместитель командующего артиллерией 16-й армии; командующий артиллерией 10-й армии; начальник советской военной миссии во Франции (ноябрь 1944 – сентябрь 1945).

Треппер Леопольд (1904–1982) – советский военный разведчик. В период Второй мировой войны – резидент советской военной разведки в Бельгии и во Франции (1938–1942); находился под арестом в гестапо (ноябрь 1942 – сентябрь 1943), затем после побега на нелегальном положении в Париже (до августа 1944); прилетел в Москву (январь 1945), затем арестован и находился под следствием.

Троян Надежда Викторовна (1921–2011) – советская разведчица, Герой Советского Союза (1943). В период Второй мировой войны находилась на подпольной работе в г. Смоленска Минской области (с лета 1941); связная, разведчица и медсестра партизанских отрядов на территории Белорусской ССР (с июля 1942), принимала участие в ликвидации генерального комиссара Белоруссии группенфюрера СС В. Кубе (сентябрь 1943).

Тупиков Василий Иванович (1901–1941) – генерал-майор (1940). В период Второй мировой войны – начальник штаба ХВО (апрель 1939 – декабрь 1940); советский военный атташе в Германии (декабрь 1940 – июнь 1941); начальник штаба Юго-Западного фронта (с июля 1941). Погиб в бою 20 сентября 1941 г. при выходе из окружения.

Урицкий Семен Петрович (1895–1938) – комкор (1935). В 1930-е гг. – командир и военком 8-го стрелкового корпуса (с мая 1930), 6-го стрелкового корпуса (с ноября 1930); начальник штаба ЛВО (с июня 1931); командир и военком 13-го стрелкового корпуса (с августа 1932); заместитель начальника Управления механизации и моторизации РККА (с января 1934); начальник Разведывательного управления РККА (с апреля 1935); заместитель командующего войсками МВО (с июня 1937). Арестован 1 ноября 1937 г., расстрелян 1 августа 1938 г., реабилитирован 7 марта 1956 г.

Феррари Елена Константиновна (Голубовская Ольга Федоровна) (1899–1938) – капитан (1936). В 1930-е гг. состояла в распоряжении IV Управления Штаба РККА (с 1930); помощник начальника отделения 1-го отдела РУ РККА (с августа 1935); состояла в распоряжении РУ РККА (с февраля 1936). Арестована 1 декабря 1937 г., расстреляна 16 июня 1938 г., реабилитирована 23 марта 1957 г.

Филатов Николай Александрович (1903–?) – полковник (1939). В период Второй мировой войны – начальник шифровального (сентябрь 1938 – октябрь 1939) и дешифровального (октябрь 1939 – февраль 1942) отделов РУ РККА – РУ Генштаба Красной армии; начальник

РО штаба 4-й ударной армии (февраль – сентябрь 1942); затем начальник 2-го отдела 2-го управления ГРУ Красной армии.

Фомин Сергей Антонович (1909–?) – подполковник. В период Второй мировой войны – слушатель специального факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе; находился в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с июля 1940); старший помощник (с сентября 1940), заместитель (с октября 1940) начальника 1-го отделения отдела кадров РУ Генштаба Красной армии; затем служил в 5-м отделе РУ Генштаба Красной армии; начальник отделения войсковой разведки РО штаба 10-й армии (1941–1942); начальник РО штаба 5-й танковой армии (1942–1943); начальник РО штаба 6-й армии (с 1943).

Харламов Николай Михайлович (1905–1983) – адмирал (1949). В период Второй мировой войны – начальник штаба Черноморского флота (февраль 1938 – апрель 1941); начальник Управления боевой подготовки ВМФ СССР (с апреля 1941); заместитель главы советской военной миссии в Великобритании (июль 1941); и.о. главы советской военной миссии (с июля 1941) и советский военно-морской атташе (ноябрь 1941 – август 1943) в Великобритании; глава советской военной и военно-морской миссии в Великобритании (август 1943 – октябрь 1944); начальник Управления боевой подготовки ВМФ СССР (ноябрь 1944 – апрель 1945); начальник Оперативного управления и заместитель начальника Главного морского штаба ВМФ СССР (с апреля 1945).

Харнак Арвид (1901–1942) – немецкий юрист и экономист, агент советской разведки. В период Второй мировой войны – референт Министерства экономики Германии (1935–1942). Арестован гестапо осенью 1942 г., казнен 22 декабря 1942 г. в берлинской тюрьме Плетцензее.

Хлопов Василий Ефимович (1900–1975) – генерал-лейтенант танковых войск (1957). В период Второй мировой войны – начальник штаба 5-й танковой бригады (май – декабрь 1939); находился в распоряжении 5-го Управления Красной армии (с декабря 1939); помощник советского военного атташе в Германии (июнь 1940 – июнь 1941); начальник РО штаба Брянского фронта (с сентября 1941); заместитель начальника отдела внешних сношений РУ Генштаба Красной армии (1941–1942); начальник 2-го управления ГРУ Генштаба Красной армии (с февраля 1942); заместитель начальника ГРУ Красной армии (ноябрь 1942–1945).

Чуйков Василий Иванович (1900–1982) – Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В период Второй мировой войны – командующий 4-й армией (сентябрь – декабрь 1939 и с апреля 1940), 9-й армией (декабрь 1939 – апрель 1940); советский военный атташе в Китае (декабрь 1940 – март 1942); командующий 1-й резервной армией (с мая 1942), 64-й армией (с июля 1942), оперативной группой 64-й армии (с августа 1942), 62-й армией (с сентября 1942), 8-й гвардейской армией (апрель – октябрь 1943 и с ноября 1943); заместитель главнокомандующего ГСОВГ (с 1945).

Шаров Михаил Сергеевич (1907–?) – военинженер 1-го ранга. В период Второй мировой войны – сотрудник резидентуры советской военной разведки в Бухаресте под прикрытием корреспондента ТАСС (1940 – июнь 1941); затем корреспондент ТАСС в Турции.

Швецов Борис Филиппович (1910–1942) – майор (1939). В период Второй мировой войны находился в распоряжении 5-го Управления РККА (с июля 1939); помощник советского военного атташе (с июня 1940) и одновременно член советской военной миссии (с июля 1941) в Англии. Погиб 30 апреля 1942 г. в авиационной катастрофе.

Шелиа Рудольф фон (1897–1942) – немецкий дипломат. В период Второй мировой войны – сотрудник информационного отдела МИД Германии (1939–1942). Арестован гестапо 29 октября 1942 г., казнен в ночь на 24 декабря 1942 г. в берлинской тюрьме Плетцензее.

Шнее Арнольд (Робинсон Генри) (1897–1944) – советский разведчик, антифашист. В период Второй мировой войны – нелегальный резидент советской военной разведки (1937–1942), добывал ценную информацию по авиационной технике и электронному оборудованию западных стран. Арестован гестапо в декабре 1942 г., казнен в 1944 г.

Штебе Ильзе (1911–1942) – немецкая журналистка, агент советской военной разведки. В период Второй мировой войны – сотрудница информационного отдела МИД Германии (май – осень 1940), затем отдела рекламы завода «Лингнер» в Дрездене. Арестована гестапо 12 сентября 1942 г., казнена в ночь на 24 декабря 1942 г. в берлинской тюрьме Плетцензее.

Шульце Курт (1894–1942) – агент советской военной разведки. В период Второй мировой войны работал шофером грузовика в Берлине, был радистом в разведывательной группе И. Штебе. Арестован гестапо 16 сентября 1942 г., казнен 22 декабря 1942 г. в берлинской тюрьме Плетцензее.

Шульце-Бойзен Харро (1909–1942) – обер-лейтенант люфтваффе, агент советской разведки. В период Второй мировой войны – слушатель Берлинского университета (1940–1941); сотрудник отдела внешних сношений Главного штаба ВВС Германии (январь – декабрь 1941); сотрудник Министерства авиации Германии (1941–1942). Арестован гестапо 30 августа 1942 г., казнен 22 декабря 1942 г. в берлинской тюрьме Плетцензее.

Яковлев Александр Владимирович (1904–?) – полковник. В период Второй мировой войны – резидент советской военной разведки в Праге (1939–1941); 2-й секретарь посольства СССР в Болгарии (1942–1946).

Список сокращений

авиа – авиационный (-ая, – ое, – ые)
АВП – Архив внешней политики
авто – автомобильный (-ая, – ое, – ые)
ак – армейский корпус
ап – артиллерийский полк
арт. – артиллерийский (-ая, – ое, – ие)
БВО – Белорусский военный округ
БОВО – Белорусский особый военный округ
ВАТ – военный атташе
ВВС – Военно-воздушные силы
ВГК – Верховное главнокомандование
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМФ – Военно-морской флот
ВО – военный округ
военком – военный комиссар
врид – временно исполняющий должность
врио – временно исполняющий обязанности
ВЧ – высокочастотная связь
г. – город
г., гг. – год, годы
ген. – генерал
Генштаб, ГШ – Генеральный штаб
гестапо – тайная государственная полиция Германии
ГКО – Государственный Комитет Оборона
главком – главнокомандующий
г-н – господин
горисполком – городской исполнительный комитет
горком – городской комитет
ГПУ – Государственное политическое управление
ГРУ – Главное разведывательное управление
гсд – горнострелковая дивизия
ГСОВГ – Группа советских оккупационных войск в Германии
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
ГУК – Главное управление кадров
Д. – дело
д. – деревня
ДОТ – долговременная огневая точка
ЗакВО – Закавказский военный округ
зам. – заместитель
ЗапОВО, ЗОВО – Западный особый военный округ
и. д. – исполняющий должность
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
им. – имени
информотдел – информационный отдел
и. о. – исполняющий обязанности
КА – Красная армия

кав. – кавалерийский (ая, ое, ие)
кд – кавалерийская дивизия
к/кал – килокалории
КОВО – Киевский особый военный округ
комначсостав – командно-начальствующий состав
компартия – коммунистическая партия
кп – кавалерийский полк
КП – командный пункт
КПК – Коммунистическая партия Китая
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КРО – контрразведывательный отдел
КУВНАС – Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава
Л. – лист
ЛВО – Ленинградский военный округ
л/л – летающая лодка
л. с. – лошадиные силы
м. – местечко
МВО – Московский военный округ
мех. – механизированный (-ая, – ое, – ые)
МИД – Министерство иностранных дел
МНР – Монгольская Народная Республика
моб – мобилизационный (-ая, – ое, – ые)
мото – моторизованный (-ая, – ое, – ые)
МЧГ – Маньчжоу-Го
нарком, НК – народный комиссар
Наркомат – Народный комиссариат
начсостав – начальствующий состав
НГШ – начальник Генерального штаба
НИХИ – Научно-исследовательский химический институт
НКАП – Народный комиссариат авиационной промышленности
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВМ – Народный комиссариат по военным и морским делам
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКО – Народный комиссариат обороны
НО – начальник отдела
о. – остров
обком – областной комитет
обл. – область
ОВ – отравляющие вещества
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОдВО – Одесский военный округ
ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
ОКХ – Главное командование сухопутных войск Германии
Оп. – опись
Опубл. – опубликовано
ПВО – противовоздушная оборона
пд – пехотная дивизия
пех. – пехотный (-ая, – ое, – ые)
п. л. – печатный лист

погранполоса – пограничная полоса
полит – политический (-ая, – ое, – ие)
полпредство – полномочное представительство
пом. – помощник
пп – пехотный полк
ППШ – пистолет-пулемет Шпагина
ПриБВО – Прибалтийский военный округ
ПриБОВО – Прибалтийский особый военный округ
ПриВО – Приволжский военный округ
Примеч. – примечание
прод. – продовольственный (-ая, – ое, – ые)
ПТО – противотанковая оборона
ПУ – Политическое управление
р. – река
развед – разведывательный (-ая, – ое, – ые)
РВС – Революционный военный совет
РВСР – Революционный военный совет Республики
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГВА – Российский государственный военный архив
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РО – разведывательный отдел
РУ, Разведупр – Разведывательное управление
РФ – Российская Федерация
С. – страница
СА – штурмовые отряды
СБ – скоростной бомбардировщик
Св. – Святой
с. г. – сего года
СНК – Совет народных комиссаров
СОВ – стойкие отравляющие вещества
Совинформбюро – Советское информационное бюро
сост. – составители
спец. – специальный (-ая, – ое, – ые)
СС – охранные отряды
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – станция
США – Соединенные Штаты Америки
т., тов. – товарищ
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
тех. – технический (-ая, – ое, – ие)
УВО – Украинский военный округ
УГБ – Управление государственной безопасности
укрепрайон – укрепленный район
УСС – Управление стратегических служб
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф. – фонд
ХВО – Харьковский военный округ

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны
ЦК – Центральный комитет
ЦУ – центральные управления
ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения
экз. – экземпляр
ЮШПД – Южный штаб партизанского движения